

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ОСМЫСЛИВАЯ РОЛЬ ЕС В МИРЕ**

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОСМЫСЛИВАЯ РОЛЬ ЕС В МИРЕ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА:
ОСМЫСЛИВАЯ РОЛЬ ЕС В МИРЕ**

Иркутск
2018

УДК 327
ББК 66.4(0)'6
В 60

Авторы:

Л. О. Игумнова (введение, раздел I, III, заключение),
О. Г. Лекаренко (раздел II), Ю. Г. Агафонов, Е. Ф. Троицкий,
К. В. Юматов, О. С. Самутина (раздел III), **Е. Ю. Лицарева**,
К. Г. Муратшина, А. В. Михалев, А. В. Буденкова (раздел IV),
А. Е. Фоминых, Г. В. Торопчин (раздел V)

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Ю. Г. Чернышов,
д-р ист. наук, доцент В. П. Румянцев

Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / Л. О. Игумнова, О. Г. Лекаренко, Ю. Г. Агафонов и др.; отв. ред. Л. О. Игумнова. Коллективная монография. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 340 с.

В монографии рассматриваются проблемы внешней политики Европейского Союза в 1990–2010-е гг. Авторами анализируются теоретические подходы к изучению внешней политики ЕС, исследуются региональные и страновые направления международного сотрудничества Евросоюза: отношения с США, Россией, странами постсоветского пространства и Азиатско-Тихоокеанского региона (Китаем, Монголией, Австралией, странами АСЕМ). Освещаются проблемы публичной дипломатии ЕС и политика Евросоюза в области ядерного нераспространения.

Для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов и всех интересующихся европейскими исследованиями и внешней политикой Европейского Союза.

ISBN 978-5-6041443-0-5

9 785604 144305

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

Монография подготовлена при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet (564778-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR). Содержание публикации отражает только точку зрения авторов. Европейская Комиссия не несет ответственности за любое использование информации, содержащейся в этой публикации.

© Авторский коллектив, 2018

Federal State Budgetary Education Institution of Higher Education
“Irkutsk State University”

**FOREIGN POLICY AND
INTERNATIONAL AFFAIRS
OF THE EUROPEAN UNION:
COMPREHENDING THE ROLE
OF THE EU IN THE WORLD**

Irkutsk
2018

Authors:

L. O. Igumnova (Introduction, Part I, III, Conclusion),
O. G. Lekarenko (Part II), Iu. G. Agafonov, E. F. Troitsky,
K. V. Yumatov, O. S. Samutina, (Part III), E. Iu. Litsareva,
K. G. Muratshina, A. V. Mikhalev, A. V. Budenkova, (Part IV),
A. E. Fominykh, G. V. Toropchin (Part V)

Reviewers:

Prof., Doctor of History, Iu. G. Chernyshov
Assoc. Prof., Doctor of History V. P. Rummyantsev

Foreign Policy and International Affairs of the European Union: Comprehending the Role of the EU in the World / L. O. Igumnova, O. G. Lekarenko, Iu. G. Agafonov and others; ed. by L. O. Igumnova. – Irkutsk: Publishing House “Ottisk”, 2018. – 340 p.

The monograph deals with the important aspects of the European Union’s foreign policy of the 1990–2010s. It reviews major theoretical approaches to EU foreign policy; addresses EU relations with particular regions and countries – the United States, Russia, post-Soviet states and Asia-Pacific countries (China, Mongolia, Australia, ASEM members); as well as considers the issues of EU public diplomacy and nuclear non-proliferation policy.

For undergraduate and postgraduate students, scholars and all those interested in European studies, European politics, international affairs of the European Union.

Co-funded by the
Erasmus+ Programme
of the European Union

The book is published with financial support of the European Union (the Erasmus+ Jean Monnet program, 564778-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR). The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

© Group of authors, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Л. О. Игумнова)	9
Раздел I. Европейский Союз как актор международных отношений: вопросы истории и теории (Л. О. Игумнова)	19
Раздел II. Отношения ЕС – США: новый формат трансатлантических связей (О. Г. Лекаренко)	61
Раздел III. Европейский Союз, Россия и страны постсоветского пространства	106
Глава 1. Официальные коммуникации Европейской внешнеполитической службы с Россией: создание образа нормативной силы ЕС (Л. О. Игумнова).	106
Глава 2. Непредвиденные последствия европеизации: Европейская политика соседства и политические режимы стран Восточного партнерства (Ю. Г. Агафонов)	127
Глава 3. Европейский Союз и приднестровский конфликт (Е. Ф. Троицкий).	147
Глава 4. Взаимодействие Европейского Союза со странами Южного Кавказа в урегулировании региональных этнополитических конфликтов (К. В. Юматов, О. С. Самутина)	163
Раздел IV. Европейский Союз и страны Азиатско-Тихоокеанского региона	184
Глава 1. Взаимодействие Европейского Союза со странами АТР в рамках АСЕМ (Е. Ю. Лицарева)	184
Глава 2. ЕС и Китай: встречное движение консолидированных обществ или взаимный принцип «разделяй и властвуй»? (К. Г. Муратшина)	204
Глава 3. ЕС и Монголия: в поисках «третьего соседа» (А. В. Михалев)	222
Глава 4. Отношения Европейского Союза и Австралии (А. В. Буденкова)	234

Раздел V. Направления внешней политики ЕС	254
Глава 1. Публичная дипломатия ЕС (А. Е. Фоминых)	254
Глава 2. Политика ЕС в области ядерного нераспространения (Г. В. Торопчин)	281
Заключение (Л. О. Игумнова)	297
Основные источники и литература	299
Об авторах.	339

CONTENT

Introduction (L. O. Igumnova)	9
Part I. The European Union as an actor in international relations: history and theory (L. O. Igumnova)	19
Part II. EU-US relations: new format of transatlantic ties (O. G. Lekarenko)	61
Part III. The European Union, Russia and the post-Soviet states	106
Chapter 1. Official Communications of the European External Action Service with Russia: Crafting the Image of Normative Power Europe (L. O. Igumnova)	106
Chapter 2. Unintended Consequences of Europeanization: European Neighbourhood Policy and Political Regimes of Eastern Partnership Countries (Iu. G. Agafonov)	127
Chapter 3. The European Union and the Transnistrian conflict (E. F. Troitsky)	147
Chapter 4. Cooperation of the European Union with the South Caucasus countries in the settlement of regional ethnopolitical conflicts (K. V. Yumatov, O. S. Samutina)	163
Part IV. The European Union and Asia-Pacific countries	184
Chapter 1. Cooperation of the European Union with Asia-Pacific countries within the framework of the ASEM (E. Iu. Litsareva)	184
Chapter 2. The EU and China: consolidated societies approaching each other, or competitors realizing “divide et impera” principle? (K. G. Muratshina)	204
Chapter 3. The EU and Mongolia: in search of a “third neighbor” (A. V. Mikhalev)	222
Chapter 4. Relations between the EU and Australia (A. V. Budenkova)	234

Part V. EU foreign policy areas	254
Chapter 1. Public diplomacy of the EU (A. E. Fominykh) . . .	254
Chapter 2. Policy of the EU in the field of nuclear non- proliferation (G. V. Toropchin)	281
Conclusion (L. O. Igumnova)	297
The main sources and literature	299
About the authors	339

ВВЕДЕНИЕ

Важной задачей стран-членов ЕС, начиная с попыток создания Европейского Политического Сообщества в 1952 г., было дать ему голос на международной арене. Внешнеполитическое сотрудничество в рамках ЕС развивалось на протяжении многих лет, благодаря чему Европейский Союз как международный актор прошел впечатляющий путь. В 1950–60-е гг. Европейское Сообщество пыталось выработать общую позицию на международных торговых переговорах и поддерживало отношения преимущественно с бывшими европейскими колониями. Сегодня же Брюссель развивает экономические и политические отношения практически со всеми странами мира, и его внешняя политика охватывает все области, включая вопросы безопасности и обороны. Особенно заметна роль Европейского Союза в таких сферах, как мировая торговля, защита окружающей среды, помощь развитию, защита прав человека. Не достигнув во внешнеполитической области такого же высокого уровня интеграции, как в экономической, Евросоюз тем не менее обрел самостоятельность и политическую значимость в международных отношениях как единый игрок.

Особый характер Общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (ОВПБ) уже давно является предметом глубоких исследований и многочисленных академических споров. Ученые и аналитики теоретизируют о природе ЕС как международного актора, полемизируют о его способности защищать свои интересы и проецировать свою силу за рубежом. За последние несколько лет в России уже было опубликовано несколько серьезных монографий, частично или полностью посвященных проблемам внешней политики Европейского Союза¹. Настоящее исследование имеет целью пролить дополнительный свет на роль и место ЕС в мире, внести свой вклад в понимание

¹ Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Л. О. Бабынина [и др.]. М., 2015; Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / ред. О. Ю. Потемкина (отв. ред.), Н. Ю. Кавешников, Н. Б. Кондратьева. М., 2012; Стрежнева М. В., Руденкова Д. Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. М., 2016.

ОВПБ и международных связей Союза. Внимание авторов сосредоточено на нескольких региональных и страновых направлениях внешней политики Евросоюза: отношениях ЕС с США, Россией, государствами постсоветского пространства и Азиатско-Тихоокеанского региона. Освещаются проблемы публичной дипломатии ЕС и политика Брюсселя в области ядерного нераспространения. Рассмотрены теоретические подходы к изучению ОВПБ.

Авторы монографии – доктора и кандидаты исторических и политических наук, занимающиеся исследованиями международных отношений, представляют девять университетов России: Иркутский, Томский, Кемеровский, Бурятский государственный университеты (Улан-Удэ), Сибирский федеральный университет (Красноярск), Новосибирский государственный технический университет, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола), Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург), Уральский федеральный университет (Екатеринбург). Особенность авторского коллектива состоит в том, что в него вошли не только европейцы, но и эксперты-американисты, специалисты по странам постсоветского пространства и Азиатско-Тихоокеанского региона. Таким образом, монография дает возможность рассмотреть внешнюю политику ЕС с точки зрения специалистов различных областей.

Книга состоит из пяти разделов. В первом представлены основные исторические вехи становления ЕС как актора международных отношений и теоретические подходы к вопросам внешней политики и политики безопасности Евросоюза. Людмила Олеговна Игумнова представляет взгляд на ОВПБ с точки зрения четырех общих теорий международных отношений (реализма, либерализма, конструктивизма и институционализма) и четырех теорий европейской интеграции (федерализма, межправительственного подхода, либерального межправительственного подхода, неофункционализма). По мнению автора, данные теории могут привлекаться для исследования отдельных аспектов ОВПБ, но ни одна из них, взятая по отдельности, не позволяет провести комплексный анализ феномена общей внешней политики ЕС, дать полное и объективное объяснение ее сути и содержания. Конвергенция различных теоретических школ и разработка новых комбинированных подходов представляется автору наиболее подходящим способом изучения особенностей акторности Евросоюза.

Учитывая большую значимость и интенсивность трансатлантических отношений, отдельный раздел монографии мы посвятили сотрудничеству Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки. Взаимодействие Брюсселя и Вашингтона в политической, военной и экономической сферах после окончания холодной войны анализируется Оксаной Геннадьевной Лекаренко. С одной стороны, автор отмечает усиление институционализации трансатлантических отношений в области безопасности по линии ЕС – США и ЕС – НАТО. Схожее видение многих проблем, наличие общих вызовов и угроз, обновление двусторонних документов в 1990-е гг. и активизация интеграционных процессов в Европе в сфере безопасности обеспечили укрепление трансатлантических связей. С другой стороны, несовпадение интересов Брюсселя и Вашингтона, ограниченность военных ресурсов Евросоюза, его зависимость от американских гарантий безопасности, «пассивность» и внутренние разногласия в рамках ЕС называются Оксаной Геннадьевной среди причин, которые не способствовали налаживанию полноценного взаимодействия с США. Вследствие этого, как и в годы холодной войны, США формируют повестку дня и имеют доминирующие позиции, а действия ЕС служат лишь дополнением, считает О. Г. Лекаренко. В отличие от сферы безопасности и обороны, как показывает автор, торгово-экономические отношения Европейского Союза и Соединенных Штатов развиваются на основе равноправия, при этом партнеры не располагают выстроенными институтами долгосрочного экономического сотрудничества. Оксана Геннадьевна показывает движение двух крупнейших экономик мира в направлении подписания соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве. Автор не обошла вниманием и факторы, которые вносят элемент неопределенности в будущее трансатлантических отношений.

В третьем разделе монографии освещаются отношения Европейского Союза с Россией и странами постсоветского пространства. Л. О. Игумнова анализирует официальные заявления и пресс-релизы, публикуемые Европейской внешнеполитической службой (ЕВПС), а также речи Верховных представителей ЕС по внешней политике и безопасности, посвященные России и размещенные на сайте службы с момента ее создания в 2010 г. до конца 2017 г. Цель исследования – выявить элементы нормативной, мягкой

и трансформационной силы Европейского Союза в официальных заявлениях Брюсселя в адрес Москвы и определить, какой именно вид силы ЕС пытается реализовать в России. Для этого автором был проведен количественный анализ документов ЕВПС. Полученные результаты демонстрируют, что заявления внешнеполитической службы ЕС ограничиваются узким кругом проблем. Принципы верховенства права, прав и свобод человека доминируют в диалоге ЕВПС с Москвой. Критикуя главным образом нарушение правовых норм, дипломатическое ведомство ЕС позиционирует себя в качестве нормативного актора, продвигая нормативную повестку в стране. Элементы мягкой и трансформационной силы, как показывает автор, представлены слабо.

Юрий Геннадьевич Агафонов анализирует влияние Европейской политики соседства (ЕПС) на динамику политических режимов в трех странах Восточного партнерства – Грузии, Молдавии и Украине – в 2007–2013 гг. Опираясь на несколько теоретических подходов – теорию транзита, политическую экономию и концепцию европеизации, автор совмещает анализ внутривосточных факторов и внешнего влияния ЕС на экономические и политические реформы в рассматриваемых странах. Анализ кейсов, проведенный Ю. Г. Агафоновым, показал, что политика ЕС по-разному повлияла на политические режимы стран Восточного партнерства. В случае с гибридными политическими режимам с парламентскими системами и низким уровнем политического монополизма она привела к постепенной демократизации. В условиях же авторитарного или гибридного политического режима с президентской системой и высоким уровнем политического монополизма внешняя политика ЕС способствовала сохранению статус-кво. В зависимости от внутренних институциональных и структурных факторов влияние внешней политики ЕС на политические режимы Грузии, Молдавии и Украины, как показывает Юрий Геннадьевич, оказалось «позитивным», «негативным» или «стабилизирующим». Автор делает вывод о непредвиденных и парадоксальных последствиях ЕПС в некоторых странах постсоветского пространства: несмотря на привлечение Евросоюзом немалых ресурсов, политика поощрения демократизации при определенных условиях имела противоположные последствия, способствуя укреплению авторитаризма.

Евгений Флорентьевич Троицкий в главе, посвященной участию Европейского Союза в урегулировании приднестровского конфликта, излагает позицию руководства ЕС в отношении данного конфликта, анализирует цели и основные этапы политики Брюсселя в приднестровском вопросе, показывает степень вовлеченности и уровень влияния Евросоюза в процессе урегулирования на каждом из этих этапов. Автор считает, что Брюссель шел по пути постепенного отказа от попыток навязывания Приднестровью своих условий в пользу более прагматичной политики «малых шагов». При этом Евгений Флорентьевич отмечает очевидную заинтересованность Евросоюза в интеграции Приднестровья в Молдавию, «растворении» приднестровской квазигосударственности и поддержке проевропейского курса Кишинева. Е. Ф. Троицкий указывает на неравномерную динамику вовлечения Евросоюза в приднестровское урегулирование, но при этом констатирует превращение ЕС во второго (наряду с Россией) ключевого внешнего актора этого процесса. Без его деятельного участия, по мнению автора, урегулирование приднестровского вопроса невозможно. Евгений Флорентьевич не мог обойти вниманием и дипломатический конфликт ЕС и России по приднестровскому вопросу.

Европейский Союз показан активным участником кавказской политики в главе Константина Владимировича Юматова и Ольги Сергеевны Самутиной. Закавказье характеризуется как регион экономических и стратегических интересов ЕС. Среди главных направлений политики Брюсселя на Южном Кавказе названы: поддержка экономических и политических изменений в странах региона, развитие демократических институтов, создание энергетического и транспортного транзитного коридора, наконец, участие в урегулировании этнополитических конфликтов, препятствующих реализации региональных инициатив. Авторы отмечают, что вовлеченность Брюсселя в процесс мирного урегулирования конфликтов в регионе набирала обороты. Перестав ориентироваться на США, ЕС разработал самостоятельную стратегию действий, которая основывалась на поддержке принципов независимости, суверенитета и территориальной целостности государств. К. В. Юматов и О. С. Самутина обращают внимание на непосредственное участие ЕС в урегулировании грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов с 2008 г. Авторы рассматривают основные этапы и способы разрешения данных конфликтов Евро-

пейским Союзом, отмечая при этом ограниченность результатов дипломатического Женевского процесса. Константин Владимирович и Ольга Сергеевна объясняют причины незначительного участия ЕС в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Это связано, с их точки зрения, с тем, что обе стороны конфликта занимают важное место в стратегии ЕС. Авторы указывают на факторы, сдерживающие развитие проевропейских устремлений в Армении и Азербайджане, такие как критика Евросоюзом нарушений демократических норм и процедур в двух странах, а в случае с Арменией – энергозависимость и военная привязка к России.

Отношениям с географически далекими от Европы странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) посвящен четвертый раздел монографии. Раздел начинается с анализа взаимодействия Европейского Союза с государствами АТР в рамках АСЕМ. Елена Юрьевна Лицарева рассматривает цели и основные направления деятельности организации, ее эволюцию за последние 20 лет, вопросы экономического сотрудничества и обеспечения безопасности в регионе совместными усилиями ЕС и стран АТР. Елена Юрьевна считает, что Евросоюз демонстрирует достаточно высокую степень активности в рамках АСЕМ, направляет значительные ресурсы на совершенствование своей «Азиатской стратегии», что усиливает глобальный характер общеевропейской внешней политики и способствует причастности ЕС к масштабному интеграционному процессу в АТР. Одновременно Брюсселю удается уравновешивать влияние США и Японии в регионе. Автор указывает на выбор Евросоюза в пользу механизмов мягкой силы и приоритетное внимание Брюсселя к нейтрализации угроз мягкой безопасности в Азии при одновременном участии в разрешении региональных территориальных, межэтнических и прочих конфликтов. Е. Ю. Лицарева выявляет ряд важных различий в стратегиях и интеграционных подходах Евросоюза и стран АТР: будучи предрасположенными к неформальным соглашениям и мягким формам интеграции, азиатские страны не разделяли склонность ЕС к выстраиванию официальных институтов и существенному ограничению суверенитета, тем самым отвергая идею создания подобия Европейского Союза. Несмотря на то, что АСЕМ, по мнению автора, не стал самостоятельным актором современной системы международных отношений, организация является важным каналом взаимодействия Европы и Азии, играет роль эффектив-

ной переговорной площадки, благоприятствует масштабному экономическому сотрудничеству, способствует достижению согласия на Евразийском пространстве.

В качестве важного фактора в раскладе сил на мировой арене в монографии рассматриваются отношения Европейского Союза с Китайской Народной Республикой. В связи со склонностью Китая к действиям в обход европейских институтов, Ксения Геннадьевна Муратшина справедливо указывает на необходимость анализа различных уровней двустороннего взаимодействия: не только отношений Китая и Евросоюза как целого, но и отношений отдельных европейских государств с КНР, а также субрегионального диалога и многостороннего формата взаимодействия. Автор показывает, что Китай занимает важное место во внешнеполитической стратегии Брюсселя как торговый партнер, источник инвестиций и кредитов, рынок сбыта и партнер по крупным контрактам, как актор, обеспечивающий баланс в отношениях с другими центрами силы. Рассматривая финансовые возможности Китая в качестве главного стимула для развития более тесного сотрудничества ЕС с Пекином, Ксения Геннадьевна одновременно указывает на недостаток доверия и взаимной выгоды в двусторонних отношениях. Цивилизационные и ценностные различия, разнонаправленность стратегических интересов партнеров, конкуренция и борьба за влияние между ними, стремление вмешиваться во внутренние дела и ослабить позиции друг друга видятся основными причинами противоречий ЕС и КНР. Сотрудничество Брюсселя и Пекина К. Г. Муратшина оценивает как несбалансированное. По мнению автора, Китай в большей степени преуспел в реализации своих интересов, в то время как ЕС лишается позиций, упускает контроль над стратегическими отраслями промышленности, теряет способность действовать консолидированно. Стратегия Евросоюза в отношении КНР рассматривается Ксенией Геннадьевной критически, как нуждающаяся в кардинальном усовершенствовании.

Сотрудничеству Европейского Союза и Монголии посвящена глава Алексея Викторовича Михалева. Автор отмечает развитие стабильных и насыщенных отношений, как между Улан-Батором и ЕС в целом, так и его отдельными странами-членами. Алексей Викторович определяет место Евросоюза в рамках монгольской политики «третьего соседа», в соответствии с которой ЕС выступает влиятельным, нейтральным и довольно выгодным для

монгольской политической элиты партнером. А. В. Михалев выделяет критерии привлекательности ЕС как союзника, среди которых – способность быть гарантом монгольского суверенитета и независимости, оказывать влияние на Россию и Китай, привносить альтернативную традиционалистским ценностям идеологическую модель. Алексей Викторович уделяет внимание основным направлениям экономического сотрудничества. Содержание главы показывает, что потребность Монголии в таком внешнеполитическом партнере, как ЕС, благоприятствует участию Брюсселя в реформировании государственных и общественных институтов Монголии, ведет к адаптации Улан-Батором европейских норм и стандартов (хотя и не всегда успешной), превращает ЕС в один из эталонов, на который ориентируется Монголия. Вместе с тем автор признает демонстративный характер партнерства. В условиях зависимости Монголии от российской энергетики и китайских инвестиций, взаимодействие с ЕС позволяет Улан-Батору балансировать между различными центрами силы и отстаивать свой суверенитет перед лицом соседей.

Значимость Австралии как партнера ЕС в АТР анализируется Анной Валентиновной Буденковой. Как явствует из главы, эта значимость определяется несколькими факторами: историческими и культурными связями, разделяемыми ценностями, значительным политическим, экономическим и культурным влиянием Канберры в АТР, ее важной ролью в рамках региональных соглашений. Автор показывает постепенное расширение и укрепление двусторонних отношений Канберры и Брюсселя в различных сферах на фоне значительного совпадения интересов. Анна Валентиновна указывает на специфику отношений между крупной и средней экономиками и возникающие в связи с этим сложности, при этом обращая внимание на шаги, предпринимаемые двумя акторами для сглаживания имеющихся противоречий. Активизация сотрудничества в сфере безопасности, как показывает А. В. Буденкова, произошла в связи с появлением глобальной террористической угрозы. Несмотря на специфичность системы безопасности в АТР и отдаленность ЕС от региона, автор считает, что европейский институциональный опыт, его практика структурирования и трансформации международной среды с помощью мягких инструментов могут быть полезными для Австралии и региона в целом. Тенденция к сближению двух акторов прослеживается на примере

сотрудничества в сфере науки, образования, защиты окружающей среды, развития и гуманитарной помощи. Укрепляя сотрудничество с Австралией, ЕС, по мнению Анны Валентиновны, видит эту страну в роли «моста» в Азию и создает себе надежную платформу для влияния на ход событий в АТР.

Пятый раздел монографии посвящен двум сферам европейской внешней политики – публичной дипломатии и политике ЕС в области ядерного нераспространения. Анализируя публичную дипломатию Европейского Союза, Алексей Евгеньевич Фоминых описывает набор идей и ценностей, проецируемых Брюсселем во внешний мир, и определяет основные целевые группы, на которые направлено продвижение этих ценностей. Становление и развитие публичной дипломатии Евросоюза рассматривается автором в контексте развития европейской интеграции. Алексей Евгеньевич прослеживает эволюцию практических подходов ЕС к осуществлению публичной дипломатии, рассматривает изменения в путях продвижения европейской идентичности и способах коммуникации Брюсселя с иностранной аудиторией, учитывая роль региональных и глобальных вызовов для Евросоюза. Наряду с успехами в проецировании позитивного имиджа ЕС, особое внимание уделено трудностям, с которыми сталкивается европейская публичная дипломатия после Лиссабона, в частности, в отношениях с Российской Федерацией (в связи с возросшим информационным влиянием России) и на фоне подрывной деятельности исламистов. Автор указывает на секьюритизацию сферы публичной дипломатии в практике двусторонних отношений России и ЕС, а также переход Брюсселя от публичной дипломатии к «стратегическим коммуникациям» и контрпропаганде. В целом в сфере публичной дипломатии Европейский Союз, по мнению Алексея Евгеньевича, проявляет себя скорее, как сверхдержава, а не международная организация. Гибко комбинируя традиционные и новые технологии ведения глобального диалога, ЕС ориентируется не только на внешний мир, но и на аудиторию внутри государств-членов, пытаясь разьяснять интеграционные инициативы и предотвратить распространение евроскептицизма.

Особенности политики Европейского Союза в области нераспространения ядерного оружия и мирного использования атомной энергии на различных этапах формирования евроинтеграционных структур рассматриваются Глебом Вячеславовичем Тороп-

чиным. Автор анализирует специфику формирования, развития и имплементации политики ЕС в этой сфере с учетом регионального контекста, связанного с эволюцией режима нераспространения ядерного оружия на европейском пространстве. Излагая тенденции, характерные для ядерной политики Евросоюза, Глеб Вячеславович опирается на базовые документы ЕС в области безопасности и нераспространения. Автор также уделяет внимание вкладу Брюсселя в международные ядерные проекты. На примере политики Европейского Союза Г. В. Торопчин показывает органичное переплетение универсальных и региональных норм нераспространения ядерного оружия. Позиция ЕС по вопросам нераспространения представляется автору активной и единой, несмотря на меняющиеся внешние условия и некоторые внутренние разногласия в рамках Союза. Среди характерных черт этого направления политики Брюсселя отмечается наличие развитой системы организационных структур и высокий уровень институционализации. Делается вывод об успешности функционирования регионального режима нераспространения в Европе, несмотря на отдельные трудности. Глеб Вячеславович считает, что Евросоюз в данной области играет роль медиатора.

Авторский коллектив не ставил перед собой цель охватить все направления внешней политики ЕС или сделать окончательные выводы. В монографии подведены промежуточные итоги развития внешней политики Европейского Союза в 1990–2010-е гг., при этом сохранены точки зрения авторов. Надеемся, что книга будет полезна всем, кто интересуется современными международными отношениями и ролью ЕС в мире.

РАЗДЕЛ I. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК АКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ

Введение

С самого начала идея единой Европы, выраженная Жаном Монне, предполагала комплексный подход к европейской интеграции, как развивающейся по всем направлениям и имеющий своей конечной целью создание политического союза в Европе¹. В рамках подобной широкой концептуализации европейского проекта становление общей внешней политики должно было стать его важнейшим элементом, следующим за экономическим этапом интеграции. Европейское Сообщество/Союз постепенно развивали и консолидировали это направление, в результате чего появилась Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ), отражающая коллективные интересы и ценности и включающая элементы военного сотрудничества.

История Европейского Союза как актора международных отношений сравнительно недолгая: 25-летний опыт проведения ОВПБ и почти полувековая практика сотрудничества стран-членов в области координации национальных внешнеполитических стратегий. Все это время велись оживленные академические и политические дискуссии о роли единой Европы в мире. Сложилось разнообразие взгляды на сущность международной акторности Евросоюза и степень влияния, которой он обладает в мире. Для одних ЕС – это незавершенный или потенциальный актор, неспособный проводить эффективную внешнюю политику; другие рассматривают его как самостоятельный и значимый субъект международных отношений.

¹ Monnet J. *Memoirs*. London, 1978. P. 431.

Концептуализация Европейского Союза как международного игрока – непростая задача в силу уникальной природы объекта исследования. Он не похож ни на одну другую региональную группировку в мире. Стало общепринятым определение ЕС в качестве единственного в своем роде образования *suī generis*, гибридной политики, занимающей промежуточное положение между государством и международной организацией и совмещающей элементы наднациональности и межгосударственности. Опасения ряда экспертов относительно возможности превращения Евросоюза в традиционную супердержаву, которая по мере дальнейшего развития интеграции воссоздаст государственность, суверенитет и вернется к силовой политике, представляются малообоснованными. Внутренняя неоднородность ЕС, усиливавшаяся в результате его расширений, делает маловероятным развитие интеграции по государственному образцу.

Реализация таким коллективным актором, как Европейский Союз, общей внешней политики не имеет аналогов в мире. ОВПБ не обладает государствовподобными характеристиками, ее форма и содержание существенно отличаются от политики отдельных стран. Оценки международного влияния ЕС, использующие в качестве основного критерия способность Союза имитировать политику национального государства, изначально неверны и приводят к умалению его внешнеполитической роли. Более обоснованным представляется связывать с Европейским Союзом особую форму дипломатии и говорить об особой роли Брюсселя в международных отношениях. Как следствие, анализ внешней политики ЕС – это сложная сфера исследований, которая не может развиваться в рамках традиционных аналитических инструментов внешнеполитического анализа.

В настоящем разделе рассматриваются основные исторические вехи становления ЕС как актора международных отношений и теоретические подходы к вопросам внешней политики и политики безопасности Евросоюза.

История развития общей внешней политики ЕС

Европейское Сообщество осуществляло поэтапные шаги, направленные на то, чтобы говорить в один голос на международной арене. Несмотря на его экономическую мощь, процесс становления Сообщества в качестве политического игрока шел достаточно медленно. В первой половине 1950-х гг. потерпели неудачу планы военно-политической интеграции в Европе на наднациональной основе, предусматривавшие создание европейских вооруженных сил в рамках Европейского Оборонительного Сообщества (ЕОС). В результате решение вопросов внешней политики и обороны осталось в ведении национальных правительств. Шаг за шагом свой вклад в формирование общей внешней политики вносили интеграционные договоры.

Римский договор 1957 г., учредивший Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), не содержал прямого упоминания о внешней политике, однако некоторые его положения давали понять, что интеграция не будет ограничиваться исключительно внутренними вопросами. Так, внешнеполитическое измерение имела общая торговая политика: являясь проектом экономической интеграции, ЕЭС развивало международные торгово-экономические отношения. Сообщество могло заключать международные договоры и соглашения об ассоциации с третьими странами.

Важным шагом на пути формирования общей внешней политики было определение Сообществом его внешнеполитических целей. Одна из целей ЕЭС, закрепленная в Римском договоре, состоит в укреплении солидарности и сотрудничества с бывшими колониями. Договор провозглашает ассоциацию с заморскими странами и территориями, которая должна была благоприятствовать социально-экономическому развитию бывших колоний и содействовать поддержанию «особых отношений» с ними. Европейское колониальное прошлое стало одним из наиболее значимых исторических факторов, повлиявших на эволюцию внешней политики ЕС. Данные положения договора заложили основы европейской политики развития, хотя и подвергались критике за закрепление колониальной зависимости. В договоре также артикулировались такие общие интересы стран-участниц, как укрепление мира и свободы. Содержался призыв к другим европейским народам участвовать в европейской интеграции.

В 1970 г. в Сообществе вводится термин Европейское политическое сотрудничество (ЕПС), под которым понималась координация внешней политики стран-членов. Документы ЕПС – Люксембургский (1970 г.), Копенгагенский (1973 г.) и Лондонский (1981 г.) доклады – создали и развили неофициальный межправительственный консультативный механизм для ведения переговоров между министрами иностранных дел государств-членов, разработали модальности сотрудничества и способы координации возможных коллективных действий на международной арене. Механизм ЕПС был задействован в 1970-е гг. при урегулировании конфликта на Ближнем Востоке и создании СБСЕ. Слабые стороны ЕПС проявились в ходе советского вторжения в Афганистан в 1979 г. Европейцы не смогли отреагировать на этот кризис оперативно и согласованно, однако случившееся подтолкнуло их к принятию мер по усилению ЕПС и совершенствованию политического сотрудничества в случае кризисов.

Попытка обозначить интересы и цели Европейского Сообщества в самом общем виде была предпринята в Декларации европейской идентичности 1973 г. В документе министры иностранных дел стран-членов выразили намерение содействовать независимости, равенству и благосостоянию государств, гарантировать их безопасность, стремиться к обеспечению более справедливой основы международных отношений в целом¹. Стороны договорились о необходимости определения общих позиций для реализации сформулированных целей.

Внешнеполитическое сотрудничество было расширено Единым Европейским Актом (ЕЕА) 1986 г. Авторы ЕЕА включили систему ЕПС в договорное право Сообщества. В статье 30 стороны взяли на себя обязательство информировать и консультировать друг друга по вопросам внешней политики, представляющим общий интерес, координировать и сближать свои позиции, добиваться эффективного обеспечения совместного влияния. Из Единого Европейского Акта следует, что Сообщество будет стремиться формулировать и осуществлять внешнюю политику сообща, но это положение не фиксировалось как обязательство. По договору, в рамках ЕПС министры иностранных дел стран-членов не могли принимать юридически обязывающие документы. Стороны выра-

¹ Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973) [Electronic resource]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (date of access: 10.11.2017).

зили намерение координировать свои позиции по политическим и экономическим аспектам безопасности, подчеркнув, что такое сотрудничество будет способствовать формированию европейской идентичности в области внешней политики.

Новое качество европейской интеграции придал Маастрихтский договор 1992 г., учредивший Европейский Союз. Договор формирует три опоры Союза: Экономический и валютный союз (ЭВС), Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), Общую политику в области внутренних дел и юстиции. Тем самым механизм ЕПС заменяется на ОВПБ. Договор указывает на решимость ЕС «утвердить свою идентичность на международной арене, в частности путем осуществления общей внешней политики и политики безопасности»¹. Во второй опоре, межправительственной по характеру, страны-члены сохраняли контроль над выработкой внешней политики. Несмотря на подобную «опорную» структуру Евросоюза, на практике происходило ее размывание и взаимодействие опор. В результате внешняя политика, так или иначе, развивалась во всех опорах.

Вопросы обороны и военной политики, находящиеся под эгидой Северо-Атлантического Альянса, не стали предметом объединенных действий в рамках ОВПБ. Тем не менее военно-политическое сотрудничество в Западной Европе активизируется в 1990-е гг. Основными инициаторами его развития изначально выступили Германия и Франция, а позже Великобритания. Фундаментом военной интеграции послужил Западноевропейский Союз (ЗЕС). В Маастрихтском договоре ЗЕС был определен в качестве оборонной составляющей ЕС и с этого времени начал реализовывать решения Евросоюза в сфере обороны. В 1990-е гг. ЗЕС усиливает военный потенциал, активизирует свою деятельность и превращается в военно-оперативную структуру, которую мог использовать Европейский Союз.

После окончания холодной войны начался период подъема и впечатляющих достижений Европейского Союза. Масштабное расширение и дальнейшее углубление европейской интеграции превратило ЕС в самую успешную международную организацию, располагающую новаторскими институциональными практиками, и полюс, вокруг которого создавался новый мировой порядок

¹ Treaty on European Union (Maastricht, 7 February 1992) [Electronic resource]. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/4/9/2c2f2b85-14bb-4488-9ded-13f3cd04de05/publishable_en.pdf (date of access: 15.12.2017).

в Европе¹. Важным приоритетом для многих стран-членов ЕС в этот период стало формирование единой общеевропейской внешней политики. Евросоюз смог заявить о себе как об активном участнике международных отношений и показать своим примером рост значимости коллективных акторов в международной системе. Он превратился в одну из ведущих сил и важного мирового игрока, обладающего глобальным влиянием и особыми инструментами воздействия на окружающую среду.

Одновременно все большего внимания требовали вопросы безопасности и обороны. В свете появления новых вызовов и угроз (распад СССР, дезинтеграция Югославии, война в Персидском заливе) и стремления США сократить свое присутствие на континенте, европейцы все отчетливее осознавали, что им придется принять на себя большую ответственность за безопасность и стабильность в Европе. Неспособность ЕС остановить насилие на Балканах и урегулировать конфликт в бывшей Югославии собственными силами побудили Брюссель предпринять более решительные меры для усиления своего политического влияния и развития европейских военных возможностей.

Амстердамский договор 1997 г. предоставил дополнительные правовые возможности для углубления интеграции в области внешней политики и безопасности. Механизм ОВПБ был значительно усилен. Одно из важных организационных решений, закрепленное в договоре, состояло в учреждении поста Верховного представителя ЕС по внешней политике и безопасности при Европейском Совете. Верховный представитель должен был обеспечивать успешное функционирование и координацию механизма ОВПБ, участвовать в формулировании, планировании и разработке внешнеполитических решений, вести переговоры с третьими сторонами от имени Европейского Совета.

Амстердамский договор создал правовую основу и для формирования общей Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). Этому должна была способствовать интеграция Западноевропейского Союза и ЕС. Договор включил задачи безопасности и обороны, относившиеся ранее к ЗЕС (так называемые «петербургские миссии»), в сферу компетенции Европейского Союза. Петербургские миссии охватывают миротворчество, гу-

¹ Haukkala H. Lost in Transition? Why the EU Has Failed to Influence Russia's Development // The European Union, Russia and the Shared Neighbourhood. New York, 2013. P. 74.

манитарные и спасательные задачи, постконфликтное урегулирование. На Хельсинкском саммите Евросоюза 1999 г. принимаются решения о слиянии ЕС и ЗЕС и создании сил быстрого реагирования в Европе численностью 50–60 тыс. военнослужащих.

Значительным достижением в сфере ОВПБ/ЕПБО и очередной вехой в процессе становления Европейского Союза как единого и глобального актора было принятие первой Европейской стратегии безопасности 2003 г. «Безопасная Европа в мире, который должен стать лучше». Автором документа стал Верховный представитель ЕС Хавьер Солана. Европейский Совет утвердил стратегию в ответ на внутриевропейские разногласия по иракскому кризису 2003 г. и давление со стороны США. Стратегия впервые определила основные общие угрозы безопасности ЕС (терроризм, распространение ОМП, региональные конфликты, недееспособные государства, организованная преступность) и способы борьбы с ними. Среди стратегических целей Евросоюза названы укрепление безопасности в районе соседства и создание международного порядка, основанного на «эффективном мультилатерализме» и международном праве при усилении роли ООН. Документ призывал к многостороннему сотрудничеству, усовершенствованию возможностей в сфере безопасности и побуждал к экспорту европейского опыта.

Большим шагом вперед в деле развития и консолидации ОВПБ стал Лиссабонский договор о реформе 2007 г., наделивший Европейский Союз международной правосубъектностью. Несмотря на то, что сфера внешней политики оставалась межгосударственной, договор способствовал ее дальнейшей институционализации, вел к объединению внешнеполитических структур Союза и их координации. Для реализации ОВПБ было учреждено уникальное ведомство – Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС) под руководством Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности. Внешнеполитическая служба была образована слиянием департаментов внешних сношений Евросовета и Еврокомиссии, а Верховный представитель стал одновременно заместителем председателя Еврокомиссии и постоянным Председателем Совета министров иностранных дел. Изменение статуса Верховного представителя и учреждение ЕВПС усилили институциональную конвергенцию в рамках ОВПБ. Подобная конвергенция призвана обеспечить цельность и комплексное развитие

внешнеполитической деятельности Евросоюза. Еще одно нововведение Лиссабонского договора – замена ЕПБО Общей политикой безопасности и обороны (ОПБО). В целом Лиссабонский договор позволил осуществить качественный скачок в сторону коммуитаризации и развития наднациональной дипломатии.

В Лиссабонском договоре наиболее полно отражены цели внешней политики ЕС (Ст. 10 А (2)). Примечательно, что помимо защиты основополагающих интересов Союза, его ценностей, независимости, целостности и безопасности, большинство целей ЕС представляют собой так называемые «цели среды» (“milieu goals”)¹, направленные на формирование и трансформацию окружающего мира, создание и поддержание благоприятного мирового порядка. (В противоположность «целям обладания» (“possession goals”), которые ассоциируются с эгоистичными национальными интересами²). Среди таковых в договоре названы: консолидация и поддержка демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права; искоренение бедности и улучшение социально-экономических условий в менее развитых странах; сохранение качества окружающей среды и поддержка устойчивого развития; либерализация международной торговли и поощрение интеграции всех стран в мировую экономику; развитие международной системы, основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и эффективном глобальном управлении; сохранение международного мира и безопасности и т. д.

В 2016 г. принимается новая Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности, разработанная под руководством главы европейской дипломатии Федерики Могерини. По своему содержанию стратегия является довольно широким документом. Евросоюз провозглашается в документе ответственным глобальным игроком, чья политика направлена на «миростроительство»³. Брюссель заявляет о намерении защищать свои ценности, содействовать политическим реформам и становлению открытых обществ, способствовать устранению первопричин конфликтов и бедности. Внешнеполитическая стратегия гла-

¹ Smith K. European Union Foreign Policy in a Changing World. Cambridge, 2008. P. 8–9.

² Wolfers A. Discord and Collaboration. Essays on International Politics. Baltimore, 1962.

³ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. Предисловие Федерики Могерини. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (дата обращения: 12.10.2017).

сит, что ЕС сосредоточит усилия в первую очередь на соседних регионах, расположенных к востоку и югу от Союза. Поддержание устойчивости государств и обществ на пространстве соседства заявлено в качестве стратегического приоритета Брюсселя. Позитивным переменам в регионах, на которые направлена внешняя политика ЕС, должна способствовать «проверенная временем привлекательность» Союза¹. Брюссель продолжает опираться на мягкую силу, которая зависит от единства Союза, его достижений, приверженности ценностям, эффективности и последовательности его политики. Евросоюз, как и прежде, выступает за мировой порядок, основанный на международном праве, институтах и многосторонности, в центре которого находится ООН.

Документ имеет и серьезные отличия от стратегии 2003 г. и пересматривает некоторые принципы ОВПБ. Наряду с идеалистическими устремлениями изменить мир к лучшему, внешнеполитические действия Брюсселя основываются на реалистичной оценке обстановки и прагматизме. Стратегия признает наличие кризиса в Евросоюзе и за его пределами. Авторы документа осознают пределы воспроизводства европейской модели и склоняются к идее взаимного обогащения региональных форм развития. «Мы не будем стремиться экспортировать собственную модель; мы, скорее, ожидаем, что опыт различных регионов вдохновит нас», – говорится в тексте документа². Внешнеполитическая стратегия демонстрирует стремление Европейского Союза к стратегической автономии. При сохранении суверенитета стран-членов в области обороны, ЕС намеревается поощрять сотрудничество в этой сфере, усиливать свой оборонный потенциал и добиваться обретения полного спектра возможностей для обеспечения обороны, в том числе развивать способность к быстрому реагированию. НАТО при этом остается главной структурой коллективной обороны. Евросоюз планирует углублять трансатлантические связи и партнерство с Альянсом. Авторы документа считают, что усиление военных возможностей ЕС, с одной стороны, укрепит Североатлантический Альянс, с другой, позволит Брюсселю проводить самостоятельные операции.

Итак, процесс становления согласованной европейской внешней политики и политики безопасности прошел несколько этапов и имел

¹ Общее видение, единый подход: сильная Европа. С. 17.

² Там же. С. 23–24.

скачкообразный характер. Первые неудачи в попытке установить внешнеполитическое и военное сотрудничество на наднациональной основе в начале 1950-х гг. привели со временем к развитию модели межправительственного взаимодействия, которая постепенно идет в сторону коммунитаризации. В результате по многим вопросам Европа действует как единый политический актор. Вместе с тем наличие ОВПБ не всегда ведет к выработке общей политики. В некоторых случаях имеются серьезные разногласия между правительствами стран-членов (по вопросу о войне в Ираке 2003 г. и использовании силы в целом, проблеме признания независимости Косово и др.).

Теоретические подходы к исследованию внешней политики и международной роли Европейского Союза

Ученые, изучающие характер внешней политики и политики безопасности ЕС и его особенности как актора международных отношений, представляют различные теоретические школы. Они опираются как на общую теорию международных отношений, так и на теории европейской интеграции. Если в прошлом веке исследование вопросов европейской интеграции оставалось в стороне от основных направлений научных изысканий в общей теории МО, то в настоящее время имеет место их активное взаимодействие, особенно в области анализа внешней политики и безопасности¹. Помимо традиционной дискуссии между реализмом и либерализмом, свой вклад в изучение ОВПБ вносит конструктивизм и институционализм. Некоторые теории европейской интеграции могут быть использованы для объяснения отдельных аспектов ОВПБ (федерализм, межправительственный подход, либеральный межправительственный подход, неофункционализм). В настоящем разделе мы рассмотрим взгляд на ОВПБ и ОПБО с точки зрения четырех общих теорий МО и четырех теорий европейской интеграции. Необходимо учитывать, что ни одна из теоретических школ не является монолитным и гомогенным способом мышления и анализа. Каждая из них включает множество разнообразных подходов и интеллектуальных традиций, разделяющих тем не менее общие базовые положения.

¹ Krotz U., Maher R. International Relations Theory and the Rise of European Foreign and Security Policy // World Politics. 2011. Vol. 63:3. P. 556–557.

Реализм

Настаивая на том, что государства остаются главными игроками в глобальной международной системе, реалисты воспринимают интеграционные объединения лишь как явления второго порядка. Они полагают, что политику Брюсселя определяют самые крупные и влиятельные государства ЕС – Соединенное Королевство, Франция и Германия, которые продолжают оберегать свои суверенные права ради возможности обеспечить национальные интересы. Общеевропейские институты, с точки зрения реалистов, лишь используются его участниками для усиления собственного потенциала или выступают в качестве инструмента реализации коллективных интересов великих держав, не обладая независимостью и автономией. Делая акцент на роли великих держав и недооценивая наднациональный элемент в рамках Евросоюза, реалисты видят в нем аморфный, фрагментарный, противоречивый субъект, лишенный политической воли и способности эффективно действовать на международной арене в качестве единого актора.

Идея интеграции в сфере внешней политики, безопасности и обороны противоречит аргументам реалистов, так как данные области политики лежат в основе национального суверенитета. В соответствии с этой логикой, ОВПБ и ОПБО обречены оставаться межправительственными механизмами и заниматься решением ограниченного круга второстепенных вопросов¹. Появление внешнеполитического и оборонного измерения в рамках ЕС не является для реалистов свидетельством становления Евросоюза в качестве принципиально нового актора или показателем обретения им новой формы силы. Безопасность ЕС, считают они, зависит от военной мощи его крупнейших членов, которые полагаются на собственные ресурсы и ресурсы союзников в рамках НАТО.

Таким образом, многие авторы, следующие принципам реалистской парадигмы, убеждены: Европейский Союз как международная организация не может считаться значимой силой в международных отношениях. Он имел бы шанс стать таковой лишь в случае превращения в подобие национального государства². Слабость Брюсселя, по их мнению, обусловлена недостатком единства, военной мощи, одержимостью правовыми и институциональ-

¹ Hyde-Price A. "Normative" Power Europe: a Realist Critique // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13:2. P. 231.

² Walz K. Structural Realism After the Cold War // International Security. 2000. Vol. 25:1. P. 5–41.

ными рамками. Реалисты пессимистичны в отношении будущего ЕС и говорят о его упадке в современном мире.

Учитывая глубину сотрудничества, которой достигли страны-члены Европейского Союза, идея изучения ЕС в русле реалистской парадигмы кажется многим исследователям не самой подходящей. Евросоюз может рассматриваться как прямая противоположность реализму и опровержение ему¹. Данная теория все же применяется для изучения некоторых аспектов ОВПБ, в частности, внешних причин развития европейской интеграции, связанных с трансформацией международной системы. Данная проблема стала предметом анализа неореалистов, для которых главным фактором, обусловившим становление Европейского Сообщества и последующее формирование механизма ЕПС, является биполярность. Необходимость консолидации в Европе в годы холодной войны и американские гарантии безопасности, с их точки зрения, ослабили конкуренцию между европейскими странами и благоприятствовали развитию сотрудничества на континенте². Согласно этой логике, распад СССР и исчезновение главной угрозы безопасности для европейских государств должны были привести к новому витку соперничества, запустить процессы дезинтеграции и вернуть Европу к системе баланса сил. Появление ОВПБ и ЕПБО в 1990-е гг. поставили сторонников неореализма перед необходимостью дать новые трактовки процессам интенсификации и институционализации европейского сотрудничества в области внешней политики и безопасности. Этот этап евроинтеграции рассматривается ими как ответ на новое системное давление – вызовы однополярности, чреватые разрушением стратегического равновесия на континенте. В условиях однополярности, полагают реалисты, Европа должна максимизировать свою силу, расширять свое влияние, стремиться к региональному доминированию и сохранению баланса сил в мире, выступая «жестким» или «мягким» противовесом Соединенным Штатам³.

Политолог Адриан Хайд-Прайс, применяющий реалистские теории для изучения внешней политики и политики безопасности

¹ Zimmermann H. Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45:4. P. 815.

² Hyde-Price A. "Normative" Power Europe: a Realist Critique. P. 224.

³ Art R. J. Europe Hedges Its Security Bets // *Balance of Power Revisited: Theory and Practice in the 21st Century*. Stanford, 2004. P. 179–213; Art R. J. Correspondence: Striking the Balance // *International Security*. 2005–2006. Vol. 30:3. P. 177–196.

ЕС, считает, что у стран-членов имеется несколько способов ответа на давление международной системы в рамках ОВПБ/ОПБО:

– использование ЕС для достижения баланса с доминирующей державой (США), разыгрывая китайскую или русскую карту (balancing),

– перекалывание на США ответственности за обеспечение безопасности, чтобы позволить странам-членам ЕС заниматься вопросами торговли и экономики (buck-passing),

– объединение с самым сильным актором для того, чтобы обрести влияние и получить желаемые вознаграждения (bandwagoning)¹.

Некоторые представители школы реализма признают наличие между Брюсселем и Вашингтоном общих ценностей и даже интересов и объясняют сотрудничество стран ЕС в сфере ОВПБ/ОПБО не угрозой со стороны США, а сокращением американского военного присутствия, опасностью гегемонии единой Германии, появлением новых вызовов для региональной безопасности в 1990-е гг., необходимостью обеспечить независимые военные возможности для самостоятельного урегулирования конфликтов. Для многих сторонников реализма важным мотивом увеличения масштабов сотрудничества европейских государств стало желание усилить влияние Европы в мировой политике и ослабить зависимость ЕС от США². При этом они осознают, что степень общности с Вашингтоном будет уменьшаться под влиянием этих процессов, а трансатлантические разногласия начнут нарастать³.

Со временем авторы-неореалисты начинают придавать большее значение институционализированному многостороннему сотрудничеству в рамках ЕС. Евросоюз может восприниматься ими как важный элемент европейской архитектуры безопасности и, что особенно важно, как актор международных отношений. ЕС, по их мнению, может и не быть в полной мере унитарным игроком, но действовать как таковой в некоторых сферах своей политики. Эта способность зависит от степени автономии институтов ЕС и наличия единой позиции стран-членов. Структурный реализм

¹ Hyde-Price A. “Normative” Power Europe: a Realist Critique. P. 223–224.

² Jones S. G. *The Rise of European Security Cooperation*. Cambridge, 2007; Posen B. R. *European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity?* // *Security Studies*. 2006. Vol. 15:2. P. 149–186; Hyde-Price A. “Normative” Power Europe: a Realist Critique. etc.

³ Krotz U., Maher R. *Op. cit.* P. 561; Hyde-Price A. “Normative” Power Europe: a Realist Critique. P. 231. etc.

предполагает, что, независимо от первоначальных качеств и характеристик ЕС, давление международной системы со временем приведет к обретению им атрибутов и возможностей государства, в частности, способности проводить единую политику, применять принуждение и военную силу. Подобная точка зрения позволяет неореалистам вписать ЕС в концепцию структуры международных отношений¹. Некоторые исследователи считают, что реалистские теории не нужно игнорировать и при анализе позиции ЕС на международных торговых переговорах, в ходе которых ЕС, как правило, выступает единым актором и руководствуется меркантилистскими и геостратегическими интересами².

С позиций реализма, основной проблемой ЕС и его стран-членов является выживание в анархичной и конкурентной международной среде. Опираясь на идею рациональности акторов международных отношений, реалисты убеждены в том, что внешнеполитический курс ЕС определяется его насущными экономическими, политическими и стратегическими интересами, и именно они заставляют его формировать окружающую среду в определенном направлении. Следовательно, внешняя политика для реалистов не является средством реализации морально-этических установок. С их точки зрения, продвижение принципов демократии, прав человека и устойчивого развития уменьшает вероятность внешних потрясений для ЕС и является важной частью стратегии безопасности, направленной на стабилизацию в регионах, граничащих с Союзом. Сотрудничая с соседями, ЕС стремится защитить свои границы, решить проблему миграции и терроризма, усилить энергетическую безопасность, обеспечить себе поддержку и т. д. Локальные войны и экономические катаклизмы в третьих странах дорого обходятся Европе, приводя к массовым потокам мигрантов, перебоям в энергетических поставках, распространению инфекционных заболеваний. Выступая в качестве «силы во благо» и создавая «кольцо друзей» – демократических и стабильных государств с эффективным управлением, разделяющих европейские ценности, – Евросоюз, считают реалисты, в первую очередь отстаивает европейские интересы безопасности. Универсалистская и космополитичная риторика ЕС может интерпретироваться ими

¹ Годенов И. С. Теоретические подходы в исследовании общей политики безопасности и обороны Европейского Союза // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 73.

² Zimmermann H. Op. cit.

как «просто слова», лицемерие, способ скрыть утилитарные интересы Евросоюза¹.

Реалисты могут все же признавать тот факт, что ЕС выступает с некоторыми этическими инициативами (например, отмена смертной казни) и отстаивает определенные либеральные идеи (эффективный многосторонний подход, права человека, принципы демократии). Однако идеалистические цели и нормативные требования ЕС, отражающие его ценности, являются для них проблемами второго порядка, представляющими незначительную долю внешнеполитических приоритетов Брюсселя². Они убеждены, что в критических ситуациях, встав перед выбором между интересами и ценностями, ЕС отказывается от нормативной риторики о правах человека и жертвует этическими принципами ради собственных нужд. В качестве примеров того, что интересы берут верх над ценностями, реалисты приводят отношения ЕС со стратегически-значимыми странами³. По мнению авторов-реалистов, материальные и стратегические интересы зачастую не позволяли Брюсселю занять слишком жесткую позицию по отношению к Пекину или Москве. Этическая политика, направленная на достижение вечного мира, международной гармонии, защиту либеральных ценностей и универсальных норм, считают реалисты, серьезно ограничена анархичной структурой международной системы, в которой другие акторы руководствуются логикой максимизации своей мощи и отстаивания собственных прагматичных интересов⁴. Продвижение этической повестки, с их точки зрения, негативно сказывается на перспективах ЕС, снижает эффективность европейской внешней политики и ведет к ослаблению Евросоюза как международного игрока, так как не влияет на баланс сил в мире и не способствует достижению целей выживания⁵. Реалистский подход требует избегать морализма и универсализма в сфере ОВПБ и признавать структурные ограничения международной среды.

Реализм пытается раскрыть лишь некоторые аспекты действительности и не может претендовать на то, чтобы дать всестороннюю и полную картину внешнеполитической деятельности

¹ Hyde-Price A. A 'Tragic Actor'? A Realist Perspective on 'Ethical Power Europe' // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:1. P. 33.

² *Ibid.* P. 44.

³ Hyde-Price A. "Normative" Power Europe: a Realist Critique; Zimmermann H. *Op. cit.*

⁴ Hyde-Price A. A 'Tragic Actor'? P. 37, 44.

⁵ *Ibid.* 33–36, 43–44.

ЕС. В силу государствоцентричности, акцента на жесткой силе и проблемах обеспечения безопасности, реализм не способен пролить свет на многие особенности Европейского Союза как международного актора. Случаи, когда страны-члены Евросоюза, в том числе крупные, ограничивали свой суверенитет ради проведения общей внешней политики (например, на Балканах или в отношении России), а также расширение внешнеполитической деятельности Союза в целом зачастую ставили реалистов в тупик. Реалисты с легкостью формулируют причины слабости ЕС и неудач в решении тех или иных международных проблем, но испытывают затруднения в разьяснении его успехов и факторов роста международной роли Брюсселя¹. Данная школа международных отношений не учитывает многих тенденций в развитии и реализации ОВПБ, например, значение нематериальных факторов (таких, как европейские ценности), роль политической элиты или влияние политической системы на внешнеполитический курс ЕС. Структурный анализ связан лишь с давлением структуры на международных акторов, но не исследует то, как акторы реагируют на это давление, следовательно, он не занимается изучением стратегии ЕС. Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к анализу других теоретических направлений.

Либерализм

Альтернативное теоретическое понимание общей внешней политики ЕС предлагает либеральная школа. Возрождение ее роли в теории международных отношений происходит в начале 1990-х гг., когда мир избавляется от открытого соперничества. Прогнозы реалистов о неизбежном конфликте в Европе и расколе Европейского Сообщества после окончания холодной войны не оправдались. Серьезные изменения на международной арене, укрепление мира, углубление интеграционных процессов и рост взаимозависимости способствовали тому, что положения либеральной теории международных отношений приходят на смену господствовавшим в годы холодной войны реалистским и неореалистским теориям и становятся доминирующими в условиях изменившегося международного контекста.

¹ Peterson J. The EU as a Global Actor // The European Union. How Does It Work? Oxford, 2012. P. 218.

Либеральная школа значительно расширяет круг акторов мировой политики, положительно оценивая появление такого игрока, как Европейский Союз. Наделение Брюсселя полномочиями в сфере ОВПБ и оказание им самостоятельного и заметного влияния на политику третьих стран и международную среду в целом свидетельствовали в пользу либеральных и неолиберальных идей. ЕС представляется либералам уникальным актором и сверхдержавой современной мировой политики, которая обладает всем спектром глобальной силы и успешно конкурирует с традиционными игроками – США и Китаем, либо превосходит их по своей мощи¹. Сегодня либералы оспаривают мнение реалистов о снижении и даже упадке мирового влияния ЕС, указывая на ключевую роль Европы в решении наиболее насущных проблем современности, таких как глобальное потепление, помощь развитию или защита прав человека. Несмотря на внутренние проблемы, связанные с миграцией, правым радикализмом, Брекзитом, демографической ситуацией, замедлением экономического роста и угрозой со стороны России, представители либеральной школы настаивают на том, что ЕС сохранит свой статус мировой сверхдержавы в силу объективных показателей своего развития².

Либералы склонны акцентировать европейское единство и рассматривать Европу как единого игрока, стараясь развеять широко распространенное убеждение о разобщенности и децентрализации ЕС. Они считают, что глубокая взаимозависимость, пересекающиеся национальные законы, участие в одних и тех же международных договорах и организациях, общие юридические обязательства, координация и конвергенция национальных позиций, солидарность и пр. породили совместимые и взаимодополняющие стратегии европейских государств и способствовали оказанию общего европейского влияния на внешний мир³. Даже некоторый недостаток централизации в рамках Евросоюза в сравнении с национальными государствами, полагают либералы, не является помехой для проецирования его силы на международной арене⁴. Примером европейского единства сегодня для них может служить политика санкций в отношении России.

¹ Moravcsik A. Europe: the Quiet Superpower // French Politics. 2009. Vol. 7: 3/4. P. 403–422; Moravcsik A. Europe is Still a Superpower and it's Going to Remain One for Decades to Come. April 13, 2017 [Electronic resource] // FP, Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/04/13/europe-is-still-a-superpower/> (date of access: 15.12.2017).

² Moravcsik A. Europe is Still a Superpower.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 417.

Представители либеральной школы высоко оценивают вклад ЕС в снижение уровня анархии международных отношений, подчеркивая стремление Брюсселя к взаимовыгодному многостороннему сотрудничеству на международной арене, развитию глобальных и региональных институтов, широкому использованию международных организаций как инструмента коллективного принятия решений. Значительная роль ЕС в сохранении, реформировании, расширении и углублении сотрудничества в рамках ООН, ВТО и других институтов отвечает представлениям сторонников либеральной теории о желательном сценарии развития международных отношений. Сближение национальных интересов вследствие взаимовыгодного сотрудничества, идеологическая конвергенция стран мира, формирование общего жизненного пространства, опирающегося на общечеловеческие интересы, нормы права и морали, по мнению либералов, благоприятны для Европы и умножают ее международное влияние.

Либеральная школа практически не обращается к проблемам безопасности, обороны и военного потенциала ЕС. С точки зрения либералов, государства в современном мире не склонны к развязыванию прямых вооруженных конфликтов, так как потери от них гораздо выше, чем потенциальные выгоды. Развитие многостороннего сотрудничества, углубление интеграции, распространение демократии способствовали достижению мира в Европе и уменьшению количества угроз для стран континента. Военная сила, таким образом, не рассматривается либералами как самый важный ресурс великой державы, решающий фактор для достижения высоких результатов в мировой политике или механизм, способный помочь в разрешении актуальных проблем современности. Они убеждены в том, что международная стратегия Брюсселя должна способствовать усилению институционального контроля над применением силы, развитию культуры ненасильственного разрешения конфликтов, утверждению норм международного права, общему прогрессу человечества в направлении устойчивого мира. Сторонники либеральной школы придают особое значение дипломатическим инициативам ЕС, его участию в миротворчестве и мирном разрешении конфликтов в различных регионах мира.

Говоря о преодолении силовой политики, либералы оценивают международное влияние ЕС с точки зрения невоенных аспектов.

Мягкая и гражданская сила ЕС находятся в фокусе их внимания. Евросоюз представляется самой значимой гражданской силой в мире и даже гражданской сверхдержавой¹. Опираясь на дипломатические механизмы, экономическую и финансовую мощь, нормативно-правовое и институциональное доминирование, одновременно привлекая своими политическими, социальными и культурными ценностями, ЕС, считают либералы, достигает наиболее успешных результатов и демонстрирует свое превосходство в этих областях над традиционными акторами. Он побуждает третьи страны к проведению демократических, правовых и рыночных реформ, заставляет их принять европейские нормы и стандарты, вносит значительный вклад в стабилизацию ситуации в соседних государствах. Для сторонников либерализма важно, что ЕС заметно укрепился в качестве мягкой и гражданской силы после окончания холодной войны в условиях, при которых подобные инструменты влияния стали более эффективными, чем военная мощь.

В отличие от реалистов, многие из которых считают, что отношения Европы с Соединенными Штатами неизбежно примут конфликтный характер, либералы указывают на уменьшение трансатлантических разногласий после окончания холодной войны и сближение европейских и американских интересов. Они обращают внимание на то, что сегодня споры Брюсселя и Вашингтона развиваются вокруг проблематики прав человека, генетически модифицированных продуктов, борьбы с глобальным потеплением и прочих вопросов, которые не носят столь острый характер, как противоречия внутри западного блока времен биполярного противостояния. Даже проблемы военного вмешательства за рубежом, полагают представители либеральной школы, являются сегодня вопросом широкого евроатлантического консенсуса². Опираясь на гражданские формы силы, Европа дополняет Соединенные Штаты, а не выступает их противовесом. С либеральной точки зрения, рост влияния одной великой державы не означает упадок других. В условиях все более мирной и интегрированной международной среды, основанной на сотрудничестве и глубокой взаимозависимости, целью великих держав является не победа над противником, а общее решение насущных проблем, то есть игра с положительной

¹ Moravcsik A. Europe is Still a Superpower. P. 409.

² Ibid. P. 416–417.

суммой. Следовательно, ситуация, при которой несколько акторов со схожими предпочтениями обретают влияние в мировой системе, вполне естественна¹. Согласно этой логике, и мощь США, и рост Китая не подрывают влияние Европы, а усиливают его.

Либералы принимают в расчет содержание внутренней политики и тип политического режима международных акторов, опровергая мнение приверженцев реалистской теории о том, что все государства действуют аналогично в схожих ситуациях, испытывая давление анархичной природы международной среды. Особый упор на внутренние характеристики государств делают сторонники теории демократического мира (ТДМ), являющейся частью либеральной теории международных отношений². Они утверждают, что демократии не воюют друг с другом. Демократические страны разрешают внутренние разногласия, не прибегая к насилию, и проецируют это качество на свои внешние взаимоотношения. Внешняя политика для сторонников либеральной парадигмы является продолжением внутренней. Таким образом, изменения внутри государств способны преобразовать природу международной политики. В этом европейцев убедил их собственный исторический опыт: демократизация, становление принципов открытости и прозрачности способствовали преодолению кровавого прошлого Европы, примирению бывших врагов и достижению мира. Демократическая природа европейских государств считается одним из факторов, исключающих военный конфликт между ними. Этот аргумент использовался Европейским Союзом для продвижения либеральной демократии в мире, особенно в соседних странах. Теория демократического мира оказала непосредственное влияние на Европейскую политику соседства³.

С точки зрения либералов, ЕС экстраполирует свои внутренние качества, ценности и нормы на внешнюю политику и превращает их в основополагающие принципы международной стратегии, которые, в конечном итоге, определяют степень влияния Союза за рубежом. Успех в области «внутренней внешней политики» ЕС стал основой ОВПБ, направленной на создание международных институтов сотрудничества и мирное урегулирование конфлик-

¹ Moravcsik A. Europe is Still a Superpower. P. 419.

² Cooper R. The Post-Modern State and the World Order. London, 1996.

³ Гудалов Н. Н. Идентичность Европейского Союза как международного актора и его роль в разрешении конфликтов (на примере палестинско-израильского конфликта) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 2. С. 162.

тов. Установление принципа верховенства права в Евросоюзе как основополагающего ведет к развитию правовых отношений Брюсселя с третьими странами через заключение соглашений с ними и стремлению утвердить верховенство права в других государствах и международных отношениях в целом. Права человека, равенство, эффективное управление и устойчивое развитие как ключевые ценности ЕС находят отражение во внешней политике и становятся ее важнейшими критериями. Соответствие между тем, каков Евросоюз изнутри, и тем, что он делает вовне, демонстрируют борьба ЕС с бедностью в странах третьего мира, содействие их устойчивому развитию и распространение идей региональной интеграции.

В целом после окончания холодной войны стали очевидны сильные стороны либеральной теории. Ставка Брюсселя на сотрудничество с положительной суммой, готовность к максимальному использованию потенциала многосторонности, скептическое отношение к применению вооруженных сил, специализация на невоенных средствах и впечатляющий потенциал мягкой мощи делают Евросоюз интересным объектом исследования в рамках данной теории. Либеральная школа способна пролить свет на особенности акторности ЕС, дать ценную информацию о внешнеполитическом поведении Союза, оценить его вклад в развитие международных отношений. Однако, к сожалению, мы не располагаем многообразием исследований внешней политики Евросоюза в контексте либерального подхода.

Конструктивизм

Альтернативой двум предшествующим подходам и главной теорией европейской внешней политики стоит признать конструктивизм. Конструктивисты считают, что внешняя политика формируется под влиянием нематериальных (идеационных) факторов, таких как идентичность¹. Идентичность, в свою очередь, развивается под воздействием разделяемых в обществе норм, ценностей, идей, убеждений, дискурсов, общего исторического опыта и т. д. Под термином «внешнеполитическая идентичность» понимаются представления о месте и роли того или иного актора в мире.

¹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999; Risse T. *Social Constructivism and European Integration // European Integration Theory*. Oxford, 2009. P. 144–160 etc.

Коллективная идентичность Европейского Союза конструируется на уровне нескольких стран – государств-членов Союза – и создает у них чувство общности и принадлежности к единой группе. Вопрос о том, сформировалась ли европейская идентичность, является спорным. Тем не менее ведущие конструктивисты убеждены в том, что участники Евросоюза разделяют общие ценности. Формирование особых принципов внешней политики ЕС, общих правил и процедур, а также очевидное стремление говорить в один голос на международной арене свидетельствуют, с их точки зрения, о формировании уникальной европейской коллективной идентичности. Общая идентичность, в свою очередь, задает модель внешнеполитического поведения Брюсселя. Конструктивисты полагают, что действенность внешней политики определяется не столько наличием эффективных институтов или инструментов, сколько общим пониманием элитами и населением Евросоюза того, какова должна быть роль ЕС в мире, и какие ценности он должен отстаивать.

Это мнение широко разделяется не только исследователями-конструктивистами, но и брюссельскими институтами и политиками-практиками ЕС. Оно также закреплено в официальных документах Евросоюза. Ценности и нормы, вокруг которых строится коллективная идентичность ЕС (мир, свобода, демократия, верховенство права, права человека, социальная солидарность, равенство, устойчивое развитие и эффективное управление), фиксируются в его официальных документах, а сам Союз определяется в качестве сообщества ценностей¹. Европейские политики в большинстве своем считают, что именно ценности формируют европейские границы². Критикуя реалистов, бывший Верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана рассматривает ценности и идентичность в качестве решающих факторов, определяющих поведение акторов на международной арене³. Совместная

¹ Laeken Declaration on the Future of the Union, European Council, 14–15 December 2001 [Electronic resource]. URL: http://www.ena.lu/laeken_declaration_future_european_union_15_december_2001-020003970.html (date of access: 10.11.2017).

² Rehn O. Values Define Europe, not Borders [Electronic resource]. URL: <http://www.delmkd.ec.europa.eu/en/whatsnew/2005/03%20Olli%20Rehn%20article%20Values%20define%20Europe.htm> (date of access: 22.12.2010).

³ Solana J. Identity and Foreign policy [Electronic resource] // ESDP Newsletter. European Security and Defence Policy. Council of the European Union. 2007. № 3. P. 9. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/ESDP_newsletter_003_0.pdf (date of access: 17.12.2017).

работа стран-членов на мировой арене, с его точки зрения, является способом формирования и укрепления общей идентичности, а реализация внешней политики ЕС – возможностью выразить европейскую идентичность. В свою очередь, авторы внешнеполитической стратегии ЕС 2016 г. подтверждают, что верность ценностям для них является важным вопросом этики и идентичности Европейского Союза¹.

Формирование идентичности не может достигнуть завершенности. Европейская идентичность, как и любая другая, является подвижной и развивающейся. Ее характеристики постоянно видоизменяются. Развитие, усиление или переформулирование коллективной идентичности происходит в результате социализации и взаимного обучения акторов. Социализация, а именно «процесс введения акторов в нормы и правила данного сообщества», предполагает постепенное движение от инструментальной рациональности к осознанному принятию новых ролей, ведет к изменениям в ценностях и интересах, принятию общественных норм в качестве правильных². В случае государств-кандидатов к вступлению в ЕС социализация подразумевает европеизацию – восприятие действующим лицом смыслов и правил сообщества³. Средой, которая социализирует европейские государства и высших должностных лиц ЕС, являются институты Евросоюза. Изучению социализирующего воздействия институтов посвящено исследование Джеффри Чекела⁴. Автор выделяет три механизма социализации (стратегический расчет, исполнение роли и нормативное убеждение), рассматривает условия, при которых они должны привести к интернационализации новых ролей или интересов, анализирует способность данных механизмов продвигать результаты социализации в международных институтах. Ученые-конструктивисты расходятся в оценке социализирующего эффекта европейских институтов: они могут оказывать не только побудительное, но и ограничивающее воздействие на акторов. Исследование Дж. Чекела также показывает, что социализирующее воздействие европейских институтов неравномерно, иногда слабо выражено.

¹ Общее видение, единый подход: сильная Европа. С. 10.

² Checkel J. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework // International Organization. 2005. Vol. 59:4. P. 801–826.

³ Стрежнева М. В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 43.

⁴ Checkel J. Op. cit.

Существующая в рамках конструктивистской теории концепция европеизации может быть применена для изучения того, каким образом идеи ЕС инкорпорируются во внешнюю политику стран-членов. Вопросам европеизации национальных внешнеполитических стратегий, степени конвергенции, достигнутой в рамках ЕС между его странами-членами ради выработки единого голоса на международной арене, соотношению национального и общеевропейского уровней во внешней политике Союза посвящены отдельные исследования¹. В целом конструктивисты убеждены в том, что трансформация идентичности способна оказать долгосрочное влияние на внешнюю политику и привести к кардинальным переменам во внешнеполитическом курсе.

С точки зрения конструктивистов, взаимоотношения со «значимым другим», который может иметь как положительный, так и отрицательный образ, являются еще одним важным аспектом самоидентификации. В процессе конструирования идентичности ЕС выявляет сходства и различия между собой и другими, прибегая к практике позитивной и негативной идентификации. Так, всесторонне поддерживая ООН, ЕС вовлечен в процесс позитивной идентификации с этой организацией². Негативная идентификация или механизм отчуждения используются Евросоюзом в пространственном и временном измерении. Прошлое Европы, полное национализма, насилия и войн, выступает в роли «другого» ЕС. Европейский Союз и современная европейская идентичность строятся на преодолении прошлого через движение к поствестфальскому миру и формирование стратегической культуры, основанной на дипломатических механизмах. В пространственном измерении «другим» Европы видится Восток, а «отсутствие восточности» является определяющей чертой «европейских» идентичностей³. В качестве контр-идентичности для ЕС могут выступать США, например, в силу дихотомии между крайним унилатерализмом администрации Дж. Буша и мультилатерализмом ЕС или в свете

¹ Gross E. *The Europeanization of National Foreign Policy. Continuity and Change in European Crisis Management*. London, 2011; *European Foreign Policy in an Evolving International System. The Road Towards Convergence*. New York, 2007.

² Koops J. A. *The European Union as an Integrative Power? Assessing the EU's 'Effective Multilateralism' Towards NATO and United Nations*. Brussels, 2011. P. 135.

³ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 267. Подробнее на эту тему см.: Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 1 (10). С. 82–94.

неприятия Европой политики Д. Трампа. Периодически усиливается негативная идентификация НАТО¹. В роли если не прямой угрозы, то европейского «другого» выступает Россия. Механизм отчуждения используется для усиления идентичности и чувства собственной уникальности.

Важным элементом идентичности является стратегическая культура. Конструктивизм, таким образом, может привлекаться для изучения ОПБО. В контексте ЕС конструктивисты ставят во главу угла проблемы выработки единой европейской стратегической культуры, задаются вопросами о степени ее сформированности и влияния на внешнюю политику Брюсселя. Стратегическая культура Евросоюза предполагает наличие у стран-членов общих интересов, норм, ценностей и преставлений о роли Европы в мире, одинакового восприятия угроз и способов ответа на них. Конструктивисты полагают, что развитие ОПБО на качественно новом уровне возможно только в условиях общей стратегической культуры. Характерными чертами стратегической культуры ЕС считаются отход от принципов территориальной обороны, опора на ООН, выбор в пользу гражданских инструментов и мягкой силы, убежденность в законности гуманитарных интервенций, общее движение в сторону «гуманитарной силы Европы»².

Многие ученые-конструктивисты и европейские политики-практики придают большое значение идее «нормативной силы Европы», впервые сформулированной Яном Маннерсом в 2002 г.³ Я. Маннерс считает, что роль Европейского Союза в мировой политике необходимо рассматривать через призму идей и норм. Он предлагает выйти за рамки эмпирического анализа институтов и деятельности ЕС, его гражданской и военной силы, уйти от поиска государствовподобных черт в политике Союза и сфокусироваться на идеационном воздействии Брюсселя, понять его международную идентичность. В рамках данной концепции ЕС концептуализирован как особый нормативный актор в мировой политике, идентичность которого конструируется несколькими основополагающими нормами (мир, свобода, демократия, верховенство права и уважение прав человека) и рядом второстепенных (социальная

¹ Koops J. A. Op.cit. P. 135.

² Meyer C. O. The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defence in the European Union. London, 2006; Krotz U., Maher R. Op. cit.

³ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. № 40:2. P. 235–258.

солидарность, недискриминация и защита меньшинств, устойчивое развитие и эффективное управление). Подобная нормативная основа ЕС сформировалась под влиянием его исторической эволюции и новой гибридной формы политико-правового устройства, выходящего за рамки вестфальских норм. Закрепленная в Маастрихтском договоре и других европейских документах ЕС, нормативная база Союза определяет и международные отношения Брюсселя. Автор уточняет, что обозначенные им конститутивные нормы ЕС не являются специфически европейскими; они широко признаны в мире, в том числе в рамках ООН, в качестве универсальных.

Нормативная основа ЕС предрасполагает его к нормативным действиям – распространению и консолидации норм в мировой политике особыми способами, не требующими инструментальности. Известная и часто цитируемая фраза Я. Маннерса указывает на то, что «самым важным фактором, определяющим международную роль ЕС, является не то, что он делает или говорит, а то, чем он является»¹. Иными словами, определяющей при формировании внешнеполитического курса Европейского Союза является его внутренняя сущность. Для распространения норм и их широкого признания в мире Евросоюзу необходимо быть привлекательной моделью для других, примером, которому хотелось бы подражать. Продвижение норм происходит путем социализации, основанной на сотрудничестве и диалоге. К механизмам нормативной силы автор относит инфицирование, информационное, процедурное и открытое распространение, перенесение и культурный фильтр². Используя данные механизмы, ЕС способен формировать (либо пересматривать) концепции «нормального» в международных отношениях и устанавливать мировые нормативные стандарты, что является важным фактором его силы и влияния в современном мире.

Практическая реализация нормативной силы Евросоюза рассмотрена Я. Маннерсом на примере политики Брюсселя, направленной на универсальную отмену смертной казни. ЕС использует информационные стратегии и открытые средства (являющиеся следствием физического присутствия ЕС в третьих странах) распространения данной нормы; поднимает вопрос о смертной казни

¹ Manners I. Op. cit. P. 252.

² Ibid.

на международном уровне; ведет диалог с «государствами-палачами», обращаясь к ним посредством заявлений и с помощью своих представительств; выдвигает условие об отмене казни странам-кандидатам при вступлении в ЕС. Применяя данные стратегии, Брюссель пытается изменить язык международного сообщества по этому вопросу и сократить число стран, практикующих смертную казнь. Противодействие смертной казни, став одним из наиболее заметных элементов политики Европейского Союза в области прав человека во всем мире, позволяет ЕС подчеркнуть свою особую международную идентичность, отличную от «других», в частности, США и Китая. Готовность ЕС посягать на государственный суверенитет третьих стран и преодолевать их сопротивление в ходе реализации своего нормативного курса, не получая при этом материальной выгоды, также, по мнению автора, ставит ЕС в совершенно особый ряд и выделяет его среди других международных игроков¹.

Идея нормативной державности ЕС развивалась в последующих научных работах и, как уже было отмечено, вошла в политический дискурс Евросоюза. Концепция демонстрировала определенную самоуверенность Брюсселя, которая основывалась на достигнутых успехах, главным образом в странах Центральной и Восточной Европы. Сложности в проецировании нормативной силы в последние годы привели к некоторому переосмыслению концепции и соответствующей корректировке внешнеполитического курса ЕС. На смену более оптимистичной интерпретации нормативной силы пришел прагматичный взгляд, учитывающий ограниченность ее возможностей. Концепция была адаптирована к современным реалиям и стала более избирательной, вместе с тем она вряд ли полностью потеряет свою актуальность ввиду неготовности Брюсселя игнорировать нарушение норм.

¹ Manners I. Op. cit. P. 252–253.

Институционализм

Свой вклад в понимание ОВПБ внесли институционалисты. Несмотря на то, что институты Европейского Союза не имеют монополии на принятие внешнеполитических решений (не все вопросы внешней политики члены ЕС подчинили механизму ОВПБ), европейское сотрудничество в этой сфере уникально с точки зрения институционального развития и принятия решений. В рамках данной теории анализируется поступательное развитие институциональной основы внешней политики Евросоюза от малозначительной неформальной межправительственной формы взаимодействия государств, озабоченных отстаиванием собственных интересов, до более сложной системы, основанной на общих целях, правилах и принципах. Основными вехами, изучаемыми институционалистами, стали создание механизма ЕПС, а позже ОВПБ и ЕПБО/ОПБО. Теория определяет особенности европейских внешнеполитических механизмов и последствия институционализации в этой области.

Для сторонников институционализма важно, что сотрудничество в столь чувствительной сфере развивалось в гораздо большем объеме, чем можно было бы ожидать и чем планировали его архитекторы¹. Создаваемые институты, эволюционируя, ставили перед собой все новые и новые задачи, а получаемые в процессе взаимодействия результаты могли превосходить изначальные намерения и открывать возможности для дальнейшего институционального развития. Несмотря на то, что с первым этапом институционализации европейцы не связывали далеко идущих ожиданий, механизм ЕПС постепенно совершенствовался, сдерживал односторонность, способствовал формированию навыков консультаций и принятия коллективных решений. Авторы-институционалисты подчеркивают, что выход внешнеполитического сотрудничества на новый уровень был бы невозможен без опыта, полученного в рамках ЕПС.

Особое внимание в рамках рассматриваемой теории уделяется анализу последствий институционализации и оценке ее эффективности. К показателям эффективности можно отнести способность институтов обуславливать поведение государств, сближать национальные позиции стран-членов, содействовать коллектив-

¹ Smith M. E. Institutionalization, Policy Adaptation, and European Foreign Policy Cooperation // *European Journal of International Relations*. 2004. Vol. 10:1. P. 95–136.

ным действиям. Институционалисты пытаются определить, в какой степени отдельные страны ЕС изменили свою внешнюю политику под влиянием механизмов ЕПС/ОВПБ, восприняв общие внешнеполитические цели и правила. Ученые-институционалисты предпринимают попытки оценить совокупный кумулятивный результат внешней политики ЕС, достигнутый под воздействием институционализации: расширение круга вопросов, обсуждаемых в рамках ЕПС/ОВПБ, и их географического диапазона, увеличение количества коллективных внешнеполитических действий стран-членов и набора используемых инструментов, достижение совместных результатов. Для этого ими сопоставляется эффективность внешнеполитического сотрудничества ЕС с первых дней существования ЕПС до сегодняшнего дня¹.

Сторонники теории считают, что процессы институционализации и социализации стимулировали постепенную адаптацию национальных внешнеполитических стратегий к общеевропейскому курсу и вели к политической конвергенции всех государств ЕС. По мнению самого известного автора-институционалиста, изучающего внешнеполитические механизмы ЕС, Майкла Смита, общий подход начинал вырабатываться после того как конкретная спорная проблема внедрялась в систему ЕПС/ОВПБ, при этом позиция государств могла эволюционировать и пересматриваться в рамках деятельности одного и того же правительства. Обязательства, налагаемые на членов ЕС в рамках ЕПС/ОВПБ, требовали от них обсуждать спорные вопросы, артикулировать общие европейские интересы, представляя Евросоюз за рубежом, вырабатывать собственную позицию по тем политическим вопросам, которые до членства в ЕС не входили в их внешнеполитическую повестку².

Тесное взаимодействие государств ЕС в конечном итоге способствовало выработке общего понимания международных проблем, вело к соответствующим корректировкам национальных внешнеполитических позиций по широкому кругу вопросов и формированию скоординированной политики. Несмотря на наличие права вето, страны все чаще предпочитали избегать односторонних действий и поддерживать коллективные решения. Прямым результатом процессов институционализации представители данной теории считают «европеизацию» внешней политики

¹ Smith M. E. Op. cit.

² Ibid. P. 114–115.

государств ЕС¹. Прежняя национальная модель внешней политики трансформировалась, начиная отражать волю группы в целом. Поддержка сотрудничества в области ОВПБ среди стран-членов постепенно росла, как и количество общих деклараций и совместных действий. Таким образом, институционалисты полагают, что общую внешнюю политику ЕС нельзя считать отражением наименьшего общего знаменателя.

М. Смит анализирует три актуальных для Европейского Сообщества внешнеполитических проблемы, по которым национальные позиции стран-членов изменились под влиянием институционализации: это ближневосточная и южноафриканская проблемы и вопросы ядерного нераспространения². Во всех этих случаях противоречия между правительствами изначально имели место, но в процессе переговоров в рамках ЕПС их политика сблизилась по ряду чрезвычайно сложных вопросов, таких как право Израиля на существование в пределах безопасных границ, право Организации освобождения Палестины участвовать в переговорах, введение санкций против правительства белого меньшинства в Южной Африке, ратификация Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Разногласия между про-арабскими и про-израильскими странами Европы, между «моралистами» и «прагматиками», а также между сторонниками и противниками ДНЯО сгладились, и они смогли перейти к более активным и эффективным совместным действиям. Результаты обсуждения вопроса о мерах Европейского Сообщества в отношении режима апартеида в Южной Африке являются примером того, как крупные государства-члены также вынуждены корректировать свои внешнеполитические позиции под влиянием механизмов ЕПС/ОВПБ и уступать мнению малых стран. В данном случае «моралисты» во главе с Голландией взяли на себя роль лидеров в защите принципов законности и прав человека, смогли направить внимание крупнейших членов ЕС (Франции, Германии, Великобритании и др.) на этические вопросы и добиться реализации общих действий этического характера.

Формирование ЕПС/ОВПБ, по мнению институционалистов, невозможно объяснить с точки зрения эгоистической инструментальной рациональности стран-членов, их внутренних потреб-

¹ Smith M. E. Op. cit. P. 113.

² Ibid. P. 116–121.

ностей или внешнего влияния. Институциональные механизмы, считают они, способствуют переходу государств от инструментальной рациональности к социально сконструированной, ориентированной на коллективные ценности. Рациональность решения члена ЕС в рамках данной теории определяется его соответствием социальным нормам группы и возможностью внести свой вклад в общее дело.

Как мы видим, институционалисты используют аргументы социальных конструктивистов, в частности, обращаются к конструктивистскому тезису о большом значении процессов социализации для минимизации различий. Они подчеркивают, что развитие интенсивных коммуникаций профессиональных дипломатов и национальных экспертов в области внешней политики, постоянные консультации между ними, обмен информацией, совместная деятельность в рабочих группах, общая отчетность, обмены персоналом и пр. создают форму сетевого взаимодействия на высоком уровне¹. В процессе социализации элит формируется сложная, авторитетная и одновременно дружеская сеть экспертов, основанная на доверии и личных симпатиях. Ее участники начинают видеть друг в друге партнеров и коллег в общем деле, а не оппонентов в переговорах. Стиль коммуникаций и совместной работы в рамках такой сети постепенно преобразуется: развиваются уникальная культура сотрудничества, собственные профессиональные правила и стандарты поведения, общий язык, которые приобретают символическую ценность. При этом создаваемые правила и нормы не навязываются наиболее мощными государствами ЕС. Все государства-члены, в том числе небольшие, имеют равные возможности и даже обязательства устанавливать эти нормы и внешнеполитическую повестку дня Союза в целом. Правовое оформление внешнеполитической кооперации стран ЕС, в частности, в рамках Единого Европейского Акта, Маастрихтского договора и других официальных документов ЕС является еще одним важным аспектом институционализации и изучается исследователями-юристами².

Итак, несмотря на то, что институционализация сферы высокой политики не получила такого же развития, как другие области европейской интеграции, механизмы ЕПС/ОВПБ привлекли вни-

¹ Smith M. E. Op. cit. P. 105.

² EU Foreign Relations Law: Constitutional Fundamentals / ed. by M. Cremona, B. de Witte. Portland Ore, 2008; Krotz U., Maher R. Op. cit. P. 553, 563–564.

мание институционалистов. И это неудивительно, так как никакая другая региональная организация не имеет таких достижений в развитии общей внешней политики и политики безопасности. Теория удачно связывает аспекты рационалистских и конструктивистских подходов и проливает свет на важные вопросы развития ОВПБ. Создание институтов и выработка институционализированных правил поведения в области внешней политики, с точки зрения ученых, придерживающихся данной теории, стали важнейшими условиями для реализации коллективных действий Брюсселя на международной арене, основанных на общеевропейских интересах. Институционализм, однако, не дает объяснения тем случаям, когда страны-члены не смогли прийти к консенсусу и выработать единый внешнеполитический курс. Авторы этого направления обходят стороной и причины прерывистости процесса институционализации: наличие длительных периодов бездействия и относительно коротких периодов масштабных перемен¹.

Теории европейской интеграции

В рамках **федерализма** пока не было сформулировано четких теоретических положений по вопросам общеевропейской внешней политики и безопасности. Важно отметить, однако, что для федералистов европейская интеграция представляется не только экономическим, но и политическим проектом, следовательно, развитие ОВПБ/ОПБО – его важнейшая цель. Наднациональное правительство, согласно этой теории, должно иметь монополию на проведение общей внешней, оборонной политики и применение силы. Федералисты считают, что отмена суверенитета государств и отказ от национальной независимости необходимы ради предотвращения конфликтов и установления мира.

Возможности данной теории в объяснении особенностей международной акторности ЕС все же серьезно ограничены, прежде всего, в силу ее государствоцентричности. Федералисты не видят появления какого-либо альтернативного мирового порядка с новыми формами политической жизни, а лишь воспроизводят формат национального государства в наднациональных масштабах². Они полагают, что ЕС должен действовать на международной арене так же как, государство. Рассматривая Европейский

¹ Krotz U., Maher R. Op. cit. P. 565.

² Европейская интеграция: учебник / ред. О. В. Бугорина. М., 2011. С. 33.

Союз как будущую федерацию, приверженцы теории лишают его уникальности. Проблему, с точки зрения данной школы, представляет и то, что сфера внешней политики и безопасности сохраняет межправительственный характер, несмотря на определенные шаги в сторону наднациональности, предпринятые в связи с подписанием Лиссабонского договора 2007 г. Будучи нормативной теорией, федерализм не объясняет, почему наднациональные проекты в области ОВПБ/ОПБО не были реализованы.

Федералистскую теорию уравнивает **межправительственный подход**, сформулированный американским политологом Стэнли Хоффманом¹. Его сторонники опираются на концепцию суверенитета и национальных интересов, считая, что страны-члены ЕС направляют развитие интеграционного процесса, а интеграционное объединение является лишь способом межгосударственного сотрудничества. В связи с межправительственным характером ОВПБ/ОПБО, интерговернментализм может применяться в исследованиях внешней и оборонной политики ЕС. По мнению интерговернменталистов, государства участвуют в интеграции и сотрудничают друг с другом во внешнеполитической сфере лишь в случае общности интересов и возможности самостоятельно определять характер взаимодействия. Так же как неореалисты, сторонники интерговернментализма полагают, что страны-члены вовлекаются в интеграционный процесс под влиянием изменений международной среды и возникающих внешних рисков для защиты своих геополитических интересов.

На взаимосвязь общей теории международных отношений и исследований европейской интеграции указывал американский политолог Эндрю Моравчик, разработавший **либеральный межправительственный подход**. В рамках данного подхода интеграция представляется в виде взаимодействия двух уровней – национального и международного². На первом различные политические и социальные группы формируют национальные интересы, определяют «спрос на интеграцию». На втором правительства ведут межправительственные переговоры, отстаивая свои интересы. Интеграционный процесс предстает как результат «межправительственного торга», условием которого является внутренняя политика и национальные предпочтения государств. Первый уровень, таким

¹ Hoffman S. The European Sisyphus: Essays on Europe, 1964–1994. Boulder, 1995.

² Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: a Liberal Intergovernmentalist Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31:4. P. 473–524.

образом, имеет решающее значение в принятии интеграционных решений¹. Участники ЕС соглашались ограничить суверенитет, делегировать полномочия на наднациональный уровень и расширить внешнеполитическое сотрудничество, если видят в этом свою выгоду: укрепление властных позиций, усиление государства и пр. При этом институты ЕС не обладают автономией и не могут изменить интересы и позиции стран-членов. Рассматриваемый подход главным образом объясняет роль национальных правительств в переговорах по вопросам ОВПБ/ОПБО и их влияние на ход интеграции. К примеру, последователи либерального интергouverнментализма обращают внимание на то, что активное формирование европейской политики безопасности началось только после договоренности Лондона и Парижа в Сен-Мало 1998 г.²

Отказавшись от государствоцентризма, теория **неофункционализма**, предложенная Эрнстом Хаасом, объясняет логику и динамику развития интеграции через решение функциональных задач, постепенное и экономически оправданное объединение функций там, где это целесообразно³. В отличие от достижения политических целей, разрешение функциональных проблем не является источником межгосударственных противоречий. Основная идея неофункционализма состоит в эффекте «перетекания» (spill-over), в соответствии с которым экономическая интеграция в каком-либо секторе, решая технические задачи, постепенно распространяется на смежные сектора и всю экономику, после чего невольно дает импульс развитию политической интеграции. Неофункционализм, таким образом, дает понимание того, почему первые проекты интеграции в области внешней и оборонной политики не увенчались успехом. В целом, однако, интеграционный процесс, с точки зрения неофункционалистов, не может ограничиваться несколькими отдельными областями. Все сферы сотрудничества взаимосвязаны. Успешная интеграция требует баланса ее экономической и политической составляющей, а недостаток синергии способен подорвать основы интеграционного процесса. Подобные идеи имеют много общего с планами создателей Европейского Сообщества (методом Монне), согласно которым, за экономической интеграцией должно следовать политическое объединение государств.

¹ Годенов И. С. Указ. соч. С. 74.

² Там же.

³ Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957. London, 1958. etc.

С одной стороны, неофункционалисты разделяют сферы «низкой» и «высокой» политики и не распространяют механизм функционального перетекания на область ОВПБ. Однако, исходя из логики неофункционализма, впечатляющие успехи экономической интеграции и появление наднациональных институтов позитивно влияют на перспективы общей внешней и оборонной политики ЕС. Внешняя политика, хотя бы отчасти, развивается под влиянием внутренней динамики интеграции. Осуществляя общую валютную политику, создавая единый рынок, внедряя общие внешние тарифы, страны-члены не могут сохранять абсолютной независимости во внешней политике. Последовательное развитие интеграции внутри Сообщества «перетекает» на внешнеполитическую сферу, требуя единства действий на международной арене. Вследствие этого страны-члены прилагают усилия к созданию механизма ЕПС, а позже ОВПБ и ОПБО. Тот факт, что различные направления внутренней политики ЕС (торговля, конкуренция, модернизация, технологии, безопасность, социальная сфера, сфера законности, прав и свобод, окружающая среда и др.) приобретают внешнеполитическое измерение, также демонстрирует эффект перетекания. Не все эксперты, однако, согласны с подобной точкой зрения. По мнению некоторых из них, в отличие от экономической интеграции, эволюцию внешнеполитического сотрудничества стран-членов невозможно объяснить с помощью функционального перетекания¹.

Итак, теории европейской интеграции связаны с более широкими теоретическими школами или продолжают их. Изначально многие из них (например, федерализм) не излагали каких-либо идей по вопросам ОВПБ/ОПБО. Классические положения таких теорий, как неофункционализм и интергouverнментализм, состояли в том, что «интегративное давление», свойственное различным направлениям политики, сложно либо невозможно воспроизвести в сфере безопасности и обороны². В дальнейшем использование общей теории международных отношений для анализа внешней политики и политики безопасности ЕС открыло большие возможности в этой сфере научных исследований.

¹ Smith M. E. Op. cit. P. 97.

² Krotz U., Maher R. Op. cit. P. 556.

* * * * *

В научной литературе представители различных теоретических школ в основном признают наличие глубокого уровня сотрудничества в области ОВПБ/ОПБО, его постепенное расширение и укрепление. Каждый из подходов имеет свой взгляд на причины возникновения ОВПБ и предполагает различный уровень анализа этой сферы интеграции: международный, европейский или национальный¹.

С точки зрения реалистов, внешняя политика связана с защитой прагматичных интересов и интересов безопасности. Для неореалистов экзогенные факторы, такие как структура международных отношений и внешние вызовы, дают стимул к внешнеполитической координации стран ЕС. При этом все реалисты считают, что сотрудничество стран-членов ЕС в области ОВПБ/ОПБО должно иметь целью достижение независимости от США и уравнивание Вашингтона на международной арене. Либералы акцентируют преимущества Европейского Союза по сравнению с традиционными международными акторами. ОВПБ оценивается ими с точки зрения вклада ЕС в снижение уровня анархии международных отношений, преодоление силовой политики, углубление взаимозависимости и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества, в том числе с Соединенными Штатами. Конструктивисты анализируют влияние идентичности на внешнюю политику, подчеркивают значение идей, норм, ценностей, дискурсов. С их точки зрения, развитие ОВПБ стимулируют внутренние импульсы, которые появляются в процессе взаимодействия, консультаций, социализации стран-членов. В рамках институционализма исследуется динамика и основные вехи развития институциональной основы ОВПБ, изучаются особенности европейских внешнеполитических механизмов и последствия институционализации в области внешней политики. Неофункционализм исходит из того, что природа наднациональных институтов ведет к дальнейшему поступательному движению по пути объединения. ОВПБ может восприниматься в соответствии с данной теорией как результат «перетекания». Либеральный межправительственный подход подчеркивает обусловленность интеграции представлениями стран-членов ЕС и их политических групп.

¹ Годенов И. С. Указ. соч. С. 74.

Конвергенция теоретических подходов

Каждая из рассмотренных теоретических школ в той или иной степени подвергается критике. Данные теории могут привлекаться для исследования отдельных аспектов ОВПБ, но ни одна из них, взятая по отдельности, не позволяет провести комплексный анализ феномена общей внешней политики ЕС. В реальности множество разнообразных причин в совокупности обусловили сотрудничество в сфере европейской внешней политики, обороны и безопасности. Чтобы уйти от упрощенной картины, предлагается реконцептуализация внешней политики Брюсселя и разработка инновационных подходов, основанных на комбинации различных теоретических школ.

В числе насущных теоретических проблем видится объединение рационалистской и конструктивистской логики, стратегических и идеационных факторов. Такое сочетание способно объяснить наличие инструментальности в действиях ЕС в рамках нормативного курса¹. Многие исследователи настаивают на том, что прагматичные и этические интересы всегда взаимосвязаны в реальной внешнеполитической практике ЕС². Тот факт, что в основе внешней политики ЕС лежат универсальные ценности, не означает, что Брюссель не защищает свои утилитарные экономические или стратегические интересы. Политика ЕС, направленная на оказание экономической помощи или защиту прав человека, являясь этической, одновременно служит его прагматичной выгоде. Распространение Евросоюзом международных ценностей может усиливать экономические позиции ЕС, отвечать его политическим интересам и укреплять его безопасность. Сочетание и совместимость прагматичных и этических целей во внешнеполитическом курсе Европейского Союза можно проследить на примере политики расширения, добрососедства и различных партнерских приглашений, в рамках которых продвижение ценностей и норм осуществляется параллельно с защитой интересов. Ряд европейских экспертов настаивает на том, что в конкретных ситуациях пра-

¹ Youngs R. Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42:2. P. 415–435.

² Eriksen E. O. The EU – A Cosmopolitan Polity? // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13:2. P. 252–69; Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering “Normative Power” // *Millennium*. 2005. Vol. 33:3. P. 613–636; Tocci N. Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and its Global Partners // *Who Is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners*. Brussels, 2008. P. 1–23; Aggestam L. Introduction: Ethical Power Europe // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:3. P. 1–11.

гматичные и этические мотивы ЕС сложно отделить друг от друга. Ценности являются концептуальной призмой, через которую конструируются, интерпретируются и осуществляются интересы. Одновременно, ценности вполне могут формулироваться и интерпретироваться под влиянием интересов¹.

Оригинальной исследовательской парадигмой, выходящей за рамки какого-либо одного теоретического подхода и позволяющей по-новому взглянуть на суть и содержание внешней политики ЕС, является концепция империи. В рамках данной концепции Евросоюз рассматривается как актер, обладающий характеристиками империи и практикующий имперскую политику². Он обладает значительной территорией и, в то же время, имеет неопределенные, размытые границы, которые меняются в результате постоянных расширений. Как следствие, в рамках ЕС нет четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами, а также между внутренней и внешней политикой³. Брюссель вмешивается в политику своей периферии, используя для этого значительные ресурсы; устанавливает экономический, политический и идеологический контроль над ней, существенно ограничивая суверенитет периферийных акторов. Одновременно ЕС видит свою роль в сближении периферии с имперским центром. По мере принятия европейских стандартов периферия получает доступ к ресурсам метрополии и процессу принятия решений⁴. Наконец, Брюссель имеет четкое представление о своей цивилизаторской миссии, видя себя в качестве «силы во благо», несущей универсальные ценности другим международным акторам. Расширение ЕС, его вмешательство в дела периферии и экспорт европейских норм рассматриваются как формы империализма и значимые элементы развития Евросоюза как империи.

¹ Tocci N. Op. cit. P. 6.

² Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:3. P. 471–484; Zielonka J. America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires? // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4:3. P. 337–354; Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // *European Foreign Affairs Review*. 2011. Vol. 16:3. P. 281–301; Zielonka J. Empires and the Modern International System. *Geopolitics*. 2012. Vol. 17:3. P. 502–525; Laidi Z. The Normative Empire: The Unintended Consequences of European Power // *Carnet Policy Brief*. 2008. Vol. 6 (February). Paris: CERJ; Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge, 2007; Hettne B., Soderbaum F. Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism // *European Foreign Affairs Review*. 2005. Vol. 10:4. P. 535–552 etc.

³ Zielonka J. Empires and the Modern International System. P. 513.

⁴ Ibid. P. 514.

Имперская идентичность Евросоюза, считают авторы концепции, не наносит урон его имиджу¹. Территориальные приобретения осуществляются Брюсселем без завоеваний и аннексий. Став эффективной и привлекательной моделью, Евросоюз притягивает другие страны, которые, в обмен на членство в нем, готовы принимать общие для Союза ценности и принципы. В европейской научной литературе ЕС характеризуется как особенная – «постмодернистская», «космополитичная», «нормативная», «неосредневековая» или даже «неимперская» империя², для которой характерен особый «мягкий империализм». Она не стремится к подчинению остальных или грубому навязыванию своей экономической и политической модели, а экспортирует нормы силой примера и убеждения³. В отличие от империй XIX в., современная европейская империя, основана не на «национальном размежевании и завоевании, а на преодолении национальных границ, принципе добровольности, консенсусе, транснациональной взаимозависимости и политических преимуществах, проистекающих из сотрудничества»⁴.

Итак, важной тенденцией в изучении особенностей акторности Евросоюза стала конвергенция различных теоретических подходов; появление исследовательских парадигм, основанных на балансе разнообразных теоретических аргументов. «Аналитический эклектицизм»⁵ видится наиболее подходящим способом анализа ОВПБ/ОПБО.

Особенности современных теоретических дискуссий

В последнее время наметилась консервативная тенденция в исследованиях внешней политики ЕС. Нарастание скептицизма в отношении либерального интернационализма привело к возрождению интереса к реализму. Распространение Евросоюзом либеральных ценностей по-прежнему рассматривается реалистами как наивная утопичная иллюзия и признак слабости, ведущий к снижению стратегической значимости ЕС в глобальной политике. «Передозировка» космополитичного идеализма воспринимается ими

¹ Zielonka J. Op. cit. P. 507.

² Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary?; Laidi Z. Op. cit.; Beck U., Grande E. Op. cit.; Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire' [Electronic resource] // Euobserver. 11. 07. 2007. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458> (date of access: 10.09.2014).

³ Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? P. 472, 484.

⁴ Beck U., Grande E. Op. cit. P. 53.

⁵ Krotz U., Maher R. Op. cit. P. 571.

как главная причина неудач ЕС в решении проблем безопасности и неспособности адекватно реагировать на современные вызовы и угрозы (терроризм, этнические конфликты и пр.)¹. Усилия по трансформации третьих стран и формированию взаимозависимости, по мнению реалистов, не отвечают европейским интересам. В условиях возвращения в современное мироустройство порядков XIX в. и ограничения возможностей для международного сотрудничества, государства вынуждены обеспечивать свое выживание в анархичной и конкурентной международной среде. Для этого, с точки зрения реалистов, они должны защищать традиционные национальные интересы стран-членов, стремиться к балансу силы, уделять должное внимание геополитике и наращиванию военной мощи.

Сами либералы начинают проявлять осторожность в отношении интервенционизма и активного навязывания либеральных принципов. Теоретические концепции 1990-х – начала 2000-х гг. сегодня оцениваются как проявление эйфории, излишней самоуверенности и завышенных ожиданий ЕС на волне масштабного расширения и экономического роста. Мировой экономический кризис, кризис неолиберальной модели развития, подъем евроскептицизма и правонационалистических сил, снижение эффективности мягкой и нормативной силы ЕС заставили Брюссель адаптироваться к новым обстоятельствам, переоценить и переосмыслить свои перспективы². Под воздействием кризисных явлений европейскую модель все реже наделяют универсальными характеристиками. На официальном уровне признаются пределы ее воспроизводства, ставится под сомнение ее пригодность для всех в качестве предмета для подражания. Статус западноевропейской модели снижается до уровня одной из многих, хотя она не теряет своей привлекательности для выборочного заимствования ее отдельных элементов³. Научным сообществом предлагаются альтернативные интерпретации универсализма как формы консенсуса через диалогический компромисс различных культур, а не продвижения западных либеральных норм. Европейский Союз

¹ Youngs R. The EU's Role in World Politics. A Retreat from Liberal Internationalism. London, New York, 2010. P. 4.

² Громыко А. Европа – затухающий центр силы? // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. М., 2012. С. 549–569.

³ Громыко А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) // Современная Европа. 2017. № 2(74). С. 6–17.

рекомендуется изучать не в оппозиции к окружающему миру, а в качестве компонента общего международного контекста¹.

Некоторое возрождение интереса к геополитике и более осторожное отношение ЕС к принципам космополитичного интернационализма в теории и на практике, безусловно, получают неоднозначную оценку в европейском научном сообществе. Выступая против наивного идеализма, ряд экспертов все же негативно воспринимают отклонение ЕС от либеральных ценностей и считают необходимым вернуться к модели либерального интернационализма, которая бы, однако, учитывала современные реалии².

Заключение

Европейский проект включает различные измерения интеграции, в том числе внешнеполитическое. Различия в интересах и приоритетах на международной арене не помешали странам-членам сформулировать общие цели и выработать общие внешнеполитические механизмы для их совместного достижения. Потенциал международного влияния ЕС усиливался в результате расширений, а институциональные реформы, осуществляемые после принятия каждого очередного договора, вносили свой вклад в усовершенствование механизмов общей внешней политики. Нам представляется, что внешнеполитическая сфера сотрудничества государств-участников не была полностью изолирована от процессов интеграции внутри Сообщества/Союза и не избежала последствий «перетекания». Страны-члены постепенно учились договариваться об общих действиях и отвечать на международные проблемы коллективно. Во многих сферах участники ЕС смогли сформировать общие интересы (защита прав человека, демократизация, гуманитарные интервенции и пр.).

Развитие ОВПБ стимулировали внутренние и внешние импульсы. К ним можно отнести усвоение исторических уроков, национальные интересы стран-членов, процессы социализации и европеизации участников ЕС, формирование институтов и общей идентичности Евросоюза, международные системные изменения. Членство в ЕС дает возможность «использовать» механизмы

¹ The EU's Foreign Policy. What Kind of Power and Diplomatic Action?

² Youngs R. The EU's Role in World Politics. P. 2, 9–10.

ОВПБ для реализации интересов государств-членов и в качестве защиты от угроз извне. В сравнении с потенциалом отдельных стран, коллективные действия обладают большим весом и значимостью, являются более эффективными и легитимными, чем односторонние шаги на международной арене. Поэтому бывшие империи стремятся включить в общую внешнеполитическую повестку взаимодействие с некогда зависимыми территориями, а страны Центральной и Восточной Европы пытаются оказать влияние на политику ЕС в отношении России и других соседей. Постепенное развитие коллективной идентификации стран-членов вело к совместным действиям через институты Евросоюза, значение которых росло по мере развития интеграции. Европейские институты, в свою очередь, прилагали усилия к преодолению разногласий, гармонизации интересов, координации и европеизации национальных внешнеполитических стратегий, усилению общей нормативной основы внешней политики. Таким образом, вследствие разнообразных импульсов, произошло становление Европейского Союза в роли уникального актора современной системы международных отношений с особым стилем дипломатии. Не являясь эквивалентом национальной внешней политики, ОВПБ стала качественно новой формой европейского сотрудничества и приобрела особую ценность¹.

¹ Keukeleire S., MacNaughtan J. The Foreign Policy of the European Union. Hampshire, New York, 2008. P. 32–33.

РАЗДЕЛ II. ОТНОШЕНИЯ ЕС – США: НОВЫЙ ФОРМАТ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Введение

Соединенные Штаты являются наиболее важным экономическим партнером и политическим союзником ЕС. Принадлежность к западной цивилизации, общие институты и ценности, высокая степень экономической взаимозависимости обеспечивают прочную основу трансатлантических отношений. Роль главного института военно-политического сотрудничества европейских стран с США по-прежнему играет НАТО. После окончания холодной войны атлантические союзники предприняли активные усилия для сохранения и реформирования Североатлантического альянса, чему способствовала общность интересов стран ЕС и США в противостоянии новым глобальным угрозам безопасности. В то же время создание Европейского Союза и его стремление играть более активную роль в мировой политике потребовали формирования специальных институтов взаимодействия между Брюсселем и Вашингтоном, призванных укрепить трансатлантические отношения и минимизировать политические и торгово-экономические разногласия между партнерами.

Данная глава посвящена развитию отношений между Европейским Союзом и США после окончания холодной войны до сегодняшнего дня. В первом разделе рассматривается институциональная основа отношений между Евросоюзом и Соединенными Штатами, заложенная подписанием Трансатлантической декларации 1990 г. и Новой трансатлантической повестки дня 1995 г. Второй раздел посвящен проблеме институционализации отношений между ЕС и НАТО в связи с появлением и развитием Европейской политики безопасности и обороны. В третьем анализируются кон-

кретные направления и проблемы взаимодействия ЕС и США по отражению новых глобальных угроз безопасности. В четвертом рассматривается сотрудничество сторон в экономической и финансовой сфере. Раздел заканчивается переговорами между Брюсселем и Вашингтоном о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, которые ведутся с 2013 г. С подписанием данного соглашения связываются надежды на укрепление европейско-американского экономического сотрудничества и усиление роли Европейского Союза в мире через оказание влияния на развитие мировой торговли.

Новая трансатлантическая повестка дня

Механизм периодических консультаций между Европейским экономическим сообществом (ЕЭС) и США начал развиваться еще в 1970-е гг. после создания в ЕЭС системы Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Тогда же начали устанавливаться прямые контакты между Европейским Парламентом и конгрессом США. На рубеже 1980–1990-х гг. Европейское Сообщество и США подошли к необходимости развития нового механизма консультаций по широкому кругу вопросов глобального характера. К этому подталкивала активизация интеграционных процессов в Европе после подписания в 1986 г. Единого Европейского акта (ЕЕА) и изменения в системе международных отношений, вызванные окончанием холодной войны. После принятия ЕЕА с его программой создания к декабрю 1992 г. единого внутреннего рынка в американской прессе появились статьи, предостерегающие против появления торговой «крепости Европа». В США опасались, что Европейское Сообщество станет проводить политику, несовместимую с американскими интересами, если процесс развития европейской интеграции не будет сопровождаться налаживанием трансатлантического диалога. В свою очередь в Европе возникли опасения, что окончание холодной войны и исчезновение общего противника в лице советской угрозы может привести к уменьшению интереса США к делам Европы и к резкому сокращению американских гарантий европейской безопасности.

В 1989 г. председатель Европейской Комиссии Ж. Делор и госсекретарь США Дж. Бейкер призвали к институционализации

отношений между Европейским Сообществом и США через подписание рамочного соглашения, отражающего общие идеалы и ценности сторон¹. В ноябре 1990 г. была подписана Трансатлантическая декларация, призванная заложить основу отношений между Европейским Сообществом и США в новом постбиполярном мире. Подписание декларации должно было способствовать укреплению трансатлантической солидарности для решения таких общих задач, как поддержка демократии в Европе и во всем мире, обеспечение мира и международной безопасности, содействие стабильному экономическому росту и дальнейшему развитию многосторонней торговой системы, оказание помощи развивающимся странам. Стороны договорились информировать и консультироваться друг с другом по наиболее важным экономическим и политическим вопросам, представляющим взаимный интерес, с целью максимально возможного сближения позиций. Трансатлантическая декларация заложила механизм регулярных консультаций:

– два раза в год попеременно по обеим сторонам Атлантики между председателем Европейского Совета, председателем Комиссии и президентом США;

– дважды в год между министрами иностранных дел стран-членов Европейского Сообщества с участием Комиссии и госсекретарем США;

– по мере необходимости между министром иностранных дел страны, председательствующей в Совете, или «тройкой» (предыдущий, настоящий и будущий председатель Европейского Совета) и госсекретарем США;

– дважды в год между Комиссией и правительством США.

Документ формализовал ранее сложившиеся формы трансатлантических консультаций, такие как информирование американских коллег об итогах встреч в рамках ЕПС и диалог между Европейским Парламентом и конгрессом США². С принятием Трансатлантической декларации Европейское Сообщество заняло свое место в качестве третьего основного элемента в институциональной структуре трансатлантических отношений наряду с НАТО и двусторонними отношениями США с европейскими

¹ Ever Closer Partnership: Policy-Making in US-EU Relations / ed. by E. Philippart and P. Winand. Brussels, 2001. P. 43–44.

² Transatlantic Declaration on EC-US Relations, 1990. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (date of access: 17.02.2016).

странами. Формат саммитов усилил полномочия Комиссии представлять единую Европу на переговорах с США. Регулярный диалог с представителями различных институтов Европейского Сообщества способствовал лучшему пониманию американцами механизма принятия решений в сообществе. Проведение регулярных консультаций подталкивало обе стороны к тому, чтобы периодически определять свою позицию по ключевым вопросам трансатлантических отношений. В начале 1990-х гг., в связи с подготовкой к Уругвайскому раунду Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), вместо встреч на высшем уровне проводились рабочие встречи на уровне заместителя госсекретаря и главы Генерального директората по внешним отношениям Комиссии Европейского Сообщества. В ходе таких встреч происходило выявление взаимных интересов на уровне экспертов, которые затем вырабатывали конкретные рекомендации для правительств. Результативность консультаций зависела от того, какая европейская страна в данный момент председательствовала в Европейском Совете¹.

Администрация Б. Клинтона положительно отнеслась к активизации интеграционных процессов в Европе, завершившихся созданием Европейского Союза (ЕС). В Вашингтоне считали, что развитие европейской интеграции могло способствовать стабилизации политической и экономической обстановки в Европе после окончания холодной войны. Частью данного процесса являлось членство объединенной Германии в ЕС. США поддержали готовность стран ЕС оказать финансовую поддержку политическим и экономическим реформам, начавшимся в восточной части континента. Это позволяло американцам переложить расходы, связанные с помощью странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), на своих западноевропейских союзников². Вскоре после ратификации Маастрихтского договора в мае 1993 г. состоялся первый саммит США–ЕС. В Брюсселе в январе 1994 г. Б. Клинтон выступил в пользу укрепления институтов ЕС и отметил, что США извлекают больше пользы от взаимодействия с сильным и

¹ Gardner A. L. A New Era in US-EU Relations?: The Clinton Administration and the New Transatlantic Agenda. Aldershot, 1997. P. 11–12.

² В 1990–1995 гг. на долю ЕС и стран-членов ЕС приходилось 53,5 % всей оказанной странам ЦВЕ помощи, а на долю США – только 11,3 %. Еще 24,8 % помощи предоставляли международные финансовые институты. См.: The United States and Europe in the Global Arena / ed. by F. G. Burwell and I. H. Daalder. N. Y., 1999. P. 47.

единым, нежели слабым партнером¹. Правительство Б. Клинтона поддержало намерение стран ЦВЕ вступить в ЕС, но постаралось синхронизировать данный процесс с расширением НАТО. К тому же, поскольку критерии вступления в ЕС были более сложными, чем критерии вступления в НАТО, расширение Североатлантического альянса помогло заполнить паузу, образовавшуюся в отношениях стран ЦВЕ с западным сообществом². В итоге неформального соглашения между ЕС и США европейские страны признали лидерство США в процессе расширения НАТО, гарантирующего безопасность региона, расположенного на восточной границе ЕС.

После принятия Трансатлантической декларации главную роль в процессе трансатлантических консультаций играли саммиты ЕС – США. Основной проблемой трансатлантического взаимодействия являлось отсутствие преемственности между саммитами. В период председательства Германии в ЕС правительство ФРГ выступило с инициативой создания более гибкого механизма координации политики в период между саммитами с целью сглаживания трансатлантических разногласий прежде, чем они выйдут на поверхность³. На саммите ЕС – США в Берлине в июле 1994 г. было предложено учредить три рабочих группы (по международной преступности, по Общей внешней политике и политике безопасности, по политике в отношении стран ЦВЕ), которые должны были подготовить повестку дня предстоящего саммита в Вашингтоне. Работа групп оказалась не слишком эффективной из-за трансатлантических разногласий, а также противоречий между Комиссией и странами-членами ЕС.

В июне 1995 г. Вашингтонский саммит ЕС – США принял решение о создании Рабочей группы высокого уровня для разработки трансатлантической повестки дня на XXI век. Администрация США склонялась в пользу подписания достаточно краткого документа, перечисляющего несколько наиболее приоритетных задач трансатлантического сотрудничества, что должно было уменьшить критику в адрес расплывчатого и общего характера Трансатлантической декларации и достаточно общих дискуссий во время саммитов. В свою очередь, Европейский Союз настоял на том, чтобы составить приоритеты по тематическому, а не географическому

¹ Remarks to Future Leaders of Europe in Brussels, January 1994 // Public Papers of the Presidents. William J. Clinton. 1994. Book. 1. Washington DC, 1995. P. 9.

² The United States and Europe in the Global Arena. P. 37–38.

³ Gardner A. L. Op. cit. P. 13–14.

ческому принципу. Это должно было усилить слабую внешнюю политику ЕС и подчеркнуть его роль как глобального игрока, а не просто организации, имеющей региональные интересы и влияние¹. Новый документ, продолжающий Трансатлантическую декларацию, был призван адаптировать трансатлантическое сотрудничество к новому качеству, обретенному ЕС после подписания Маастрихтского договора, и содействовать усилению роли ЕС в мировой политике. Сторонам предстояло договориться о том, как обеспечить преемственность между саммитами, связать вместе различные уровни консультаций и дополнить встречи на высшем уровне встречами экспертов по конкретным вопросам.

В декабре 1995 г. на Мадридском саммите ЕС–США была принята Новая трансатлантическая повестка дня, которая провозгласила переход от консультаций к совместным действиям по четырем приоритетным направлениям:

- содействие миру, стабильности и развитию демократии во всем мире;
- ответ на глобальные вызовы;
- вклад в расширение мировой торговли и развитие экономических отношений;
- построение мостов через Атлантику².

Конкретные мероприятия по реализации поставленных в Новой трансатлантической повестке дня задач были изложены в одобренном на том же саммите Плане совместных действий, который содержал более 170 предложений. В числе приоритетных задач в Плане назывались урегулирование конфликта на территории бывшей Югославии; содействие демократическим реформам в странах ЦВЕ и новых независимых государствах; обеспечение мира на Ближнем Востоке; противодействие международной организованной преступности, нелегальной торговле наркотиками и терроризму; объединение усилий по защите окружающей среды и борьбе с эпидемиями; выполнение решений Уругвайского раунда ГАТТ. Раздел Новой трансатлантической повестки дня о построении мостов через Атлантику призывал к развитию культурных, научных и образовательных связей между гражданами ЕС и США³. Поскольку задачей обоих документов являлось

¹ Ever Closer Partnership: Policy-Making in US-EU Relations. P. 49.

² The New Transatlantic Agenda, 1995 [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (date of access: 25.03.2016).

³ Ibid.

укрепление трансатлантической солидарности, из Плана были сознательно исключены некоторые вопросы, по которым у ЕС и США имелись серьезные разногласия, например, торговля сельскохозяйственной продукцией, вопросы «жесткого» обеспечения безопасности, отношения с Ливией, Ираном и Ираком. План совместных действий являлся достаточно гибким документом, который мог пересматриваться на очередном саммите. Перед каждым саммитом ЕС–США группа экспертов оценивала результаты прошедших шести месяцев и составляла новые приоритетные задачи, которые должны были определять работу Новой трансатлантической повестки дня на следующие полгода.

С юридической точки зрения Новая трансатлантическая повестка дня являлась джентльменским соглашением, которое не устанавливало жестких правил поведения для партнеров. Однако принятие данного документа способствовало установлению прямых контактов между чиновниками из соответствующих ведомств в ЕС и США; расширению сфер трансатлантического сотрудничества; вовлечению в трансатлантический диалог неправительственных акторов через систему диалогов между профсоюзами, потребителями, экологическими организациями, а также диалога по проблемам содействия развитию стран третьего мира. Направленность процесса задавали регулярные саммиты¹, на которых принимались политические решения, закреплявшие разработанные ранее инициативы. В период между саммитами специальные координирующие органы обеспечивали преемственность трансатлантических консультаций и разрабатывали конкретные предложения по дальнейшему развитию сотрудничества. Серия саммитов, работа специальных координирующих органов и кооптирование новых категорий акторов значительно улучшили взаимную осведомленность и понимание между ЕС и США, следствием чего могла стать большая конвергенция их политик. Гибкий характер Новой трансатлантической повестки дня и постоянный мониторинг состояния отношений между ЕС и США, осуществляемый Рабочей группой высокого уровня, позволяли предотвращать возможные конфликты между трансатлантическими партнерами².

¹ В 2010 г. было принято решение отказаться от практики ежегодного проведения саммитов США–ЕС и созывать их по мере необходимости.

² Ever Closer Partnership: Policy-Making in US-EU Relations. P. 50–55.

Среди трансатлантических диалогов наиболее оформленным и влиятельным являлся диалог между представителями бизнеса, учрежденный в ноябре 1995 г. в Севилье по инициативе министра торговли США Р. Брауна и членов Комиссии ЕС Л. Бриттана и М. Бангеманна. В диалоге принимали участие европейские и американские компании и ассоциации. Бизнес-диалог, который являлся неформальным форумом для обсуждения экономических вопросов, способствовал деполитизации торговых отношений между ЕС и США. Начиная с 1995 г. в рамках диалога проводились регулярные конференции, которые совпадали с ритмом саммитов. Таким образом деловое сообщество старалось привлечь внимание политических лидеров к ключевым вопросам торговли и инвестиций. Представители диалога тесно сотрудничали с Комиссией ЕС и правительством США и таким образом участвовали в формировании трансатлантической повестки дня по экономическим вопросам. В ходе конференций участники вырабатывали практические рекомендации по вопросам торговой политики, которые затем включались в План совместных действий. Председатели диалога иногда принимали участие в саммитах ЕС–США¹.

Саммиты, широко освещавшиеся средствами массовой информации, во многом показывали парадную сторону отношений ЕС и США. Трения между трансатлантическими партнерами оставались за рамками саммитов. Наиболее заметными противоречиями данного периода были торговые конфликты, а также критика внешней политики друг друга. Хотя Евросоюз был важным союзником Соединенных Штатов в оказании экономической помощи развивающимся странам Африки и Ближнего Востока, Вашингтон критиковал Брюссель за преференциальную торговую политику в отношении данных стран. Другим объектом американской критики были экспортные субсидии, являвшиеся одним из ключевых элементов Общей сельскохозяйственной политики ЕС. В свою очередь Евросоюз не одобрял экономические санкции, введенные США в отношении некоторых стран. Так, принятый в 1996 г. в США закон Хелмса-Бертон об экономической блокаде Кубы среди прочего предусматривал санкции против третьих стран, нарушающих это эмбарго, что задевало интересы европейских компаний. ЕС заявил о готовности оспаривать правомочность данных

¹ Transatlantic Governance in the Global Economy / ed. by M. A. Pollack and G. C. Shaffer. N.Y., 2001. P. 217–220.

мер в пришедшей на смену ГАТТ Всемирной торговой организации (ВТО) и вынудил США пойти на уступки, чтобы предотвратить разбирательство.

Сопrotивление европейцев вызвал и принятый в том же году закон «О санкциях в отношении Ирана и Ливии», который вводил санкции против компаний, готовых инвестировать более 40 млн долл. в энергетический сектор Ирана. Если для стран Европы Иран являлся крупным региональным игроком на Ближнем Востоке и поставщиком нефти на европейский рынок, то США рассматривали его в качестве одного из «государств-изгоев». Существенную тревогу Вашингтона вызывала ядерная программа Ирана. Для достижения своих целей правительство США проводило политику изоляции Ирана. В свою очередь страны ЕС выступали за конструктивный диалог с Ираном, что подразумевало развитие взаимовыгодного торгового и инвестиционного сотрудничества с Тегераном в ответ на политические преобразования в Иране и иранскую политику в духе стабильности на Ближнем Востоке. Европейцы считали излишним применение санкций для достижения политических целей в отношении Ирана, за исключением контроля над экспортом технологий двойного назначения. Как и в случае с Кубой, ЕС удалось добиться от США пересмотра ограничений в отношении европейских компаний, ведущих дела с Ираном¹.

Участие США в создании Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), равно как подписание Европейским Союзом торговых соглашений со странами ЦВЕ, Средиземноморья, государствами Африки, Карибского моря и Тихоокеанского региона (АКТ), резко контрастировало с отсутствием соглашения между трансатлантическими партнерами. Так как после азиатского финансового кризиса 1997 г. европейские рынки выглядели более надежными для американского экспорта и инвестиций, ЕС и США смогли взяться за экономический раздел Новой трансатлантической повестки дня, включавший такую задачу, как создание трансатлантического рыночного пространства. В марте 1998 г. Комиссия ЕС одобрила соответствующий план, предложенный комиссионером Л. Бриттаном, отвечающим за внешнеэкономические отношения. План Бриттана предполагал полную отмену

¹ Троицкий М. А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004. М., 2004. С. 119–121.

пошлин на промышленные товары к 2010 г., создание зоны свободной торговли услугами, либерализацию в сферах государственных закупок, интеллектуальной собственности и инвестиций. США не успели отреагировать на это предложение, так как Франция выступила против создания трансатлантического рыночного пространства, опасаясь либерализации рынка аудиовизуальной продукции. В апреле 1998 г. министры иностранных дел стран-членов Евросоюза отклонили предложение Л. Бриттана¹. Вместо этого на Лондонском саммите ЕС–США в мае 1998 г. был подписан другой документ о создании Трансатлантического экономического партнерства (ТЭП). В нем были поставлены задачи по усилению и расширению экономического сотрудничества в рамках ВТО и на двусторонней основе в целях создания более открытой мировой торговой системы, сокращения трений в торговле между США и ЕС и обеспечения экономического процветания по обеим сторонам Атлантики². В рамках ТЭП вместо полного устранения торговых барьеров предусматривалась либерализация торговли по отдельным группам товаров. Создание новых институтов трансатлантического взаимодействия в большей степени способствовало развитию диалога и сотрудничества между ЕС и США, чем совместным действиям партнеров. С одной стороны, Соединенные Штаты вкладывали больше политических и дипломатических усилий в укрепление и расширение НАТО, чем реализацию целей, заявленных в Новой трансатлантической повестке дня. С другой стороны, Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ) находилась в стадии становления. Принятие решений в рамках ОВПБ требовало длительного согласования между правительствами стран-членов Евросоюза. Пересекающиеся полномочия различных институтов ЕС в сфере внешней политики (например, экономические санкции находились в компетенции Комиссии, а организованная преступность и нелегальная торговля наркотиками – в компетенции Совета министров) затрудняли сотрудничество между Брюсселем и Вашингтоном по конкретным вопросам. В силу специфики ОВПБ американцам иногда было проще решить некоторые политические проблемы в рамках двусторонних отношений. В итоге в политике США попытки повысить уровень отношений с Брюсселем нередко сочетались

¹ Ever Closer Partnership: Policy-Making in US-EU Relations. P. 261.

² Transatlantic Economic Partnership, 1998 [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (date of access: 20.02.2016).

с акцентом на развитии двусторонних отношений с отдельными европейскими партнерами (например, с Великобританией или ФРГ). Влияние на диалог между ЕС и США оказывала и принятая в Союзе система ротации председательства в Европейском Совете каждые полгода и, соответственно, отношения конкретной европейской страны с США.

Активизация интеграционных процессов в Европе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. способствовала созданию новых институтов, обеспечивающих тесное взаимодействие между ЕС и США по актуальным вопросам мировой политики. В то же время общее укрепление трансатлантических отношений произошло по образцу времен холодной войны, то есть с явным американским лидерством в трансатлантическом союзе. Этому в немалой степени способствовала слабость ЕС как военного и политического актора и зависимость европейских стран от американских гарантий безопасности.

Проблема взаимодействия Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) и НАТО

После окончания холодной войны страны ЕС и США выступили за сохранение тесного военно-политического сотрудничества в рамках НАТО, необходимого для эффективного противодействия новым вызовам и угрозам евроатлантической безопасности. В то же время поведение обоих акторов характеризовалось противоречивыми тенденциями. Европейские страны, с одной стороны, опасались ухода США из Европы и потери американских военных гарантий, компенсирующих несовершенные возможности европейцев по обеспечению собственной безопасности. С другой стороны, они стремились ограничить американское военно-политическое влияние на континенте за счет укрепления собственной оборонной идентичности. Маастрихтский договор 1992 г. провозгласил в качестве второй опоры ЕС формирование Общей внешней политики и политики безопасности, включая создание совместной оборонной политики, которая со временем могла бы быть преобразована в совместную оборону. Западноевропейский союз (ЗЕС) был признан составной частью и оборонительным компонентом ЕС. Те страны ЕС, которые не входили в ЗЕС, были приглашены вступить в данную организацию на правах

полноправных членов или наблюдателей¹. В июне 1992 г. Совет министров ЗЕС в Петербурге сформулировал основные задачи политики безопасности ЕС, которые затем были включены в Амстердамский договор 1997 г. «Петербургские задачи» охватывали миротворчество, гуманитарные и спасательные операции, кризисное урегулирование, включая превентивные действия по предотвращению конфликтов и принуждение к миру.

США приветствовали стремление европейцев больше опираться на собственные силы в обеспечении безопасности, но опасались потери лидерства в трансатлантическом союзе. Американцы стремились закрепить главную роль в системе евроатлантической безопасности за такой эффективной и проверенной временем организацией, как НАТО, и вписать европейские оборонные инициативы в общую политику альянса. Одновременно США подталкивали европейские страны к тому, чтобы они увеличили свой вклад в военные расходы НАТО. Заключительное коммюнике Совета НАТО от 2 декабря 1993 г. приветствовало «становление европейской идентичности в области безопасности и обороны и дальнейшее развитие тесного сотрудничества между НАТО и ЗЕС на основе транспарентности и взаимодополняемости, что должно было способствовать усилению европейской опоры НАТО и альянса в целом и, в конечном итоге, укреплению и развитию более равного трансатлантического партнерства»². В эпоху глобальных угроз безопасности перед НАТО были поставлены дополнительные задачи, такие как кризисное реагирование и миротворчество не только в Северной Атлантике, но и за пределами евроатлантической зоны (*out-of-area operations*). Ввиду сложных и непредсказуемых процессов, связанных с распадом СССР и Югославии, в качестве наиболее вероятной зоны кризисов в это время рассматривались Восточная Европа и Балканы. Новые задачи НАТО подразумевали сокращение американского военного контингента в Европе и реформирование сил альянса в более мобильные подразделения, способные гибко реагировать на кризисы и готовые к быстрой переброске в зону конфликта³.

¹ В связи с возможным расширением ЕС в 1994 г. также был введен институт ассоциированного партнерства, который позволил странам ЦВЕ подключиться к деятельности ЗЕС.

² NATO Council Final Communiqué, 2 December 1993 [Electronic resource]. URL: http://nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24131.htm?selectedLocale=en (date of access: 25.01.2016).

³ Троицкий М. А. Указ. соч. С. 166–167.

В США опасались ослабления НАТО ввиду появления в Европе дублирующих военных структур и неэффективного использования ресурсов. Наихудшим сценарием для правительства Соединенных Штатов было сохранение военной слабости Европы с одновременным дистанцированием европейских стран от политики США и НАТО. В ответ на европейские оборонные инициативы осенью 1993 г. Вашингтон выдвинул встречный проект по созданию в рамках Североатлантического альянса объединенных многонациональных оперативных сил (МОС), которые были бы «отделяемыми, но не отдельными» (*separable but not separate*) от НАТО. Данные силы с участием всех или отдельных стран-членов НАТО в зависимости от ситуации могли действовать под эгидой НАТО или ЗЕС для проведения операций вне традиционной зоны ответственности НАТО (т. е. не подпадающих под действие статьи 5 Североатлантического договора). Концепция МОС была утверждена на Брюссельском саммите НАТО в январе 1994 г.

На практике страны ЕС не обладали достаточными военными и техническими возможностями для создания собственных вооруженных сил. В июне 1996 г. в Берлине между НАТО и ЗЕС было подписано рамочное соглашение, согласно которому Западноевропейский союз получил возможность доступа к военным и техническим ресурсам НАТО для проведения самостоятельных военных операций по выполнению «петербургских задач», в которых США или альянс в целом не будут принимать участие. В операциях, проводимых под эгидой ЗЕС, по желанию могли участвовать все европейские государства-члены НАТО. В случае серьезного международного кризиса данные силы могли быть вновь отозваны под командование НАТО. Данное соглашение позволило примирить американские и европейские инициативы, но оставило открытым ряд важных для европейцев вопросов, в том числе всегда ли Соединенные Штаты будут готовы предоставить ресурсы НАТО в распоряжение ЗЕС, а также как и когда будет приниматься решение о том, что США не будут вовлечены в конкретный конфликт. В свою очередь в Вашингтоне были обеспокоены тем, что европейские страны, не являющиеся членами НАТО, могли вступить в ЗЕС. Получив возможность доступа к ресурсам Северо-Атлантического альянса, такие страны, по мнению американских аналитиков, могли через «заднюю дверь» войти в НАТО¹.

¹ В соответствии с Брюссельским договором, в том случае, если бы один из членов ЗЕС подвергся внешней агрессии, остальные участники союза должны были прийти ему

В 1990-е гг. европейцы не смогли создать собственную армию. ЕС мог располагать лишь подотчетными НАТО многонациональными оперативными силами, благодаря которым ЗЕС на первое время получил формальную возможность действовать. Несмотря на усилия европейских стран по созданию собственной оборонной идентичности, в случае серьезного кризиса в Европе наиболее вероятным сценарием было участие в его урегулировании не европейских, а американских сил, что и продемонстрировали события в бывшей Югославии. Функции по урегулированию вооруженных конфликтов на Балканах взяла на себя НАТО. Военные операции в Боснии 1995 г. и Косово 1999 г. показали, что европейские страны были не готовы действовать эффективно без своего американского союзника. В ходе операций стали очевидными технологическое отставание европейских членов НАТО от США и необходимость увеличения европейцами расходов на вооружения и военно-технические исследования.

США не удалось превратить ЗЕС в европейскую опору НАТО. Все члены Западноевропейского союза, за исключением Великобритании, склонялись в пользу постепенного включения ЗЕС в институциональную структуру ЕС. Усилия по созданию оборонного компонента ОВПБ активизировались в конце 1990-х гг. по инициативе британского правительства. В декабре 1998 г. во французском городе Сен-Мало премьер-министр Великобритании Т. Блэр и президент Франции Ж. Ширак подписали совместную декларацию, в которой говорилось о необходимости создания военных сил и развития соответствующей военно-промышленной и технологической базы для проведения Европейским Союзом операций, автономных от США и НАТО¹. Кризис в Косово подтвердил первоочередное значение угроз безопасности на периферии ЕС и подтолкнул европейцев к тому, чтобы задуматься о создании европейских сил для реагирования на подобные кризисы и способах большего влияния на операции, разрабатываемые и проводимые НАТО².

на помощь, используя все имеющиеся в их распоряжении военные и иные ресурсы. См.: Hunter R. E. *The European Security and Defense Policy: NATO's Companion – or Competitor?* Santa Monica, CA, 2002. P. 21–22.

¹ British-French Summit, St. Malo, 3–4 December 1998, Joint Declaration on European Defence / From St. Malo to Nice. *European Defence: Core Documents*. Compiled by Maartje Rutten. May 2001 [Electronic resource]. URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp047e.pdf> (date of access: 19.01.2016).

² *Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy* / ed. by J. Hovorth and J. Keeler. N.Y., 2003. P. 65–66.

В июне 1999 г. саммит ЕС в Кельне закрепил понятие Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО) как составной части ОВПБ. На учрежденный Амстердамским договором пост Высокого представителя по ОВПБ был назначен испанский дипломат, бывший генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана. Страны-участницы ЕС решили, что союз должен иметь в своем распоряжении дееспособные вооруженные силы для проведения ограниченных военных операций в Европе и за ее пределами без их предварительной подготовки в рамках НАТО.

Развитие ЕПБО должно было представить убедительное обоснование процесса модернизации вооруженных сил стран ЕС в условиях отсутствия непосредственной военной угрозы Европе, ускорить процесс консолидации европейской военной промышленности и улучшить переговорные возможности ЕС в вопросах европейской и международной безопасности. Х. Солана был назначен по совместительству генеральным секретарем ЗЕС, что означало окончательное включение институтов ЗЕС в Европейский Союз. Провозглашение ЕПБО возродило старую дискуссию о соотношении европейских оборонных инициатив и НАТО. В Вашингтоне появление ЕПБО приветствовали те политики и исследователи, которые являлись сторонниками сокращения американских внешнеполитических обязательств и сосредоточения на вопросах внутренней политики. В свою очередь противники европейских оборонных инициатив опасались, что развитие ЕПБО может привести к увеличению независимости Европы от США, росту конкуренции между США и странами ЕС в производстве вооружений, ослаблению Североатлантического альянса, в том числе из-за появления «европейской фракции» в Совете НАТО¹. Широко распространенными в политическом истеблишменте США были скептические настроения в отношении попыток европейцев укрепить свою оборонную идентичность. Такие видные эксперты, как бывший советник по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, не верили в то, что в ближайшее время Европа сможет стать военной или политической державой, так как не обладает волей к этому. По мнению З. Бжезинского, администрации США не следовало лишний раз раздражать союзников своей обеспокоенностью по поводу европейских оборонных инициатив².

¹ Hunter R. E. Op. cit. P. 76–78.

² Brzezinski Zb. Living with a New Europe // The National Interest. 2000. № 60. P. 24.

На официальном уровне администрация Б. Клинтона поддерживала большинство целей ЕПБО, в том числе стремление стран ЕС увеличить или хотя бы стабилизировать уровень своих военных расходов. Это должно было способствовать выполнению странами ЕС их обязательств в рамках выдвинутой в 1998 г. Инициативы по укреплению оборонных возможностей Североатлантического альянса и ликвидации явного отставания европейских союзников в процессе модернизации вооруженных сил НАТО. Правительство США положительно отреагировало на желание европейцев действовать за пределами Европы (при условии, что европейское видение ситуации совпадает с американским) и готовность взять на себя управление кризисами, особенно их гражданскими аспектами. Через несколько дней после франко-британского саммита в Сен-Мало госсекретарь США М. Олбрайт, выступая на встрече министров иностранных дел стран НАТО в Брюсселе, поддержала развитие «европейской идентичности в области безопасности и обороны». В США предпочитали использовать термин «идентичность», подчеркивая связь европейских оборонных инициатив с процессом укрепления Североатлантического альянса, в котором должны были принимать участие не только члены ЕС, но все европейские государства, входящие в НАТО. М. Олбрайт обозначила так называемую формулу «3 D», согласно которой США были готовы поддержать развитие ЕПБО, если это не приведет к:

- дезинтеграции (*decoupling*) Североатлантического альянса, т. е. принятие соответствующих решений в ЕС не должно было быть оторванным от процесса принятия решений в НАТО;

- дублированию (*duplication*) военных структур НАТО Европейским Союзом;

- дискриминации (*discrimination*) по отношению к европейским странам-членам НАТО, не входящим в ЕС, таким как Исландия, Норвегия и Турция¹.

Правительство США было заинтересовано в том, чтобы выстроить отношения между ЕПБО и НАТО на основе модели, закрепленной в Берлинском соглашении НАТО и ЗЕС. Совету НАТО было поручено подготовить соответствующие рекомендации к очередно-

¹ Albright M. K. The Right Balance Will Secure NATO's Future // From St. Malo to Nice. European Defence: Core Documents [Electronic resource]. URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp047e.pdf> (date of access: 19.01.2016). В связи с предстоящим в 1999 г. расширением НАТО, в категорию членов альянса, не входящих в ЕС, попадали также Польша, Чехия и Венгрия.

му саммиту альянса¹. Вашингтонский саммит НАТО 1999 г. приветствовал развитие Европейской политики безопасности и обороны и военно-политическое сотрудничество ЕС с НАТО, а также проведение Европейским Союзом автономных военных действий в тех случаях, когда Североатлантический альянс в целом не будет задействован. В итоговом коммюнике саммита было отмечено, что европейские страны, не являющиеся членами ЕС, должны получить возможность участия в антикризисных операциях, проводимых Европейским Союзом². Саммит утвердил Инициативу по укреплению оборонных возможностей НАТО; приветствовал вступление Польши, Чехии и Венгрии в альянс; и принял новую Стратегическую концепцию НАТО. В стратегии было зафиксировано, что безопасность евроатлантического пространства подвержена широкому диапазону военных и невоенных потенциальных угроз (региональные конфликты, распространение оружия массового уничтожения, терроризм), которые могут исходить из-за пределов традиционной сферы ответственности НАТО³.

В европейских странах по-разному подходили к проблеме соотношения ЕПБО и НАТО. Такие страны, как Великобритания, Дания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, а также страны-кандидаты на вступление в ЕС из ЦВЕ (например, Польша), отводили роль главного института в обеспечении безопасности НАТО. Однако понимание того, что Вашингтон рассматривает большую готовность европейцев опираться на собственные силы в качестве основного условия сохранения американских гарантий европейской безопасности, побудило британского премьер-министра Т. Блэра подписать декларацию в Сен-Мало. Таким образом, для Т. Блэра развитие ЕПБО прежде всего являлось стратегией, направленной на усиление НАТО. В политике безопасности ФРГ, Бельгии и Люксембурга традиционно большую роль играла НАТО, но данные страны поддерживали также развитие ЕПБО. В Испании полагали, что ЕС и ЕПБО смогут лучше, чем НАТО, гарантировать достижение приоритетной задачи ее оборонной политики – заключение средиземноморского пакта безопасности.

¹ Hunter R. E. Op. cit. P. 34.

² Washington Summit Communiqué, 24 April 1999 [Electronic resource]. URL: http://nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27440.htm?selectedLocale=en (date of access: 28.03.2016).

³ Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23–24 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_27433.htm (дата обращения: 17.01.2016).

Франция поддерживала взаимодополняющее развитие ЕПБО и НАТО, при котором крупные военные операции по обеспечению коллективной безопасности проводились бы НАТО, а автономные миссии по управлению кризисами – Европейским Союзом. Однако французские представители постоянно делали акцент на достижениях сбалансированного трансатлантического партнерства с превращением ЕПБО в «европейскую опору» такого партнерства¹. Политики из Брюсселя и ряда европейских государств стремились заверить администрацию США в том, что ЕПБО будет скорее способствовать укреплению, чем ослаблению и подрыву НАТО. В ноябре 1999 г., выступая на ежегодной сессии парламентской ассамблеи Североатлантического альянса, генеральный секретарь НАТО и бывший министр обороны Великобритании Дж. Робертсон трансформировал негативную формулу «3 D» в позитивную формулу «3 I». Согласно данной формуле, развитие ЕПБО должно было способствовать:

- улучшению (*improvement*) военных возможностей Европы;
- вовлеченности (*inclusiveness*) всех членов НАТО;
- неразделимости (*indivisibility*) трансатлантической безопасности².

Развитие организационной структуры ЕПБО было продолжено на саммите ЕС в Хельсинки в декабре 1999 г. Саммит принял решение о создании к 2003 г. Европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР)³ численностью до 60 тыс. военнослужащих, а также политических институтов, ответственных за осуществление ЕПБО. В 2000 г. были учреждены Комитет по вопросам политики и безопасности, Военный комитет и Военный штаб ЕС. На саммите ЕС в Санта-Мария-да-Фейра в июне 2000 г. было принято решение о том, что не входящие в ЕС европейские страны-члены НАТО могут участвовать в военных операциях под эгидой ЕС, проводимых с использованием ресурсов НАТО, в других случаях для этого требуется приглашение Европейского Совета.

¹ Howorth J. Security and Defence Policy in the European Union. Basingstoke, 2007. P. 147–159.

² Speech by Lord Robertson, NATO Secretary-General, Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly, Amsterdam, 15 November 1999 // From St. Malo to Nice. European Defence: Core Documents [Electronic resource]. URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp047e.pdf> (date of access: 19.01.2016).

³ Кроме стран-членов ЕС (за исключением Дании) в Европейских силах быстрого реагирования решили участвовать 13 стран-кандидатов на вступление в ЕС, а также не входившие в ЕС члены НАТО – Норвегия и Турция.

Отношение Вашингтона к европейским оборонным инициативам оставалось неизменным – ЕПБО может быть приемлема, только если она не составляет конкуренцию Североатлантическому альянсу и американскому лидерству в нем, и если европейцы смогут предоставить военные ресурсы, полезные для НАТО. Создание военных институтов ЕС, способных принимать автономные решения, воспринималось в США как угроза первенству НАТО в планировании военных операций. Однако опасения по поводу автономных действий ЕС быстро сменились другими, что ЕСБР окажутся недостаточно мощными для урегулирования кризиса в Европе, и США снова придется вмешиваться в ситуацию. В официальных заявлениях Соединенные Штаты продолжали подменять термин ЕПБО термином «европейская идентичность в области безопасности и обороны» и постепенно добавляли новые условия к тем, что были сформулированы М. Олбрайт. Так, в 2000 г. бывший директор по европейским делам Совета национальной безопасности Ф. Гордон подчеркнул, что:

- европейцы должны уделять большее внимание модернизации своих военных возможностей, а не созданию новых структур;
- ЕС должен признать, что право первой отказаться от проведения военной операции принадлежит НАТО;
- ЕС и НАТО должны как можно скорее установить формальные отношения, чтобы избежать пересечения интересов и потенциального конфликта. Последнее условие предполагало также налаживание интенсивного диалога между военными отраслями промышленности США и европейских стран¹.

Развитие ЕПБО наталкивалось на ряд проблем, среди которых наиболее серьезной была нехватка ресурсов. В данный период в большинстве стран ЕС военные бюджеты сокращались, что было вызвано необходимостью сокращения бюджетного дефицита для вхождения в Экономический и валютный союз (ЭВС). Формирование ЕПБО также тормозилось в связи с осторожным отношением правительств стран ЕС к передаче внешнеполитических полномочий наднациональным органам и расхождениями между членами Евросоюза по ряду важных международных проблем. Налицо был явный разрыв между стремлением ЕС к большей автономности и сопровождающей данное стремление риторикой с одной стороны и возможностями и политической волей к этому – с другой.

¹ Howorth J. Op. cit. P. 140–141.

В итоге по причинам политического и организационно-технического характера сроки создания ЕСБР были отодвинуты на неопределенный период¹. Таким образом, европейские государства по-прежнему были неспособны дополнить или заменить американские ресурсы в военных операциях высокой интенсивности. Страны ЕС не располагали такими средствами, как тяжелые транспортные самолеты, высокоточное оружие, спутниковая связь, которые позволили бы им проецировать свое влияние за пределами Европы. На состоявшемся в ноябре 2002 г. саммите НАТО в Праге европейские члены альянса взяли на себя обязательства по совершенствованию своих военных возможностей с целью сокращения разрыва, который угрожал подорвать взаимодействие ЕС и НАТО. Там же было принято решение о создании к 2006 г. объединенных сил быстрого реагирования (СБР) альянса, способных к проведению операций высокой интенсивности по всему миру².

Несмотря на то, что после принятия декларации в Сен-Мало США и атлантические круги в ЕС выступали за скорейшее начало переговоров между Евросоюзом и НАТО, подписание соглашения по ЕПБО долго откладывалось. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, по-прежнему неясным оставался ответ на вопрос, обладает ли НАТО правом первой отказаться от участия в любой потенциальной операции. Во-вторых, сохранились сложности, связанные с отношением нейтральных стран Евросоюза и стран НАТО, не входивших в ЕС, к европейским военным операциям, проводимым с использованием ресурсов НАТО. Картина могла стать еще более мозаичной ввиду продолжающихся процессов расширения ЕС и НАТО (табл. 1). В-третьих, Турция использовала свое членство в Совете НАТО, чтобы наложить вето на процесс формализации отношений между Евросоюзом и НАТО. Проблема была решена к концу 2001 г. Турция получила гарантии ненападения от ЕС. Затем вето на эти договоренности наложила Греция. Спор был окончательно урегулирован после того, как Греция получила аналогичные гарантии: силы НАТО не атакуют государство-член ЕС. Турцию заверили, что миссии Европейского Союза не будут размещаться в Эгейском море. Она также получила возможность участвовать в операциях ЕС с использованием ресурсов

¹ Троицкий М. А. Указ. соч. С. 84.

² Prague Summit Declaration, 21 November 2002 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (date of access: 25.03.2016).

НАТО. Другой уступкой Турции было то, что Кипр (а заодно и Мальта) не могли принимать участие в операциях под эгидой ЕС.

Таблица 1. Членство в НАТО и ЕС (2004 г.)

Страны, являющиеся только членами НАТО	Страны, одновременно являющиеся членами НАТО и ЕС		Страны, являющиеся только членами ЕС
Исландия Канада Норвегия США Турция	Бельгия Великобритания Венгрия Греция Дания Италия Испания Латвия Литва Люксембург	Нидерланды Польша Португалия Словакия Словения Франция ФРГ Чехия Эстония	Австрия Ирландия Кипр Мальта Финляндия Швеция

Таким образом, декларация между ЕС и НАТО по ЕПБО была подписана только в декабре 2002 г. Декларация приветствовала становление ЕПБО, предоставляла Евросоюзу возможность доступа к ресурсам НАТО для проведения собственных военных операций, в которых весь альянс не будет вовлечен, и закрепляла за НАТО центральную роль в системе евроатлантической безопасности. Европейский Союз обязался обеспечить максимально полное участие не входящих в ЕС членов НАТО в механизме ЕПБО¹. Декларация заложила формальную основу для стратегического партнерства между Евросоюзом и НАТО в сфере управления кризисами и предотвращения конфликтов. В продолжение данного документа в марте 2003 г. ЕС и НАТО заключили соглашение «Берлин плюс», которое конкретизировало механизм координации проводимых ЕС военных миссий со структурами НАТО.

Создание ЕПБО и доступ к военным инструментам и планированию НАТО позволили Европейскому Союзу проводить собственные военные операции. Самостоятельная военная активность

¹ EU-NATO Declaration on ESDP, 16 December 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-142e.htm> (date of access: 17.01.2016).

ЕС ограничивалась небольшими по масштабу миротворческими операциями и полицейскими миссиями по поддержанию порядка. Приоритетное значение для ЕС имели конфликты на европейском континенте и в сопредельных регионах. Миссии ЕПБО были развернуты на Балканах, в Африке и на постсоветском пространстве¹. Не только Европейский Союз нуждался в ресурсах НАТО, но и НАТО нуждалась в ЕПБО, так как ЕС располагал политическими и экономическими возможностями, а также инструментами национального строительства и посткризисного восстановления, которых не было у НАТО.

Соглашение «Берлин плюс» не решило всех вопросов взаимодействия ЕС и НАТО и гармоничного военного сотрудничества между силами быстрого реагирования НАТО и Европейскими силами быстрого реагирования. ЕС и НАТО имели разные задачи и отличались по составу членов. Европейцы стремились использовать сотрудничество с НАТО для укрепления собственной автономии в планировании и проведении операций. В Вашингтоне опасались, что если ЕС начнет плохо подготовленную операцию и события выйдут из-под контроля, США будут вынуждены прийти на помощь европейцам против своего желания в соответствии с обязательствами по НАТО. В Европе существовали опасения, что НАТО зарезервирует лучшие силы за собой, оставив для операций под эгидой ЕС второсортные возможности. В Европейском Союзе без энтузиазма относились к эволюции НАТО из средства коллективной обороны в сторону организации с широкими обязательствами, что втягивало европейцев в американскую глобальную стратегию. В США не исчезли опасения, что ЕПБО может превратиться в соперника НАТО².

Нехватка военных ресурсов способствовала сохранению зависимости европейских стран от США. Появление и развитие ЕПБО не решило данную проблему, так как Европейская политика безопасности и обороны больше служила продвижению процесса европейской интеграции, чем достижению заявленной цели по превращению ЕС во внешнеполитического актора, обладающего возможностями для проведения автономных действий. Формализация отношений между ЕС и НАТО по ЕПБО также не привела к налаживанию полноценного взаимодействия между трансатлан-

¹ Европейский союз и региональные конфликты / ред. Н. К. Арбатова и А. М. Кокеев. М., 2011. С. 8.

² Howorth J. Op. cit. P. 173–177.

тическими партнерами. Негативное влияние на трансатлантическое военно-политическое сотрудничество оказывали и разные политические и нормативные предпочтения европейских стран и США.

Сотрудничество Евросоюза и США в сфере безопасности

С окончанием холодной войны ЕС и США столкнулись с новыми угрозами безопасности, такими как международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), вооруженные конфликты, транснациональная организованная преступность, массовые миграции населения, экономические риски, возможность перекрытия доступа к энергетическим ресурсам, экологические проблемы, распространение опасных заболеваний. Признавая наличие общих угроз, европейские страны и США, однако, имели разные представления о степени важности тех или иных угроз и методах их устранения. Для США первостепенными угрозами были международный терроризм, распространение ОМУ и региональные вооруженные конфликты. Источники данных угроз находились за пределами США и Европы, в тех регионах, где лишь Соединенные Штаты обладали возможностью применения военной силы. В ЕС признавали серьезность данных угроз, но для стран Союза не менее важной задачей являлось поддержание экономической и политической стабильности в регионах, находящиеся в непосредственной близости от Европы. Многие угрозы европейской безопасности, такие как этнические конфликты, нелегальная миграция или организованная преступность, носили невоенный характер и требовали иных ответов, нежели применение сугубо военных средств. К таким ответам относились, например, долгосрочные программы экономической помощи наиболее бедным и конфликтным регионам, поддержка демократических и рыночных институтов в развивающихся странах, но без прямого вмешательства в дела суверенных государств.

В то время как ЕС больше опирался на «мягкую» силу (способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников), для США на первом месте находилось применение «жесткой» силы (способность к принуждению). Вашингтон не был готов проявлять терпение в ожидании результатов европей-

ской политики «мягкой» силы в отношении новых угроз, которые могли принять глобальные формы в чрезвычайно короткие сроки. Американский политолог Р. Кейган образно сравнил подходы США и Европы к обеспечению безопасности с «подходами Марса и Венеры»¹. В свою очередь британский дипломат Р. Купер отметил, что США все еще живут в мире традиционных угроз и политики силы, в то время как ЕС вступил в постмодернистский мир, в котором на смену соперничеству между государствами пришли мирные отношения, основанные на нормах².

Европейцы были не готовы следовать американской глобальной повестке дня, для чего требовались огромные военные ресурсы и географически широкая трактовка интересов европейских стран. В Европе возникало ощущение, что США создают мнимые угрозы или преувеличивают значение существующих (наличие «стран-изгоев», ракетная угроза, распространение ОМУ), чтобы втянуть союзников в свою глобальную стратегию, и одновременно отгораживаются от проблем старого континента, где находятся настоящие угрозы европейской безопасности³. Принятое в мае 2001 г. администрацией Дж. Буша-мл. решение о развертывании системы национальной противоракетной обороны (НПРО), акцентировавшее внимание на защите территории США безотносительно безопасности союзников, вызвало беспокойство европейских стран в связи с возможным «разделением» безопасности США и Европы. Большинство стран-членов ЕС не разделяло озабоченности Вашингтона по поводу ракетной угрозы со стороны «стран-изгоев» и считало американские планы создания НПРО нереалистическими и неоправданно дорогостоящими. Беспокойство европейцев вызывала тенденция к отказу США от международных соглашений и обязательств. Так, Вашингтон отложил выполнение условий подписанного в 1998 г. Киотского протокола об ограничении выбросов углекислого газа в атмосферу и оттягивал признание Международного уголовного суда из-за нежелания подвергать риску наказания свой военный персонал за рубежом.

После террористических атак 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон (в ходе которых были убиты тысячи простых людей из 26 стран мира, включая сотни европейцев), правительство

¹ Kagan R. Power and Weakness // Policy Review. 2002. № 113. P. 3.

² Цит. по: Nielsen K. L. Continued Drift, but Without the Acrimony: US – European Relations under Barack Obama // Journal of Transatlantic Studies. 2013. № 1. P. 88.

³ Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy. P. 69.

Дж. Буша-мл. заявило о том, что Соединенные Штаты готовы к применению американской военной мощи за пределами страны для отражения новых глобальных угроз. 12 сентября ООН приняла специальную резолюцию с осуждением терактов, уполномочив США принять необходимые меры в ответ на нападение, тем самым признав ведущую роль Вашингтона в борьбе с международным терроризмом и предоставив ему выбор целей и средств для этой борьбы. На фоне террористических атак трения между США и странами ЕС по проблеме НПРО или ратификации Киотского протокола отошли на второй план. Атаки на США получили сочувственный отклик в Европе и привели к созданию антитеррористической коалиции. После событий 9/11 впервые была применена статья 5 Североатлантического договора, согласно которой нападение на одного члена альянса считается нападением на всех и предполагает коллективные ответные действия. В октябре 2001 г. силами международной «коалиции желающих» (США и поддержавшие данную операцию страны) была начата военная операция в Афганистане, направленная на ликвидацию базы террористической организации Аль-Каида во главе с Усамой Бен Ладеном и свержение поддерживавшего ее правящего режима Талибан. Выбор в пользу создания «коалиции желающих» (*coalition of the willing*) был обусловлен военным превосходством США, что делало вклад союзников в интенсивную фазу операции малоценным. После того, как в декабре 2001 г. США привели к власти временную администрацию во главе с Х. Карзаем, в Афганистан были введены Международные силы содействия безопасности. В августе 2003 г. данные силы поступили под командование НАТО¹.

Новые угрозы безопасности, подобные террористическим атакам 11 сентября, требовали объединения усилий трансатлантических союзников и поставили вопрос о географическом или функциональном «разделении труда» между ними. Первый подход был сформулирован в речи генерального секретаря НАТО лорда Дж. Робертсона в 2001 г., который заявил, что ЕС несет ответственность за выполнение особых задач на своей непосредственной периферии. Второй подход предполагал «разделение труда» на основе характера ЕС как гражданского актора, более компетентного в невоенных вопросах. В соответствии с данным подходом ЕС должен был зани-

¹ В состав сил входили представители стран-членов Североатлантического альянса и стран-партнеров НАТО, включая Азербайджан, Македонию, Албанию и Хорватию.

маться оказанием гуманитарной помощи, вопросами предотвращения кризисов и постконфликтного урегулирования, в то время как США и НАТО несли ответственность за военное управление кризисными ситуациями. Подобное «разделение труда» основывалось на том, что процесс принятия решений в ЕС более подходил культуре переговоров, тогда как принудительные меры больше отвечали особенностям организационного устройства НАТО.

Поскольку терроризм не был локализован в одном месте, для эффективной борьбы с данной угрозой США нуждались в объединении усилий со своими союзниками, включая сотрудничество разведывательных служб и полиции, а также в политических акциях для пресечения деятельности тех, кто поддерживал террористов. После событий 11 сентября Евросоюз и Соединенные Штаты договорились о замораживании счетов террористических групп и тех, кто их поддерживал, и приняли меры по усилению безопасности полетов. В дополнение к двустороннему сотрудничеству США со странами-членами ЕС в 2001–2002 гг. были подписаны два соглашения США с Европолем об обмене информацией. В ходе переговоров, однако, всплыли противоречия между жесткими стандартами Евросоюза по охране личной информации и стремлением Соединенных Штатов получать как можно более полные сведения о личности подозреваемых. Европейцы осторожнее, чем американцы, относились к ограничению гражданских и политических прав и свобод во имя борьбы с терроризмом. После длительных переговоров в 2007 г. США и ЕС пришли к компромиссу в отношении стандартов передаваемой информации¹. Другой проблемой являлось расхождение американского и европейского списков террористических групп, действующих на Ближнем Востоке. Сотрудничество Брюсселя и Вашингтона в противодействии терроризму также осложнялось из-за того, что страны-члены и институты ЕС обладали разными полномочиями в принятии решений в области внутренних дел и юстиции. Несмотря на то, что европейцы поддержали начало контртеррористической операции в Афганистане, они не были заинтересованы в увеличении своих войск или расходов на проведение данной операции. В то же время европейские страны активно участвовали в мероприятиях гражданского характера в Афганистане.

¹ Носов М. Г. Отношения ЕС – США: политика, экономика, безопасность // Современная Европа. 2014. № 4. С. 14.

После завершения антиталибской операции в Афганистане Вашингтон перенес цель борьбы с терроризмом с Афганистана на другие государства, связав ее с тезисом об опасности попадания ОМУ в руки террористов. В США считали, что традиционный подход к проблеме нераспространения ОМУ – санкции, экспортный контроль, отказ поставлять технологии – не является достаточным. Вместо этого Вашингтон выступал в пользу стратегии контрраспространения, которая предполагала военные приготовления и действия, направленные на сокращение данной угрозы. Европейцы же считали, что для борьбы с распространением ОМУ в первую очередь следует использовать такие методы, как переговоры и международные инспекции. Только после провала данных мер международное сообщество, в соответствии с главой 7 Устава ООН, могло переходить к санкциям, пресечению перевозок и, в случае необходимости, к применению военной силы¹. В январе 2002 г. в ежегодном обращении к конгрессу президент Дж. Буш-мл. обозначил так называемую «ось зла», состоящую из государств с недружественными для США режимами (Иран, Ирак, Северная Корея). Новые тенденции во внешней политике Вашингтона, включая готовность к применению военной силы в одностороннем порядке и возможность использования этой силы для проведения преэмптивных (упреждающих) действий, были закреплены в Стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г.² Руководствуясь обозначенной в стратегии концепцией преэмптивных действий и теорией свержения режимов, Соединенные Штаты стали готовиться к вторжению в Ирак.

Страны ЕС не разделяли риторику США в отношении так называемых «стран-изгоев» и стремление Вашингтона провести форсированную демократизацию всего региона Ближнего Востока на западный манер. Демократия являлась общей ценностью для США и стран ЕС, но если американцы полагали, что они способны распространять демократические режимы по всему миру, то европейцы скептически подходили к тому, что Запад может убедить других в своих ценностях с помощью военных методов³.

¹ Frohlich S. The New Geopolitics of Transatlantic Relations. Coordinated Responses to Common Dangers. Washington DC, 2012. P. 23.

² The National Security Strategy of the United States of America, September 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (date of access: 25.01.2016).

³ Frohlich S. Op. cit. P. 57.

Европейцы связывали угрозу международного терроризма с социально-экономическими условиями и израильской политикой США в ближневосточном конфликте и, соответственно, видели иное решение данной проблемы: через оказание экономической помощи и политическое урегулирование израильско-палестинской проблемы. В регионе Ближнего Востока интересы европейских стран были также связаны с такими вопросами, как обеспечение энергетической безопасности, уменьшение потока мигрантов из мусульманских стран в ЕС, создание безопасных условий для европейского туризма и бизнеса¹.

Несмотря на то, что после событий 9/11 европейские страны стали уделять большее внимание глобальным угрозам, это не означало безоговорочную поддержку политики Дж. Буша-мл. в Ираке. Решение США о начале военной операции в Ираке, направленной на свержение режима С. Хусейна, привело к серьезному расколу мнений в ЕС. В то время как Франция и ФРГ выступили против военного вмешательства, Великобритания, Испания и многие государства ЦВЕ (кандидаты на вступление в ЕС) поддержали операцию и затем направили свои контингенты в Ирак. Для проведения операции, начавшейся в марте 2003 г. под предлогом наличия в Ираке оружия массового уничтожения, США предпочли создание «коалиции по случаю» (*ad hoc coalition*) без поддержки ООН и НАТО, а также ключевых европейских союзников. Резолюция СБ ООН 1441, принятая 8 ноября 2002 г., лишь предупреждала Ирак о серьезных последствиях в случае продолжения Багдадом нарушения своих обязательств по нераспространению ОМУ, но не санкционировала начало военной операции. Война в Ираке, продемонстрировавшая готовность США принимать решения без оглядки на НАТО (которая должна была обеспечивать политическую и тыловую поддержку операции) и рекрутировать союзников в «коалиции по случаю», куда при желании можно было попасть и без формального членства в НАТО, усилила трансатлантические разногласия. Масло в огонь подлил министр обороны США Д. Рамсфелд, который заявил о наличии «старой Европы», выступившей с осуждением американских действий в Ираке, и «новой» Европы (страны, недавно вступившие в НАТО), поддержавшей США².

¹ Hunter R. E. U.S. – European Relations in the “Greater” Middle East // American Foreign Policy Interests. 2012. № 3. P. 129.

² Roter P., Sabic Z. “New” and “Old Europe” in the Context of the Iraq War and its Implications for European Security // Perspectives on European Politics and Society. 2004. № 3. P. 518.

Начало войны в Ираке стало вызовом для Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. В ЕС утвердилось мнение, что страны континента не могут выступить с повесткой дня по новым угрозам безопасности, как это сделали США после событий 11 сентября. Стремление Европы восстановить свое единство подтолкнуло ЕС к принятию в декабре 2003 г. собственной стратегии безопасности. Стратегия безопасности ЕС разделяла американскую повестку дня о новых угрозах, но смягчала их характер, пропорциональное значение и отношение к другим более известным угрозам. Европейцы частично принимали новый американский дискурс безопасности, согласно которому традиционная политика и институты безопасности больше не являлись адекватными, но выступали в пользу усовершенствования международных институтов, а не их обхода. Уникальный интеграционный опыт ЕС способствовал предрасположенности европейских стран к поиску многосторонних решений глобальных и региональных проблем. В свою очередь США признавали многосторонний подход только в качестве одного из возможных инструментов. Вместо превентивных военных действий стратегия ЕС делала акцент на превентивном вовлечении в дела слабых государств. В противовес «жесткому» подходу США, европейцы отдавали предпочтение легитимным мирным способам урегулирования конфликтов, но признавали, что в ряде случаев для полного устранения угрозы должна применяться военная сила¹. Некоторые исследователи отмечают, что различия между ЕС и США по вопросу использования военной силы больше касались вопросов, когда, как, в какой степени, при каких обстоятельствах и под чьим командованием она будет применена².

Принятие Европейской стратегии безопасности помогло сгладить противоречия внутри ЕС и между трансатлантическими партнерами. В то же время данная стратегия не оказала непосредственного влияния на военные возможности и средства ЕС, которые оставались такими же неопределенными. В 2004 г. на саммите Евросоюза была поставлена задача создания мобильных частей численностью около 1500 человек в каждой, получивших название боевых групп (*battle groups*). Эти части могли создаваться либо одной страной-членом ЕС, либо совместно несколькими странами, в том числе во взаимо-

¹ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy, December 2003 [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (date of access: 20.02.2016).

² Frohlich S. Op. cit. P. 71–72.

действии с Силами быстрого реагирования НАТО. Боевые группы внесли заметный вклад в трансформацию военного потенциала Европейского Союза, но не способствовали существенному увеличению численности вооруженных сил, принимавших участие в операциях¹. Большая часть проводимых Евросоюзом операций представляла собой «коалиции желающих», т. е. группы заинтересованных в реализации той или иной миссии отдельных стран-членов ЕС и стран-партнеров. Функциональное «разделение труда» между трансатлантическими партнерами также не стимулировало ЕС наращивать свои военные возможности. Поскольку европейцы не ставили своей целью проведение интенсивных военных операций, затраты Евросоюза на инициативы в области «мягкой» безопасности вполне соответствовали тем стратегическим приоритетам по созданию безопасного окружения, которые ставила перед собой Европа².

После преодоления кризиса в трансатлантических отношениях, вызванного началом войны в Ираке, страны ЕС поддержали позицию США в отношении других кризисов на Ближнем Востоке, таких как ливанский кризис 2005 г. или конфликт между Израилем и «Хезболлой» 2006 г.³ Уроком войны в Ираке для Вашингтона стало понимание того, что установить мир намного сложнее, чем выиграть войну. Если военный аспект кампании в Ираке был продуман весьма тщательно, то планам на послевоенный период не было уделено должного внимания. После завершения военной операции в Ираке, о чем президент Дж. Буш-мл. заявил 1 мая 2003 г., США столкнулись с рядом проблем. Во-первых, силы коалиции несли потери в связи с активизацией антиоккупационных сил Ирака. Во-вторых, расходы на поддержание внутреннего порядка, формирование национальных органов управления и восстановление объектов инфраструктуры дорого обходились для американского бюджета. В поиске путей сокращения людских потерь и материальных расходов на иракскую кампанию США стали склоняться к тому, чтобы установить международное наблюдение за ситуацией в Ираке. Во время второго срока пребывания у власти (2005–2008 гг.) администрация Дж. Буша-мл. стала поощрять большее участие европейцев в мирном урегулировании в Афганистане и Ираке⁴.

¹ Европейский союз и региональные конфликты. С. 10–11.

² Троицкий М. А. Указ. соч. С. 90.

³ Raquin J., Beaugregard P. US Transatlantic Leadership after Iraq // *Cooperation and Conflict*. 2015. № 4. P. 511.

⁴ Frohlich S. Op. cit. P. 2–3.

В 2007 г. ЕС приступил к проведению полицейской миссии в Афганистане, целью которой являлось оказание помощи правительству страны в формировании системы правоохранительных органов¹.

Под влиянием бюджетных ограничений правительство США стало более прагматично подходить к развитию ЕПБО как дополнительному средству убедить европейские страны взять на себя большие расходы в управлении кризисными ситуациями. Между Евросоюзом и НАТО были созданы постоянные механизмы связи для улучшения координации их действий: с ноября 2005 г. при Военном штабе ЕС начала действовать Постоянная группа взаимодействия с НАТО, а в марте 2006 г. при штабе главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе был создан отдел ЕС. Несмотря на юридическую базу и существование совместных структур, практическое сотрудничество осуществлялось по принципу *ad hoc*, когда военные ЕС и НАТО договаривались о координации действий на местах. Так, оказание помощи в Дарфуре в 2005 г. осуществлялось на основе индивидуального выбора государств-членов НАТО и ЕС. Каждая страна самостоятельно решала, каким образом и в рамках какой организации осуществлять программы поддержки. В итоге Великобритания, Нидерланды и Италия выбрали НАТО, а Франция, ФРГ и Греция предпочли действовать через ЕС².

Сменившая Дж. Буша-мл. администрация Б. Обамы стремилась улучшить имидж Америки и сохранить американское лидерство с помощью большего сотрудничества с союзниками и партнерами. Внешнеполитический курс правительства Б. Обамы включал приведение внешнеполитических обязательств Соединенных Штатов в соответствие с их экономическими возможностями, сокращение гипертрофированного упора на военную силу, вывод американских войск из Ирака и сокращение военного присутствия США в Афганистане, акцент на коллективных действиях и общих решениях. Принятая в 2010 г. Стратегия национальной безопасности США была ближе к стратегическим интересам Европы, чем стратегия Дж. Буша-мл. Вместо создания «коалиций желающих» в ней ставилось ударение на укреплении постоянных военно-политических союзов, таких как НАТО, и двусторонних

¹ Fescharek N. Forward Procrastination? Afghanistan's Lessons about Europe's Role as a Security Provider // *The International Spectator*. 2015. № 3. P. 50–51.

² Европейский союз в XXI веке: время испытаний / ред. О. Ю. Потемкина. М., 2012. С. 98–99.

договорных обязательств. Согласно данной стратегии, США отказывались от одностороннего подхода и презэмптивных действий, хотя и были намерены оставаться наиболее могущественной в военном отношении державой, сохранить свое глобальное лидерство и готовность первыми нанести удар по врагам¹. Все это создавало предпосылки для улучшения отношений Вашингтона с его европейскими союзниками. Европейские страны приветствовали изменения, произошедшие в Соединенных Штатах, поскольку «были заинтересованы в ответственном американском лидерстве (в противовес гегемонии)»².

Крупнейшей внешнеполитической инициативой правительства Б. Обамы стал поворот США в сторону Азиатско-тихоокеанского региона. Разворот в сторону Азии предполагал в том числе, что Вашингтон ожидал от европейцев большего вклада в решение общих проблем при одновременном сокращении американского руководства операциями и вовлеченности в конкретные конфликты. США давали понять, что они готовы возглавить «войны по необходимости» для защиты своих европейских союзников, но не «войны по выбору» в Европе или рядом с ней. В 2011 г. в ходе военной операции США, Великобритании и Франции по устранению режима М. Каддафи в Ливии Вашингтон предпочел передать основную военную роль в ее проведении своим союзникам по НАТО. Вариант проведения операции в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) даже не рассматривался европейскими странами (ОПБО – новое название ЕПБО в соответствии с Лиссабонским договором, который вступил в силу в 2009 г.). С одной стороны, НАТО выполнила цели операции одновременно с продолжением обязательств альянса в Афганистане. Европейцы возглавили операцию и доказали, что они готовы к использованию силы, когда имеют к этому политическую волю. С другой стороны, данная операция стала ярким подтверждением тенденции превращения НАТО во все более фрагментированный альянс. НАТО действовала в Ливии не как традиционный альянс, а как механизм для создания очередной «коалиции желающих». Только 14 из 28 членов НАТО в той или иной форме приняли участие в операции. Некоторые члены Североатлантического альянса (Польша, ФРГ, Турция и изначально

¹ The National Security Strategy of the United States of America, May 2010 [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (date of access: 19.01.2016).

² Европейский союз в XXI веке: время испытаний. С. 269.

Франция) по разным причинам не хотели, чтобы операция проводилась под эгидой НАТО¹. Открытым остается вопрос, можно ли рассматривать «закулисное участие» США в военной операции в Ливии в качестве модели будущих операций под эгидой НАТО, или оно является единичным случаем.

Растущее нежелание США участвовать в военных интервенциях, дефицит ресурсов и геополитический поворот в сторону Азии способствовали укреплению прагматического подхода Вашингтона к проблеме взаимоотношений ЕС и НАТО. В Вашингтоне признали, что сильная ОПБО соответствует американским интересам по сокращению расходов на оборону евроатлантического пространства, и что Европа имеет собственные интересы и потребности, которые не обязательно угрожают трансатлантическому сотрудничеству². Это нашло отражение в стратегической концепции НАТО «Активное вовлечение, современная защита», принятой в ноябре 2010 г. Концепция подтвердила главенствующую роль НАТО в предотвращении и урегулировании кризисов и стабилизации ситуации после завершения конфликтов в сотрудничестве с различными международными партнерами, среди которых наиболее важными являлись ООН и ЕС. В стратегии была поставлена задача дальнейшего развития стратегического партнерства между НАТО и ЕС через укрепление их взаимодействия на всем протяжении кризисного урегулирования, расширение политических консультаций, сотрудничество в развитии военного потенциала обеих организаций с тем, чтобы минимизировать дублирование и повысить эффективность³.

Сигнал о признании ОПБО самостоятельным институтом, а не просто «европейской опорой» Североатлантического альянса открывал перспективы для большего сотрудничества между ЕС и НАТО. В 2011 г. было подписано рамочное соглашение, которое регулировало участие США в миссиях, проводимых Евросоюзом. В свою очередь соглашения об обмене информацией регулировали отношения ЕС со странами-членами НАТО, не входящими в Евросо-

¹ Hallams E., Schreer B. Towards a “Post-America” Alliance? NATO Burden-sharing after Libya // *International Affairs*. 2012. № 2. P. 322; Howorth J. “Operation Harmattan” in Libya: a Paradigm Shift in French, European and Transatlantic Arrangements? // *Journal of Transatlantic Studies*. 2014. № 4. P. 412.

² Frohlich S. *Op. cit.* P. 138.

³ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept of the North Atlantic Treaty Organization Adopted in Lisbon, 20 November 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (date of access: 15.01.2016).

юз, включая их вклад в миссии ЕС. Операция в Ливии и вторая волна мирового финансово-экономического кризиса ускорили процесс преобразований в НАТО. В октябре 2011 г. на совещании министров иностранных дел стран НАТО была принята концепция «умной обороны», которая предполагала уменьшение затрат альянса при повышении эффективности его деятельности путем объединения военных ресурсов союзников. Вашингтон планировал сократить свой военный персонал в Европе с переносом акцента на подготовку и вооружение военных сил в странах-партнерах. Хотя действия России в отношении Украины несколько замедлили этот процесс, США ясно давали понять, что европейские союзники должны больше опираться на собственные силы в обеспечении безопасности вдоль своих границ¹. На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. было принято решение о том, что страны-члены альянса должны тратить на оборону не менее 2 % ВВП и расходовать на военную технику не менее 20 % своих оборонных бюджетов².

Правительству Б. Обамы удалось уменьшить трения в трансатлантических отношениях³. США и страны ЕС приветствовали начало «арабской весны», провели операцию в Ливии, вместе оказывали давление на режим Б. Асада в Сирии, сотрудничали в решении иранской ядерной проблемы, объединили усилия в борьбе с группировкой «Исламское государство». Изменение тона Вашингтона в общении со своими европейскими партнерами, однако, не означало устранения разницы в стратегических подходах США и Европы к обеспечению безопасности. Несмотря на отказ правительства Б. Обамы от жесткой риторики Дж. Буша-мл., задачи американской внешней политики, восприятие угроз и готовность опираться на военную силу остались неизменными. Эксперты не исключали возможности возвращения Вашингтона к политике односторонних действий.

Обнародованные в июне 2013 г. данные о проводимых США операциях по подслушиванию европейских дипломатов и высших должностных лиц уменьшили доверие между трансатлантически-

¹ Domisiewicz R., Gross E. Breaking New Ground: EU-US Cooperation in Crisis Management [Electronic resource]. URL: <http://www.iss.europa.eu/publications/detail/article/breaking-new-ground-eu-us-cooperation-in-crisis-management/> (date of access: 16.02.2016).

² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе 4–5 сентября 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 15.01.2016).

³ Nielsen K. L. Op. cit. P. 84.

ми партнерами и усилили сомнения Европейского Парламента¹ и европейских правозащитных организаций относительно гарантий защиты персональных данных европейских граждан. В марте 2014 г. Европейский Парламент принял резолюцию, призывающую приостановить действие соглашения между США и ЕС об использовании данных SWIFT (Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций – международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей). Несмотря на символический характер резолюции (приостановление соглашения требовало действий со стороны Комиссии и государств-членов, которые не имели такого намерения), эксперты опасались, что Европейский Парламент в дальнейшем мог выступить против продления данного соглашения, а также соглашения об обмене списками авиапассажиров².

Страны ЕС восприняли провозглашенный правительством Б. Обамы разворот на АТР как уменьшение значимости европейского региона в американской стратегии в то время, когда Европа сталкивалась с растущими угрозами безопасности: ухудшение военно-политической ситуации на восточной периферии ЕС, рост кибератак, вызванные конфликтами на Ближнем Востоке неуправляемый миграционный поток и усиление террористической угрозы. Это способствовало возрождению интереса стран-членов ЕС к теме европейской военно-политической интеграции. В связи с погруженностью США в конфликты на Ближнем Востоке, некоторые европейские страны призывали к обеспечению стратегической независимости ЕС и проведению Евросоюзом самостоятельных военных операций высокой интенсивности по обеспечению безопасности в прилегающих к Европе районах, в первую очередь в Средиземноморье и Африке. В июне 2016 г. была одобрена Глобальная стратегия для внешней политики и политики безопасности Европейского Союза. Один из ключевых тезисов данного документа гласил, что в вопросах коллективной обороны НАТО остается главной структурой для большинства стран ЕС, однако Евросоюз должен взять на себя большую ответственность за свою безопасность³.

¹ Лиссабонский договор наделил Европейский Парламент правом утверждать или отвергать большинство решений в сфере внутренних дел и юстиции.

² Archick K. U.S. – EU Cooperation Against Terrorism. CRS Report, 1 December 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS22030.pdf> (date of access: 15.02.2016).

³ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, June 2016 [Electronic resource]. URL: <http://eeas>.

В Вашингтоне опасались, что переживаемый ЕС внутренний кризис (проблемы еврозоны, «брекзит», миграционная проблема) сделал европейских союзников более уязвимыми для внешнего давления, что вынудило правительство Б. Обамы в 2016 г. обратиться к конгрессу с просьбой об увеличении ассигнований на укрепление гарантий европейской безопасности, включая поддержание американского военного присутствия в Европе. К этому же подталкивало и стремление США взять на себя роль лидера в формировании европейской стратегии в отношении восточной периферии ЕС, направленной на «сдерживание» России¹. Тема «сдерживания» России и борьбы с обострившимися угрозами евроатлантической безопасности стала центральной на саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. На саммите была подписана совместная декларация об углублении сотрудничества между ЕС и НАТО для предотвращения совместных угроз безопасности евроатлантическому пространству².

В сфере обеспечения безопасности США формируют повестку дня, в то время как действия ЕС служат дополнением к американскому лидерству в тех регионах, в которых европейские страны имеют интересы, и теми средствами, которые соответствуют стратегической культуре Европейского Союза. Такое поведение ЕС отчасти обусловлено тем, что во многих случаях европейские страны разделяют американское видение проблем. Другой причиной «пассивного поведения» европейцев является отсутствие внутреннего согласия в Евросоюзе и зависимость Европы от США и НАТО в обеспечении собственной безопасности. Поскольку ЕС является крупным экономическим игроком и поскольку трансатлантические партнеры не располагают выстроенными институтами долгосрочного экономического сотрудничества, дальнейшее развитие трансатлантических отношений смещается от традиционного военно-политического союза в сторону заключения новых соглашений между ЕС и США.

europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (date of access: 11.05.2017).

¹ Приходько О. В. США и Европа: в поисках ответа на новые вызовы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5. С. 9.

² Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, 8 July 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm (date of access: 10.12.2016).

На пути к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству

ЕС и США не только являются важнейшими торговыми партнерами и инвесторами друг для друга, но, действуя поодиночке или вместе, оказывают преобладающее влияние на развитие всей мировой экономики. В Соединенных Штатах и Европейском Союзе проживает 11 % населения Земли. В 2012 г. на долю ЕС и США приходилось 47 % мирового ВВП, 32 % мировой торговли и 60 % зарубежных инвестиций. В 2012 г. Соединенные Штаты вложили в экономику Евросоюза 50,3 % своих зарубежных инвестиций, а Евросоюз вложил в американскую экономику 62,2 %. Благодаря инвестициям создаются рабочие места по обеим сторонам Атлантики. ЕС и США каждый день обмениваются товарами и услугами на сумму в 2,5 млрд долларов, что намного превышает обмены с другими торговыми партнерами¹. Трансатлантические партнеры нуждаются друг в друге для сглаживания толчков, порождаемых глобальной экономической системой. При общей схожести социально-экономической модели (рыночная экономика) между ЕС и США существуют некоторые различия. Так, европейские страны более склонны к государственному регулированию и перераспределению большей доли национального продукта в интересах сглаживания социальных противоречий. США отдают предпочтение индивидуализму и рыночным механизмам регулирования экономики².

Если после Второй мировой войны НАТО была главным институтом трансатлантического сотрудничества в сфере безопасности, то в экономической сфере трансатлантические партнеры не располагали сравнимой по значению организацией. Созданная в 1961 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не могла претендовать на эту роль³. Таким образом, экономическое взаимодействие ЕЭС/ЕС и США развивалось в рамках организаций, которые выходили за рамки евроатлантической зоны, и по существу имели глобальный характер, таких как Международный валютный фонд и

¹ Eliasson L. J. Problems, Progress and Prognosis in Trade and Investment Negotiations: The Transatlantic Free Trade and Investment Partnership // Journal of Transatlantic Studies. 2014. № 2. P. 119, 124; Cooper W. H. EU-U.S. Economic Ties: Framework, Scope, and Magnitude. CRS Report, 21 February 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL30608.pdf> (date of access: 15.02.2016).

² Троицкий М. А. Указ. соч. С. 11, 43.

³ ОЭСР занимается координацией экономической политики и анализом экономических условий в государствах-членах организации.

Международный банк реконструкции и развития, ГАТТ и пришедшая ей на смену в 1995 г. Всемирная торговая организация. Поскольку США и все страны-члены ЕС являются членами ВТО, трансатлантические отношения в сфере торговли управляются принципами и нормами данной организации, такими как отсутствие дискриминации, положение о национальном режиме импорта товаров и услуг, положения об иностранных инвестициях и защите прав интеллектуальной собственности, более свободные условия торговли и поощрение конкуренции. Евросоюз и Соединенные Штаты занимают лидирующие позиции в ВТО и в наибольшей степени выигрывают от процесса глобализации. Преследуя общую цель по либерализации мировой торговли в рамках ВТО, США и ЕС, однако, имеют собственные торговые стратегии в отношении третьих стран и региональные торговые соглашения с различными группами государств. Европейский Союз является привлекательной моделью экономического развития для других стран. Он успешно продвигает свои ценности и интеграционный опыт в мире. Третьи страны могут видеть в лице ЕС экономического партнера, выступающего в роли альтернативы США.

Политические разногласия между Брюсселем и Вашингтоном не оказывают негативного воздействия на торговлю, но экономическая взаимозависимость трансатлантических партнеров служит источником острых торговых конфликтов, которые нередко политизируются¹. Несмотря на то, что ЕС и США в основном обмениваются промышленными товарами, наиболее громкие из торговых конфликтов развиваются вокруг торговли сельскохозяйственной продукцией². Конфликты также возникают в тех отраслях, в которых трансатлантическая интеграция является наименьшей: стальная и авиационная промышленность. В последнее время к традиционным конфликтам по поводу таможенных пошлин и квот (таких, например, как банановые войны или стальной конфликт) добавились конфликты, связанные с вопросами стандартизации, тестирования и сертификации продукции. Так, под давлением неправительственных организаций и потребителей ЕС отказался сертифицировать многие из экспортируемых США продуктов питания, полученных в результате

¹ Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-first Century / ed. by J. Peterson and M. A. Pollack. London, New York, 2003. P. 31–32.

² В 2013 г. сельскохозяйственная продукция составляла только 4,5 % американского экспорта в ЕС и 3,8 % импорта. См.: Cooper W. H. EU-U.S. Economic Ties: Framework, Scope, and Magnitude. CRS Report, 21 February 2014 [Electronic resource]. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL30608.pdf> (date of access: 15.02.2016).

использования генетически модифицированных организмов (ГМО). Споры, вызванные расхождением норм и ценностей, а также большим доверием европейцев к мнению ученых относительно безопасности или вреда ГМО в противовес рыночному спросу, являются более трудными для урегулирования. Они также показывают пределы общественной поддержки трансатлантической экономической интеграции и процесса глобализации в целом¹.

Несмотря на возросшее число конфликтов, стороны не стремятся доводить их до крайности и прибегают к помощи ВТО (ЕС чаще в качестве истца, а США – ответчика). Выигравшая сторона получает право на торговые уступки или возмездную компенсацию, главным образом в форме повышения тарифов. После создания единого внутреннего рынка ЕС достаточно уверенно чувствует себя в ВТО и поддерживает применение международных норм в таких сферах, как инвестиции, конкурентная политика, охрана окружающей среды. США в периоды спада в экономике, напротив, нередко прибегают к протекционистским мерам. ЕС активно использует процедуры разрешения торговых споров в ВТО для отстаивания своих экономических интересов в отношениях с США, оспаривая соответствие дискриминационных мер, принятых Вашингтоном, нормам ВТО. Урегулирование конфликтов в рамках ВТО, даже если они решаются в пользу США, позволяет ЕС сдерживать тенденцию к односторонности в американской торговой политике².

В экономической сфере Европейский Союз является равным партнером Соединенных Штатов. После создания единого внутреннего рынка и увеличения числа членов ЕС сравнялся и даже превзошел США по таким показателям, как численность населения, размер ВВП, экспорт товаров и услуг (табл. 2). С 1993 г. в двусторонней торговле образовался растущий торговый дефицит, который, однако, несколько уравнивается большим экспортом услуг из США в ЕС. После введения в 1999 г. единой европейской валюты (евро) Евросоюз начал превращаться в глобального актора в денежно-финансовой сфере. С введением евро на новую валюту сразу перешел огромный сегмент мировой экономики.

¹ Частично конфликты вокруг ГМО были урегулированы благодаря предложению о маркировке соответствующей продукции. Однако опасность крылась в деталях. Например, возник вопрос, как маркировать продукцию, при производстве которой использовались генетически модифицированные корма, но в которой не было обнаружено следов присутствия ГМО. См.: Europe, America, Bush... P. 42.

² The State of the European Union. Vol. 7. With US or Against US? European Trends in American Perspective / ed. by N. Jabko and C. Parsons. Oxford, 2005. P. 79–80.

На долю 11 стран, первоначально вошедших в зону евро, приходилось 23,4 % мирового ВВП (США – 26, 9 %)¹. Зона евро в силу своих размеров и значения со временем могла стать естественным соперником США, а евро мог потеснить доллар в качестве резервной валюты. Развитие ситуации по такому сценарию, однако, тормозилось проблемами в создании Экономического и валютного союза и недостаточным доверием других экономических игроков к евро как слишком молодой международной валюте. Страны ЕС также не были заинтересованы в дестабилизации международной валютно-финансовой системы и проводили консервативную денежную политику.

Таблица 2. Экономическое развитие ЕС и США²

Показатель	ЕС	США
Население (млн чел.) в 2015 г.	513,9	321,4
ВВП (млрд долл.) в 2015 г.	191,8	180,4
Рост ВВП (%) в 2015 г.	2,2	2,6
ВВП на душу населения (тыс. долл.) в 2015 г.	37,8	56,1
Экспорт (млрд долл.) в 2014 г.	225,9	151
Импорт (млрд долл.) в 2014 г.	224,4	227,3
Международные золотовалютные резервы (млрд долл.) в 2014 г.	740,9	130,1

К началу XXI в. главную проблему для расширения двусторонней торговли представляли не тарифы, которые последовательно снижались благодаря переговорам в ГАТТ/ВТО, а вопросы, связанные со стандартизацией, тестированием и сертификацией продукции. Большое количество пересекающихся, дублирующих или несовместимых стандартов тормозило развитие товарных обменов. Согласно некоторым оценкам, потери от разницы регулирования и технических стандартов были эквивалентны 10–20 % тарифного обложения³. Сложность ликвидации нетарифных барьеров заключалась в необходимости пересмотра законодательства и норм вну-

¹ Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М., 2003. С. 160.

² Составлено по: The World Factbook [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/> (date of access: 17.02.2016).

³ Eliasson L. J. Op. cit. P. 124.

тренного регулирования, а также взаимного признания стандартов товаров и услуг. В 2000-е годы трансатлантические партнеры снова вернулись к идее создания зоны свободной торговли. В 2004 и 2005 гг. Европейский Парламент принял резолюции в поддержку создания трансатлантического рыночного пространства к 2015 г. Сенат США одобрил похожую резолюцию в 2006 г. В 2007 г. США и ЕС учредили Трансатлантический экономический совет (ТЭС), задачей которого являлось углубление трансатлантической экономической интеграции через устранение нетарифных барьеров и поиск путей улучшения международной конкурентоспособности партнеров. Несмотря на устранение некоторых барьеров в новых технологических отраслях промышленности (например, соглашения о взаимном признании стандартов судового оборудования 2008 г.), успех был достигнут благодаря тому, что Вашингтон и Брюссель избегали обсуждения наиболее спорных вопросов. Работа Совета позволила протестировать готовность сторон к соглашению в тех областях, где было меньше всего разногласий, и помогла создать атмосферу взаимного понимания и доверия между чиновниками высокого уровня.

Импульс работе ТЭС придал финансовый кризис 2008–2012 гг., продемонстрировавший со всей очевидностью глубину экономической взаимозависимости трансатлантических партнеров. Начавшиеся в США крах банков, фискальные проблемы и рост безработицы достаточно быстро затронули страны ЕС. После начала кризиса президент Б. Обама поставил задачу удвоить экспорт США к 2015 г. в качестве средства экономического роста. В 2010 г. Брюссель и Вашингтон приняли решение пересмотреть свои экономические связи и взяли взаимные обязательства по устранению существующих различий в стандартах и экономической политике и выявлению сфер, в которых возможно обеспечить существенный прорыв посредством конкретных переговоров. С этой целью была учреждена Рабочая группа высокого уровня, состоящая из представителей госдепартамента, Белого дома и Комиссии ЕС.

В 2011 г. была создана еще одна Рабочая группа высокого уровня по проблемам занятости и роста. Группу возглавили комиссионер по торговле ЕС и торговый представитель США. Задачей группы являлось выдвигание инициатив, способствующих созданию новых рабочих мест, экономическому росту, международной конкурентоспособности и развитию высоких международных

стандартов в различных сферах¹. Ежегодные заседания ТЭС были заменены постоянными встречами на правительственном уровне. В результате этой новой гибкой модели было принято несколько конкретных соглашений и разработано несколько проектов. Взаимное признание стандартов на все товары, включая сельское хозяйство, должно было способствовать экономическому росту в Европе и США благодаря сокращению числа дублирующих административных процедур и высвобождению ценных ресурсов для их лучшего применения (например, для оценки риска импорта товаров из третьих стран с более низкими стандартами безопасности). Такие мировые компании, как «Форд» и «Ауди», а также компании-участники трансатлантического бизнес-диалога уже давно продвигали идею гармонизации стандартов как средства сокращения дорогостоящих двойных процедур тестирования. В случае отмены данной процедуры компаниям было достаточно пройти соответствующие процедуры только в своей стране и не тратить время и деньги на аналогичные процедуры в другой стране, что позволяло снизить конечную стоимость товаров.

В феврале 2013 г. Рабочая группа рекомендовала начать переговоры по заключению соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП). 14 июня 2013 г. государства-члены ЕС уполномочили Комиссию вести переговоры с США и поставили перед ней задачу гарантировать сбалансированный результат между отменой тарифов, устранением торговых препятствий, связанных с вопросами регулирования, и улучшением правил для ведения торговли, что должно было привести к взаимному открытию рынков ЕС и США. Решение о создании ТТИП было принято в обстановке срочности и неопределенности. К этому времени рухнули надежды на заключение торгового соглашения глобального характера в рамках ВТО. Вместо этого, как грибы, стали расти двусторонние торговые соглашения. Высокий уровень безработицы и низкие темпы экономического роста продолжали беспокоить обоих трансатлантических партнеров. В этих условиях деловые круги по обеим сторонам Атлантики указывали, что США и ЕС преуспеют больше всего, если будут двигаться одновременно в двух направлениях: продвигать многостороннюю либерализацию торговли и трансатлантические инициативы в сферах, еще не охваченных двусторонними соглаше-

¹ The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – State of Play. European Commission, 27 April 2016 [Electronic resource]. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/april/tradoc_154477.pdf (date of access: 28.02.2016).

ниями. По мнению американских аналитиков, взаимное признание норм в пределах евроатлантического пространства могло не просто улучшить уровень жизни американцев и европейцев, но способствовать формированию международных норм и стандартов. Это, в частности, помогло бы трансатлантическим партнерам оказывать совместное давление на КНР, которая для завоевания доли рынка продвигала продукты по демпинговым ценам, пользуясь разногласиями в антидемпинговом регулировании США и ЕС. От создания ТТИП больше должны были выиграть США, но в то же время в частном порядке американцы признавались, что им было сложно в одиночку, без поддержки своих европейских партнеров, убеждать третьи страны открывать рынки, отказываться от протекционизма и дискриминации и защищать интеллектуальную собственность¹.

Переговоры о заключении соглашения начались в июле 2013 г. Комиссионер по торговле ЕС и торговый представитель США, которые встречались с регулярностью раз в 4-6 недель, обеспечивали политическое руководство технической работы экспертов. Целью переговоров являлось устранение тарифных и нетарифных барьеров в торговле; укрепление сотрудничества; установление совместимости стандартов; открытие рынков торговли услугами и государственных закупок; введение новых правил в вопросах охраны интеллектуальной собственности, инвестиций, торговли, занятости, Интернет-торговли и т. д. Брюссель рассматривал соглашение и как средство предотвратить наметившийся крен американской политики в сторону Азии и стран Тихого океана, где Вашингтон вел активные переговоры о заключении соглашения о Транстихоокеанском торговом партнерстве². Первые раунды (2013 – начало 2014 гг.) были направлены на уточнение позиций и целей сторон. С 2014 г. началась работа над конкретным содержанием будущего соглашения путем обмена предложениями и их консолидации в единый текст, отражающий интересы обоих партнеров. Согласно отчету Комиссии, в результате серии раундов к лету 2016 г. было согласовано 17 из предположительно 25–30 глав итогового соглашения³. На следующих раундах выработка консолидированной версии текста соглашения о ТТИП была продолжена.

¹ Eliasson L. J. Op. cit. P. 119–126.

² Носов М. Г. Указ. соч. С. 18.

³ The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – State of Play. European Commission, 27 April 2016.

Препятствиями на пути соглашения о ТТИП являются отказ ЕС ликвидировать пошлины на ряд сельскохозяйственных товаров (против либерализации в данной сфере особенно выступают Франция и Испания); американские ограничения на право собственности для иностранных компаний в таких областях, как транспортные перевозки, энергетика, аэрокосмические технологии, воздушный транспорт и коммуникации; отсутствие общественной поддержки проекта. Хотя большинство товаров и услуг по обеим сторонам Атлантики имеют высокое качество и соответствуют строгим стандартам безопасности, из-за культурных и институциональных факторов взаимное признание труднодостижимо в таких областях, как фармацевтическая промышленность и производство продуктов питания. Как и предыдущие инициативы по созданию трансатлантической зоны свободной торговли, соглашение о ТТИП было инициировано больше как ответ на политические проблемы трансатлантического сообщества, нежели для достижения конкретных экономических результатов, а потому может повторить их судьбу, если не будет соответствовать экономическим интересам сторон. Победа на президентских выборах в США Д. Трампа, который сразу после инаугурации подписал меморандум о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, стала еще одним весомым фактором, работающим против ТТИП.

Итак, в экономической сфере ЕС и США являются равноправными партнерами. Две крупнейшие экономики мира оказывают преобладающее влияние на мировое экономическое развитие. Подписание соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве должно способствовать усилению экономических связей между ЕС и США и укреплению позиций ЕС в мировой торговле. Однако даже если данное соглашение не будет подписано, сам переговорный процесс может способствовать реформированию торгово-экономических отношений между трансатлантическими партнерами в сторону расширения доступа на рынки друг друга в тех секторах экономики, где это становится возможным.

Заключение

Трансатлантические отношения являются наиболее прочными и институционально оформленными в современном мире. Как европейские страны, так и США нуждаются друг в друге для обеспечения устойчивого экономического развития. В сфере безопасности ЕС и США сталкиваются с общими вызовами и угрозами и не имеют сравнимых по значимости партнеров. Насыщенность трансатлантических контактов не означает, однако, что интересы Брюсселя и Вашингтона всегда совпадают или что тесные отношения с США автоматически служат европейским интересам.

Если торгово-экономические отношения Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки развиваются на основе равного партнерства, то в вопросах обеспечения безопасности США имеют доминирующие позиции. В ближайшем обозримом будущем НАТО будет оставаться главным институтом, обеспечивающим евроатлантическую безопасность. Если ЕС хочет быть не только равным экономическим, но и стратегическим партнером США, он нуждается в большем политическом единстве и наращивании своего военного потенциала.

Отношения Евросоюза и Соединенных Штатов постоянно эволюционируют под воздействием международных событий и политических изменений по обеим сторонам Атлантики. Происходящее смещение американских внешнеполитических интересов в другие регионы мира, с одной стороны, и дальнейшее развитие Общей внешней политики и политики безопасности ЕС – с другой, вносят элемент неопределенности в будущее трансатлантических отношений. Развитие европейской военно-политической интеграции может служить как усилению НАТО и более равномерному распределению расходов на оборону между трансатлантическими союзниками, так и обеспечению стратегической независимости ЕС, что несет риск отдаления Европы от США.

РАЗДЕЛ III. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, РОССИЯ И СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Глава 1. Официальные коммуникации Европейской внешнеполитической службы с Россией: создание образа нормативной силы ЕС

Введение

В настоящей главе предпринята попытка определить, каким типом актора предстает Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС) в официальных коммуникациях с Россией. Концепции мягкой (МС), нормативной (НС) и трансформационной силы (ТС) стали отправной точкой исследования. Мы не ставим перед собой задачи детального анализа всех трех теоретических концепций и ограничиваемся их кратким сравнением, которое позволяет прояснить методологию нашего исследования и выявить элементы данных видов силы в диалоге ЕВПС с Москвой.

Нормативная сила Европы (концепция, сформулированная Яном Маннерсом) имеет идеационный характер и лишена материальных стимулов. Она акцентирует то, чем Европейский Союз является, в первую очередь в области ценностей и норм. Нормативную базу ЕС составляют такие основополагающие нормы, как мир, свобода, демократия, верховенство права и уважение прав человека, а также ряд второстепенных – социальная солидарность, недискриминация, устойчивое развитие и эффективное управление¹. Рассматривая данные нормы в качестве универсальных, Брюссель, как НС, считает их распространение главным приоритетом своей политики в отношениях с третьими странами.

¹ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40:2. P. 235–258.

Концепция мягкой силы, разработанная Джозефом Наем, описывает способность достигать своих целей на международной арене и формировать политику других акторов, используя силу своей привлекательности¹. Являясь более широкой, концепция МС учитывает различные аспекты влияния ЕС: не только привлекательность европейских идей, норм и ценностей, но и воздействие его культурной и экономической притягательности. Мягкая сила, таким образом, не ограничивается распространением норм, а принимает во внимание все, что актор способен проецировать вовне. Как МС, так и НС имеют широкий географический охват и могут быть направлены на любую страну.

Британский политолог Марк Леонард сформулировал идею трансформационной силы Европы². В рамках данной концепции Европейский Союз не только распространяет международные нормы, но и стимулирует широкий спектр политических, экономических и правовых реформ в третьих странах с целью их глубокой трансформации. Реформы могут быть направлены на демократизацию, становление правового государства, внедрение рыночной экономики и т. д. Обладать ТС означает располагать эффективными механизмами и инструментами влияния. Роль ЕС особенно значительна в рамках данного подхода. Брюссель более глубоко вовлечен в коммуникации с трансформируемыми странами по широкому кругу вопросов. Стратегия трансформации широко применяется Евросоюзом в странах-кандидатах к вступлению в ЕС. Так же, как МС, ТС учитывает привлекательность европейского экономического пространства³.

Основным источником при подготовке данной главы стали документы, распространяемые Европейской внешнеполитической службой: официальные заявления службы, пресс-релизы и выступления Верховных представителей ЕС по внешней политике и безопасности – Кэтрин Эштон (2009–2014) и Федерики Могерини (2014 – по н/в). Автор анализирует содержание документов, адресованных России и размещенных на сайте службы, с момента создания ЕВПС в 2010 г. до конца 2017 г.

¹ Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004.

² Leonard M. *Why Europe will Run the 21st Century*. London, 2005.

³ Soft, Normative or Transformative Power: What Do the EU's Communications with Eastern Partners Reveal About its Influence? / A. Dimitrova [and others] [Electronic resource] // EU-STRAT Working Paper. 2016. № 1 (October). P. 10. URL: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2017/04/EU-STRAT-Working-Paper-No.-1-1.pdf> (date of access: 04.04.2018).

Данные виды документов сами по себе не дают полного представления о политике ЕС в отношении России. Тем не менее заявления ЕВПС, помимо информационных целей, всё же несут важную смысловую нагрузку. Они проливают свет на характер российско-европейских отношений и официальную позицию ЕС по вопросам внутреннего развития России; содержат оценки конкретных фактов и ситуаций главами ЕВПС; поднимают перед российским правительством широкий спектр вопросов, связанных с ситуацией в стране. Наконец, изучение документов внешнеполитической службы ЕС позволяет сделать вывод о том, каким актором она пытается предстать в отношениях с Москвой. Так как заявления ЕВПС не являются свидетельствами обладания Европейским Союзом реальной силой в отношении России, целью главы является исследование того, как ЕС позиционирует себя, и какие аспекты силы он акцентирует в заявлениях в адрес Москвы.

Методология

Методология данного исследования была позаимствована у проекта EU-STRAT, в рамках которого, в частности, изучалась структура официальных коммуникаций Европейского Союза с Беларуссией, Молдавией и Украиной¹. Участники исследования выделили категории и подкатегории, относящиеся к концепциям МС, НС и ТС, после чего провели количественный анализ документов ЕС, имеющий целью выявить элементы трех видов силы и установить долю каждой из них в коммуникациях Брюсселя с Минском, Кишиневом и Киевом. Авторы проанализировали документы, размещенные на сайтах Представительств ЕС в трех изучаемых странах, в феврале-марте 2016 г. и определили позицию ЕС в Беларуссии в качестве НС, в Молдавии и Украине – в качестве ТС.

В связи со спецификой коммуникаций ЕС с Россией, набор категорий и подкатегорий был несколько скорректирован в рамках данного исследования. Например, вопрос отмены смертной казни, обсуждаемый Брюсселем со странами Восточного партнерства, отсутствует в его коммуникациях с Москвой. В то же время в заявлениях, обращенных к России, категории верховенства права

¹ Soft, Normative or Transformative Power...

и прав человека содержат гораздо большее количество подкатегорий в сравнении с документами Евросоюза, адресованными Белоруссии, Молдавии и Украине. Список категорий и подкатегорий, используемых в настоящем исследовании, а также концепции, к которым относится каждая категория, приведены в таблице ниже.

Таблица 1. Категории и подкатегории

Категории	Подкатегории	Концепции
Ценности ЕС		НС, МС, ТС
Демократия		НС, МС, ТС
	Демократия в целом	
	Разделение властей	
	Политические партии	
	Оппозиция	
	Выборы	
Права и свободы человека		НС, МС, ТС
	Права и свободы человека в целом	
	Свобода слова/свобода выражения мнений	
	Свобода собраний	
	Свобода объединений	
	Свобода передвижения	
	Свобода вероисповедания	
	Права женщин и детей	
	Права национальных меньшинств	
	Права ЛГБТИ	
	Правозащитники	
Верховенство права		НС, МС, ТС
	Верховенство права в целом	
	Национальное право	
	Ограничительное законодательство	
	Правовой процесс и состояние правосудия	
	Судебное преследование	
	Международное право	
	Европейское право	

Гражданское общество		НС, МС, ТС
	Гражданское общество в целом	
	НПО	
Реформы		ТС
	Реформы в целом	
	Судебно-правовые реформы	
	Модернизация (политическая, экономическая, социальная)	
	Гармонизация норм	
	Антикоррупционные меры	
Экономика		МС, ТС
	Экономика в целом	
	Торговля	
	Бизнес	
	Инвестиции	
	Энергетика	
	Рынок	
Безопасность и стабильность		МС, ТС
	Безопасность и стабильность в целом	
	Урегулирование конфликтов и мирный процесс	
	Разоружение и ядерное нераспространение	
	Борьба с терроризмом	
Культура		МС, ТС
Мобильность и контакты между людьми		МС, ТС
Упрощение визового режима		МС, ТС
Значимость двусторонних взаимоотношений		МС, ТС

Общая черта, характеризующая все три концепции – привлекательность идей, ценностей и норм¹, поэтому такие категории, как

¹ Soft, Normative or Transformative Power... P. 10.

ценности ЕС, демократия, права и свободы человека, верховенство права, имеют большое значение для анализа всех трех видов силы. При этом данные категории в первую очередь соответствуют идее НС. Заявления Евросоюза в адрес третьих стран в качестве НС зачастую ограничиваются этими категориями и принимают однообразный характер.

Так как мягкая сила подразумевает широкое понимание привлекательности и основывается не только на том, чем Европейский Союз является, но и на конкретных стратегиях по формированию политики третьих стран, о наличии МС говорит более сложное сочетание категорий. Взаимоотношения с третьими странами приобретают большее значение в рамках данной концепции, и наличие заявлений о сотрудничестве в области культуры, экономики, безопасности, упрощения визового режима, развития мобильности должно учитываться при анализе МС (наряду с контентом, касающимся ценностей и норм)¹.

Упоминание реформ в нашем исследовании может свидетельствовать о намерении ЕС сформировать образ ТС. Важным критерием ТС является баланс разнообразных категорий в заявлениях ЕС. Выступая в роли трансформационной силы, Брюссель обсуждает весь спектр областей взаимодействия с третьими странами. В связи с этим, наряду с реформами, все категории, представленные в таблице, могут рассматриваться как элементы ТС. Любые аспекты привлекательности ЕС в третьих странах благоприятствуют их реформированию. Большую роль в деле демократических реформ играет гражданское общество.

В качестве единицы контент-анализа выбрано предложение. Во многих предложениях зачастую содержится более одной категории. Чтобы продемонстрировать, каким образом кодировались документы, мы приводим пример заявления ЕВПС от 27 марта 2017 г. об антикоррупционных демонстрациях в Российской Федерации:

«Действия полиции в Российской Федерации 26 марта, которые были направлены на разгон демонстраций и в результате которых были задержаны сотни граждан, в том числе лидер оппозиции Алексей Навальный, препятствовали осуществлению основных свобод – свободы выражения мнения, ассоциации и мирных собраний, – которые являются основными правами, закре-

¹ Soft, Normative or Transformative Power... P. 8–11.

пленными в конституции России. Мы призываем власти России в полной мере выполнять международные обязательства, которые Россия взяла на себя, в том числе в Совете Европы и ОБСЕ, защищать эти права и незамедлительно освободить мирных демонстрантов, которые были задержаны»¹.

В первом предложении заявления мы зафиксировали наличие таких подкатегорий, как оппозиция, свобода выражения мнений, ассоциаций, собраний, национальное право. Во втором предложении содержатся подкатегории международное и европейское право, права человека и основные свободы в целом. Все документы кодировались двумя кодировщиками по единой инструкции. Кодировщики сверяли свои интерпретации и согласовывали окончательный результат.

Изучив документы ЕВПС (всего 111), посвященные России (их тематику, содержание и периодичность), мы произвели подсчет количества упоминаний всех категорий и подкатегорий, установили долю каждой категории в отношении общего количества категорий, определили предпочтения ЕВПС в коммуникациях с Россией.

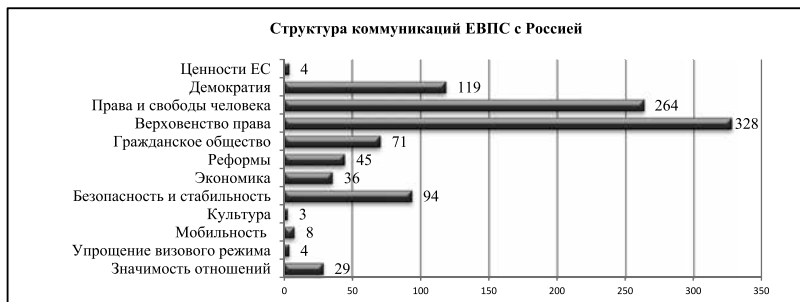
Таблица 2. Количество проанализированных документов

Год	Кол-во документов
2010	12
2011	10
2012	12
2013	8
2014	9
2015	23
2016	15
2017	22
Всего	111

¹ Statement by the Spokesperson on the Anti-corruption Demonstrations Across the Russian Federation. Brussels, 27.03.2017 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/23477/Statement%20by%20the%20Spokesperson%20on%20the%20anti-corruption%20demonstrations%20across%20the%20Russian%20Federation (date of access: 08.09.2017).

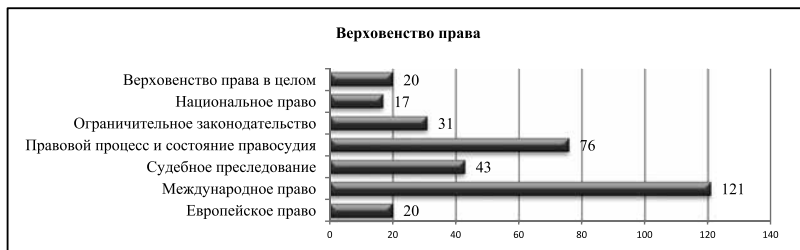
Структура коммуникаций ЕВПС с Россией

Заявления, адресованные России, публикуются на сайте Европейской внешнеполитической службы регулярно, но диапазон рассматриваемых в них проблем не очень широк. Категории представлены в документах службы неравномерно. Структура коммуникаций ЕВПС с Россией показана на диаграмме ниже, где ось Y – это категорий, ось X – количество упоминаний данных категории в документах службы.

Верховенство права

Первое место по объему коммуникаций (32 %) занимает категория верховенства права. В рамках данной категории делается упор на нарушение Россией *международного права, правовые процессы и состояние правосудия в стране*. Далее по частоте упоминания следуют подкатегории *судебное преследование* (как правило, в отношении политических оппонентов) и *ограничительное законодательство*. ЕВПС также осуждает нарушения Россией *европейского и национального права*, главным образом Конституции Российской Федерации. На диаграмме ниже представлена структура коммуникаций в рамках категории верховенства права. Ось Y – это подкатегории в рамках категории верховенства права, ось X – количество упоминаний данных подкатегории в документах службы.

Взаимодействуя с Россией по вопросам международного права, ЕВПС в своих заявлениях выражает озабоченность по широкому кругу вопросов – от присоединения Крыма и поддержки Москвой Абхазии и Южной Осетии до несоблюдения международных обязательств в области прав человека. Ограничительное законодательство, принятое в России, ряд уголовных процессов в стране, сложная ситуация с правами человека расцениваются ЕВПС как нарушение норм международного, европейского и национального права.

Внешнеполитическое ведомство ЕС заявляет о системных проблемах в области российского правосудия, указывает на многочисленные факты отказа гражданам в праве на справедливое судебное разбирательство, отмечает процедурные нарушения, допущенные в ходе судебных процессов, свидетельствует о случаях вынесения несоразмерных, политически мотивированных и бездоказательных обвинений. Документы ЕВПС рассматривают индивидуальные случаи уголовных преследований в отношении М. Ходорковского, Pussy Riot, С. Магнитского, А. Навального, активистов событий на Болотной площади, Н. Савченко, О. Сенцова, А. Кольченко, И. Умерова и др.¹ Общий тон заявлений говорит о том, что служба порицает решения российских судов в рамках рассматриваемых дел, считая вынесенные приговоры незаконными. ЕВПС напрямую указывает на политическое использование правосудия в России². Судебные процессы расцениваются как показательные и направленные на борьбу с оппозицией. Внешнеполитическое ведомство ЕС выражает поддержку всем осужденным, подчеркивая невиновность обвиняемых во вменяемых им преступлениях. Один из аргументов, неоднократно озвученных в

¹ Statement by High Representative Catherine Ashton on Mikhail Khodorkovsky and Platon Lebedev Case. Brussels, 24.05.2011 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/122199.pdf (date of access: 09.01.2017); Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the Sentencing of “Pussy Riot” Punk Band Members in Russia. Brussels, 17.08.2012 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/132192.pdf (date of access: 08.01.2017); Statement by the Spokesperson of EU High Representative Catherine Ashton on the Sentencing of Demonstrators Involved in the Bolotnaya Square Events. Brussels, 24.02.2014 [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/statements/docs/2014/140224_01_en.pdf (date of access: 09.01.2017) и др.

² Statement by EU High Representative Catherine Ashton in the European Parliament on the Political Use of Justice in Russia. Strasbourg, 11.09.2012 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/132370.pdf (date of access: 08.09.2017) и др.

заявлениях ЕВПС, состоит в том, что российские суды не обладают компетенцией судить за деяния, совершенные за пределами международно-признанной территории России, то есть в Крыму¹. Внешнеполитическая служба расценивает подобные судебные разбирательства как нарушение норм международного права и основных стандартов правосудия. Выступая с официальными заявлениями о судебных процессах в России и давая им негативные оценки, ЕВПС призывает российские власти к соблюдению надлежащей правовой процедуры.

Отслеживая законодательные новшества в России, внешнеполитическая служба дает негативную оценку нескольким из них: законам о неправительственных организациях; о государственной измене; собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях; запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; декриминализации некоторых форм домашнего насилия и СМИ – «иностранных агентах»².

За весь период своей деятельности ЕВПС приветствовала лишь некоторые немногочисленные позитивные изменения в области российского правосудия, в частности, случаи амнистий, помилований и освобождений из-под стражи (М. Ходорковского, активистов на Болотной, участниц Pussy Riot, активистов Greenpeace, Э. Кохвера). Подавляющее же большинство официальных заявлений ЕВПС свидетельствуют об озабоченности службы текущим состоянием дел в рассматриваемой сфере.

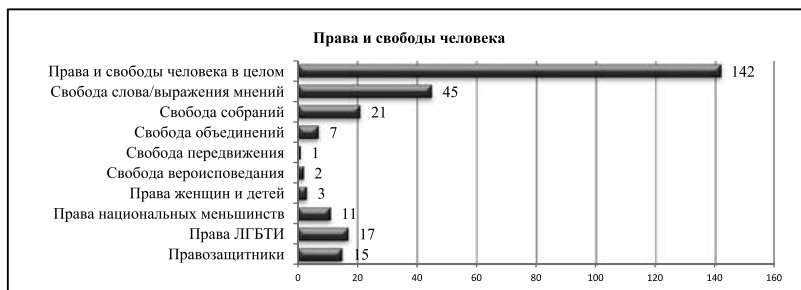
Права и свободы человека

Вторая по частоте упоминания категория – права и свободы человека (26 %). Коммуницируя с Россией по этому вопросу, Брюссель в первую очередь ссылается на концепцию *прав и свобод человека в целом*, выражая свое негативное отношение к мерам,

¹ Statement by High Representative/Vice-President Mogherini on the Sentencing by a Russian Court of Ukrainian Citizens O. Sentsov and O. Kolchenko. Brussels, 25.08.2015. [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/statements-eeas/2015/150825_01_en.htm (date of access: 08.01.2017) и др.

² Statement by the Spokesperson of High Representative on the New Law on Treason in Russia. Brussels, 25.10.2012. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/133204.pdf (date of access: 09.01.2017); Statement by the Spokesperson on a New Russian Law on “Undesirable” Non-governmental Organisations. Brussels, 24.05.2015. [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/statements-eeas/2015/150524_02_en.htm (date of access: 08.01.2017) и др.

направленным на их подавление. ЕВПС также затрагивает проблемы *свободы слова и свободы выражения мнений, свободы собраний и прав ЛГБТИ*. Некоторое внимание уделяется положению *правозащитников, правам национальных меньшинств, свободе объединений* и др.

Немало заявлений ЕВПС посвящено ситуации, сложившейся на российском медиа-ландшафте. В них выражается обеспокоенность в связи с наращиванием государственного контроля над средствами массовой информации и попытками ограничить определенные типы контента в Интернете. Подобные меры расцениваются как угроза для свободы и плюрализма средств массовой информации и часть политики подавления инакомыслия. В заявлениях службы нередко акцентируется незащищенность независимых журналистов, блогеров и правозащитников, отмечается тенденция к росту насилия над ними и безнаказанность за совершенные против них преступления¹. Европейская внешнеполитическая служба особо указывает на опасности, с которыми сталкиваются российские правозащитники и журналисты на Северном Кавказе². Она призывает к оперативному и прозрачному расследованию всех случаев насилия в отношении журналистов и правозащитников и берет на себя обязательство следить за ходом расследований. Требования уважать свободу выражения мнений, свободу собраний

¹ Declaration by the High Representative Catherine Ashton on Behalf of the European Union on Violence Against Journalists in the Russian Federation. Brussels, 17.11.2010. [Electronic resource]. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/117735.pdf (date of access: 08.05.2017) и др.

² Declaration by the High Representative on Behalf of the European Union on the Situation of Human Rights Defenders in the North Caucasus. Brussels, 16.07.2010. [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/115805.pdf (date of access: 08.05.2017) и др.

и объединений раздаются в ответ на принятие ограничительных законов в России, задержания мирных демонстрантов, судебные преследования активистов.

Евросоюз неоднократно призывал Россию поощрять и защищать права ЛГБТИ и предотвращать преследование представителей ЛГБТИ-сообщества. Закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений 2013 г. был расценен внешнеполитической службой как дискриминационный по отношению к сексуальным меньшинствам и противоречащий духу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Верховным представителем были сформулированы возможные негативные последствия принятого закона с точки зрения соблюдения прав человека в России, в частности, развитие дискриминационных дискурсов и практик, усиление предубеждений в обществе, ограничение свободы выражения мнений, свободы собраний и объединений представителей ЛГБТИ¹. ЕВПС также незамедлительно отреагировала на доклады об организованной кампании по преследованию геев в Чечне, осудив эти грубые нарушения прав человека.

В последнее время европейская внешнеполитическая служба констатировала ухудшение ситуации с правами человека на Крымском полуострове, указывая на преследования крымских татар². Серьезной атакой на права крымских татар, по мнению ЕВПС, стало решение Верховного суда Крыма запретить деятельность Меджлиса как «экстремистской организации». Внешнеполитическое ведомство осудило преследование крымско-татарских СМИ и наступление на свободу выражения мнений на полуострове.

ЕВПС предупредила о серьезных негативных последствиях для прав женщин и детей и российского общества в целом декриминализации некоторых форм домашнего насилия. Право на свободу вероисповедания упоминается в связи с преследованием «Свидетелей Иеговы». Особый фокус служба сделала на нарушениях прав иностранных граждан в России (Украины и Эстонии).

ЕВПС приветствовала и позитивные изменения в области прав человека в России: ратификацию Москвой Протокола № 14 к Ев-

¹ Statement by the Spokesperson of High Representative Catherine Ashton on LGBTI Rights in Russia. Brussels, 20.06.2013 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137541.pdf (date of access: 08.09.2017) и др.

² Statement by the Spokesperson on Today's Decision of the "Supreme Court" of Crimea to Ban Mejlis Activities. Brussels, 26.04.2016 [Electronic resource]. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/ethiopia/2864/statement-by-the-spokesperson-on-todays-decision-of-the-supreme-court-of-crimea-to-ban-mejlis-activities_en (date of access: 08.09.2017) и др.

ропейской конвенции о защите прав человека, отмечала заслуги российских правозащитников и журналистов.

Демократия

Категория демократии занимает третье место в заявлениях ЕВПС в адрес Москвы (12 %). Наряду с концепцией *демократии в целом*, в заявлениях внешнеполитической службы затрагиваются проблемы *выборов*, положение *оппозиции* и *политических партий* в России.

За рассмотренный период ЕВПС уделила больше внимания парламентским, нежели президентским выборам в России. В заявлениях службы отмечались отдельные позитивные стороны и факторы, оказывающие негативное воздействие на избирательную среду, а именно: отсутствие разделения между политической партией и государством, контроль над СМИ и гражданским обществом, ограничения основных прав и свобод, недостатки правовой базы. Высказывались замечания относительно степени прозрачности выборов и др.¹ Дипломатическая служба указывала на трудности, возникающие у независимых политических партий в России и отдельных лиц в ходе регистрации на парламентских и президентских выборах. Отмечая некоторые обнадеживающие шаги в развитии российских демократических институтов весной 2012 г., К. Эштон настаивала на необходимости более решительных мер на пути создания подлинной плюралистической парламентской системы². В 2016–2017 гг. ЕВПС заявляла о незаконности парламентских и региональных выбо-

¹ EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission. Speech on Preparations for the Russian State Duma Elections. Strasbourg, 06.07.2011 [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-507_en.htm (date of access: 09.09.2017) и др.

² Statement by EU High Representative Catherine Ashton in the European Parliament on the Political Use of Justice in Russia. Strasbourg, 11.09.2012.

ров в Крыму. В конце 2017 г. служба осудила недопуск Алексея Навального к участию в президентских выборах.

Коммуницируя с Россией на тему оппозиции, ЕВПС в большинстве случаев выражает обеспокоенность в связи с преследованием ее лидеров и активистов. Среди таких лидеров чаще всего упоминается А. Навальный. «Партия народной свободы – ПАРНАС» и ее лидеры рассматриваются в заявлениях как либеральная оппозиция.

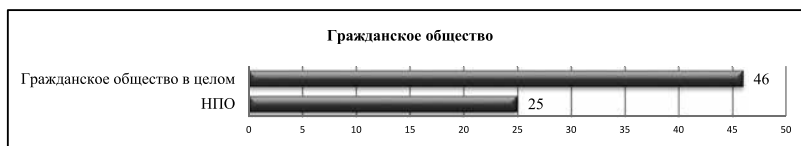
Другие категории

Четвертое место в общем объеме взаимодействия Европейской внешнеполитической службы с Россией занимает категория *безопасности и стабильности* (9 %).

Актуальные проблемы глобальной и региональной безопасности регулярно обсуждаются Верховным представителем ЕС и министром иностранных дел России в ходе личных встреч и телефонных переговоров. Пресс-релизы, опубликованные ЕВПС по результатам переговоров, как правило, лишь сообщают о состоявшемся обмене мнениями по ситуации в Сирии, Ливии, на Ближнем Востоке, в восточной части Украины и другим конфликтам с акцентом ЕС на необходимости их мирного урегулирования. Далее по частоте упоминания следуют иранская ядерная программа и террористическая угроза. Во время личных встреч с Сергеем Лавровым Верховный представитель чаще обращается к вопросам, представляющим взаимный интерес или взаимную обеспокоенность, в то время как в официальных заявлениях службы даются негативные оценки роли России в сфере обеспечения безопасности. Согласно заявлениям ЕВПС, деятельность Москвы наносит ущерб усилиям по стабилизации ситуации в Грузии и Украине. Исключение составляет заявление 2017 г., в котором служба одобрила завершение процесса полной ликвидации химического оружия в России.

Доля коммуникаций на тему гражданского общества составляет 7 %. Заявления ЕВПС связаны идеей гражданского общества в целом и положением НПО.

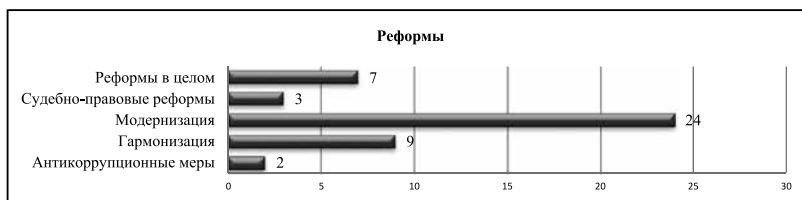
Внешнеполитическое ведомство Евросоюза приветствовало политическое пробуждение российского общества в 2011–2013 гг. К. Эштон неоднократно поддерживала протестное движение, выражая надежду на то, что гражданское общество в России сможет играть активную роль в развитии политических институтов в стране¹. Осуждались ограничения гражданской активности в России, усилившиеся в связи с развитием движения «За честные выборы» и в ходе антикоррупционных протестов 2017 г. В заявлениях ЕВПС периодически выражалась обеспокоенность из-за постоянного увеличения числа НПО, относимых к иностранным агентам и нежелательным организациям. Особое внимание внешнеполитическая служба обратила на преследования нескольких организаций: ассоциации «Голос», «Левада-центра», Международного общества «Мемориал», центра Сахарова, Национального фонда демократии, фондов «Открытое Общество» и Фонда содействия Института «Открытое общество». В заявлениях с сожалением указывается, что принятые в России законы истощают ресурсы НПО, несут угрозу их существованию, препятствуют работе российских граждан с международно-признанными НПО и направлены на подавление политической оппозиции. Верховный представитель выразила резко негативное отношение к терминологии, внедряемой в России в отношении НПО².

Исследование показывает, что ЕВПС не придает большого значения сотрудничеству с Москвой по вопросам *реформ* и *экономики*. Доля данных категорий составляет около 4 % и 3 % соответственно. Только в 2011–2012 гг. ЕВПС проявила интерес к проблеме модернизации страны, необходимости гармонизации (приведения российского законодательства в соответствие с международными

¹ Speech of High Representative Catherine Ashton on the Situation in Russia. Brussels, 01.02.2012. и др.

² Statement by EU High Representative Catherine Ashton in the European Parliament on the Political Use of Justice in Russia. Strasbourg, 11.09.2012.

и европейскими нормами и стандартами), а также к идее реформ в России в целом. В нескольких документах дипломатическое ведомство указывало на принципиальное значение судебно-правовых реформ, направленных на создание прозрачной, независимой и надежной судебной системы и антикоррупционных мер.

Идеи модернизации и реформ руководство ЕВПС напрямую увязывает с принципами верховенства права, демократическими ценностями, уважением прав и свобод человека как основными условиями развития современного общества. По мнению европейских дипломатов, инновационные и модернизационные процессы невозможны в неправовом государстве. Для успешной реализации подлинной политической, экономической и социальной модернизации в стране необходимы соответствующие реформы, которые обеспечат законность, развитие демократических институтов и создадут все необходимые условия для активизации гражданского общества¹. Заявления внешнеполитической службы отражают разочарование в связи с отсутствием системных реформ в России.

В области *экономики* ЕВПС затрагивает вопросы торговли и экономики в целом. Документы службы содержат незначительное количество упоминаний проблем инвестиций, бизнеса и энергетики.

Значимость двусторонних взаимоотношений (в целом, во всех сферах) показана менее чем в 3 % коммуникаций. В рамках дан-

¹ Statement by High Representative Catherine Ashton on Mikhail Khodorkovsky and Platon Lebedev case. Brussels, 24.05.2011.

ной категории европейские дипломаты вновь настаивают на том, что общие ценности и нормы, а также формирование правового государства в России являются обязательными элементами плодотворного партнерства¹. Доля коммуникаций по таким вопросам, как *мобильность, упрощение визового режима, ценности ЕС и культура* составляет менее 1 %.

Динамика коммуникаций ЕВПС с Москвой

Проблематика, затрагиваемая ЕВПС в официальных заявлениях и выступлениях Верховных представителей, посвященных России, была относительно разнообразной лишь в 2011–2012 гг. В 2011 г. К. Эштон в своих выступлениях обращалась к тематике реформ, экономики, значимости двусторонних взаимоотношений, контактов между людьми. В 2012 г. ЕВПС вела диалог с Россией не только в сфере верховенства права и прав человека, но и демократии, гражданского общества, реформ, экономики, безопасности, упрощения визового режима и значимости сотрудничества. При этом высокая активность службы в области верховенства права, прав человека и демократии в 2012 г. была ответом на несправедливые думские выборы в России в декабре 2011 г., принятие нескольких ограничительных законов и проблемы в области правосудия. Следующая таблица показывает ежегодное количество упоминаний каждой категории в документах ЕВПС.

¹ Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the Khodorkovskii/Lebedev Case. Brussels, 30.12.2010 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/118699.pdf (date of access: 10.09.2017).

**Таблица 3. Ежегодное количество упоминаний
каждой категории**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Верховенство права	19	15	53	29	29	59	44	80
Права и свободы человека	20	16	45	24	15	32	45	67
Демократия	2	48	38	3	1	5	5	17
Безопасность	4	5	12	0	5	25	4	39
Гражданское общество	0	3	29	8	1	7	15	8
Реформы	2	16	25	2	0	0	0	0
Экономика	0	7	29	0	0	0	0	0
Значимость отношений	3	9	7	0	0	0	0	10
Мобильность	0	5	1	0	0	0	0	2
Упрощение визового режима	0	1	3	0	0	0	0	0
Ценности ЕС	0	2	2	0	0	0	0	0
Культура	0	2	0	0	0	0	0	1

Некоторые позитивные изменения в России ЕВПС связывала с периодом президентства Дм. Медведева. Выступления К. Эштон в 2011–2012 гг. показывают, что руководство внешнеполитической службы все еще ожидало постепенного устранения барьеров между Евросоюзом и Россией в различных сферах: на пути развития торговли, передвижения людей и других областях, рассчитывая на сближение граждан ЕС и России, рост интереса к сотрудничеству и, как следствие, сближение ценностных установок¹. Подтверждая, что демократические институты в России должны развиваться прежде всего сами россияне, ЕВПС, при этом подчеркивала важную роль международного контекста. Внешнеполитическое ведомство Евросоюза заверяло, что будет поддерживать стремление страны к более открытому и динамичному обществу, стимулировать внутренний политический процесс, направленный на утверждение верховенства права, развитие демократических институтов, гражданского общества и соблюдение прав человека.

¹ Speech of High Representative Catherine Ashton on the EU-Russia Summit. Strasbourg, 13.12.2011 [Electronic resource]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/126907.pdf (date of access: 09.09.2017).

Европейский Союз выражал готовность сотрудничать с Россией в сфере модернизации, содействовать реформам в стране и ее интеграции в международную правовую систему. В то же самое время Верховный представитель предупреждала об опасности упустить возможности для проведения реформ в результате действий правительства¹. В рассматриваемый период Брюссель признавал значимость двусторонних взаимоотношений, несмотря на сложный характер Москвы.

В силу того, что ожидания Брюсселя не оправдались, главы ЕВПС сфокусировались на критике действий российских властей. Проблемы экономики, реформ, культуры, мобильности, упрощения визового режима и ссылки на значимость двусторонних отношений слабо представлены либо вообще отсутствуют с 2013 г. Содержание заявлений подтверждает, что отношения Москвы и Брюсселя находятся в глубоком кризисе. Документы также демонстрируют, что Евросоюз не поддерживает разнообразные и разноплановые коммуникации по широкому кругу вопросов со странами, которые не разделяют европейские ценности и нормы. Из-за общего ухудшения ситуации в области прав человека в России и присоединения Крыма ЕВПС делает упор на нарушениях Москвой международного права и обязательств по защите прав человека в 2015–2017 гг.

Европейская внешнеполитическая служба довольно активно коммуницировала с Россией в 2015 г. (см. таблицу 2.). Количество заявлений, которые Брюссель адресовал России, было самым большим, однако их содержание оставалось однообразным. Заявления касались положения неправительственных организаций, рассматривали нарушения прав человека в отношении иностранных граждан в России и национальных меньшинств на территории Крымского полуострова.

Результаты контент-анализа документов 2017 г., показывающие увеличение количества ссылок на значимость отношений в целом, и в области безопасности в частности, нельзя переоценивать. Это произошло вследствие состоявшегося рабочего визита Ф. Могерини в Москву и ответного визита С. Лаврова в Брюссель. После возвращения Евросоюза к обычному объему коммуникаций с Россией они приобрели привычный нормативный характер.

¹ Speech of High Representative Catherine Ashton on the EU-Russia Summit. Strasbourg, 13.12.2011; Speech of High Representative Catherine Ashton on the Situation in Russia. Brussels, 01.02.2012; Statement by EU High Representative Catherine Ashton in the European Parliament on the Political Use of Justice in Russia.

Заключение

В общем объеме официальных коммуникаций ЕВПС с Россией доминируют принципы верховенства права и прав человека, проблемы российского правосудия и законодательства. Поскольку Брюссель акцентирует правовые нормы и критикует их нарушения со стороны Москвы, мы пришли к выводу, что европейская дипломатическая служба от имени ЕС взаимодействует с Россией в качестве нормативной силы. Полученные данные свидетельствуют о том, что ЕВПС не предпринимает явных попыток сформировать образ трансформационной или мягкой силы Евросоюза. В официальных заявлениях ЕВПС в адрес России элементы мягкой и трансформационной силы представлены слабо¹.

Следует сохранять осторожность, сравнивая содержание официальных коммуникаций Евросоюза со странами Восточного партнерства, проанализированное в рамках проекта EU-STRAT, и содержание заявлений в адрес России. В первом случае изучались документы, размещенные на сайтах Представительств ЕС в странах партнерства в феврале-марте 2016 г., во втором – документы внешнеполитической службы 2010–2017 гг. Есть некоторые различия в методологии первого и второго исследования, способах кодировки и подсчета доли каждой категории в общем объеме заявлений.

Тем не менее мы все же можем отметить, что модель коммуникаций Европейского Союза с Россией имеет некоторое сходство с белорусским кейсом. И в том, и в другом случаях заявления ЕС ограничиваются узким кругом проблем при доминировании нормативной повестки. Самая большая доля коммуникаций Евросоюза с Белоруссией (37 %) приходится на категорию прав человека. Имеются также и некоторые различия между российским и белорусским примерами. Взаимодействуя с Белоруссией, ЕС уделяет больше внимания вопросу ценностей ЕС (13 %) и проблемам регионального сотрудничества (9 %), в то время как верховенство права – это четвертая по частоте упоминания категория². В целом, однако, ЕС позиционирует себя как в России, так и в Белоруссии в качестве НС.

¹ Некоторые эксперты, однако, полагают, что ЕС эволюционировал в отношениях с Россией от НС начала 1990-х гг. к МС на нынешнем этапе, так как перестал полагаться лишь на силу своего примера, а начал формулировать четкие политические задачи, сделав свою политику более инструментальной (Павлова Е. Б., Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 162–176).

² Soft, Normative or Transformative Power. P. 19.

Структура коммуникаций Европейского Союза с Россией резко отличается от той, что наблюдается в рамках молдавского кейса. В последнем случае Брюссель играет роль более активного игрока, делающего явный упор на реформы (30 %), экономику (17 %) и рынок (7 %), что позволяет утверждать, что ЕС выступает в коммуникациях с Молдавией в качестве ТС¹. В коммуникациях с Украиной ЕС довольно часто обращается к нормативным вопросам – демократии (20 %), верховенству права (10 %) и правам человека (9 %), но, по сравнению с Россией, уделяет несколько большее внимание экономике (10 %) и реформам (8 %)². Кроме того, ЕС коммуницирует с Кишиневом и Киевом по более широкому кругу вопросов, в отличие от его диалога с Москвой и Минском.

Коммуникации ЕВПС с Москвой не отличаются высокой эффективностью. Заявления дипломатической службы сами по себе не способны изменить политику российского государства. Очевидным препятствием для реализации нормативной силы Евросоюза в России является слабая восприимчивость россиян к идеям ЕС. Заявления ЕВПС не достигают большинства граждан России, несмотря на то, что они переводятся на русский язык пресс-службой Представительства ЕС в РФ. На сегодняшний день Брюссель не имеет механизмов и инструментов для реализации своих нормативных намерений в российском политическом контексте. Роль службы сводится к осуждению действий России, выражению озабоченности, либо одобрения (в редких случаях). Европейская внешнеполитическая служба через распространяемые заявления в основном пытается оказать моральное давление на Москву и привлечь дополнительное внимание мировой общественности к внутренним проблемам в России.

¹ Soft, Normative or Transformative Power. P. 20.

² Ibid. P. 21.

Глава 2. Непредвиденные последствия европеизации: Европейская политика соседства и политические режимы стран Восточного партнерства

Введение

В течение нескольких десятилетий ключевой целью Европейского Союза (ЕС) является создание на своих границах «кольца друзей», что тесно связано с координацией и созданием единой внешней политики ЕС. Несмотря на определенные успехи в этой сфере, по-прежнему нельзя говорить о том, что по всем международным или региональным вопросам члены ЕС выступают в качестве единого актора. Однако побочным продуктом развития ЕС как интеграционного проекта стала европеизация – процесс унификации и инкорпорирования легальных норм и либеральных демократических ценностей ЕС странами-членами и международными партнерами ЕС. Поначалу концепт «европеизации» и рассмотрение самого этого процесса осуществлялось применительно к странам-членам ЕС для анализа создания общей нормативно-правовой базы – *acquis communautaire*. С расширением ЕС после окончания холодной войны процесс европеизации распространился и на страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), не входившие тогда в ЕС. Европеизация стран ЦВЕ происходила параллельно с процессом демократизации и перехода к рыночной экономике и, по сравнению с европеизацией стран Западной Европы, имела свои уникальные черты.

С крупнейшим расширением в 2004 г. ЕС на данный момент достиг пределов своего расширения, что вызвало необходимость построения более тесных отношений с новыми странами-соседами, которые не имеют перспективы стать членами ЕС в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Такая необходимость стала причиной создания (и последующего реформирования) Ев-

ропейской политики соседства (ЕПС, политика соседства). Это повлекло за собой несколько последствий. Во-первых, сформировалось третье измерение европеизации – в отношении стран-соседей на южных и восточных границах ЕС. Во-вторых, создание ЕПС и процессы гармонизации законодательства и распространения либеральных демократических норм в странах, не имеющих перспектив скорого вступления в ЕС, трансформировали европеизацию из инструмента внутренней политики Европейского Союза в наиболее согласованный (хотя и не лишенный противоречий) внешнеполитический инструмент ЕС.

Одной из ключевых черт внешней политики ЕС в форме Европейской политики соседства стало поощрение стран-партнеров к трансформации политических режимов в сторону либерально-демократических, а их экономик – в рыночные. Вокруг того, насколько успешно эта цель достигается на постсоветском пространстве, и в академической литературе, и в публицистике существует множество споров. Некоторые исследования оценивают ЕПС как неэффективную, что объясняется слепым копированием и неадаптивным применением механизмов политики расширения, ограниченной кондициональностью, противоречащими друг другу целями политики соседства, а также наличием альтернативных внешних акторов¹. В то же время другие исследования анализируют определенные страны и сферы политики как успешные примеры продвижения демократии посредством ЕПС. Они показывают логику и результаты такого влияния на внутривнутриполитическое развитие отдельных стран через изучение конкретных случаев². Однако большинство упомянутых работ воспринимают страны-

¹ Magen A. Shadow of Enlargement: Can the European Neighbourhood Policy Achieve Compliance? // *Columbia Journal of European Law*. 2005. № 12. P. 383–827; Kelley J. New Wine in Old Wine Skins: Policy Adaptation in the European Neighbourhood Policy // *Journal of Common Market Studies*. 2006. № 44. P. 29–55; Dimitrova A., Dragneva R. Shaping Convergence with the EU in Foreign Policy and State Aid in Post-Orange Ukraine: Weak External Incentives, Powerful Veto Players // *Europe-Asia Studies*. 2013. № 65. P. 658–681; Börzel T. A., van Hüllen V. One Voice, one Message, but Conflicting Goals: Cohesiveness and Consistency in the European Neighbourhood Policy // *Journal of European Public Policy*. 2014. № 21. P. 1033–1049; Lebanidze B. What Makes Authoritarian Regimes Sweat? Linkage, Leverage and Democratization in post-Soviet South Caucasus // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2014. № 14. P. 199–218; Silander D., Nilsson M. Protecting and Promoting Europe: The ENP and the Security-Democracy Nexus in Partner States // *Journal of Applied Security Research*. 2014. № 9. P. 460–477.

² McDonagh E. Is Democracy Promotion Effective in Moldova? The Impact of European Institutions on Development of Civil and Political Rights in Moldova // *Democratisation*. 2008. № 15. P. 142–161; Langbein J. Unpacking the Russian and EU Impact on Policy Change in

партнеры политики соседства как находящиеся в процессе демократизации. Учитывая этот факт и предпосылку о том, что ЕПС была создана для содействия демократизации, политический режим по понятным причинам не включается в анализ, а исследователи целиком концентрируются на изучении трансформации конкретных политических курсов или, в лучшем случае, на анализе влияния европеизации на партийную борьбу.

Восприятие постсоветских стран как существующих в рамках долгосрочного процесса демократизации имеет своим результатом то, что анализу подвергается либо «позитивное» (способствующее демократизации, гармонизации законодательства и адаптации демократических норм) влияние ЕПС, либо полное отсутствие этого влияния. Это связано с тем, что, следуя традиции европеизации, в такого рода исследованиях в качестве зависимой переменной используется степень адаптации норм (*degree of rule adoption*), а не политический режим. Более того, когда «негативное» влияние (использование знаний о правовых нормах ЕС и демократических процедурах для их имитации или обхода) все же определяется, оно обычно относится на счет так называемых альтернативных внешних акторов (*alternative external actors*). Однако в случае постсоветских стран-партнеров ЕПС, которые, согласно проекту *Nations in Transit*¹, в отличие от стран Западной Европы и постсоциалистических стран ЦВЕ, классифицируются либо как авторитарные, либо как гибридные режимы, проблема влияния политики соседства на политические режимы (а не только на отдельные политические курсы или партийную политику) становится актуальной. Тем более что по отношению к странам Восточного партнерства она работает как внешнеполитический инструмент. В действительности существует эмпирический парадокс, заключающийся в том, что политика, нацеленная на поощрение демократизации, при определенных условиях порождает «замораживающий» эффект по отношению к гибридным политическим режимам или даже имеет непредвиденные негативные последствия,

the Eastern Neighbourhood: The Case of Ukraine's Telecommunications and Food Safety // *Europe-Asia Studies*. 2013. № 65. P. 631–657.

¹ *Nations in Transit* – исследовательский проект Freedom House, посвященный анализу политических реформ в 29 постсоветских и постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. Проект реализуется с 1995 г., с 2003 г. методология анализа остается неизменной, что обеспечивает сравнимость данных и дает возможность проанализировать ситуацию в динамике.

закрывающиеся в укреплении авторитарного статус-кво в той или иной стране.

С 2004 г. ЕС постоянно реформирует политику соседства и на институциональном уровне, инкорпорировав ЕПС во вновь созданную Внешнеполитическую службу ЕС, и на уровне ресурсов, предоставляя все большие объемы финансовой и консультативной поддержки странам-партнерам. Так, с 2007 по 2013 гг. объемы финансовой поддержки, выделенной странам-партнерам, в медиане выросли на 15,33 %. Кроме того, сами страны-партнеры все более активно принимают участие в ЕПС. В тот же период количество запросов на консультативную поддержку выросло в медиане на 23,80 %¹. Увеличивающееся количество финансовых ресурсов и растущее количество ответов на запросы о консультативной поддержке показывает заинтересованность ЕС в повышении эффективности политики соседства и достижении ее целей: создании стабильных демократических режимов на границах ЕС, интенсификации торговли, реализации рыночных либеральных реформ². Удалось ли в реальности достичь этих целей?

Анализ данных проекта *Nations in Transit* показывает, что динамика политических режимов в странах Восточного партнерства в период 2007–2013 гг. была либо разнонаправленной, без четкого тренда, либо отрицательной (в сторону формирования авторитарных режимов). Почему же, несмотря на увеличивающееся внимание и количество используемых ресурсов, политика соседства не привела к полномасштабной демократизации стран Восточного партнерства, но в отдельных случаях привела к противоположным результатам? И если эти результаты можно относить на счет ЕПС в комбинации с другими факторами, каковы механизмы такого «негативного» влияния?

Для ответа на два этих вопроса необходимо обратиться к нескольким исследовательским направлениям, которые с одной стороны концентрируются на роли институтов и стратегий акторов в

¹ Расчеты автора на основе данных: European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2011 Statistical Annex. 2012. [Electronic resource]. P. 33–84. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/strategy/statistical_annex_enp_implementation_2012_en.pdf (date of access: 06.08.2017); European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy Statistical Annex. 2014. [Electronic resource]. P. 41–98. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2014/stats/statistical_annex_2014.pdf (date of access: 06.08.2017).

² Commission of the European Communities. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. 2003. [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

динамике политических режимов, а с другой стороны – позволяют оценить роль международных акторов в этих процессах. Во-первых, динамика политических режимов традиционно рассматривается в рамках теорий транзита режимов, которые уделяют внимание внутренним структурным и институциональным факторам в их связи с международным влиянием¹. Во-вторых, динамика политических режимов на постсоветском пространстве анализируется с точки зрения политической экономии, когда в фокусе исследования оказываются внутристрановые и международные стимулы к проведению экономических и политических реформ². Наконец, существует хорошо разработанная концепция европеизации, которая при анализе политических курсов, политики и политических режимов сосредотачивается и на внутристрановых, и на международных факторах³.

Опора на три эти теоретические традиции позволяет объединить в анализе внешнюю политику ЕС и внутривнутриполитическое развитие объектов этой политики – стран Восточного партнерства. Кроме того, комбинация трех упомянутых подходов позволяет оценивать не только «позитивное», но и возможное «негативное» или нейтральное влияние внешней политики ЕС в форме политики соседства. Характер влияния будет определяться взаимодействием процесса европеизации и внутристрановых структурных и институциональных факторов, поскольку каждая такая комбинация определяет стратегию политических реформ, используемую правящими элитами в конкретной стране.

Рассмотрение процесса европеизации в странах Восточного партнерства ограничивается периодом 2007–2013 гг. Это объясняется доступностью единообразных данных, что делает корректным проведение сравнительного анализа внешней политики ЕС в странах Восточного партнерства только в рамках двух бюджетных периодов: 2007–2010 гг. и 2011–2013 гг.

¹ Levitsky S., Way L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge, 2010; Lebanidze B. *Op.cit.*

² Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge, 1991; Hellman J. *Winners Take All // World Politics*. 1998. № 50. P. 203–234; Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. *Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски*. Москва, 2012.

³ Börzel T. A., Risse T. *Conceptualizing the Domestic Impact of Europe // The Politics of Europeanization*. Oxford, 2003. P. 57–80; Langbein J., Boerzel T. A. *Introduction: Explaining Policy Change in the European Union's Eastern Neighbourhood // Europe-Asia Studies*. 2013. № 65. P. 571–580.

Европейская политика соседства: история развития и институциональный дизайн

Европейская политика соседства является единственным внешним измерением политики ЕС, которое реализуется наднациональным органом – Европейской комиссией. ЕПС была запущена в 2004 г. после крупнейшего за всю историю ЕС расширения. Новая политика призвана была обеспечить «периметр безопасности» на границах ЕС и одновременно предотвратить создание «новых разделительных линий» в Европе¹. В настоящее время ЕПС реализуется в 16 странах и территориальных образованиях: шести странах Восточного партнерства (постсоветские государства) и девяти странах Средиземноморского Союза (страны Северной Африки и Ближнего Востока). Страны Восточного партнерства включают Украину, Белоруссию, Молдавию, Армению, Азербайджан и Грузию. Средиземноморский Союз объединяет Алжир, Египет, Израиль, Иорданию, Ливан, Марокко, Сирию, Тунис и Палестинскую национальную администрацию.

В рамках ЕПС Европейский Союз создает зоны свободной торговли, выделяет финансовые средства и оказывает консультативную поддержку странам-партнерам в соответствии с Планами действия (*Action plans*), согласованными на двухсторонней основе. Главными целями ЕПС являются экономическое сотрудничество и побуждение к формированию стабильных и предсказуемых политических режимов в соседних странах.

Политика соседства за время своей десятилетней истории претерпела несколько трансформаций и адаптаций к меняющимся в соседних странах условиям. Первоначально ЕПС была создана по модели политики расширения (*Enlargement policy*). Перефразируя знаменитый афоризм фон Клаузевица, можно сказать, что политика соседства является продолжением политики расширения другими средствами. Средствами, которые исключают перспективу членства страны в ЕС. Несмотря на это, ЕПС, основанная на опыте политики расширения, унаследовала ее основные процедуры и механизмы оценки эффективности.

Европейская политика соседства реализуется на двухсторонней основе и предполагает согласование с каждой из стран-пар-

¹ Commission of the European Communities. *Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours*. 2003. P. 4.

тнеров 3-5-летних планов действий. После согласования такого плана стороны на двухсторонней основе создают коллективный орган. Как правило, он называется «Координационный совет» (*Cooperation Council*), и включает в себя представителей разного уровня от обеих сторон. Главными функциями Координационного совета являются корректировка и реализация планов действий.

Существует и механизм оценки эффективности ЕПС. Европейская комиссия подготавливает ежегодные отчеты о ходе реализации политики соседства (*Progress reports*), а после выполнения 3-5-летних планов действий также готовит общую оценку успешности реализации политики с рекомендациями по дальнейшему совершенствованию ЕПС в отношении конкретной страны.

Хотя в процессе формулирования и реализации ЕПС участвует несколько институтов, а именно – Европейская комиссия, Европейский совет, Совет министров ЕС и, частично, Европейский парламент – Европейский Союз в данном случае может рассматриваться в качестве единого актора. Короткая, но насыщенная история развития ЕПС не выявила внутри Европейского Союза таких разногласий, которые бы полностью блокировали реализацию политики соседства.

До 2007 г. ЕПС была представлена значительным количеством разнородных программ поддержки, реализуемых на разных уровнях и направленных на достижение различных целей, плохо скоординированных между собой. Начиная с 2007 г., с созданием Инструмента европейского соседства и партнерства (*European Neighbourhood and Partnership Instrument*), ЕПС приняла форму унифицированной политики с едиными финансовыми инструментами. В 2011 г. ЕПС была включена в структуру Внешнеполитической службы ЕС (*European External Action Service*), что способствовало ее дальнейшей унификации и более эффективной выработке решений. В 2014 г. состоялась реформа Инструмента европейского соседства и партнерств, внесшая существенные коррективы в приоритеты и механизмы политики соседства.

Внутренние и внешние факторы динамики политического режима

Подавляющее число исследований, оценивающих влияние внешнего актора на динамику политических режимов, исходит из предпосылки существования двух взаимодействующих сфер: внешней и внутренней. Первая представлена актором (государства, интеграционные объединения, международные организации, транснациональные компании), вторая – политическим, экономическим и социальным устройством определенной страны. Таким образом, на динамику политического режима могут влиять как внутренние, так и внешние факторы. В рамках политической науки существенное внимание традиционно уделялось изучению внутренней составляющей, которая справедливо считалась и продолжает считаться определяющей. Но после окончания холодной войны изучение внешнего влияния получило мощный импульс для развития. На сегодняшний день наиболее разработанные теории, совмещающие анализ внешних и внутренних аспектов, можно найти в двух подразделах политической науки: дисциплине, занимающейся транзитом политических режимов¹, и концепции европеизации² (или ЕС-изации³), то есть адаптации норм Европейского Союза в странах-кандидатах и странах-партнерах ЕПС. Поставленный во введении исследовательский вопрос также затрагивает проблему внешних и внутренних стимулов к реализации политических и экономических реформ, что является традиционным предметом анализа политической экономии⁴.

Опора на три обозначенные блока литературы определяет используемый здесь понятийный аппарат. Политический режим вслед за Г. О'Доннелом и Ф. Шмиттером определяется как «вся совокупность явных и неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него»⁵. В связи

¹ Levitsky S., Way L. Op. cit.

² Börzel T.A., Risse T. Op. cit.

³ Flockhart T. Europeanization or EU-ization? The Transfer of European Norms across Time and Space // *Journal of Common Market Studies*. 2010. № 48. P. 787–810.

⁴ Przeworski A. Op. cit. P. 228; Hellman J. Op. cit.; Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Указ. соч.

⁵ Гилев А. В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Do Revolutions Matter? // *Пути модернизации: траектории, развилки, тупики*. Санкт-Петербург, 2010. С. 353–354.

с этим «анализ политического режима включает в себя рассмотрение: а) институтов, б) совокупности акторов, в) стратегий этих акторов»¹.

Внешняя политика ЕС в свою очередь определяется через процесс европеизации, который предполагает распространение законодательных и институциональных норм ЕС с помощью нескольких логик². В данной главе анализируется только рационально-институциональная логика³ изменения баланса акторов и реформирования институтов с помощью финансовой и консультативной поддержки. В качестве акторов рассматриваются национальные парламентские политические партии стран-партнеров, поскольку именно они принимают активное участие в формировании стратегии участия в ЕПС. В связи с этим европеизация может происходить на уровне: а) политических и экономических структур (институтов); б) соотношения политических сил (совокупности акторов); и в) политических курсов (стратегий акторов).

Европеизация в данном контексте представляет собой процесс постепенной трансформации политического режима на трех уровнях посредством изменения баланса акторов и реформирования институтов (вето-игроки, выступающие за сохранение статус-кво vs. акторы, выступающих за изменения). Эта логика предполагает стимуляцию политических и экономических реформ. Реформы в свою очередь формируют политическое равновесие. Оно может быть абсолютно новым⁴ и выражаться в трансформированных институтах, изменившемся балансе акторов и адаптации этими акторами новых стратегий. А может быть частичным⁵ и характеризоваться изменением только политических институтов или только баланса акторов при адаптации ими новых стратегий. Частичное равновесие способно сохраняться продолжительное время, переходя впоследствии в новое равновесие либо возвращаясь к старому. Схематично эта логика представлена в Таблице 1.

¹ Гилев А. В. Указ. соч. С. 354.

² Börzel T. A., Risse T. Op. cit.

³ Т. е. анализ влияния ЕПС с точки зрения институционализма рационального выбора.

⁴ Przeworski A. Op. cit. P. 228.

⁵ Hellman J. Op. cit.

**Таблица 1. Политический режим, европеизация
и равновесие реформ**

		Политический режим		
		Институты	Баланс акторов	Стратегии
Европеизация	Изменение баланса акторов, реформирование институтов	– формирование новых	– формирование нового	- новые
		– поддержание текущих	– поддержание текущего	
		– возврат к старым	– возврат к старому	

Источник: разработка автора.

В силу каких факторов внешняя политика ЕС в форме европеизации может способствовать применению национальными акторами новых стратегий, ведущих к трансформации институтов и изменению баланса игроков? Почему в ряде случаев акторы используют европеизацию только для сохранения существующих институтов и баланса или даже для возврата к старому равновесию, результатом чего становится фиксация статус-кво либо отрицательная динамика политического режима?

Я предполагаю, что в условиях авторитарного или гибридного политического режима с президентской системой, высоким уровнем политического монополизма и эффективным государственным управлением внешняя политика ЕС в форме европеизации будет способствовать сохранению авторитарного или гибридного статус-кво. Внешняя политика ЕС по отношению к странам с такими внутренними структурными и институциональными условиями будет стимулировать правящие элиты к сохранению частичного равновесия политических реформ, так как это стратегия, позволяющая им одновременно использовать финансовую и консультативную поддержку ЕС и оставаться у власти.

Напротив, я ожидаю, что внешняя политика ЕС по отношению к гибридным политическим режимам с парламентскими системами, низким уровнем политического монополизма и эффективной системой государственного управления приведет к постепенной

демократизации. Внешняя политика ЕС в описанных условиях будет стимулировать правящие элиты стран-партнеров ЕПС проводить хотя и постепенные, но полномасштабные политические реформы, поскольку именно такая стратегия будет оптимальна для них как с точки зрения получения преимуществ от поддержки со стороны ЕС, так и с точки зрения сохранения ими своей власти. Стратегия правящих элит в описанных условиях приведет к созданию равных «правил игры» и позволит правящим элитам либо сохранить власть в рамках текущего электорального цикла, выступая за европейскую интеграцию, либо вернуться к власти в последующие электоральные циклы после пребывания в оппозиции.

Влияние ЕПС на рациональный выбор правящих элит в Грузии, Молдавии и Украине

Чтобы понять вклад внешней политики ЕС в форме ЕПС в динамику политических режимов в комбинации с конкретными институтами и балансом игроков (совокупность провластных и оппозиционных парламентских партий), необходимо обратиться к анализу стратегий, которыми пользуются правящие элиты трех стран Восточного партнерства: Грузии, Молдавии и Украины в отношении политики соседства. Выбор трех этих случаев базируется на мультикатегориальном качественном сравнительном анализе и следует общей логике сравнительного анализа наиболее схожих случаев¹. Выбор кейсов сужает выборку до тех случаев, в которых внешняя политика ЕС на постсоветском пространстве играла значительную роль, а политические режимы стран-партнеров находились в процессе трансформации (менялись либо правящие элиты, либо политические институты – см. ниже). Кроме того, выбор трех указанных кейсов позволяет сосредоточиться на анализе того, в каких случаях поддержка в рамках ЕПС используется для проведения полномасштабных политических реформ, а в каких для сохранения частичного равновесия реформ, не беря во внимание те случаи, где внешняя политика ЕС не имела влияния.

¹ Агафонов Ю. Г. Влияние Европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 40–49.

Термин «частичное равновесие реформ» (*partial reform equilibrium*), предложенный Дж. Хеллманом в 1998 г., в существующей литературе связывается главным образом с экономическими реформами, а именно – с процессом перехода постсоветских и постсоциалистических стран от командной экономики к рынку¹. Такое использование термина очень хорошо отражало реальность трансформации бывших коммунистических режимов в поздние 1980-е – ранние 1990-е гг., когда во главе угла стояли экономические реформы. В результате этих реформ меняющийся баланс экономических ресурсов действительно оказывал определяющее влияние на формирующиеся институты государственного управления. Все это привело к тому, что в короткий период после распада Советского Союза на постсоветском пространстве существовали конкурентные политические системы². Однако к концу 90-х – началу 2000-х гг. стало очевидно, что в большинстве стран, хотя и в разной степени, установилось частичное равновесие реформ.

Ранние победители затормозили дальнейшие преобразования и зафиксировали сформировавшийся баланс акторов в форме политических режимов, которые можно классифицировать либо как гибридные, либо как авторитарные. Реализация реформ стала использоваться правящими элитами для поддержания статус-кво, позволявшего им оставаться у власти долгое время. В таких новых условиях реформы в авторитарных и гибридных режимах повторили судьбу выборов. Созданные для того, чтобы обеспечивать мирную передачу власти, воспроизводство правящих элит и их безболезненную смену, выборы в авторитарных и гибридных режимах стали использоваться правящими элитами для решения тактических задач: для кооптации оппозиционных элит и получения обратной связи от общества³. Похожим образом реализация реформ в авторитарных и гибридных режимах стала использоваться инкумбентами и правящими элитами для поддержания частичного равновесия реформ, которое позволяло бы им сохранять власть в течение длительного времени. Сложившиеся условия выдвинули на первый план именно политические реформы, по-

¹ Hellman J. Op. cit.

² Гельман В. Я. Из огня да в полямя? Динамики изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. 2006. С. 136–137.

³ Geddes B. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? // Annual Meeting of the American Political Science Association. 2005. P. 456–471.

скольку именно политические трансформации в таких условиях могут изменить политические институты и баланс акторов. Главную роль в связи с этим стало играть частичное равновесие именно политических реформ. Их реализации и использованию в этих целях поддержки в рамках ЕПС будет посвящен анализ кейсов Грузии, Украины и Молдавии.

Задача существенно упрощается благодаря схожести согласованных целей политики соседства для всех трех стран на период 2007–2013 гг. Приоритетом, связанным с реализацией политических реформ, являлось развитие демократии, прав человека и модернизация системы управления. Меры в рамках поставленных задач предполагали реформирование: а) политических институтов с целью перераспределения полномочий в пользу парламента, обеспечения свободных и соревновательных выборов, формирования инклюзивной партийной системы; б) судебной системы для обеспечения ее независимости от исполнительной власти; в) системы государственной службы для разделения политических и управленческих функций; г) системы местного самоуправления для децентрализации власти.

Политика соседства и стратегии правящих элит Грузии, Молдавии и Украины

Учитывая современную политическую историю постсоветских стран, в динамике их политических режимов можно наблюдать три разных равновесия политических реформ: старое, частичное и новое. Старое равновесие политических реформ определяется тем, что у власти долгое время пребывают одни и те же элиты, а политические институты стабильны и в течение длительного срока не подвергаются изменениям. Частичное равновесие имеет место там, где после начала реформ старые элиты существуют в условиях новых политических институтов, либо там, где после смены элиты не произошло радикальных институциональных перемен. Этот вид равновесия может существовать довольно продолжительное время и закончиться как переходом к новому, так и возвратом к старому. Переход к новому равновесию политических реформ наступает, когда происходит и смена элит, и смена институтов.

С этой точки зрения и в Грузии, и в Молдавии, и в Украине в период 2007–2013 гг. существовало частичное равновесие политических реформ. В Грузии в результате «революции роз» 2003 г. произошла смена элит, но вплоть до перехода к парламентской системе в 2013 г. перемены не затрагивали политических институтов. В Молдавии, напротив, с введением в 2001 г. парламентской системы радикальной перестройке подверглись политические институты, при этом до 2013 г. во власти доминировали старые элиты. В Украине в результате «оранжевой революции» 2004 г. и после введения полупрезидентской системы, на первый взгляд, сменились и элиты, и институты. Однако на практике эти изменения стали результатом временного компромисса старых и новых элит, поэтому они также фиксировали частичное равновесие политических реформ. Сложившаяся ситуация поставила правящие элиты трех стран перед сложным выбором. С одной стороны, им необходимо было сохранять электоральную поддержку, благодаря которой они пришли к власти. Это означало реализацию полномасштабных реформ. С другой стороны, в целях консолидации власти они стремились к поддержанию установившегося частичного равновесия политических реформ.

Какое же влияние Европейская политика соседства могла оказать на выбор в пользу того или иного пути? При наличии финансовой и консультативной помощи от международного партнера для консервации частичного равновесия правящим элитам приходилось вести очень тонкую игру. Во-первых, они старались пользоваться финансовыми и консультативными ресурсами ЕПС, которые выделялись только после двухстороннего согласования программы реформ и ее максимального приближения к плану преобразований, уже существующему в той или иной стране¹. Во-вторых, они пытались избежать потери власти в результате практической реализации этих реформ. Таким образом, динамика политического режима определялась тем, какое сочетание двух обозначенных стратегий правящие элиты использовали по отношению к поддержке в рамках ЕПС. Это сочетание в свою очередь зависело от комбинаций различных внутренних факторов: типа

¹ European Commission. National Indicative Program 2007–2010. Georgia, 2007. [Electronic resource]. P. 17. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/enpi_csp_nip_georgia_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

политической системы, уровня политического монополизма¹ и эффективности государственного управления².

Грузия

В Грузии негативное влияние ЕПС в период 2007–2010 гг. проявилось в следующем. Действуя в условиях высокого уровня политического монополизма (эффективное число парламентских партий – ЭЧПП в 2008 г. составило 1,3), новые правящие элиты пытались поддерживать частичное равновесие реформ и использовали финансовую и консультативную поддержку в рамках ЕПС либо для разработки законопроектов, которые не получали дальнейшего хода, либо для внесения в законодательство тактических изменений, включавших меры по ограничению возможностей оппозиции³. Одновременно, учитывая мощный запрос на преобразования в грузинском обществе, они вынужденно осуществляли стратегические реформы, направленные на формирование нового равновесия (переход к парламентской системе). Последнее позволило бы М. Саакашвили сохранять власть и после истечения его второго президентского срока путем участия в борьбе за кресло премьер-министра.

Принятие в 2010 г. конституционных поправок создало своеобразную институциональную точку невозврата. Поддержка в рамках ЕПС стала все чаще использоваться правящими элитами именно для последовательного перехода к новому равновесию политических реформ, а не для поддержания частичного. Такая стратегия представлялась более рациональной для обеспечения победы на грядущих парламентских выборах и участия в назначении премьер-министра, обладающего расширенными полномочиями. Высокая эффективность органов государственного управления

¹ Измеряется с помощью эффективного числа парламентских партий по Г. В. Голосову: Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach // Party Politics. 2010. № 16(2). P. 171–192.

² Измеряется с помощью индикатора Government Effectiveness проекта Всемирного банка Worldwide Governance Indicators.

³ Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2007. Progress report Georgia, 2008. [Electronic resource]. P. 3. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec08_393_en.pdf (date of access: 31.12.2016); European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2009. Progress Report Georgia, 2010. [Electronic resource]. P. 3. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec10_518_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

(по сравнению с Украиной и Молдавией) упрощала реализацию подобной стратегии.

Последующий проигрыш на парламентских выборах в 2012 г. поменял приоритеты: стратегия формирования нового равновесия перестала быть рациональной. Тем не менее баланс акторов, изменившийся после выборов в пользу оппозиции (ЭЧПП – 1,8), и анонсированные институциональные изменения сделали невозможным дальнейшее поддержание частичного равновесия реформ. Оппозиция в парламенте блокировала такие попытки, поэтому консультативная поддержка в рамках ЕПС после 2012 г. все чаще использовалась для формирования нового равновесия, что отразилось на положительной динамике режима.

В 2013 г. в Грузии состоялись президентские выборы, на которых правящие элиты потерпели поражение. Введение парламентской системы и дальнейшее снижение уровня политического монополизма завершило процесс перехода к новому равновесию реформ. Это привело к окончательному закреплению стратегии использования поддержки в рамках ЕПС для создания максимально кооперативной и соревновательной политической системы¹.

Молдавия

В период 2007–2010 гг., особенно в преддверии парламентских выборов 2009 г., правящие элиты Молдавии, несмотря на наличие парламентской системы, пытались проводить политику, сходную с той, которой придерживались элиты Грузии, стремясь сохранить частичное равновесие политических реформ, сформировавшееся после 2001 г.² Объяснялось это большими полномочиями, которыми в молдавской парламентской системе обладал президент³. Вместе с тем необходимость компромисса в парламенте, особенно после разрешения политического кризиса 2009 г., вынуждала реа-

¹ European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia. Progress in 2013 and Recommendations for Action, 2014. [Electronic resource]. P. 4–7. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/georgia_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

² Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2008. Progress Report Republic of Moldova, 2009. [Electronic resource]. P. 3. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec09_514_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

³ Roper S. D. From semi-Presidentialism to Parliamentarism: Regime Change and Presidential Power in Moldova // Europe-Asia Studies. 2008. № 60. P. 113–126.

лизировать стратегические реформы, которые постепенно привели бы к формированию нового равновесия политических реформ¹.

Однако схожие меры не приводили к результату, который наблюдался в Грузии. Низкая эффективность органов государственного управления (среднее значение для 2007–2010 гг. – 26,72 %), то есть неспособность бюрократии эффективно реализовывать принятые законы, не позволила использовать поддержку в рамках ЕПС для долгосрочных преобразований политических институтов². Таким образом, не возникло институциональных точек невозврата, что отразилось на стабилизации режима, правящие элиты которого с успехом поддерживали частичное равновесие политических реформ.

Период 2011–2013 гг. также характеризовался сочетанием стратегий поддержания частичного равновесия в краткосрочной перспективе и малоуспешными попытками формирования нового равновесия в долгосрочной. Хотя к 2013 г. после смены элит последняя стратегия стала преобладать, реализация реформ по-прежнему сталкивается с институциональными и структурными препятствиями.

Украина

Полупрезидентская система, введенная в стране в 2005 г., в комплексе с низким уровнем политического монополизма (ЭЧПП для 2006 г. составляло 2,85, а уже в 2007 г. оно выросло до 2,995) в случае раскола внутри правящих элит создавала тупиковую ситуацию, когда инициативы президента блокировались парламентом и наоборот. Хотя обе части правящей элиты пытались использовать поддержку в рамках ЕПС для сохранения частичного равновесия реформ, эти попытки взаимно нивелировались³. Кроме того, раскол правящих элит вкупе с низкой эффективностью органов госу-

¹ European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country report: Republic of Moldova, 2010. [Electronic resource]. P. 3–4. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec_11_643_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

² Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2008. Progress Report Republic of Moldova, 2009. P. 3.

³ Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2008. Progress Report Ukraine, 2009. [Electronic resource]. P. 3. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec09_515_en.pdf (date of access: 20.04.2016).

дарственного управления не позволял использовать инструменты ЕПС для реализации стратегических реформ.

Период 2011–2013 гг. характеризовался временным разрешением политического кризиса, связанным с приходом к власти старых элит. С возвратом к президентской системе это способствовало переходу в старое равновесие политических реформ. Такой возврат, как и ранее имевшееся частичное равновесие, характеризовался нестабильностью, поскольку уровень политического монополизма был низок (ЭЧПП в 2012 г. – 3,13), и президент сталкивался с необходимостью борьбы с оппозицией в краткосрочной перспективе.

Парадоксальным образом сложившаяся ситуация открыла возможности для использования правящими элитами Украины комбинации стратегий по примеру Молдавии и Грузии. Разница заключалась в том, что и тактические, и стратегические реформы, проводимые Киевом при поддержке ЕС в 2011–2013 гг., использовались для авторитарной консолидации, из-за чего Евросоюз даже вынужден был прекратить финансирование отдельных программ¹. Низкая эффективность правительства при этом не позволяла успешно осуществлять стратегические политические реформы. Негативная динамика политического режима Украины объяснялась тем, что в условиях противостояния разных правящих элит периода 2007–2010 гг. обе группы придерживались комбинации стратегий использования поддержки в рамках ЕПС для сохранения частичного равновесия политических реформ в краткосрочной перспективе и реализации стратегических политических реформ в долгосрочной. Однако такие попытки из-за полупрезидентской системы и низкого уровня политического монополизма взаимно блокировались. После возврата к старому равновесию реформ в 2010 г. президент В. Янукович пытался реализовать смешанную стратегию использования политики соседства более эффективно. Однако, как представляется, его действия затруднялись фрагментированностью элит и неэффективностью органов государственного управления.

¹ European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Ukraine. Progress in 2012 and Recommendations for Action, 2013. [Electronic resource]. P. 8. URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/2013_progress_report_ukraine_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

Заключение

Анализ внешней политики ЕС в форме ЕПС с использованием институционализма рационального выбора и теории трансформации политических режимов, концепции европеизации и политической экономии показал, что политика соседства по-разному повлияла на политические режимы трех стран Восточного партнерства, активно участвовавших в программах ЕПС. В зависимости от внутренних институциональных и структурных факторов (типа политической системы, уровня политического монополизма и эффективности органов государственного управления) влияние внешней политики ЕС на политические режимы Грузии, Молдавии и Украины оказалось «позитивным», «негативным» или «стабилизирующим».

Логика влияния в каждом конкретном случае определялась комбинацией стратегий использования поддержки в рамках ЕПС, которую применяли правящие элиты конкретной страны. Как показал анализ кейсов, правящие элиты, как правило, сочетали две стратегии, используя помощь ЕС, с одной стороны, для поддержания частичного равновесия политических реформ, с другой – для постепенного формирования нового равновесия.

Вариация результатов следования этому курсу в каждом случае объясняется разницей в комбинациях внутренних структурных и институциональных условий. Если в Грузии изменившийся баланс акторов способствовал тому, что Европейская политика соседства послужила формированию нового равновесия политических реформ, что отразилось на положительной динамике политического режима, то в Украине низкий уровень политического монополизма, раскол элит, неэффективность органов государственного управления и последующий возврат к президентской системе обернулись негативным результатом. В Молдавии неэффективность органов государственного управления сводила на нет положительное влияние ЕПС, которое тем не менее способствовало стабилизации политического режима.

С точки зрения более широких обобщений и практической значимости выводов о роли внешней политики ЕС в странах Восточного партнерства можно сказать, что модель авторитарной модернизации практически невозможна на постсоветском пространстве. Результаты анализа показали, что чем большее количество

значимых акторов присутствует на политической арене (при условии, что правящие элиты не расколоты, а органы государственного управления достаточно эффективны), тем более успешны попытки реформирования политической системы, стимулируемые Европейской политикой соседства. В этом смысле основной целью внешней политики ЕС на постсоветском пространстве должно быть более активное использование возможностей взаимодействия на уровне гражданского общества для повышения количества потенциальных политических акторов. В то же время остается необходимость сохранения контактов на уровне глав государств и правительств для продолжения реализации судебных реформ, реформ партийных систем, органов государственного и местного самоуправления, чтобы создавать внутренние институциональные возможности для увеличения количества потенциально значимых политических игроков.

Другой важный вывод можно сделать относительно непредвиденных последствий внешней политики ЕС (в форме ЕПС) на постсоветском пространстве. В академической литературе эта проблема не артикулируется, но анализ показывает, что в определенных институциональных и структурных условиях внешняя политика соседства может использоваться правящими элитами для сохранения статус-кво. В связи с этим при разработке внешней политики необходимо проводить комплексную оценку внутренних институциональных и структурных факторов страны-партнера, а также просчитывать возможное влияние тех или иных программ поддержки.

Глава 3. Европейский Союз и приднестровский конфликт

Введение

На протяжении почти двадцатипятилетней истории приднестровского конфликта несколько раз складывались ситуации, когда политическое урегулирование казалось вполне возможным. В отличие от остальных постсоветских конфликтов, в приднестровском случае действует целый ряд факторов, благоприятствующих поиску политического решения проблемы. Вооруженное противостояние 1992 г. было кратким и сопровождалось значительно меньшими жертвами и разрушениями, чем войны в Таджикистане, Абхазии, Нагорном Карабахе и Восточной Украине; примечательно, что с июля 1992 г. не было зафиксировано ни одного случая возобновления огня. Основная масса населения правобережной Молдавии и Приднестровья не испытывает друг к другу враждебности. Стороны конфликта поддерживают интенсивные торговые и транспортные связи, человеческие контакты. Еще в мае 1997 г. Кишиневом и Тирасполем был подписан меморандум об основах нормализации отношений, в котором стороны зафиксировали намерение «строить свои отношения в рамках общего государства»¹.

Однако политическое урегулирование конфликта так и не было достигнуто; более того, в 2014–2016 гг. все чаще стали появляться сообщения, свидетельствующие о росте напряженности в зоне конфликта и возможности его эскалации. Действующий переговорный формат не позволил найти баланс интересов молдавской и приднестровской элит и ключевых внешних акторов – России и Европейского Союза (ЕС).

¹ Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем от 8 мая 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: http://customs.gospmr.org/wp-content/uploads/2015/03/moscow_memorandum_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2015).

Насколько ЕС вовлечен в приднестровское урегулирование и какие цели преследует? Какое влияние оказали его действия на ситуацию в зоне конфликта, переговорный процесс и перспективы урегулирования? Поиску ответов на эти вопросы посвящена эта глава монографии.

«Замораживание» конфликта

На начальной стадии приднестровского конфликта попытки мирного урегулирования предпринимались в четырехстороннем формате, включавшем Россию, Молдавию, Украину и Румынию. В апреле 1992 г. министрами иностранных дел этих стран была подписана декларация о прекращении огня и создании четырехсторонней совместной комиссии по контролю над ситуацией в зоне конфликта. Предусматривалась возможность проведения в зоне конфликта миротворческой операции.

Четырехсторонний формат, однако, не смог стать действенным механизмом поддержания перемирия и политического диалога. Россия настаивала на использовании размещенной в Молдавии 14-й армии в качестве ключевого компонента миротворческих сил, с чем не соглашались Кишинев и Бухарест. Приднестровская сторона возражала против участия в переговорном процессе Румынии и настаивала на признании себя полноправной стороной переговоров. Перемирие неоднократно нарушалось, а эскалация конфликта, вызванная предпринятой в июне попыткой Кишинева установить контроль над городом Бендеры, фактически положила конец четырехстороннему переговорному процессу.

21 июля 1992 г. президентами России и Молдавии было подписано Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова, парафированное также президентом Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) И. Н. Смирновым. Предусматривалось прекращение огня, разведение противоборствующих сторон и создание демилитаризованной зоны. Учреждались миротворческие силы, состоящие из российских, молдавских и приднестровских контингентов, и Объединенная контрольная комиссия (ОКК), действующая на основе консенсуса, в подчинение которой передавались миротворческие силы. 14-я армия должна была со-

блюдать нейтралитет, а ее будущий статус и условия вывода из Молдавии – стать предметом переговоров между Москвой и Кишиневом.

Евроатлантические структуры и страны Запада не участвовали в подготовке соглашения 1992 г. и принятии решений о миротворческой операции в Приднестровье. В то время у США и ведущих европейских стран не было сформированной стратегии политики на постсоветском пространстве, а их интересы практически не затрагивались событиями в маленьком, глубоко периферийном осколке Советского Союза. Основное внимание европейских и американских политиков было приковано к событиям на Балканах, продемонстрировавшим бессилие Европейских сообществ в области внешней политики и безопасности. Единственным каналом, обеспечивающим участие Запада в приднестровском урегулировании, стало институционально аморфное Совещание (позднее – Организация) по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ /ОБСЕ). В 1993 г. по настоянию молдавской стороны СБСЕ присоединилось к переговорам в качестве второго (наряду с Россией) посредника, а в июле 1994 г. миссия СБСЕ подписала соглашение с ОКК, позволяющее ее представителям участвовать в заседаниях комиссии и свободно передвигаться в зоне безопасности.

Переговорный процесс по приднестровскому урегулированию между тем обнаружил значительное расхождение позиций сторон. Кишинев соглашался не более, чем на автономию Приднестровья в рамках унитарной Молдавии, а Тирасполь – не менее, чем на конфедеративные отношения с Молдавией. 8 мая 1997 г. Молдавия и ПМР при посредничестве России, Украины и ОБСЕ подписали меморандум об основах нормализации отношений, остающийся единственным документом о политических аспектах урегулирования, подписанным за годы переговоров. В документе фиксировалось, что стороны «продолжат установление... государственно-правовых отношений», предусматривалось право Приднестровья участвовать в формировании внешней политики Молдавии и вводилось понятие «общего государства»¹. Последнее, однако, трактовалось сторонами совершенно по-разному; приднестровское руководство интерпретировало эту формулировку как фактическое признание конфедеративного варианта. Примечательно, что Миссия ОБСЕ, несмотря на подписание меморандума действу-

¹ Меморандум об основах нормализации отношений...

ющим председателем организации, рекомендовала Постоянному Совету ОБСЕ воздержаться от одобрения меморандума. ОБСЕ и Кишинев предпочитают избегать ссылок на этот документ, в экспертной среде часто рассматриваемый как «серьезное поражение молдавской...стороны»¹.

В течение 1990-х гг. приднестровский конфликт прочно перешел в категорию «замороженных». Основными параметрами сложившегося статус-кво стали стабильность в зоне конфликта; фактическая независимость ПМР от Молдавии, подпитываемая существенной российской экономической помощью; миротворческая операция; присутствие на левобережье Днестра Оперативной группы российских войск (ОГРВ), в которую в 1995 г. была преобразована 14-я армия; неразрешимые противоречия сторон относительно политического статуса Приднестровья; пятисторонний переговорный процесс (Молдавия, Приднестровье и три посредника – Россия, Украина и ОБСЕ). Важным внешним условием поддержания статус-кво было фактическое неучастие в приднестровском урегулировании США и ЕС. Деятельность Миссии ОБСЕ – единственной представительницы евроатлантических структур в зоне конфликта – критиковалась как Кишиневом, так и Тирасполем и зависела от политических предпочтений возглавлявших ее дипломатов². После сворачивания летом 1992 г. четырехстороннего переговорного формата Румыния была отстранена от переговорного процесса. К концу 1990-х гг. несколько возросла роль Украины как одного из посредников и гарантов будущего урегулирования. Киев, однако, играл второстепенную роль, предпочитая не осложнять отношений с Россией и вполне терпимо относясь к фактической независимости ПМР, с которой, несмотря на протесты Молдавии, Украина поддерживала прямые экономические связи. В целом же приднестровская проблематика решалась в рамках контактов между Москвой, Кишиневом и Тирасполем.

¹ King Ch. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture*. Stanford, CA, 2000. P. 203.

² Roper St. *Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia // Regional and Federal Studies*. 2001. № 3. P. 101–122.

Вовлечение ЕС

В 2001–2003 гг. возрастающий интерес к приднестровской проблеме стало проявлять руководство ЕС. Намеченное вступление в Союз Румынии должно было сделать ЕС соседом Молдавии и, безусловно, усиливало интерес Брюсселя к ситуации в стране, известной как беднейшее государство в Европе. Руководство ЕС рассматривало приднестровский конфликт как основное препятствие к улучшению политической, экономической и социальной обстановки в Молдавии. В Стратегии ЕС в отношении Молдавии на 2002–2006 гг. было заявлено, что страна «может добиться лишь ограниченного продвижения к демократической консолидации и улучшениям в экономике до тех пор, пока существует приднестровская проблема»¹. Молдавские власти усиленно создавали Приднестровью репутацию «черной дыры» с неконтролируемыми границами, через которые шли контрабандные поставки оружия и наркотиков и торговля людьми. Возросший международный авторитет Румынии, получившей гарантии вступления в НАТО и ЕС, также способствовал интернационализации приднестровского вопроса: Бухарест поддерживал Кишинев в международных организациях и не упускал возможности привлечь внимание европейской политической элиты к нарушению территориальной целостности Молдавии.

С развитием Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и Европейской политики безопасности и обороны возросли и возможности ЕС действовать на международной арене. В 2003 г. ЕС развернул полицейскую миссию в Боснии и Герцеговине и начал военные операции в Македонии и Конго. Учитывая возросшие амбиции и возможности ЕС, его неучастие в приднестровском урегулировании выглядело анахронизмом, «законсервировавшим» международно-политические реалии начала 1990-х гг.

Руководство ЕС с возрастающим беспокойством и раздражением воспринимало настойчивость, проявляемую Россией в политике на постсоветском пространстве, и внутривнутриполитическую эволюцию России, воспринимаемую как сдвиг к авторитаризму. Несоблюдение Россией сроков вывода ОГРВ из Приднестровья, зафиксированных в итоговом документе Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 г., расце-

¹ European Commission. 2002–2006 Country Strategy Paper for Moldova. P. 7. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/moldova/csp/02_06_en.pdf (date of access: 06.11.2015).

нивалось как посягательство на нейтральный статус Молдавии. Вывод российских войск из Молдавии стал рассматриваться как вопрос принципов и ценностей, а реальные трудности этого процесса, прежде всего необходимость его сопряжения с политическим урегулированием приднестровской проблемы, игнорировались.

В марте 2003 г. Европейская Комиссия выступила с масштабной инициативой развертывания Европейской политики соседства. В соответствующем коммюнике, в частности, заявлялось, что «ЕС должен играть более активную роль в содействии разрешению конфликтов в Палестине, Западной Сахаре и Приднестровье». Предусматривалось «большее вовлечение ЕС в управление кризисами», возможность его участия во «постконфликтном обеспечении внутренней безопасности» и «финансировании постконфликтного восстановления и развития»¹. Приднестровье было названо «магнитом, притягивающим организованную преступность», способным «дестабилизировать или отбросить назад процесс государственного строительства, политической консолидации и устойчивого развития»².

Материализация заявленной заинтересованности ЕС в приднестровском вопросе не заставила себя долго ждать. В феврале 2003 г. ЕС и США ввели запрет на выдачу виз лидерам ПМР, обвинив их в обструкции политического урегулирования. В марте Европейская Комиссия инициировала трехсторонние консультации между ЕС, Молдавией и Украиной по проблеме совместного контроля на молдавско-украинской границе.

Со стороны ЕС была предпринята попытка пересмотреть формат проведения миротворческой операции. В июне 2003 г. Нидерланды, как страна, председательствующая в ОБСЕ, распространили среди стран-членов неформальный документ, предполагающий замену трехстороннего миротворческого контингента силами ОБСЕ, находящимися под управлением ЕС (допускалось участие других «заинтересованных сторон»). Предложение было заблокировано российской стороной³.

¹ European Commission. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours. P. 12. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (date of access: 06.11.2015).

² Ibid. P. 9.

³ Loewenhardt J. The OSCE, Moldova and Russian Diplomacy in 2003. P. 3–4. [Electronic resource]. URL: <http://www.ceeol.com> (date of access: 06.11.2015).

Активизация ЕС была воспринята российским руководством как попытка нарушить статус-кво, сложившийся вокруг Приднестровья, и втянуть Молдавию в сферу влияния евроатлантических структур. Россия отреагировала решительной попыткой добиться прорыва в политическом урегулировании приднестровской проблемы и надежных гарантий своих интересов в Молдавии. Москвой был предложен и согласован с Кишиневом и Тирасполем «план Козака», предполагавший федерализацию Молдавии и пребывание российского миротворческого контингента в стране до 2020 г. «План Козака», однако, не учитывал ни интересов ЕС в Молдавии, ни усилившихся возможностей Брюсселя добиваться их реализации, ни проевропейских настроений значительной части молдавской элиты и общества. План, таким образом, опирался на ложную предпосылку – что Россия может добиться решения приднестровского вопроса, действуя в одностороннем порядке.

Миссия ОБСЕ была ознакомлена с «планом Козака» лишь за три дня до его официального представления Кишиневу и Тирасполю. Ключевые элементы плана – широкие возможности влияния на законодательный процесс в будущей федерации, предоставленные Приднестровью, и продление российского военного присутствия в Молдавии – были сочтены неприемлемыми для Запада. На Молдавию было оказано беспрецедентное давление со стороны ЕС, США и голландского председательства ОБСЕ (сопровожаемое демонстрациями протеста в Кишиневе), в результате которого президент В. Н. Воронин отказался от «плана Козака» за день до его намеченного подписания.

ЕС и Россия, таким образом, вступили в открытый дипломатический конфликт по приднестровскому вопросу. Россия обвинила ОБСЕ в превращении в «инструмент в руках отдельных государств»¹, а на встрече министров иностранных дел Организации в декабре 2003 г. не удалось принять итоговую политическую декларацию из-за противоречий вокруг проблематики конфликтов в Молдавии и Грузии. Внешняя политика Кишинева стала откровенно прозападной, а российско-молдавские отношения, наоборот, существенно ухудшились.

В 2004–2006 гг. ЕС продолжал демонстрировать решительный настрой на решение приднестровского вопроса на благоприятных для молдавской правящей элиты условиях, последовательно наращивая

¹ Loewenhardt J. Op. cit. P. 7.

давление на ПМР. Запрет на выдачу виз приднестровскому руководству ежегодно продлевался. В сентябре 2004 г. ЕС ввел систему двойной проверки для поставок стали из Молдавии, означающую необходимость получения находящимся в приднестровском г. Рыбница металлургическим заводом экспортных сертификатов, выдаваемых молдавскими властями. В марте 2005 г. была учреждена должность специального представителя ЕС в Молдавии, главной задачей которого призвано было стать «усиление участия ЕС в разрешении приднестровского конфликта»¹; на этот пост был назначен голландский дипломат, занимавшийся приднестровской проблематикой во время председательства Нидерландов в ОБСЕ в 2003 г. В сентябре 2005 г. Россия и ПМР согласились изменить формат переговорного процесса: ЕС и США стали наблюдателями, а Молдавия, Приднестровье, Россия, Украина и ОБСЕ – участниками переговоров (формат «5+2»).

Несмотря на запуск переговорного процесса по новой схеме, ЕС и Молдавия попытались воспользоваться приходом в начале 2005 г. к власти на Украине ориентирующейся на евроатлантические структуры администрации В. А. Ющенко для усиления экономического давления на Приднестровье. В июне 2005 г. В. Воронин и В. Ющенко направили письмо руководству ЕС с просьбой о помощи в установлении механизма международного таможенного контроля на приднестровском участке молдавско-украинской границы. Уже в конце ноября 2005 г. была развернута Миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине, наделенная правом посещать любой пункт на молдавско-украинской границе, изучать таможенные документы и требовать их корректировки.

В декабре 2005 г. Украина под давлением ЕС подписала с Молдавией декларацию, обязывающую ее признавать при перемещении приднестровских товаров через границу только молдавские таможенные печати, получить которые приднестровские экспортеры могли лишь будучи зарегистрированными официальными молдавскими властями. Оттянув начало практической реализации этого решения на два месяца, Украина в марте 2006 г. перестала принимать приднестровские таможенные декларации, и экспортные потоки из ПМР остановились. Этот шаг вызвал эскалацию напряженности в отношениях между сторонами конфликта. Ти-

¹ Council of the European Union. Council Joint Action 2005/265/CFSP of 23 March 2005 Appointing a Special Representative of the European Union for Moldova [Electronic resource]. RL:http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2005.081.01.0050.01.ENG (date of access: 07.11.2015).

располь заявил об экономической блокаде Приднестровья, обвинив Киев в том, что Украина «отступила от принципа объективности и примкнула к одной из сторон конфликта»¹. ЕС твердо поддержал позицию Молдавии и Украины, призвал приднестровские юридические лица зарегистрироваться в Кишиневе и осудил «попытки самопровозглашенных приднестровских властей воспрепятствовать свободному осуществлению международной торговли»². Россия поддержала Тирасполь, согласившись с оценкой случившегося как установления экономической блокады, и намекнула, что ЕС ответственен за ухудшение ситуации в зоне конфликта³.

В ответ на введенные ограничения Приднестровье приостановило участие в переговорном процессе. Россия значительно увеличила объемы помощи, оказываемой ПМР, а в конце марта 2006 г. ввела эмбарго на импорт винной продукции из Молдавии (формально мотивированное несоответствием ее российским стандартам). В сентябре 2006 г. Приднестровье провело референдум, на котором 98 % принявших участие в голосовании высказались за независимость и возможность интеграции в будущем с Россией.

В 2007–2009 гг. политика ЕС в отношении приднестровской проблемы приобрела инерционный характер. Руководство ЕС, по-видимому, осознало, что влияния Брюсселя достаточно для того, чтобы заблокировать неприемлемый для ЕС вариант разрешения приднестровского вопроса, но не для принуждения ПМР к принятию условий Евросоюза. Благодаря российской экономической помощи, Приднестровье продемонстрировало способность существовать при новом режиме внешнеэкономической деятельности, хотя абсолютное большинство приднестровских предприятий, работающих на экспорт, действительно, вынуждено было перерегистрироваться в Кишиневе. Россия сняла в сентябре 2007 г. эмбарго на ввоз молдавских вин и организовала ряд встреч В. Воронина и И. Смирнова, но переговорный процесс в

¹ Radio Free Europe / Radio Liberty. Transdnierster Leader Slams Ukraine over New Customs Rules, 06.03.2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1143587.html> (date of access: 07.11.2015).

² Solana J. EU High Representative for the CFSP Welcomes Implementation by Moldova and Ukraine of Joint Declaration on Customs, 06.03.2006 [Electronic resource]. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/031006solanadeclaration_031006solanadeclaration_en.pdf (date of access: 07.11.2015).

³ Камынин М. Л. Сложившаяся ситуация с самого начала планировалась как политическая акция по экономическому удушению Приднестровья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.olvia.idknet.com/ol130-03-06.htm> (дата обращения: 07.11.2015).

формате «5+2» так и не возобновился. Затяжной политический кризис, разразившийся в Молдавии весной 2009 г. и приведший к власти неустойчивую коалицию прозападных правых и центристских партий, несколько отвлек внимание молдавской политической элиты, занявшейся переделом власти, от Приднестровья.

Мезебергская инициатива и политика «малых шагов»

Новый период активизации политики ЕС по отношению к приднестровскому урегулированию пришелся на 2010–2012 гг. Инициатором возвращения приднестровского вопроса в повестку дня «большой» европейской политики стало правительство Германии. Берлин попытался воспользоваться особо тесным характером российско-германского взаимодействия и общей атмосферой потепления отношений между Россией и Западом, связанной с объявленной администрацией США политикой «перезагрузки», для решения приднестровского вопроса на условиях, благоприятных для ЕС и Молдавии. К необходимости добиться прогресса в приднестровском урегулировании подталкивали и начавшиеся в январе 2010 г. переговоры между ЕС и Молдавией о заключении Соглашения об ассоциации, и стремление Германии усилить позиции проевропейской коалиции, с трудом удерживающейся у власти в Кишиневе, «организовав» для нее внешнеполитический прорыв.

В июне 2010 г. на российско-германской встрече в верхах в Мезеберге по инициативе федерального канцлера А. Меркель был подписан меморандум, которым предусматривалось «рассмотреть возможность создания Комитета Россия – ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на министерском уровне (КВВПБ Россия – ЕС)». Документом оговаривалось сотрудничество России и ЕС «в направлении разрешения приднестровского конфликта, имея в виду достижение ощутимого прогресса в формате «5+2»», в том числе возможность «совместных мероприятий России и ЕС, которые гарантировали бы плавный переход от нынешней ситуации к финальной стадии»¹.

¹ Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и Федерального канцлера Германии А. Меркель 4–5 июня 2010 г., г. Мезеберг [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/575> (дата обращения: 07.11.2015).

Документ не был предварительно согласован с Европейской Комиссией и другими странами ЕС, которые Берлин, таким образом, поставил перед свершившимся фактом. Идея создания КВ-ВПБ осталась нереализованной, столкнувшись с возражениями Великобритании, стран Северной Европы и Балтии. Впоследствии Россия не раз указывала на провал мезебергской инициативы, как на пример высокомерия и нарушения доверия со стороны ЕС¹. Однако приднестровское урегулирование, взятое Германией под свой патронаж (которому административно способствовало упразднение в феврале 2011 г. должности специального представителя ЕС в Молдавии и передача части его функций представительству ЕС в Кишиневе), все-таки сдвинулось с мертвой точки. В ноябре 2010 г. правительство ФРГ организовало конференцию по мерам укрепления доверия в процессе молдавско-приднестровского урегулирования, ставшую ежегодным мероприятием. В конце 2011 г. возобновились переговоры в формате «5+2». В 2012 г. их участникам удалось согласовать документ под названием «Принципы и процедуры проведения переговоров» и наметить повестку дня, разбитую на три «корзины» (социально-экономические вопросы, правовые и гуманитарные вопросы и всеобъемлющее урегулирование). Знаком ослабления напряженности стало принятие в 2012 г. на встрече министров иностранных дел ОБСЕ первого за десять лет заявления о переговорном процессе по приднестровскому урегулированию.

Содержательной новацией нового этапа политики ЕС в приднестровском вопросе стала ставка на «малые шаги» – попытка обеспечить постепенную интеграцию Приднестровья в Молдавию, поддерживая при этом проевропейский курс Кишинева и трансформируя Молдавию в успешное, привлекательное для жителей Приднестровья государство. Градус направленной против ПМР риторики, которой ранее изобиловали заявления ЕС, был заметно снижен. В 2010 г. Совет ЕС приостановил действие визовых санкций в отношении руководства Приднестровья. Смена власти в Тирасполе в конце 2011 г. была позитивно воспринята в Брюсселе и Кишиневе: европейскими экспертами новый президент ПМР Е. В. Шевчук рассматривался как фигура, намного более склонная к

¹ Лавров С. В. Выступление и ответы на вопросы в ходе открытия российско-германской Летней школы, Екатеринбург, 15 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2392315 (дата обращения: 07.12. 2016).

компромиссам, чем И. Смирнов¹. Показательно, что в августе 2012 г. Шевчук был даже приглашен на встречу с А. Меркель во время ее визита в Кишинев; приднестровский лидер, впрочем, отказался от этой чести, по-видимому, получив соответствующий сигнал от России. Т. Хаммарберг, авторитетный европейский эксперт по правозащитной проблематике и бывший комиссар Совета Европы по правам человека, отметил позитивные сдвиги, происходящие в Приднестровье в этой сфере². Тирасполю было предложено участвовать в переговорах ЕС и Молдавии о создании зоны свободной торговли (ЗСТ), на которые ПМР в итоге направила наблюдателей.

Политика «малых шагов» способствовала оживлению экономических и гуманитарных связей между Приднестровьем и правобережной Молдавией. Была достигнута договоренность о восстановлении прямой телефонной связи, возобновлены пассажирские (по маршруту Кишинев – Тирасполь – Одесса) и грузовые железнодорожные перевозки через приднестровскую территорию. Молдавия отменила штрафы за нарушение правил пребывания на своей территории для жителей Приднестровья, имеющих иностранное (российское или украинское) гражданство. Возрос объем торговли между сторонами, чему способствовала отмена Тирасполем 100-процентной пошлины на ввоз товаров с Правобережья. ЕС профинансировал реализацию в Молдавии и ПМР ряда инфраструктурных и гуманитарных проектов.

Тем не менее ключевые проблемы приднестровского урегулирования оставались нерешенными. В Тирасполе с тревогой наблюдали за набирающим обороты сближением Кишинева с Бухарестом и с настороженностью воспринимали заявления румынского руководства о грядущем объединении двух стран. На переговорном процессе отрицательно сказывались частые политические потрясения в Кишиневе и трения в правящей элите Приднестровья.

¹ Popescu N., Litra L. Transnistria: A Bottom-Up Solution. P. 2–3. [Electronic resource]. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (date of access: 07.11.2015).

² Hammarberg Th. Report on Human Rights in the Transnistrian Region of the Republic of Moldova [Electronic resource]. URL: http://www.md.undp.org/content/dam/moldova/docs/Publications/UN_MD_Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights.pdf (date of access: 07.11.2015).

Риски эскалации

С конца 2013 г. ситуация вокруг Приднестровья начала обостряться в связи с разворачивающимся украинским кризисом и ухудшением отношений между Россией, США и ЕС. В 2014–2015 гг. на фоне беспрецедентного с начала 1980-х гг. всплеска международной напряженности в Европе возрос риск «размораживания» приднестровского конфликта и его эксплуатации внешними акторами в своих интересах. Впервые противоречия в группе посредников и наблюдателей приднестровского урегулирования стали более острыми, чем между самими сторонами конфликта.

Резко усилилось давление на Тирасполь со стороны Украины, которая, рассматривая Приднестровье как дополнительный «фронт» борьбы с Россией, запретила экспорт в ПМР подакцизных товаров и разорвала соглашение с Россией о транзите через украинскую территорию российских военных формирований, находящихся в Молдавии. Кишинев начал чинить препятствия работе ОКК, ввел запрет на пересечение молдавско-украинской границы для автомобилей с приднестровской регистрацией, увеличилось количество уголовных дел, возбужденных молдавскими правоохранительными органами против приднестровских должностных лиц. Со своей стороны, и руководство ПМР, столкнувшееся с ухудшением социально-экономической обстановки из-за финансового кризиса в России и действий Киева, приостановило в конце 2014 г. участие в переговорном процессе и объявило призыв резервистов в вооруженные силы. Жесткие заявления последовали со стороны спецпредставителя президента России по Приднестровью Д. О. Рогозина, а А. Меркель публично обвинила Россию в намерении дестабилизировать Молдавию¹.

В 2014 г. ЕС ввел для молдавских граждан безвизовый режим и подписал с Кишиневом Соглашение об ассоциации, включающее создание глубокой и всеобъемлющей ЗСТ. Однако восприятие молдавских властей руководством Германии и ЕС заметно изменилось в 2015 г., под влиянием потрясшего Молдавию в конце 2014 г. «исчезновения» из банковской системы страны 1 млрд долларов и вскрывшейся коррумпированности проевропейских политиков, дискредитирующей саму идею «европейского выбора» Ки-

¹ Spiegel Staff. Putin's Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans [Electronic resource]. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (date of access: 07.11.2015).

шинева. Если ранее страна представляла в документах ЕС успешно реформирующимся государством, то весной 2015 г. был зафиксирован прогресс «меньший, чем в прошлые годы»¹, а в августе 2015 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда, в которой Молдавия была названа «захваченной» олигархами страной². В сентябре 2015 г. в Молдавии начались массовые антиправительственные протесты, обернувшиеся новой отставкой правительства.

К середине 2015 г. руководство ЕС, по-видимому, начало осознавать необходимость вывода отношений с Россией из тупика взаимного отчуждения, в котором они оказались вследствие украинского кризиса. Наметившемуся пересмотру позиции ЕС способствовала некоторая деэскалация ситуации на востоке Украины, обострение сирийского кризиса, продемонстрировавшего невозможность решения острейшей международной проблемы без участия России, а главное – фундаментальная взаимозависимость России и ЕС, вынуждающая Москву и Брюссель к поиску компромиссов. Проявлением прагматизма со стороны ЕС стали неформальные рекомендации Кишиневу наладить отношения с Москвой и согласие Брюсселя применять с начала 2016 г. к Приднестровью режим свободной торговли в том же объеме, что и для остальной территории Молдавии, не ставя перед Тирасполем предварительных условий. Примирительным по отношению к российским интересам в Молдавии тоном отличается статья Т. Ягланда, ставшая своеобразным «манифестом» намерений политической элиты ЕС относительно Молдавии.

Шаги по снижению рисков эскалации приднестровского конфликта были предприняты во время председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г. В июне 2016 г. вновь возобновились переговоры в формате «5+2». Министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер посетил не только Кишинев, но и – впервые – Тирасполь, проведя прямые переговоры с руководством Приднестровья. Акцент был сделан на продолжении политики «малых шагов», постепенном восстановлении доверия между сторонами (решении

¹ European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in the Republic of Moldova. Progress in 2014 and Recommendations for Action. P. 2. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2015/republic-of-moldova-enp-report-2015_en.pdf (date of access: 07.11.2015).

² Yagland Th. Bring Moldova Back From the Brink [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0 (date of access: 07.11.2015).

проблем признания выдаваемых в Тирасполе дипломов о высшем образовании, приднестровских автомобильных номеров и т. п.). Ф.-В. Штайнмайер пообещал оказать содействие в снятии напряженности между Украиной и ПМР, фактически признав, что в приднестровском кризисе возникла еще одна линия противостояния¹. Избрание в ноябре 2016 г. президентом Молдавии лидера Партии социалистов И. Н. Додона, имеющего репутацию склонного к сотрудничеству с Россией политика, может способствовать поиску компромисса по приднестровскому вопросу, хотя полномочия президента в Молдавии ограничены, а правительство страны, представляющее ориентирующиеся на Брюссель и Бухарест политические силы, скорее всего, будет блокировать инициативы нового президента.

Однако риски эскалации приднестровского конфликта остаются как никогда высокими, чему способствует социально-экономический кризис на обоих берегах Днестра, обострение внутривнутриполитической борьбы в Кишиневе, российско-украинский конфликт и жесткая позиция Киева по отношению к Приднестровью. В этих условиях России и ЕС необходимо предпринять срочные дополнительные усилия по разрядке ситуации в зоне конфликта и попытаться перезапустить «мезебергскую инициативу» в части, касающейся приднестровского урегулирования.

Заключение

Таким образом, первоначальная ставка Брюсселя на навязывание Приднестровью не согласованных с ним условий реинтеграции в Молдавию со временем уступила место более прагматичному и перспективному с точки зрения достижения целей ЕС подходу – политике «малых шагов». К концу 2000-х гг. в целом ушла в прошлое демонизация Приднестровья, а миссия ЕС по приграничной помощи Молдавии и Украине так и не обнаружила следов якобы исходящей из Тирасполя организованной преступной деятельности. В то же время стратегически ЕС, безусловно, заинтересован в «растворении» приднестровской идентичности и квазигосударственности и по-прежнему воспринимается в Тирасполе с

¹ Ministry of Foreign Affairs of PMR. Steinmeier Will Take Control of the “Railway Issue” [Electronic resource]. URL: <http://mfa-pmr.org/en/khP> (date of access: 07.12.2016).

недоверием, тем более что определяющая политику ЕС «мягкая» линия, диктуемая Берлином, так и не заглушила раздающиеся из Бухареста призывы к объединению Румынии и Молдавии. Более чем скромные результаты принесли усилия ЕС, направленные на превращение Молдавии в пример успешной реализации политики соседства, что, в конечном итоге, было признано самим Брюсселем, переставшим увязывать основные причины социально-экономического и политического кризиса в Молдавии с нерешенностью приднестровского вопроса.

В целом же можно заключить, что несмотря на неравномерную динамику своего вовлечения в приднестровское урегулирование, ЕС стал вторым, наряду с Россией, ключевым внешним актором этого процесса. Без деятельного участия ЕС невозможно не только политическое урегулирование приднестровского вопроса, но и решение текущих проблем, порожденных фактическим сосуществованием на территории Молдавии двух государственных образований, и дальнейшее поддержание статус-кво, сложившегося в зоне конфликта.

Глава 4. Взаимодействие Европейского Союза со странами Южного Кавказа в урегулировании региональных этнополитических конфликтов

Введение

Южный Кавказ на протяжении последних 30 лет прочно вошел в евразийскую дугу нестабильности. Основными причинами межгосударственных и внутригосударственных конфликтов стали высокий уровень этнокультурной и религиозной дифференциации населения, а также геополитическое положение Кавказа на пересечении интересов всех крупных политических акторов евразийской политики.

Государства Южного Кавказа во внешней политике взаимодействуют со многими региональными и внерегиональными акторами. Самой влиятельной региональной державой является Россия, которая, имея в своем составе Северный Кавказ, на юге опирается на историческое наследие Российской империи и Советского Союза. Географические и исторические соседи южно-кавказских народов – Турция и Иран сохраняют свою значимость для международных отношений на Кавказе в XXI в. После окончания холодной войны и распада Советского Союза заинтересованность в распространении и укреплении своего влияния в регионе проявляют Соединенные Штаты Америки.

Активными внерегиональными участниками кавказской политики и международных отношений с конца 1980-х гг. становятся европейские страны. Европейский Союз вовлечен в региональные дела в силу своих экономических, идеологических и геополитических интересов. В свою очередь европейское направление во внешней политике стран Южного Кавказа также стало одним

из приоритетных. Государства Кавказа – члены Совета Европы. Определенную роль в процессе урегулирования конфликтов на Южном Кавказе выполняла и выполняет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Военно-политический аспект международных отношений на Южном Кавказе тесно связан с политикой Североатлантического альянса.

На международную ситуацию в регионе оказывает влияние конкуренция вокруг центрально-азиатских и каспийских энергоресурсов. Кавказ, наряду с Центральной Азией, имеет потенциал стать одной из наиболее интересных транзитных зон в энергосистеме и транспортной инфраструктуре Евразии. Вышеуказанным обстоятельством обусловлена политика выстраивания многовекторности, которую с той или иной долей успеха проводят южнокавказские государства во взаимоотношениях с региональными и внерегиональными субъектами мировой политики. Региональные и локальные конфликты – еще один значимый фактор, в силу которого США, ЕС и Россия оказывают постоянное влияние на ситуацию в регионе. Роль и значение этого влияния меняется в зависимости от ситуации.

Политика Европейского Союза на Южном Кавказе в 1990–2000-е гг.

В начале 1990-х гг. Европейский Союз еще не сформулировал стратегию действий в отношении кавказского региона со всеми его проблемами и противоречиями. У членов ЕС в это время не было опыта по коллективному участию в урегулировании военно-политических конфликтов. В связи с этим политика стран Евросоюза в это время строилась на индивидуальной основе, имея мало общего с ОВПБ (Общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС). В отношении внутренних конфликтов кавказских государств позиция европейцев была озвучена министром иностранных дел Германии и вице-канцлером ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером во время первого визита в Грузию: «При любых обстоятельствах границы должны оставаться неприкосновенными. Мы в Европе можем поддерживать длительный мир только благодаря неукоснительному соблюдению этого принципа. Нет такой границы, ради которой стоило бы рисковать жизнью человека или подвергать

опасности жизнь целого народа»¹. Таким образом, принцип территориальной целостности был заявлен как ключевой во внешней политике ведущих европейских держав.

Первым шагом по построению системы постоянного взаимодействия государств Южного Кавказа со странами ЕС стало принятие в 1993 г. в Брюсселе программы Transport Corridor Europe Caucasus Asia (TRACECA) – «Восстановление исторического Шелкового Пути» (составная часть программы ТАСИС). В нее были включены все три международно-признанных на тот момент государства Южного Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия). Было зафиксировано главное направление стратегии ЕС в регионе – создание на Южном Кавказе энергетического и транспортного транзитного коридора, который позволил бы дифференцировать традиционные пути и открыть новые маршруты для транспорта и торговли².

Европейский Союз был заинтересован в том, чтобы на Кавказе создавалась система трубопроводов и транспортных коммуникаций, идущих от Каспийского моря в Турцию и Европу. Однако построение такой системы серьезно осложнялось наличием в регионе нескольких перманентных конфликтов. Уже тогда было непонятно, как эта программа будет реализовываться в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии. К тому же, в отличие от европейских акторов, развитие независимой кавказской региональной инфраструктуры транзита энергоносителей рассматривалось как невыгодное Российской Федерацией, поскольку наносило урон ее интересам на нефтяном и газовом рынке.

В 1995 г. Комиссия ЕС представила Европейскому Совету и Европарламенту стратегию отношений ЕС с закавказскими республиками³. В рамках Стратегии Евросоюз намеревался оказывать содействие укреплению независимости и экономического положения трех государств региона, поддерживать формирование демократических институтов и гражданского общества, способствовать политическому урегулированию этнополитических

¹ Цит. по: Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 279.

² История TRACECA [Электронный ресурс] // Официальный сайт программы TRACECA. URL: <http://www.traceca-org.org/ru/traseka/istorija-traseka> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Communication de la Commission au Conseil et au Parlement européen sur “Les relations avec les Républiques transcaucasiennes – stratégie de l’Union européenne”. COM (95) 205. Bruxelles, 31.05.1995.

конфликтов. Закавказье объявлялось регионом стратегических интересов ЕС. Энергетические интересы Евросоюза рассматривались в документе как ключевая задача, которая должна учитываться при выработке и реализации внешней политики ЕС.

Следующий шаг в направлении формирования постоянного взаимодействия ЕС и региональных акторов Южного Кавказа был связан с заключением в 1996 г. с Арменией, Азербайджаном и Грузией «Соглашений о партнерстве и сотрудничестве», которые вступили в силу в 1999 г. Соглашения констатировали значимость Южного Кавказа для ЕС и обозначали два ключевых направления политики – двустороннее взаимодействие со странами и общерегиональную стратегию. Локальные этнополитические конфликты стали сдерживающим фактором в реализации обоих направлений.

В 1997 г. Грузия и Азербайджан стали участниками организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова), поддерживаемой США и ЕС. Начало сотрудничеству этих стран было положено на учредительном форуме ГУАМ 10 октября 1997 г. в Страсбурге во время Саммита Совета Европы¹. С 2001 г. ГУАМ имеет статус международной региональной организации², с 2006 г. носит название «Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ»³. Попытку стран Запада противопоставить «демократический» ГУАМ «пророссийскому» СНГ (при всей неэффективности последнего) стоит считать не вполне состоятельной. Во-первых, вызывает сомнение «демократический характер» государств ГУАМ. Во-вторых, Азербайджан получал определенные дивиденды от сотрудничества в рамках СНГ и предпочитал не рисковать слишком большой зависимостью от Запада.

В трех из четырех государствах ГУАМ с конца 1980-х гг. существовали локальные этнополитические конфликты. С 2014 г. донбасский конфликт на Украине расширил этот список. Взаимодействие по достижению мирного урегулирования конфликтов должно было осуществляться в соответствии с принципами и

¹ История ГУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/242> (дата обращения: 10.07.2017).

² Ялтинская хартия ГУУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/306> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Устав Организации за демократию и экономическое развитие [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/449> (дата обращения: 10.07.2017).

подходами, сформулированными в Совместной Декларации глав государств Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ по вопросу урегулирования конфликтов от 23 мая 2006 г. В этой сфере страны ГУАМ традиционно опирались на помощь ЕС. В Варшавском заявлении СМВД ГУАМ 2011 г. участники организации отметили поддержку Европейским Союзом суверенитета и территориальной целостности государств и усилия Брюсселя по мирному урегулированию конфликтов в Азербайджане, Грузии и Молдове на основе общепризнанных норм и принципов международного права¹.

Стратегически важное географическое положение государств ГУАМ на перекрестке между Европой и Азией усиливало их значимость для евразийской экономики. Именно по территориям стран ГУАМ должна проходить транзитная магистраль Центральная Азия – Кавказ – Европа. Нестабильность на этом направлении затрудняет прокладку реально действующих трубопроводов и ставит под удар весь план создания независимых от России энергосетей для Запада.

С начала XXI в. на Южном Кавказе проявляются две взаимосвязанные тенденции: интенсификация контактов США и ЕС с южнокавказскими государствами сопровождалась разочарованием Грузии и Азербайджана в российском посредничестве в разрешении этнополитических конфликтов. Эти процессы привели к фактическому вытеснению России из Грузии и ослаблению российского влияния в Азербайджане. Роль ЕС на Кавказе до 2008 г. находилась в контексте политики США по ослаблению позиций Российской Федерации в регионе за счет поддержки стран ГУАМ и продвижения энергетических проектов ITGI (Турция, Греция, Италия), AGRI (Азербайджан, Грузия, Румыния) и Nabucco-TAP (Азербайджан, Грузия, Турция, Греция, Албания, Италия)².

В 2003 г., с целью усиления эффективности политики ЕС в регионе, был создан институт Специального представителя ЕС на Южном Кавказе. Им стал Хейкки Талвитие, представитель Финляндии в Минской группе ОБСЕ по Нагорному Карабаху и бывший

¹ Варшавское заявление СМВД ГУАМ о перспективах сотрудничества и европейской интеграции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/1215> (дата обращения: 10.08.2017).

² Язькова А. А. ЕС и регион Южного Кавказа // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М., 2015. С. 143.

посол Финляндии в России. Х. Талвитие хорошо знал регион и российскую политику в нем. Его назначение можно расценивать как шаг навстречу России. С 2004 г. Евросоюз стремился придерживаться «комплексного регионального подхода к Южному Кавказу»¹. Армения, Азербайджан и Грузия стали участниками Европейской политики соседства (ЕПС). К концу 2006 г. были приняты планы действий в рамках ЕПС. Европейская политика соседства сочетала в себе индивидуальный и региональный подходы².

Повышение военных затрат Грузии, с одной стороны, и увеличение влияния России в Абхазии и Южной Осетии, с другой, создали своеобразную систему сдержек и противовесов на Кавказе, которая обеспечивала определенный баланс в регионе. США, ЕС и Россия до 2008 г. с разных сторон и с переменным успехом сдерживали процесс перерастания «замороженных» конфликтов в «горячее» вооруженное противостояние. Политика трех акторов определялась не только противостоянием, но и поиском компромиссов. Ситуация в Грузии была наиболее деструктивной и опасной. К сожалению, в 2008 г. амбиции националистических элит Грузии и Южной Осетии привели к открытому военному столкновению.

После событий 2008 г. активность Европейского Союза в урегулировании конфликтов на Кавказе набирала обороты. Страны ЕС прямо указывали на то, что наличие неразрешенных конфликтов на территории стран-участниц ГУАМ (в частности в Грузии) является серьезным препятствием для их дальнейшей интеграции в европейские и евроатлантические структуры. Участие в процессе урегулирования считалось необходимым как элитами отдельных европейских государств, так и бюрократией Евросоюза. Брюссель стремился к тесному взаимодействию с кавказскими государствами. В связи со сложной структурой ЕС сотрудничество со странами региона стало многоуровневым, не лишенным противоречий в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Роль Евросоюза и уровень его вовлеченности в южнокавказские конфликты различны и требуют индивидуального рассмотрения.

¹ Болгова И. В. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе // Кавказский сборник. 2008. Т. 5 (37). С. 342.

² Там же. С. 342–346.

Роль Европейского Союза в урегулировании грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов

Можно выделить три основных этапа участия Европейского Союза в урегулировании грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов:

1. 1992–2003 гг. (до грузинской «революции роз»): выработка Евросоюзом стратегии в отношении Грузии и определение ее роли в региональной политике на Южном Кавказе.

2. 2003 – август 2008 гг.: ориентация ЕС на США и первая самостоятельная попытка призвать враждующие стороны к политическому урегулированию.

3. Август 2008 г. – по сей день: прямое участие ЕС в урегулировании конфликтов через миротворчество, наблюдательную миссию, финансовую и идеологическую поддержку, а также выстраивание более тесного сотрудничества с Грузией через ассоциацию.

Признание Грузии суверенным государством со стороны ЕС состоялось в 1992 г. Первой страной Европейского Сообщества, признавшей Грузию, стала Германия. Руководство ФРГ считало своим долгом выразить благодарность председателю Государственного совета Грузии (позже второму президенту республики) Эдуарду Шеварднадзе, который, будучи министром иностранных дел СССР, оказал поддержку процессу объединения Германии в 1990 г. По словам Э. Шеварднадзе: «признание Грузии поставило точку в истории изоляции страны на международной арене, к которой страну привел прежний режим»¹.

Бескомпромиссно поддерживая идею территориальной целостности Грузии, Европейский Союз (как и США) лояльно относился ко всем грузинским правительствам. В начале 1990-х гг. такой подход основывался на представлениях о демократической природе власти президента Звиада Гамсахурдиа (затем Эдуарда Шеварднадзе) и коммунистическом характере элиты Абхазии и Южной Осетии. Этот стереотип в трансформированном виде сохранился до сих пор. Прозападная «демократическая» Грузия противопоставляется «советско-коммунистическим», «коррупцированным», «авторитарным», «пророссийским» режимам Абхазии и Южной Осетии. Европейский Союз все же не торопился идти на сближение с Тбилиси. Грузия не имела сильной диаспоры

¹ Шеварднадзе Э. А. Указ. соч. С. 278.

или исторических союзников для лоббирования ее интересов в Союзе. Весомой проблемой выступали и внутренние неурегулированные конфликты в Грузии.

Во второй половине 1990-х гг. Грузия стремилась к сближению с ЕС и США. Первым шагом по выстраиванию отношений Евросоюза с Грузией стало подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 22 апреля 1996 г. В самом начале Соглашения выражалась поддержка Брюсселем независимости, суверенитета и территориальной целостности Грузии¹. В то же время в 1990-е гг. ЕС демонстрировал отстраненность от процессов урегулирования грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов и активного участия в них не принимал. Это объясняется в первую очередь тем, что Европейский Союз еще не имел четкой концепции по данному вопросу.

Выход Грузии из Договора по обеспечению безопасности СНГ в 1999 г. привел к началу поэтапного вывода российских военнослужащих с территории страны, что было воспринято Россией как недружественный шаг. В политических кругах Грузии была выдвинута идея замены российской миротворческой миссии «международным полицейским контингентом» с привлечением ЕС, США и ОБСЕ².

Начало 2000-х гг. было ознаменовано развитием торговых и экономических отношений ЕС с Грузией. В этот период Тбилиси получал экономическую помощь от ведущих западных стран. Финансирование Грузии Европейским Союзом за период 1992–2009 гг. составило почти 865 млн евро³. ЕС и США оказывали содействие в получении помощи от международных финансовых институтов, таких как Международный валютный Фонд, Всемирный банк и т. д.⁴

Перспективы для плодотворного политического сотрудничества между Грузией и ЕС появились после 2003 г. В результате

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Грузией, с одной стороны, и Европейскими сообществами, и их государствами-членами, с другой стороны от 22 апреля 1996 г. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Право.ru. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17355566> (дата обращения: 10.07.2017).

² Цвижба Л. Зона миротворцев в Южной Осетии (сегодня и вчера) [Электронный ресурс] // Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. 13.10.2008. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2619/> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Chitadze N. European Integration as One of the Foreign Policy and National Security Priorities of Georgia // Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 3(2). P. 34.

⁴ Ibid.

смещения режима Шеварднадзе к власти пришел режим, ориентированный на Запад. Европейский Союз активизировался на грузинском направлении. Представители ЕС пообещали грузинским реформаторам поддерживать экономические, социальные и политические изменения в стране. В 2004 г. Грузия стала составной частью Европейской политики соседства, а в 2006 г. ЕС принял план действий в отношении Тбилиси. В нем предполагалось «внести вклад в урегулирование конфликтов в Абхазии, Грузии и Цхинвальского региона / Южной Осетии, Грузии на основе уважения суверенитета и территориальной целостности Грузии в пределах ее международно-признанных границ»¹. Европейский Союз тем не менее, как и ранее, не ставил своей целью прямое участие в указанных конфликтах.

В 2006 г. с целью налаживания диалога, а также уменьшения изолированности Абхазии и Южной Осетии ЕС разрабатывает меры по взаимодействию Грузии с конфликтными территориями. В ответ президент непризнанной Республики Абхазия Сергей Багапш в мае 2006 г. представил план по урегулированию грузино-абхазского конфликта под названием «Ключ к будущему». В рамках данного плана Сухум продемонстрировал заинтересованность в сотрудничестве с ЕС, но взаимодействие было возможно, с точки зрения абхазов, только в контексте широкого регионального сотрудничества. Налаживанию отношений между Абхазией и Грузией должны были способствовать современные и цивилизованные формы коллаборации в рамках Европейской политики соседства². В то же время на Сухумском саммите трех непризнанных государств (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) было создано сообщество «За демократию и права народов». Это был своеобразный ответ на деятельность и символику ГУАМ, который демонстрировал Западу, что пора перестать рассматривать мятежные автономии как «заповедник» коммунистов и сторонников Советского Союза.

В результате расширения Европейского Союза на восток в 2007 г. (присоединение Румынии и Болгарии), границы ЕС достигли

¹ European Neighborhood Policy. European Union – Georgia Action Plan (since 14 November 2006). P. 11. [Electronic resource] // URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/booklet_a4_2_en.pdf. (date of access: 10.07.2017).

² Khintba I. The EU and the Conflicts in the Eastern Neighborhood: The Case of Abkhazia [Electronic resource] // Heinrich Böll Stiftung. URL: <https://www.boell.de/en/navigation/europe-transatlantic-eu-conflicts-abkhazia-10215.html> (date of access: 10.07.2017).

Черноморского побережья. Южный Кавказ стал соседом Евросоюза по черноморскому региону. Соответственно стабильность в Грузии и на Кавказе стала более актуальной проблемой в рамках политики безопасности ЕС. В июле 2008 г. министр иностранных дел Германии Ф. В. Штанмайер попытался совершить дипломатический и стратегический прорыв в условиях все более ухудшавшейся ситуации в Грузии. В Тбилиси, Сухуме и Москве он представил трехэтапный план урегулирования грузино-абхазского конфликта. Первый этап включал подписание соглашения о неприменении силы и начало возвращения беженцев в Абхазию. Второй этап предполагал проведение восстановительных работ и экономическую реабилитацию Абхазии. После этого должны были начаться переговоры о политическом статусе Абхазии¹. План Штанмайера – это первая самостоятельная попытка ЕС по решению конфликта на Южном Кавказе. Европейский Союз устами одного из своих самых авторитетных дипломатов дал понять президенту Грузии М. Саакашвили, что поддерживает его, но выступает против перехода к силовым методам решения конфликта².

План Штанмайера не вызвал энтузиазма у враждующих сторон. Секретарь Совета национальной безопасности Грузии Александр Ломая заявил, что в плане есть позитивные элементы, но он требует серьезных доработок³. Президент Абхазии Сергей Багапш посчитал, что для возобновления диалога с Тбилиси необходимо выводить всех вооруженных формирований из верхней части Кодорского ущелья и подписание соглашения о невозобновлении военных действий. Политический статус Абхазии, с точки зрения Багапша, обсуждению не подлежал⁴.

К сожалению, участие США и НАТО в перевооружении и переподготовке грузинской армии заставило Тбилиси поверить в возможность «блицкрига» на югоосетинском направлении. В то же время антигрузинская позиция российских миротворцев провоцировала грузинские власти и военных в пограничных районах

¹ Гусейнов В., Демиденко С. Югоосетинский разлом: размышления о причинах и последствиях // Вооруженный конфликт в Южной Осетии и его последствия. М., 2009. С. 61.

² Пановкин Д. Миссия Штанмайера невыполнима [Электронный ресурс] // Информационно-Аналитический центр. URL: <http://ia-centr.ru/expert/1755/> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Германский план урегулирования конфликта: мнения политиков и наши комментарии [Электронный ресурс] // abhazy.com. URL: <http://abhazy.com/news/konflikt64.html> (дата обращения: 10.08.2017).

⁴ Там же.

Грузии и Южной Осетии. События, произошедшие в ночь с 7 на 8 августа 2008 г. и названные после остановки военных действий «пятидневной войной»¹, внесли корректировку в состав участников урегулирования грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов. От имени ЕС президент Франции Николя Саркози предпринял огромные усилия для того, чтобы был принят так называемый «план Медведева-Саркози»². Американская Администрация Дж. Буша лишилась свободы маневра и оказалась отстранена от возможной роли миротворца.

Конфликтующие стороны приняли на себя ряд обязательств. Четыре пункта плана урегулирования из шести трактовались однозначно и были приняты без поправок:

1. Не прибегать к использованию силы.
2. Окончательно прекратить все военные действия.
3. Свободный доступ к гуманитарной помощи.
4. Вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.

Пятый пункт, согласно которому Вооруженные Силы Российской Федерации должны были быть выведены на линию, предшествующую началу боевых действий, получил различную трактовку у российской и французской сторон. Российский президент подразумевал войска, которые «принуждали к миру, и которые продолжают находиться на территории Южной Осетии и Абхазии для обеспечения «дополнительных мер безопасности»³. В трактовке французского президента в пункте 5 имелись в виду «Вооруженные Силы России, действующие в рамках мандата ОБСЕ, которые присутствуют в Осетии»⁴. В результате таких разночтений, оставшийся в Южной Осетии и Абхазии российский военный контингент рассматривается европейцами как оккупационные войска.

В ходе подписания и реализации плана Медведева-Саркози вызвал различные трактовки 6 пункт. Его первоначальная формулировка «Начало международного обсуждения вопросов будущего статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их прочной безопасности» была видоизменена грузинским президентом при

¹ Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М., 2008. С. 72.

² Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12 августа 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Там же.

⁴ Там же.

поддержке французского главы государства. В результате в окончательной версии текста была принята формулировка: «Международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности в Абхазии и в Южной Осетии»¹. Российская дипломатия не смогла настоять на сохранении собственных формулировок².

8 сентября 2008 г. Николя Саркози вместе с Председателем Еврокомиссии Жозе Мануэлем Баррозу и Верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности Хавьером Соланой в ходе переговоров прибавили к плану Медведева-Саркози еще три пункта³:

1. Вывод российских миротворческих сил из буферных зон на линию, предшествующую началу боевых действий. Вывод грузинских войск в места дислокации. Ввод в Грузию наблюдателей миссии ЕС (не менее 200).

2. Международные механизмы наблюдения должны осуществлять ООН, ОБСЕ и ЕС. ЕС выступает гарантом неприменения силы.

3. Начало международных дискуссий в Женеве об урегулировании конфликта, путях обеспечения безопасности и стабильности в регионе, проблемах беженцев и перемещенных лиц и по вопросам, внесенным с обоюдного согласия сторон (дипломатический «женевский процесс»).

ЕС не поддержал определения военной операции России 8–13 августа 2008 г. в качестве гуманитарной акции по «принуждению к миру». План Медведева-Саркози, с точки зрения ЕС, не мог быть основанием последовавшего за войной дипломатического признания Абхазии и Южной Осетии со стороны РФ. В таком же ключе были сформулированы и выводы международной независимой комиссии Евросоюза Хайди Тальявини. Грузия была признана виновной в развязывании военных действий, Россия – в провоцировании

¹ Михаил Саакашвили в целом принимает условия и подписывается под заявлением президентов РФ Франции [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. 13.09.2008. URL: <http://www.newsru.com/world/13aug2008/soglasen.html> (дата обращения: 10.07.2017).

² Лавров: уточнение Саакашвили по «шестому пункту» не отменяет необходимость дискуссии по статусу непризнанных республик [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. 13.09.2008. URL: <http://www.newsru.com/russia/13aug2008/status.html> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Медведев и Саркози проговорили несколько часов: к их плану добавились пункты, вступающие в силу немедленно [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. 08.09.2008. URL: <http://www.newsru.com/russia/08sep2008/peregovory.html> (дата обращения: 23.04.2017).

конфликта и непропорциональном ответе¹. Позже от России потребовали уважать территориальную целостность Грузии и отвести свои войска.

Создание 1 октября 2008 г. Миссии Наблюдателей Европейского Союза (МНЕС) в Грузии позволило ЕС осуществлять постоянный мониторинг ситуации в стране и иметь дипломатические рычаги воздействия на Россию. Мандат МНЕС, с точки зрения Евросоюза, давал право осуществлять деятельность на территориях Абхазии и Южной Осетии, хотя последние не были с этим согласны. Никаких договоров между ЕС и двумя непризнанными государствами подписано не было.

В декабре 2009 г. ЕС заявил о непризнании сепаратистских регионов при сохранении возможности взаимодействия с ними без ущерба территориальной целостности Грузии². Ряд политиков Абхазии и Южной Осетии де-факто приветствовали такой подход, но не все. 20 января 2010 г. в газете «Южная Осетия», учредителями которой являлись Парламент и Правительство Республики Южная Осетия (РЮО), появилось заявление, адресованное Президенту ЕС Херману ван Ромпёю и другим официальным лицам ЕС от председателя ЦИК Международного Союза Советских офицеров Е. И. Копышева. Заявление объясняло негативное восприятие осетинами грузинской и европейской политики. В нем, в частности, с сожалением отмечалось, что Европа не признает независимость Южной Осетии, в то время как руководство Грузии находит поддержку в структурах ЕС. Указывалось на необходимость осудить «государственный терроризм руководства Грузии». Позиция ЕС рассматривалась автором заявления «как поощрение агрессора и стремление спровоцировать очередную войну на Кавказе»³. Со своей стороны, Ираклий Хинтба, первый заместитель мини-

¹ Главные положения доклада ЕС о войне России с Грузией. Тезисы доклада международной комиссии по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе в августе 2008 года [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 30.09.2009. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/09/090930_eu_findings_summary.shtml?print=1 (дата обращения: 10.08.2017).

² Fischer S. The EU's Non-recognition and Engagement Policy Towards Abkhazia and South Ossetia. P. 1. [Electronic resource] // European Union Institute for Security Studies. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/NREP_report.pdf (date of access: 10.07.2017).

³ Копышев Е. И. Заявление Президенту Европейского Союза гражданину Херману ван Ромпёю. Главе представительства Европейской комиссии в Российской Федерации гражданину Марко Франко. Верховному Комиссару Совета Европы гражданину Томасу Хаммарбергу. // Южная Осетия. Республиканская общественно-политическая газета. 20.01.2010. URL: http://ugo-osetia.ru/10_4/10_4-4.html (дата обращения: 10.07.2017).

стра иностранных дел Республики Абхазия, отметил ограниченность взаимодействия Абхазии и Южной Осетии с ЕС в связи с отсутствием доверия и неопределенностью во взаимоотношениях России и Евросоюза¹.

В европейских институтах неоднократно рассматривался грузинский закон 2008 г. «Об оккупированных территориях»². Так, резолюция Европейской Комиссии 2009 г. предусматривала внесение корректив в данный закон для устранения противоречивых нюансов³. В ежегодном докладе ЕС по Грузии 2012 г. содержалась рекомендация пересмотреть «ограничивающие положения» закона. В ответ представители грузинской политической элиты негодовали, считая, что просьбы ЕС отражают интересы Российской Федерации. С заявлением в защиту закона выступила министр Грузии по вопросам реинтеграции Э. Ткешелашвили. При этом министр по вопросам примирения и гражданского равноправия Паата Закареишвили не разделяла это мнение, заявив, что требование Евросоюза о внесении изменений в закон не является следствием влияния России⁴.

Осенью 2011 г. в рамках Миротворческой программы британской организации «Ресурсы примирения» (Conciliation Resources) было проведено социологическое исследование среди представителей грузинской общественности, которое показало противоречивые оценки роли ЕС в зоне конфликтов. Часть респондентов заявили, что ЕС сыграл в 2008 г. и продолжает играть большую роль в урегулировании. С их точки зрения, Миссия наблюдателей ЕС прежде всего является сдерживающим фактором для России. Часть опрошенных считает, что не надо возлагать особые надежды на Евросоюз, так как его страны-члены имеют свои интересы, зависят от России и не могут пойти против интересов Европы ради Грузии⁵.

¹ Khintba I. Op. cit.

² Закон об оккупированных территориях [Электронный ресурс] // Грузия для всех. URL: <http://travelgeorgia.ru/147/> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Opinion on the Law on Occupied Territories of Georgia. 17.03.2009. [Electronic resource] // Council of Europe. Venice Commission. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2009\)015-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)015-e) (date of access: 10.07.2017).

⁴ ЕС требует пересмотра закона «Об оккупированных территориях» Грузии [Электронный ресурс] // South Caucasus Region. 02.04.2015. URL: http://www.nregion.com/news.php?i=52590#_WIDe8vmLTIU (дата обращения: 10.07.2017).

⁵ Элбакидзе М., Птрцхалава Э. Восприятие роли ЕС в трансформации конфликта в Грузии. Аналитический доклад, 2012. С. 17. [Электронный ресурс] // Conciliation resources. URL: http://www.c-r.org/downloads/PPP_2012analysis2_RUS.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

27 июня 2014 г. Грузия и ЕС подписали соглашение об ассоциации. Как отметил премьер Грузии Ираклий Гарибашвили, этот шаг означает начало нового этапа интеграции Грузии в Европу, «интересного и непростого пути в направлении Европы, который потребует усилий, взаимопомощи и самоотверженности <...> от правительства, политических сил и общества...». Премьер выразил надежду, что Грузия «станет полноценным членом европейской семьи – Европейского Союза»¹. Еврокомиссар по вопросам расширения ЕС Йоханнес Хана особо подчеркнула, что соглашение открывает новые возможности для малого и среднего бизнеса Грузии, создает условия для улучшения качества местной сельхозпродукции и продвижения энергоэффективности².

Женевский процесс, запущенный в результате принятия плана Медведева-Саркози, сегодня дает мало реальных результатов, но он важен как площадка для постоянного диалога, так как других форматов встреч практически нет³. При этом Тбилиси отказывается признавать независимость Абхазии и Южной Осетии, а они, со своей стороны, настаивают на таком признании⁴. ЕС, осуществляя МНЕС, прикладывает большие усилия для примирения Абхазии и Южной Осетии с Грузией, но в ближайшем будущем это вряд ли возможно. Получив дипломатическую, экономическую и политическую поддержку РФ, республики не хотят отказываться от следующей цели – международного признания своей независимости. В свою очередь для Грузии приоритетными направлениями внешней политики являются европейское и атлантическое, причем как для правящей, так и для оппозиционной политической элиты. Оформление европейского направления внешней политики Грузии как одного из ключевых прошло весьма длительный и тернистый путь.

¹ Грузия и Молдавия подписали соглашение об ассоциации с ЕС [Электронный ресурс] // РИА новости. 27.06.2014. URL: <https://ria.ru/world/20140627/1013800599.html> (дата обращения: 10.07.2017).

² Макаренко Г. Грузия стала ассоциированным членом ЕС [Электронный ресурс] // РБК. 01.07.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/01/07/2016/57763fcf9a7947b4266bec82> (дата обращения: 10.07.2017).

³ Элбакидзе М., Пгрцхалава Э. Указ.соч.

⁴ Чирикба В. Признание Абхазии со стороны Грузии будет выгодно всему региону в целом // Новый день. 2015. № 23 (504). С. 1.

Европейский Союз и нагорно-карабахский конфликт

Еще со времен холодной войны Европа через армянскую диаспору принимала активное участие в делах советского Закавказья. Не случайно в 1987 г. во Франции армянин по происхождению, академик А. Аганбегян, являвшийся одним из ближайших советников М. С. Горбачева, поднял вопрос о воссоединении Армянской ССР с Нагорным Карабахом. Считается, что именно это выступление стало детонатором к взрыву армянского национального движения 1988 г.

Армянская диаспора продолжает быть инструментом влияния Армении и Нагорно-Карабахской республики (НКР) на Западе и выступает одним из важнейших факторов конфликта. Именно благодаря активной армянской диаспоре сохраняется внимание европейцев и американцев к Южному Кавказу. Крупные армянские общины проживают на территории всех трех стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта (Франция, Россия и США). Поскольку Франция является одним из локомотивов европейской интеграции, то опосредованно французская армянская диаспора влияет на общеевропейскую политику на Южном Кавказе. Кроме Франции в состав Минской группы в разное время входили такие европейские государства, как ФРГ, Италия, Финляндия, Швеция. Армения с помощью многочисленной влиятельной диаспоры создала имидж, с одной стороны, европейской страны, а с другой, ближайшего союзника России на Южном Кавказе.

Проевропейские устремления Армении сдерживаются военно-политическим фактором. Ереван является членом Организации договора о коллективной безопасности в Содружестве Независимых Государств (ОДКБ), в которой основную роль играет Российская Федерация. Таким образом, страна делает ставку на военно-политическое партнерство с Россией, что позволяет несколько нейтрализовать азербайджанскую военную угрозу. Помимо ОДКБ, энергозависимость Армении от России, а также армянская диаспора в РФ являются серьезными аргументами в пользу сохранения российского направления внешней политики Еревана как ключевого. Данные аргументы не может игнорировать ни одно правительство Армении. Необходимость сохранять теплые отношения с Москвой обуславливает осторожность официального Еревана.

В то же время Республика Армения поддерживает постоянное взаимодействие с НАТО. Страна является крупнейшим получателем финансовой помощи западных стран¹. Благодаря лоббированию своих интересов армянской диаспорой в ЕС и США, Армения имеет прочные позиции во внешнеполитических стратегиях данных акторов, но враждебные отношения с Азербайджаном и Турцией. В целом Армения демонстрирует традиционную внешнюю политику баланса. Из трех государств Южного Кавказа Ереван проводит наиболее разновекторную и дифференцированную политику. Брюссель также проявляет гибкость и понимание в отношении позиции Еревана².

Противоречия между ЕС и Арменией связаны с твердой позицией Европейского Союза в отношении сохранения территориальной целостности Азербайджана. Кроме того, и Армения, и Азербайджан критикуются европейскими правозащитными и государственными организациями за авторитарность и нарушение демократических норм и процедур. Конечно, президент Азербайджана Ильхам Алиев подвергается критике чаще и жестче, но общий тренд, направленный на констатацию институтами и странами ЕС проблем с демократией в двух южно-кавказских государствах, присутствует. Армения, в отличие от Азербайджана, демонстрирует готовность к демократическому реформированию. В стране была проведена реформа избирательной системы и состоялся переход от президентской республики к парламентской в 2017 г. В отношении Азербайджана показательны слова начальника отдела двусторонних отношений со странами Восточного партнерства Европейской внешнеполитической службы Д. Шубеля. Он отметил, что ЕС опубликовал такое множество заявлений о положении в области прав человека в Азербайджане, что они, вероятно, потеряли свое значение³.

Для Азербайджана очень важным союзником в конфликте вокруг Нагорного Карабаха является Турция и турецкая диаспора в Германии. Этот факт позволяет армянам проводить политические и историко-культурные аналогии между геноцидом 1915 г.

¹ Буракова Л. Почему у Грузии получилось. М., 2011.

² Minasyan S. Armenia Keeps on Balancing: Between the European Union and the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // Ponars Eurasia. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/armenia-keeps-balancing-between-european-union-and-eurasian-economic-union> (date of access: 10.07.2017).

³ Gotev G. Azerbaijan's Rejection of EU Association Was an Eye-opener for Brussels [Electronic resource] // Euractiv.com. URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/azerbaijan-s-rejection-of-eu-association-was-an-eye-opener-for-brussels/> (date of access: 10.07.2017).

в Османской империи и политикой Азербайджана в отношении армян в советскую и постсоветскую эпоху. Подчеркивание проблемы «армянского геноцида» позволяет оказывать политическое давление одновременно и на Турцию, и на Азербайджан. Таким образом, возможности влияния Анкары на Ереван ограничены. Столкновение интересов Турции, Азербайджана и Армении, влияние армянской и турецкой диаспор делают невозможной выработку единой позиции ЕС по вопросу армяно-турецких и армяно-азербайджанских противоречий.

Война между Россией и Грузией 2008 г. стала очередным испытанием для армяно-азербайджанского перемирия. Признание Российской Федерацией Южной Осетии и Абхазии актуализировало вопрос непризнанной НКР. России, чтобы не нарушить баланс между Арменией и Азербайджаном, пришлось взять на себя роль лидера в проведении переговорного процесса по Нагорному Карабаху. 2 ноября 2008 г. в замке Майендорф под Москвой прошла встреча Президентов РФ, Азербайджана и Армении, на которой была принята Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации¹. Главное, что было зафиксировано в этом документе, – это необходимость политического урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе согласно нормам международного права. Азербайджану четко дали понять, что Россия не претендует на универсальность политики признания бывших автономий советских республик. Армении пришлось смириться с таким подходом, потому что любое другое развитие событий привело бы к обострению отношений и с РФ, и с Западом.

Западные страны не устранили одностороннее усиление позиций России на Кавказе и в процессе урегулирования постсоветских конфликтов. Поэтому, при ослаблении позиций США в регионе, активизировались действия ЕС и Турции. За счет развертывания программы «Восточное Партнерство», в которую были включены и Армения, и Азербайджан, Европейский Союз перехватил инициативу у РФ. Восточное партнерство предполагало запуск программы по созданию углубленных и всеобъемлющих зон свободной торговли со странами постсоветского пространства –

¹ Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации, Московская область, замок Майендорф, 2 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/6bc38aceada6e44b432569e700419ef5/c325749c004f2933c32574f8003646bb?OpenDocument> (дата обращения: 10.07.2017).

неотъемлемой части Соглашения об ассоциации с ЕС. Планировалась унификация различных торговых, производственных процессов, санитарных и технических норм участников программы на базе стандартов Евросоюза, рассматривались вопросы торговых тарифов, госзакупок, прозрачности информации¹.

В 2013 г. Армения отказалась от Ассоциации с Европейским Союзом в рамках Восточного партнерства и тем самым не оправдала ожидания ЕС. Директор программы «Экономическая политика» Московского Центра Карнеги Андрей Мовчан справедливо отмечает, что попытка ЕС расширить границы свободной торговли и совместного производства по стандартам и в соответствии с нормативно-правовыми актами Европейского Союза на территорию бывшего СССР встретила сопротивление России². Давление России оказалось в тот момент сильнее, а потребность Армении в военном прикрытии со стороны РФ важнее. При этом Брюссель не исключал возможности подключения Еревана к процессу создания ассоциации с ЕС. К лету 2015 г. было возобновлено институциональное взаимодействие Евросоюза и Армении. В самой республике есть силы, выступающие за радикальную смену вектора в сторону сотрудничества с Евросоюзом и создание Ассоциации. Эту тенденцию демонстрирует так называемое движение «Электрмайдан» и выступления оппозиции в прессе³.

В 2014 г. Азербайджан также отказался от Ассоциации с ЕС, не найдя «магической формулы по Нагорно-Карабахскому конфликту»⁴. Рассчитывая получить в ходе реализации Восточного партнерства возможность через Европейский Союз оказать давление на Армению, Азербайджан не только этого не добился, но и подвергся серьезной критике со стороны европейских экспертов и политиков за систему государственного и муниципального управления, ограничение свободы СМИ и т. п. В отличие от Грузии, вступление в ЕС не является ключевой целью Азербайджана (а учитывая опыт «европейской интеграции» Турции, такой проект представляется невозможным).

¹ Мовчан Н. Между Брюсселем и Москвой: «неопределившиеся» страны в зоне влияния Евросоюза и ТС [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 09.03.2017. URL: <http://carnegie.ru/2017/03/09/ru-pub-68201> (дата обращения: 10.07.2017).

² Там же.

³ Ibragimova G. Armenian Experts' Debate: "Membership in the EEU in Exchange for Security" [Electronic resource] // European dialogue. URL: <http://www.eurodialogue.eu/Armenian%20Experts%E2%80%99%20Debate%3A%20%E2%80%9CMembership%20in%20the%20EEU%20in%20Exchange%20for%20Security%E2%80%9D> (date of access: 10.07.2017).

⁴ Gotev G. Op. cit.

Важнейшим звеном в стратегии энергетической политики ЕС выступает транзитная ось Азербайджан – Грузия – Турция. Воплощением такого подхода стали нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум, имеющие на данный момент минимальную экономическую отдачу. В 2007 г. началось строительство железной дороги Баку – Тбилиси – Карс. Этот проект, в отличие от вышеуказанных, не получил поддержки США и ЕС, так как у армянского лобби в этих государствах есть альтернативный проект возобновления работы железной дороги Баку – Тбилиси – Гюмри – Карс, который позволил бы Армении выйти из транспортной блокады Азербайджана и Турции. Магистраль Баку – Тбилиси – Карс, идущая в обход Армении, оставляет ее в стороне от основных путей сообщения Южного Кавказа¹.

Азербайджан имеет большое значение для обеспечения мира на Кавказе. С этим согласны и Европейский Союз, и Россия. В связи с этим, в вопросе о праве карабахских армян на самоопределение, и Москва, и Брюссель поддерживают сохранение территориальной целостности Азербайджана. Согласие по этому вопросу было достигнуто в рамках Мадридских принципов Минской группы ОБСЕ.

Заключение

Отношение ЕС к рассмотренным в данной главе конфликтам менялось в зависимости от вектора внешней и внутренней политики союза, а также в связи с трансформацией международных отношений. В случае с грузино-абхазским и грузино-осетинским конфликтами ЕС стал непосредственным участником их урегулирования с 2008 г. и выработал определенную концепцию поведения. Поддерживая территориальную целостность Грузии, ЕС приобрел важного союзника и партнера в регионе, с которым осуществляет тесное сотрудничество и совместно сдерживает продвижение РФ.

Европейский Союз и его структуры играют небольшую роль в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, поскольку

¹ Калатозишвили Г. Олег Бичиашвили: «Железная дорога «Баку-Тбилиси-Карс» открывает огромные возможности» [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 21.03.2017. URL: <http://vestikavkaza.ru/interview/Oleg-Bichishvili-ZHeleznaya-doroga-Baku-Tbilisi-Kars-otkryvaet-ogromnye-vozmozhnosti%E2%80%B3.html> (дата обращения: 10.07.2017).

выбор в пользу какой-либо из сторон невозможен. Обе стороны (Армения и Азербайджан) занимают важное место в стратегии ЕС. В урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе, особенно в 1990-е гг., в основном участвовали национальные правительства европейских стран (прежде всего Франции, Италии и Швеции) в рамках Минской группы ОБСЕ¹. В XXI в. ЕС пытается усилить свои позиции через институты Специального представителя ЕС на Южном Кавказе и структуры программы «Восточное партнерство».

¹ Казимиров В. Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. М., 2009.

РАЗДЕЛ IV. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И СТРАНЫ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Глава 1. Взаимодействие Европейского Союза со странами АТР в рамках АСЕМ

Введение

На рубеже XX–XXI вв. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) становится наиболее динамично развивающимся регионом, мировым центром торговли и третьим по значимости центром экономической интеграции. Процессы экономического и политического развития стран АТР в новое и новейшее время протекали более стремительно, чем в Европе. В начале 1990-х гг., в условиях депрессии мировой экономики и спада международной торговли, странам Восточной Азии удалось сохранить достаточно высокие темпы роста (6 %) и продемонстрировать наиболее успешные экономические модели развития (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур). Восточная Азия в рассматриваемый период оставалась единственным регионом мира, в котором преобладал экономический тип регулирования международных отношений, сохранялась экономическая доминанта региональных связей и фактически не возрастало влияние военного фактора¹.

Экономическое развитие Восточной Азии воспринималось в Европейском Союзе неоднозначно. Руководители Франции, Бельгии, Испании и Португалии считали, что страны Азии ведут нечестную торговлю, используя низкие цены и отсутствие социальной защиты, подрывая европейские ценности и провоцируя кризис на Западе. Сторонники этой позиции считали необходимым

¹ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 213.

потребовать уважения к минимальным социальным и экологическим нормам. Германия, Великобритания, Нидерланды и Дания наоборот утверждали, что возрастающая экономическая конкурентоспособность стран Восточной Азии создает благоприятные возможности для экономики Европы и стимулирует европейские компании к новаторству¹.

Установление партнерских отношений между странами Юго-Восточной Азии (ЮВА), входящими в Ассоциацию государств ЮВА (АСЕАН), и Европейскими Сообществами началось с 1972 г., прежде всего в области торговли. Во многом это было связано со вступлением Великобритании в ЕЭС (1973 г.), вследствие чего Сингапур и Малайзия теряли торговые привилегии. Сближению двух объединений способствовали также антияпонские настроения в Европейских Сообществах и особенно в АСЕАН, а также нежелание стран ЮВА зависеть от США в политическом и экономическом плане. Отношения АСЕАН и ЕС были определены специальным договором о сотрудничестве, подписанным в 1980 г. Диалог ЕС – АСЕАН стал особенно эффективным и значимым для всей Восточной Азии. Евросоюз и страны Азии также участвовали в дискуссиях по политическим вопросам на таких форумах, как региональный форум АСЕАН (АРФ) и пост-министерские конференции АСЕАН (РМС). У многих азиатских государств были созданы механизмы регулярного диалога с Европейским Союзом.

Под влиянием исторического опыта колониальной зависимости стран Азии многие международные инициативы в регионе вызывали недовольство их лидеров и расценивались как нарушающие принципы национального суверенитета и невмешательства. Стремясь держать под своим контролем внешнее вмешательство, государства ЮВА выработали стратегию привлечения «великих держав» в многосторонние региональные механизмы с целью поддержания их заинтересованности в развитии региона и одновременно их связывания определенными нормами поведения, выработанными в рамках АСЕАН. Эти нормы были зафиксированы в Договоре 1976 г. о дружбе и сотрудничестве, в декларациях о зоне мира и нейтралитета в ЮВА и в Договоре о создании безъядерной

¹ ASEAN and Germany – Natural Partners. Address by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations, before the Deutsches Forum Jakarta. Jakarta. 30 April 2002 [Electronic resource] // ASEAN Economic Bulletin. 2002. Vol. 19. № 2. P. 207–210. URL: https://www.jstor.org/stable/25773723?seq=1#page_scan_tab_contents (date of access: 07.08.2017).

зоны в регионе. При этом руководящими принципами в рамках данной стратегии стали недопущение доминирования какой-либо одной страны, выработка правил поведения самими государствами АСЕАН, ненавязывание каких-либо правил извне. При помощи «пассивного сопротивления», используя многократные, но деликатные по форме отказы от строительства регионального экономического и политического сотрудничества на условиях крупных внерегиональных игроков, страны-участницы не только избежали конфликтных ситуаций с ведущими мировыми державами, но и заставили их учитывать интересы и мнение Ассоциации при решении различных вопросов¹. С таким подходом приходилось считаться и ЕС при выстраивании отношений со странами региона.

В середине 1980-х гг. развитию европейской активности в регионе во многом способствовала близкая перспектива создания Тихоокеанского сообщества. Западная Европа опасалась оказаться в стороне от такого образования, обещавшего объединить наиболее динамичные экономики мира. Однако планы создания Тихоокеанского сообщества не были осуществлены, а уровень конкурентоспособности европейской промышленности, в том числе в таких ключевых отраслях, как автомобильная и электронная, к середине 1990-х гг. значительно повысился. Европейские концерны добились преимущества перед японскими и вновь обрели уверенность в своих силах, не видя острой необходимости в установлении партнерских отношений со странами АТР. Тем не менее обмены и контакты Европы с Восточной Азией достигли такой степени, что появилась необходимость их институционализации, которая усиливала глобальный характер общеевропейской внешней политики.

В 1990-е гг. ведущие страны Европы начали с большим интересом относиться к возможности укрепления взаимодействия с вновь возникающими быстрорастущими экономиками АТР – такими ново-индустриальными странами, как Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. ЕС ставил перед своей азиатской политикой вполне конкретные цели усиления европейского присутствия в Азии и продвижения европейских культурных, политических и правовых ценностей². При этом Евросоюз стремился не дать азиатским странам повода рассматривать его как антиамериканский фактор в ге-

¹ АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Е. В. Кобелев [и др.]. М., 2010. С. 354–360.

² Clarifying the Definitions of EC Economic Co-operation with Third Countries. Final Report. August. 2002. P. 19.

ополитических построениях, ибо глубинной целью азиатской политики в отношении Европы было создание альтернативы доминированию США в Форуме Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества и возглавляемом ими НАФТА.

В 1994 г. Европейский Союз выработал «Новую азиатскую стратегию»¹. Суть стратегии сводилась к идее установления партнерства Европы и Азии. В документе подчеркивалось, что «главная политическая цель ЕС в регионе – это сохранение баланса сил и обеспечение безопасности»². В связи с этим на экономическом саммите Европа – Восточная Азия, проходившем под эгидой Мирового Экономического Форума в Женеве в 1994 г., была выдвинута идея создания организации, которая значительно укрепила бы партнерство между Европой и Восточной Азией путем созыва встречи глав правительств. Это решение было прописано в итоговом документе саммита. Идея нового саммита в рамках будущего формата взаимодействия Европы и Восточной Азии была обсуждена в рамках визита в 1994 г. премьер-министра Сингапура ГоЧок Тонг во Францию в ходе встречи с французским коллегой³. В 1995 г. в Совете ЕС под председательством Франции предложение о созыве саммита было вынесено на обсуждение и одобрено структурами Евросоюза. Параллельно этому процессу сингапурская сторона провела аналогичную работу в АСЕАН, заручившись поддержкой Китая, Японии и Республики Корея.

В целях налаживания диалога между Европой и Азией в 1995 г. была учреждена организация АСЕМ (Asia-Europe Meeting), функционированию которой и посвящен данный раздел монографии. В нем будет проанализирована эволюция организации в 1990–2000-е гг., ее цели, задачи и основная повестка дня, а также вклад Европейского Союза в деятельность АСЕМ.

¹ Communication from the Commission to the Council Towards a New Asia Strategy [Electronic resource]. URL: <http://aei.pitt.edu/2949/1/2949.pdf> (date of access: 07.08. 2017).

² Ibid. P. 3.

³ Camroux D. The Rise and Decline of the Asia-Europe Meeting (ASEM): Asymmetric Bilateralism and the Limitations of Interregionalism [Electronic resource] // Cahiers européens. 2006. № 3. P. 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/48854048_The_Rise_and_Decline_of_the_Asia-Europe_Meeting_ASEM_Asymmetric_Bilateralism_and_the_Limitations_of_Interregionalism (date of access: 07.08.2017).

Деятельность АСЕМ в 1990-е гг.

Международно-политический контекст после окончания холодной войны благоприятствовал созданию АСЕМ. Рыночная конкуренция вытеснила идеологическое противостояние, а устойчивый экономический рост – угрозы вооруженных конфликтов. В создавшихся условиях Евросоюз и страны Восточной Азии пошли на сближение с целью сообща обеспечить свою экономическую безопасность и сохранить справедливый миропорядок, не допустив перекоса баланса экономических и политических сил в сторону США. Во многом это было связано с тем, что саммит АТЭС 1993 г. в Сиэтле показал отстраненность Европы от масштабного интеграционного процесса. Кроме того, страны ЕС видели в стремительно растущих экономиках Восточной Азии перспективные рынки сбыта, тогда как их азиатские партнеры надеялись на импорт технологий и инвестиции из Европы в развитие местной инфраструктуры¹.

Первая встреча АСЕМ была проведена в Бангкоке в марте 1996 г. В ней приняли участие руководители 10 стран Азии, в том числе Япония, Китай и Республика Корея; страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Филиппины) и 15 стран Европы (Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция). Согласно учредительным документам, АСЕМ не является организацией или форумом, как АТЭС, а только «диалогом»². Членство в этой структуре носит индивидуальный характер.

Встреча в Бангкоке прошла под девизом «Новое всестороннее азиатско-европейское партнерство во имя наибольшего роста». В итоговом документе признавалась необходимость стремиться к общей цели поддержания и укрепления мира и стабильности, а также создания условий для экономического и социального развития. Проведенная встреча рассматривалась как способствующая укреплению нового всестороннего азиатско-европейского партнерства во имя наибольшего роста. Это партнерство должно было укрепить связи между Азией и Европой, тем самым спо-

¹ Camroux D. Op. cit. P. 4, 6.

² Pelkmans J., Weinian H. Does ASEM Work? [Electronic resource] // CEPS Policy Briefs. 2014. № 321, October 14. P. 2–3. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2510298 (date of access: 05.03.2016).

собствуя миру, глобальной стабильности и процветанию. Также подчеркивалась необходимость поддержания диалога с другими регионами, как для Азии, так и для Европы.

Были озвучены основные цели и направления деятельности созданной организации. Заявляя об интенсификации политического диалога, участники совещания указали на важность усиления существующих диалогов между Азией и Европой по вопросам общей безопасности и укрепления мер доверия. Предполагалось содействовать реформированию и демократизации ООН, прилагать усилия для ограничения распространения ядерного оружия по всему миру. Участники встречи подчеркнули важность поддержания глобальных инициатив относительно контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения оружия массового уничтожения и подтвердили, что азиатские и европейские страны будут способствовать укреплению сотрудничества в этих областях. Особое значение участники придавали Договору о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (ЗСЯОЮВА), заключенному в Бангкоке в декабре 1995 г. десятью странами ЮВА.

При выстраивании и развитии экономического диалога и экономической кооперации предусматривалось усиление многосторонней интеграции, сфокусированной на работе ВТО, расширение экономических обменов между Европой и Азией, включая торговлю, инвестиции и современные технологии, повышение степени кооперации частного сектора экономики. Такое партнерство должно было выстраиваться на базе рыночной экономики, открытой многосторонней торговой системы, недискриминационной либерализации и принципах «открытого регионализма». Кроме того, планировалось развитие кооперации в области трудовых ресурсов, инфраструктуры, права собственности, охраны окружающей среды, в борьбе с международным терроризмом, преступностью, транспортировкой наркотиков и т. д. Предполагалось содействие научно-технологическому обмену, в частности, в сферах сельского хозяйства, компьютерных технологий, энергетики и транспорта. Немаловажную роль должно было играть сотрудничество по проблемам общественного развития, включая защиту прав женщин и борьбу с бедностью, незаконным оборотом наркотиков, СПИДом, отмыванием денег и нелегальной миграцией¹.

¹ New Comprehensive Asia-Europe Partnership for Greater Growth. 1st ASEM Summit (ASEM1). Final Chair Statement. 1–2 March 1996. Bangkok, Thailand. P. 1–7. [Electronic

АСЕМ поставил перед собой цель рассмотрения широкого круга вопросов, в отличие от АТЭС – формата чисто экономической направленности¹. В тоже время АСЕМ создавалась по аналогичной с АТЭС модели, подразумевающей отказ от строгих обязательств в пользу заключения неформальных договоренностей. По своему характеру эта структура явилась трансрегиональной и ставящей в перспективе цели глубокой интеграции азиатских и европейских экономик и обществ. Философской основой АСЕМ стало продвижение трансрегиональной кооперации в трех основных областях – политике, экономике, культуре (три опоры АСЕМ). Так, всех азиатских участников диалога беспокоила тенденция фрагментации мира, образования региональных торговых блоков и объединяло стремление снять преграды на пути расширения внешнеэкономической деятельности. Появление такого образования свидетельствовало не только о попытке создать независимый от США канал взаимодействия между Европой и Азией, но постепенно сформировать организацию, которая стала бы альтернативной АТЭС, где ведущая роль принадлежала Соединенным Штатам. Такое предложение высказывалось в выступлениях лидеров стран Восточной Азии, в частности, в речи лидера КНР Ли Пэна².

В марте 1996 г. в Бангкоке в рамках АСЕМ с целью содействия экономическому сотрудничеству был учрежден Азиатско-Европейский деловой форум. Вопросами академических, культурных связей и развития обмена человеческими ресурсами стал заниматься созданный в это же время Азиатско-Европейский Фонд (АСЕФ), на который была возложена ответственность за 3-ю опору. Начав свою работу в 1997 г. с открытия штаб-квартиры в Сингапуре, фонд стал единственным постоянным органом АСЕМ. Согласно озвученным на саммите АСЕМ1 целям, фонд должен был содействовать культурному и информационному обмену между странами путем организации научных конференций, специализированных форумов, образовательных программ и других проектов. Первая и вторая опоры, как требующие более детальной проработки, были отнесены к компетенции последующих саммитов

resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1996%20-%20ASEM1%20-%20Chair%20Statement.pdf> (date of access: 05.03.2016).

¹ Pelkmans J., Weinian H. Op. cit. P. 3.

² См.: Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом. М., 2004. С. 79, 219, 222, 228.

и бизнес-форумов под эгидой АСЕМ, а также встреч глав правительств, отраслевых министров и парламентских представителей.

Тяжелые последствия азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. нанесли ощутимый урон как экономическому сотрудничеству, так и развитию трансрегиональных связей стран АТР. Темпы взаимной торговли замедлились, многие государства региона усилили меры протекционизма, интерес к «открытому регионализму» ослаб¹. Поток иностранных инвестиций в регионе в результате кризиса снизился, и эта тенденция продолжалась вплоть до 2000 г.² Кроме того, неожиданный неблагоприятный поворот американской экономики, стагнация в Японии и достаточно медленный, по сравнению с ожидаемым, рост в странах Европейского Союза не могли способствовать положительным сдвигам в экономике стран Юго-Восточной Азии³. Долгосрочные инвестиционные вложения рассматривались в качестве необходимого фактора усиления и стабилизации региональных финансов и экономики⁴. При этом руководители стран ЮВА понимали, что привлекательность региона для иностранных, в том числе и европейских, инвесторов и деловых людей, зависела от общего стабильного и конкурентного регионального экономического климата и тех условий, в которых приходилось работать внешним партнерам⁵. Совместные усилия стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности ЮВА, по преодолению последствий кризиса и проводимые в государствах структурные преобразования приводили к положительным результатам, но возрождение шло медленными темпами.

¹ Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. С. 335.

² Is AFTA Dead? // Business Asia. New York. 2000. Vol. 32. № 21 (October 16). P. 12.

³ ASEAN as a Partner for Europe. Address of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the ASEAN-EU Conference. Brussels. 28 June 2001. [Electronic resource]. URL: <https://bookshop.iseas.edu.sg/account/downloads/get/2817> (date of access: 07.08.2017); ASEAN in APEC at a Time of Adversity and Hope. Statement of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the APEC Ministerial Meeting. Shanghai. 18 October 2001 [Electronic resource] // ASEAN Economic Bulletin. 2001. Vol. 18, № 3. P. 334–336. URL: https://www.jstor.org/stable/25773691?seq=1#page_scan_tab_contents (date of access: 07.08.2017).

⁴ The ASEAN Free Trade Area: Moving Ahead on Regional Integration. Statement of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations, at the AFTA Roundtable Discussion. Bangkok. 21 November 2000 [Electronic resource]. URL: http://asean.org/?static_post=the-asean-free-trade-area-moving-ahead-on-regional-integration (date of access: 07.08.2017); Severino R. ASEAN as a Partner for Europe // ASEAN Economic Bulletin. Singapore. 2001. Vol. 18. № 3. P. 337.

⁵ Heinrich J., Konan D. E. Prospects for FDI in AFTA // ASEAN Economic Bulletin. 2001. Vol. 18. № 2. P. 141.

На совместных встречах с представителями Европейского Союза члены АСЕАН уделяли особое внимание путям и механизмам преодоления кризисных явлений в каждой отдельно взятой стране, экономическим и финансовым реформам, а также структурным преобразованиям. Эти реформы в основном сводились к введению более строгого контроля в банковской системе, ускорению перехода к процессу прозрачности в финансовых и иных экономических транзакциях, конкурентности, выравниванию сферы бизнес-планирования, более эффективному обеспечению внешне-го долга и усилению законодательной базы.

На втором заседании АСЕМ в Лондоне в апреле 1998 г. в самый разгар финансового кризиса было принято решение создать трастовый фонд АСЕМ при Всемирном банке, чтобы помочь азиатским странам справиться с ситуацией. Кроме того, лидеры подтвердили решительную поддержку реформ в государствах региона, согласованных с МВФ, Всемирным банком и Азиатским банком развития. Реформы определялись как жизненно важные для восстановления доверия к финансовым рынкам азиатских стран¹.

Необходимость следовать рекомендациям группы Всемирного банка подчеркивались фактически во всех документах встречи, рассматривающих ситуацию в АТР в связи с финансовым кризисом. Это было не случайно, так как на проходившей 18–19 ноября 1997 г. встрече министров финансов и представителей центральных банков четырнадцати стран АТР в ходе дискуссии были выдвинуты предложения о создании специального механизма регионального мониторинга, дополняющего мониторинг МВФ, и развитии финансового сотрудничества, которое пополняло бы его ресурсы. Заявлялось о необходимости ввода мер, усиливающих ответственность МВФ за финансовые кризисы.

На встречах различного уровня с внешними партнерами-инвесторами (Японией, государствами Европейского Союза, США) страны АСЕАН неоднократно подчеркивали, что, укрепляя сотрудничество в области инвестиционной политики, они возлагают надежды на комплекс мер, разработанных и контролируемых в ходе их выполнения министрами финансов государств АСЕАН при непосредственном участии Секретариата Ассоциации и Азиатского

¹ The Financial and Economic Situation in Asia. 2nd. ASEM Summit (ASEM2). P. 1–2. [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1998%20-%20ASEM2%20-%20Financial%20and%20Economic%20Situation%20in%20Asia.pdf> (date of access: 15.03.2016).

банка развития¹. В частности, введение механизма экономического мониторинга, который касался основных потоков капиталов, операций банковских систем и макроэкономических индикаторов, должно было предотвратить кризисные явления в будущем.

Развитию сотрудничества между европейскими и азиатскими странами в сфере торговых операций и инвестиционной активности было уделено большое внимание на встрече АСЕМ в Лондоне 1998 г.² Во второй половине 1990-х гг. государствами АСЕАН были продолжены усилия по содействию и защите инвестиций в связи с заключением соглашения 1997 г. Соглашение обязывало его участников через специальные договоры согласовывать друг с другом условия благоприятствования фирмам государств-членов Ассоциации и обеспечивать гарантии защиты от дискриминации. Оно также защищало фирмы стран АСЕАН от возможной экспроприации и гарантировало беспрепятственное передвижение капиталов и заработанных средств. В соответствии с протоколом, дополняющим соглашение, государства АСЕАН должны были упростить процедуры, связанные с инвестиционной деятельностью, и принять соответствующие механизмы, а также сделать законы, регулирующие деятельность иностранных инвесторов, более четкими и последовательными³.

Совершенствование механизмов действия создаваемой с 1993 г. странами АСЕАН зоны свободной торговли в рамках Ассоциации (АФТА) (в частности, дальнейшее снижение тарифов, переговоры лидеров стран по спискам товаров и услуг, на которые должны были в перспективе распространяться действия такой зоны, особенно в сфере обрабатывающей промышленности) напрямую увязывалось с инвестиционной привлекательностью ЮВА как для региональных, так и для внешних инвесторов. Для инвесторов устанавливался ряд привилегий: освобождение на три года от налогов на корпоративный доход или получение 30 % налоговой скидки при вложении инвестиций; полное право собственности для иностранных инвесторов и, по крайней мере на тридцатилетний

¹ Решения второй встречи министров финансов стран Ассоциации 28 февраля 1998 г. в Джакарте.

² The Financial and Economic Situation in Asia 2nd. ASEM Summit (ASEM2). P. 2; Reinforcing the Partnership between Europe and Asia. 2nd ASEM Summit (ASEM2). Final Chair Statement. P. 3-4. [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1998%20-%20ASEM2%20-%20Chair%20Statement.pdf> (date of access: 05.03.2016).

³ Heinrich J., Konan D. E. Op. cit. P. 142–143.

срок, получение в аренду промышленной собственности. При этом предусматривался доступ к внутреннему рынку, открытие обрабатывающего сектора для инвестиций стран АСЕАН и беспошлинный импорт основного капитала для инвестирования.

После кризиса 1997–1998 гг. механизм АСЕМ не отличался особой эффективностью в плане объединения Европы и Азии. Более действенным было двустороннее сотрудничество ЕС со странами АТР. Например, обновленный в 1998 г. (после 1985 г.) политический диалог с Китаем сопровождался принятием решения проводить саммиты ЕС – Китай на регулярной основе, несмотря на эмбарго Евросоюза на импорт вооружений и технологий, введенное в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь и постоянно поднимающийся вопрос о «правах человека» в Китае¹. Китай называл этот запрет несправедливым и требовал его отмены. Учитывая экономический потенциал КНР, Европейский Союз признавал необходимость развивать военно-политический диалог с Китаем, стратегическое значение которого для Евросоюза в политических вопросах обуславливалось и тем, что Китай является постоянным членом СБ ООН. Европейский Союз также стремился к углублению стратегического партнерства с Индией и Японией, вел активные переговоры с Республикой Корея и странами Юго-Восточной Азии.

Помимо ликвидации последствий кризиса в 1997–1998 гг. необходимо упомянуть о таких важных для Азиатско-Тихоокеанского региона программах Европейского Союза, как оказание помощи в области охраны окружающей среды, борьба с наркотиками и нарко-трафиком, защита интеллектуальной собственности, стандартизация промышленной продукции в странах ЮВА. Евросоюз разработал специальную программу институционального развития для секретариата АСЕАН, целью которой стало совершенствование профессиональной компетентности постоянного штата секретариата Ассоциации, развитие его информационно-технологических возможностей и особенно связей с институтами ЕС². Как азиатские, так и европейские страны стали придавать большое значение диалогу в рамках ежегодных встреч между министрами иностранных дел участников АСЕАН и председателем Европейского Союза и Европейской Комиссии, совещаниям министров стран Ассоциации

¹ Snyder F. The European Union and China, 1949–2008: Basic Documents and Commentary. Oxford, 2009. P. 330, 345.

² ASEAN Dialogue Meetings. July 1997 – June 1998. P. 21.

и Европейского Союза, встречаю представителей отдельных секторов экономики, бизнес и академических сообществ.

При этом различными оставались интеграционные подходы Евросоюза и стран АТР. В отличие от государств Европейского Союза, которые придерживаются формальных отношений, выстраивают официальные институты и строго следуют подписанным соглашениям, страны Азиатско-Тихоокеанского региона в силу исторических, культурных и политических причин, как правило, идут неформальным, неспешно-постепенным путем решения региональных вопросов. Лидеры государств Юго-Восточной Азии склонны придерживаться добровольных соглашений необязательного характера и считают, что должны тщательно и постепенно взращивать свое единство, не форсируя темпы развития и институционализации¹. Так, по мнению бывшего Генерального секретаря АСЕАН Р. Северино, Ассоциация, с одной стороны, будет развиваться в том же общем направлении, что и ЕС, способствуя миру, экономической интеграции, социальному развитию и всеобщему процветанию, но иными способами и с другой скоростью и не станет организацией, подобной Европейскому Союзу. АСЕАН, в отличие от ЕС, утверждал Р. Северино, является добровольным объединением суверенных государств, которые не передают свой суверенитет центральной власти².

АСЕМ в XXI веке: проблемы безопасности и расширения

По мере преодоления последствий азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. большое внимание АСЕМ стала уделять политическому сотрудничеству, решению политических проблем Восточной Азии и вопросов безопасности. Активность Европейского Союза была ответом на рост экономического и дипломатического влияния стран Восточной Азии, а также усиление позиций АТР в вопросах безопасности.

¹ Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Brussels. 23 March 2001; Vinod K., Min G. The Evolution of APEC and ASEM: Implications of the New East Asian Bilateralism, University of California. Berkeley. APEC Study Center, 2005. P. 1. [Electronic resource]. URL: <http://baso.berkeley.edu/pdf/articles/Evolution%20of%20APEC%20and%20ASEM.pdf> (date of access: 15.03.2016).

² См.: Will ASEAN Be Like the EU?

Практически во всех странах ЮВА, кроме Сингапура и Брунея, сохранялись проблемы, связанные с межэтническими конфликтами, экстремизмом, терроризмом, исламским фундаментализмом. Для Юго-Восточной и Восточной Азии угрозой представляли пиратство, торговля наркотиками и людьми. Немаловажным фактором напряженности в Восточной Азии оставалась борьба за политическое лидерство, которая шла на фоне быстрого экономического и военного роста Китая и обострения отношений между КНР и США. После окончания холодной войны вопросы безопасности в АТР во многом сводились к поддержанию стабильности для создания благоприятного инвестиционного климата и осуществления необходимых экономических реформ, обеспечивающих государствам рост и устойчивое развитие. Страны АТР активно включались в процессы передела сфер экономического влияния и, как следствие, в перегруппировку политических сил, вырабатывая наиболее эффективные региональные формы и методы обеспечения своей безопасности, формируя принципы построения нового регионального международного порядка.

В структуре взаимоотношений Европейского Союза и стран АТР на протяжении многих лет вопросы обеспечения безопасности в регионе также занимали особое место, что должно было стать залогом благоприятного сотрудничества и развития эффективных связей в целом. В большой степени усилия ЕС в Азии были связаны с нейтрализацией угроз «мягкой» безопасности: экологическими проблемами, гуманитарным развитием, вопросами миграции, а также обеспечением устойчивой стабильности для осуществления экономического взаимодействия. Евросоюз был обеспокоен и длительными территориальными конфликтами, носящими дестабилизирующий характер, в частности, проблемой Восточного Тимора. Настораживала ситуация в Камбодже, на Папуа-Новой Гвинее и особенно – территориальные споры в районе Южно-Китайского моря. Общая тревога ЕС была связана не только с ситуацией в Юго-Восточной Азии, но в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Сотрудничество Евросоюза со странами Азии зачастую зависело от их способности разрешать региональные конфликты и обеспечивать безопасность в регионе.

Еще в 1993 г. для укрепления мира, стабильности и процветания страны АСЕАН образовали Региональный форум (АРФ), в работе которого приняли участие и партнеры Ассоциации, включая Евро-

пейский Союз. В ходе работы форума проявился очень важный и характерный для государств ЮВА аспект их деятельности – способность «привлечь все крупные, средние и меньшие державы за пределами Юго-Восточной Азии к платформе АСЕАН для развития регионального сотрудничества и укрепления доверия в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹. Региональный форум не обладал реальными военно-политическими структурами. Страны-участники избрали опору на меры превентивной дипломатии. В 1990-е гг. будущая система безопасности в АТР представлялась в виде комплекса коллективных мер по укреплению доверия, обеспечению большей открытости военной деятельности, созданию механизмов превентивной дипломатии и миротворчества на уровне локальных и общерегиональных договоренностей.

Проблемы безопасности обсуждались на Лондонской встрече АСЕМ 1998 г. Лидеры с одобрением отметили расширение европео-азиатского диалога по вопросам общей безопасности. Высокую оценку получила деятельность Регионального форума АСЕАН. На встрече были обсуждены международные и региональные проблемы, связанные с ситуацией в Камбодже, на Корейском полуострове, в Боснии и Косово, а также процесс расширения ЕС. Лидеры высказались против всех форм расизма и ксенофобии и договорились активизировать свои усилия по содействию миру, стабильности и процветанию на основе сотрудничества между Азией и Европой².

На третьем саммите АСЕМ в Сеуле (октябрь 2000 г.) ключевым был вопрос, касающийся Республики Корея и КНДР. Проблемы, связанные с ситуацией на Корейском полуострове, и инициативы со стороны Республики Корея обсуждались в контексте анализа региональных проблем и вопросов безопасности на Европейском и Азиатском континентах. По итогам саммита была подписана Сеульская Декларация о мире на Корейском полуострове³. В ходе встречи стороны озаботились низкой эффективностью деятельности созданных совместными усилиями структур. Стало ясно, что, кроме действий трастового Фонда, не было предпринято

¹ Hassan M. J. Trust-Building in Southeast Asia: What Made it Possible? P. 53. [Electronic resource]. URL: http://www.isis.org.my/attachments/1575_MJH_Global_Asia_V8N3_Fall_2013.pdf (date of access: 07.08.2017).

² Reinforcing the Partnership between Europe and Asia. 2nd ASEM Summit (ASEM2). P. 3–4; A Future Vision of Asia and Europe // Business Korea. Seoul. 2000. Vol. 17. № 10. P. 19–20.

³ Seoul Declaration for Peace on the Korean Peninsula. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/Seoul_Declaration_for_Peace_on_the_Korean_Peninsula.pdf (date of access: 05.03.2016).

каких-либо конкретных акций, способствующих укреплению стабильности финансовых систем не только Азии, но и Европы¹. На саммите впервые был оговорен порядок расширения АСЕМ. Было решено принимать новых членов по принципу «двойного ключа», подразумевающего необходимость получения одобрения обеих региональных групп, начиная с той, в которую стремится кандидат². Эти договоренности позволяли считать АСЕМ институционально оформленной организацией с 2000 г.

Существенные коррективы в расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом внесли теракты 11 сентября 2001 г. в США. На встрече АСЕМ в Копенгагене в 2002 г. особое внимание было уделено борьбе с терроризмом. Участники встречи одобрили Декларацию о сотрудничестве против международного терроризма³ и приняли решение провести в 2003 г. тематический семинар в Китае, направленный на укрепление ведущей роли ООН в борьбе с международным терроризмом и активизацию сотрудничества в рамках АСЕМ в этом направлении⁴.

Наряду с процессом углубления деятельности АСЕМ организация продолжала расширяться и пополнять свои ряды новыми членами. На встрече 2004 г. в Ханое 7–9 октября 2004 г. (АСЕМ5) состоялось первое расширение АСЕМ. Заседание стало исторической вехой в отношениях Азии и Европы. АСЕМ5 приветствовал десять новых государств-членов ЕС (Кипр, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения), а также три новых страны АСЕАН (Камбоджа, Лаос и Мьянма). Особо оговаривались условия участия в саммите Мьянмы – оно должно было быть ниже уровня главы государства/правительства⁵.

¹ Asia and Europe meet in Seoul // Business Korea. Seoul. 2000. Vol. 17. № 10. P. 16–17; A Future Vision of Asia and Europe.

² Asia-Europe Cooperation Framework (AECF) 2000. 23 October, 2000. Seoul, Korea. P.7–8. [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/2000%20-%20Asia-Europe%20Cooperation%20Framework%20AECF2000.pdf> (date of access: 15.03.2016).

³ Declaration on Cooperation against International Terrorism. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/Declaration_on_Cooperation_against_International_Terrorism.pdf (date of access: 05.03.2016).

⁴ Asia-Europe Meeting (ASEM4) was held in Copenhagen on 23–24 September 2002. Chairman's Statement. P. 9. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/2002_-_ASEM4_-_Chairmans_Statement_1.pdf (date of access: 05.03.2016).

⁵ 5th ASEM Summit (ASEM5). [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/5th-asem-summit-asem5> (date of access: 05.03.2016).

При этом АСЕМ сохранял статус клуба для членов ЕС, АСЕАН и крупных экономик Восточной Азии.

Такое отношение к Мьянме было не случайным. Наряду с решением гуманитарных, экологических и миграционных проблем в эти годы значительные усилия ЕС в Азиатско-Тихоокеанском регионе были связаны с развитием гражданских институтов. В политическом отношении наибольшие опасения ЕС вызывала Мьянма. Страны АСЕАН резко отрицательно воспринимали критику администрации У. Клинтона в адрес политики «конструктивного вовлечения» военного правительства Мьянмы, поскольку подобное поведение противоречило принципам АСЕАН. Мьянма всегда играла важную роль в ЮВА. От урегулирования ситуации вокруг нее зависела успешность сотрудничества региона с другими региональными объединениями и странами, в том числе с ЕС. Постепенное возвращение Мьянмы на политическую арену увеличивало ее значение в регионе.

Европейский Союз содействовал урегулированию конфликтов на огромной территории Юго-Восточной Азии. Как и в других регионах, такое содействие носило преимущественно вспомогательный характер. Это в полной мере можно отнести к урегулированию многолетнего конфликта между правительством Индонезии и сепаратистским движением «Свободный Ачех», в ходе которого погибли около 15 тыс. человек (большинство из них – мирные жители). В августе 2005 г. в Хельсинки было подписано мирное соглашение (Меморандум о взаимопонимании) между властями страны и сепаратистами. Согласно Меморандуму, повстанцы полностью отказывались от требования независимости провинции Ачех (Северная Суматра) и прекращали вооруженную борьбу. Взамен Ачеху предоставлялся статус «особой автономии». Центральное правительство пообещало вывести войска из региона, освободить всех повстанцев, находящихся в индонезийских тюрьмах, и предоставило местным властям больший контроль над природными ресурсами (природный газ, лес и кофе). Предусматривались амнистия около двух тысяч ранее осужденных сепаратистов, разоружение, реинтеграция боевиков в общество и проведение выборов.

Реализацию соглашения должны были отслеживать международные наблюдатели. Наблюдательная миссия действовала с сентября 2005 по декабрь 2006 гг. На первом этапе развертывание миссии было осуществлено готовыми принять в ней участие

странами-членами ЕС и АСЕАН – 125 европейскими и 93 специалистами стран Ассоциации. Под их контролем началось разоружение ачехских сепаратистов. На втором этапе наблюдатели формально стали основой операции ЕПБО (Европейской политики безопасности и обороны). Первоначально острые разногласия вызвал вопрос о том, есть ли необходимость осуществлять миссию ЕС в столь отдаленном регионе или следует найти иной формат разрешения конфликта. Вскоре, благодаря решению Высокого представителя Евросоюза по внешней политике и безопасности Х. Соланы, этот вопрос был решен в пользу учреждения миссии.

10–11 сентября 2006 г. в Хельсинки прошла юбилейная встреча АСЕМ6, на которой были подведены итоги деятельности организации за 10 лет. Говорилось о положительном влиянии АСЕМ на двусторонние и многосторонние отношения между странами Европы и Азии. Особенно подчеркивалась роль АСЕМ в качестве площадки для выработки общих стратегий противодействия глобальным вызовам и угрозам¹. Прошедшая в столице Финляндии встреча стала самой крупной в истории организации. На ней были подписаны такие документы, как Хельсинская Декларация об Изменении Климата и Хельсинская Декларация будущего АСЕМ².

В 2007 г. Европейская Комиссия приняла Региональную стратегию для Азии на 2007–2013 гг. и Многолетнюю программу для Азии (МИП) на 2011–2013 гг. Эти два документа стали определяющими в реализации внешней политики Европейского Союза на азиатском направлении. В этом же году были разработаны и приняты индивидуальные стратегии для 18 азиатских стран: Афганистана, Бангладеш, Бутана, Бирмы, Камбоджи, Китая, Индии, Индонезии, Лаоса, Малайзии, Мальдивской Республики, Монголии, Непала, Пакистана, Филиппин, Шри-Ланки, Таиланда, Вьетнама. В целом на сотрудничество, в том числе и на военно-политический диалог со странами Азии, с 2007 по 2013 гг. в рамках Инструмента сотру-

¹ Chairman's Statement of the Sixth Asia-Europe Meeting. Helsinki, 10–11 September 2006. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_ChairmanStatement.pdf (date of access: 05.03. 2016).

² ASEM6 Declaration on Climate Change. Helsinki, 10–11 September 2006. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_ClimateChange.pdf; Helsinki Declaration on the Future of ASEM. Helsinki, 10–11 September 2006. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_FutureAsem.pdf (date of access: 05.03.2016).

ничества в области развития (Development Cooperation Instrument) Европейским Союзом было выделено 5,2 миллиарда евро¹.

На саммите АСЕМ7 в Пекине 24–25 октября 2008 г. основной темой дискуссии лидеров стал мировой экономический кризис, начавшийся с ипотечного кризиса в США в 2007 г.² Кроме того, в организацию были приняты новые члены из Южной Азии – Индия и Пакистан, а также Монголия и новые члены ЕС – Румыния и Болгария. Таким образом, в Пекине встретились делегаты 45 членов организации, представляющей уже более половины населения земного шара. Секретариат АСЕАН также получил статус равноправного члена АСЕМ.

Расширение АСЕМ продолжилось и на АСЕМ8 в Брюсселе 4–5 октября 2010 г. Россия, Австралия и Новая Зеландия присоединились к Азиатской группе АСЕМ. Параллельно встрече лидеров прошли бизнес-форум, Международный Форум Европа – Азия, межпарламентская встреча, конференция по проблемам гражданских обществ Азии и Европы³. В схожем режиме прошла встреча АСЕМ9 5–6 ноября 2012 г. в Лаосе, когда в организацию были приняты Бангладеш, Швейцария и Норвегия⁴. На встрече в Милане 16–17 октября 2014 г. к АСЕМ присоединились Хорватия и Казахстан, доведя общее число членов организации до 53. «На полях» саммита прошла встреча стороннего участника саммита президента Украины П. Порошенко с В. Путиным, А. Меркель и Ф. Олландом. В рамках отдельных заседаний обсуждались вопросы украинского урегулирования, в том числе газовый вопрос⁵. Кроме того, формат деятельности АСЕМ способствовал эффективному продвижению проектов ШОС и БРИКС и развитию российско-китайских отношений.

¹ MTR Document. Regional Strategy for Asia 2007–2013. Multi-Annual Programme for Asia (MIP) 2011–2013. Adopted by Commission decision C(2010) 7863 of 17 Nov. 2010. [Electronic resource]. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/asia/docs/rsp/07_13_mtr_anex_en.pdf (date of access: 05.03.2016).

² Statement of the Seventh Asia-Europe Meeting on the International Financial Situation. Beijing, 24 October 2008. [Electronic resource]. URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/ASEM7_Statement-International-Financial-Situation.pdf (date of access: 07.08.2017).

³ 8th ASEM Summit (ASEM8). [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/8th-asem-summit-asem8> (date of access: 05.03.2016); 4th Connecting Civil Societies of Asia and Europe [Electronic resource]. URL: <http://www.asef.org/projects/themes/economy/2272-4th-connecting-civil-societies-of-asia-and-europe> (date of access: 05.03.2016).

⁴ 9th ASEM Summit (ASEM9) [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/9th-asem-summit-asem9> (date of access: 05.03.2016).

⁵ 10th ASEM Summit (ASEM10) [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/10th-asem-summit-asem10> (date of access: 05.03.2016).

В ходе юбилейного саммита АСЕМ, прошедшего 15–16 июля 2016 г. в Улан-Баторе и приуроченного к двадцатилетию этого объединения, состоялась встреча главы российского правительства с премьером Госсовета КНР. Дм. Медведев и Ли Кэцян обсудили совместные российско-китайские экономические проекты¹.

Заключение

В связи со стремительным ростом экономического и дипломатического влияния государств Азиатско-Тихоокеанского региона в международных делах Европейский Союз демонстрировал высокую степень активности, нацеленную на сотрудничество с азиатскими партнерами. Развитие Евросоюза и его институтов способствовало эволюции процесса принятия решений в рамках Общей внешней политики ЕС, значительные ресурсы которой были направлены на выработку и совершенствование «Азиатской стратегии». Политика Брюсселя во многом объяснялась моральной ответственностью стран ЕС перед бывшими колониями и стремлением уделить им особое внимание в рамках АСЕМ. Традиционно Европейский Союз отдавал предпочтение механизмам «мягкой силы»: экономическому, политическому и культурному сотрудничеству. Евросоюз не стремился стать «мировым полицейским» в регионе или продемонстрировать собственную моральную исключительность. Его главной целью в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии стало достижение устойчивой политической стабильности, гарантий демократического развития и соблюдения прав человека, создание благоприятных условий для реализации экономического взаимодействия. Эта линия поведения отчетливо прослеживалась в позиции лидеров ЕС в ходе саммитов АСЕМ, в частности, на протяжении последнего десятилетия, когда при формировании повестки дня предусматривалось развитие политических принципов.

Как показывает практика функционирования АСЕМ и характер принимаемых в ней решений, эта организация, ставя перед собой масштабные и конструктивные цели, не стала самостоятельным актором современной системы международных отношений. В этом плане она напоминает АТЭС, хотя сфера интересов АСЕМ распро-

¹ 11th ASEM Summit (ASEM11) [Electronic resource]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/11th-asem-summit-asem11> (date of access: 19.11.2016).

страняется шире экономического обмена на основе либерализации торговых и инвестиционных барьеров. «Клубная основа» обеих организаций также во многом придает им черты схожести. Тем не менее создание АСЕМ разрушало существующую с конца 1980-х гг. прошлого столетия монополию АТЭС на развитие трансрегиональной интеграции в Восточной Азии, ограничивая политическое и экономическое влияние США в данном регионе. АСЕМ стала эффективной и признанной переговорной площадкой, на которой различные стороны могут обмениваться своими мнениями по волнующим их вопросам, не всегда вырабатывая единую позицию.

Значение такой трансрегиональной организации возросло в условиях формирования Транстихоокеанского партнерства, главным инициатором которого являлись США, и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Она стала альтернативой вновь создающихся форматов, так как страны Восточной Азии все отчетливее проявляли свою самостоятельность и нежелание зависеть от США в политическом и экономическом плане. ЕС, в свою очередь, не давая повода за всю историю существования организации рассматривать АСЕМ как антиамериканский фактор, все-таки стремится использовать этот независимый от США канал взаимодействия между Европой и Азией.

Многосторонние дискуссии в формате встреч АСЕМ нередко создают благоприятные условия для ведения переговоров сторон, наиболее заинтересованных в решении конкретных вопросов в рамках специализированных форумов под эгидой организации. АСЕМ способствует масштабному экономическому сотрудничеству, связывая единый рынок ЕС и АСЕАН (АФТА). Несмотря на существующие исторически сложившиеся разногласия и конфликты в регионе (Индия и Пакистан, Индия и Китай), участие большого количества сторон в деятельности АСЕМ на равных условиях приводит к достижению консенсуса на Евразийском пространстве. Сотрудничество с ЕС в рамках АСЕМ рассматривается странами АТР, и особенно ЮВА, не только как противовес американскому и японскому влиянию, но и позволяет им контролировать отношения между ЕС и Китаем. Как показала практика, политический процесс в рамках АСЕМ имеет большое значение для стран-участниц, в том числе и для России, в связи с ее «разворотом» на Восток после кризиса отношений с США и ЕС.

Глава 2. ЕС и Китай: встречное движение консолидированных обществ или взаимный принцип «разделяй и властвуй»?*

Введение

Европейский Союз и Китайская Народная Республика – совершенно разные в цивилизационном плане и географически далекие друг от друга акторы международных отношений. Но, в силу их значимости и влияния в глобальном и региональном измерениях, взаимоотношения Брюсселя и Пекина становятся все более важным фактором в раскладе сил на мировой арене. Сегодня мы все чаще слышим об углублении партнерства между ними. Идет интенсивный обмен визитами, встречи на полях многосторонних объединений. Страны ЕС позиционируются Китаем как активные участники проекта «Один пояс, один путь». В то же время отношения этих двух акторов регулярно переживают кризисы и сталкиваются с серьезными проблемами. Несмотря на наличие ряда публикаций по различным аспектам взаимодействия отдельных стран ЕС с Китаем¹, истории и общим тенденциям двусторонних связей², отношения в паре ЕС – КНР на современном этапе пока представляются недостаточно подробно изученными в российских международных исследованиях. В данной главе анализируется политика, проводимая обоими акторами в отношении друг друга, выявляются их основные стратегии и задачи в двустороннем взаимодействии.

* Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR. This study was supported by the European Union ERASMUS+ Programme, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

¹ Пале С. Е. Взаимоотношения Франции с ключевыми игроками в ЮТР в первые десятилетия XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 21. С. 201–214; Цвык А. В. Формирование и развитие отношений между КНР и ФРГ во второй половине XX – начале XXI века. М., 2017; Аникеева Н. Е. Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахой // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6 (27). С. 112–116; Криворотов А. К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. М., 2013. С. 158–190.

² Виноградов А. О. Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая // Китай в мировой и региональной политике. М., 2013. С. 132–142; Лузянин С. Г. Внешнеполитическая модель КНР 2013 года. К вопросу об отношениях Китая с ЕС, АСЕАН и Индией // Китай в мировой и региональной политике. М., 2013. С. 16–27; Носов М. Г. ЕС – Китай // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М., 2015. С. 269–287.

Институциональный аспект

Взаимодействие ЕС и КНР осуществляется на нескольких уровнях. Верхним, задающим тональность отношений и обеспечивающим условия для обсуждения первыми лицами самых разных проблем, можно считать взаимоотношения руководства Китая и общеевропейских союзных структур: Европейского Совета и Еврокомиссии. Каждый год проходят раунды так называемого «стратегического диалога» Китай – ЕС¹ и министерские встречи двусторонней комиссии по торговле². Наиболее крупное мероприятие этого уровня – саммиты «Китай – ЕС». О разнообразии их повестки дня можно судить, например, по встрече 2017 г. в Брюсселе, где обсуждался широкий круг вопросов: вызовы международной безопасности, ситуация на Корейском полуострове, экономическое сотрудничество, изменение климата и борьба с его негативными последствиями³. Как заявил по итогам встречи с китайским премьером Ли Кэцзяном председатель Европейского Совета Д. Туск, «переговоры были плодотворными и конструктивными... Наши интересы во многом совпадают». Круг «совпадающих интересов», по словам политика, достаточно широк: от «партнерства в сфере безопасности в Африке» до «уважения территориальной целостности и суверенитета Украины»⁴. В то же время две стороны не смогли достичь консенсуса по такому важному вопросу, как поддержка Парижского соглашения по климату⁵.

Планы расширения сотрудничества Евросоюза с Китаем отражены в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. Согласно этому документу, Брюссель планирует расширить торговлю с Пекином и увеличить объем инвестиций, правда, при этом, что важно, намеревается

¹ China, EU Hold Strategic Dialogue [Electronic resource] // Xinhua. 2017. April 20. URL: http://www.china.org.cn/world/2017-04/20/content_40655263.htm (date of access: 20.05.2017).

² Countries and Regions: China [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (date of access: 03.04.2017).

³ EU-China Summit, 01-02/06/2017 [Electronic resource] // The European Council. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2017/06/01-02/> (date of access: 27.07.2017).

⁴ Remarks by President Donald Tusk After the EU – China Summit in Brussels [Electronic resource] // The European Council. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/06/02-tusk-remarks-eu-china-summit/> (date of access: 27.07.2017).

⁵ EU, China Summit Ends With No Climate Statement [Electronic resource] // The Wall Street Journal. 2017. 2 June. URL: <https://www.wsj.com/articles/eu-china-summit-ends-with-no-agreement-on-trade-1496418386> (date of access: 27.07.2017).

«придерживаться согласованного подхода к стремлению Китая установить связи с Западом» и добиваться создания равных конкурентных условий, защиты прав интеллектуальной собственности, проведения диалога по вопросам экономических реформ, прав человека и борьбы с изменением климата¹.

В дополнение к двустороннему формату, КНР проявляет активность во взаимодействии с отдельными субрегионами Европы. Как известно, регионализм в ЕС хорошо развит в самых разных формах². Он, с одной стороны, выступает как плацдарм для сотрудничества на одном из уровней, а с другой – создает потенциальную возможность в своих интересах «вбить клин» между членами ЕС по принципу «разделяй и властвуй». Так, например, действует формат «16+1» – в некотором смысле сепаратная структура, в рамках которой Пекин выстраивает взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), обещая им всяческие преференции и финансирование, а взамен призывая как можно более активно участвовать в проекте «Один пояс, один путь», сотрудничать, увеличивать закупки китайских товаров, брать кредиты. Товарооборот между Китаем и этой группой государств составляет около 60 млрд долл. и постоянно растет, примерно на 6 % в год³, что может в том числе, указывать на смещение приоритетов в их внешней политике в сторону КНР.

Для лидеров восточноевропейских стран сотрудничество с Китаем создает в некотором смысле иллюзию баланса в отношениях с другими акторами: руководством ЕС, странами «старой Европы», США, Россией. Почему иллюзию? Китай, исходя из базовых основ своей внешней политики, а) не придет им на помощь в критической ситуации (юридически они не союзники, а всего

¹ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия ЕС во внешней политике и безопасности. С. 28. [Электронный ресурс] // European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (дата обращения: 18.02.2018).

² См., напр.: Матвеева Е. А. Типология международного регионализма в исторической перспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76). С. 166; Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2014. С. 42; Богатырева О. Н., Перевалова А. А. Деятельность еврорегионов с участием Италии в начале XX века // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 75. № 2. С. 188–198.

³ China's Investment in Influence: the Future of 16+1 Cooperation [Electronic resource] // European Council on Foreign Relations. 2016. 14 December. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/chinas_investment_in_influence_the_future_of_161_cooperation7204 (date of access: 05.07.2017).

лишь партнеры), б) не решит их внутренние проблемы и в) не усилит их вес в ЕС. Он может дать связанный кредит (ставящий обязательным условием участие в проекте китайских подрядчиков и закупку китайского оборудования) или предоставить свою рабочую силу для строительства какого-либо объекта. Проблемы же социально-экономического, технологического развития, энергобезопасности, построения гражданского общества и прочие вопросы он, как показывает практика взаимодействия с государствами Центральной Азии, Латинской Америки и других регионов мира, решать не будет. Исходя из приоритета собственных интересов, китайская сторона планирует перенести в Сербию, Албанию, Болгарию и Румынию некоторые производства, создав филиалы своих фабрик¹. Руководство КНР задумалось об экологии в своей стране на фоне постоянно стимулируемого в погоне за прибылью экономического роста, когда ситуация стала критической, и маловероятно, что при переносе своих производственных мощностей вовне Китай будет следовать нормам защиты окружающей среды и социальных прав.

Уровнем ниже субрегионального находятся двусторонние отношения отдельных европейских государств с КНР – традиционно предпочитаемая Китаем форма международных связей. Регулярно проводятся взаимные визиты китайских и европейских руководителей разных уровней. Стандартной формулировкой для характеристики двусторонних отношений является термин «стратегическое партнерство». В рамках такого партнерства китайская сторона решает конкретные задачи. Так, например, комментируя стратегическое партнерство с Францией, министр иностранных дел КНР в 2007–2013 гг. Ян Цзечи отметил, что для Пекина важны роль этой страны в развитии отношений Китая с Европой в целом, общее понимание необходимости расширять представительство развивающихся стран в международных организациях, совместное содействие реформе международной валютной системы и положительное отношение Парижа к возможности снятия эмбарго на поставки оружия в КНР².

¹ Абрамова Н. А. Геостратегические инструменты внешней регионализации КНР на осн: Китай – Центральная Азия – Европа // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2015. № 16–1. С. 8.

² Укрепление взаимного доверия, расширение сотрудничества – глава МИД КНР об итогах визита Ху Цзиньтао во Францию и Португалию [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 2010. 9 ноября. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7192375.html> (дата обращения: 10.11.2010).

В многостороннем формате ЕС и Китай взаимодействуют в рамках межправительственных объединений (например, ВТО или Азиатского банка инфраструктурных инвестиций) и неправительственных форумов, таких как “Asia – Europe Meeting” (АСЕМ). Использование последней в качестве платформы взаимодействия между ЕС и Китаем отражено также в Глобальной стратегии ЕС¹. Наконец, осуществляются связи на уровне городов-побратимов².

В целом наличие большого количества разных форматов взаимодействия с КНР говорит о том, что ЕС придает большое значение отношениям с китайской стороной, считая их фактором усиления своих позиций в диалоге с другими центрами силы, прежде всего с США.

Ценности и интересы – главные противоречия в отношениях

Что объединяет и что разъединяет ЕС и Китай? Разъединяющих элементов больше, поэтому сначала определим их круг. В первую очередь стоит отметить цивилизационные различия и расхождения в восприятии ценностей. Как заявил премьер-министр Италии М. Ренци на сессии Европарламента в 2014 г., «Европа является сверхдержавой не только в экономическом смысле, но и супердержавой ценностей»³. В контексте общеевропейской идентичности сформировано представление о собственной «цивилизаторской» миссии, а фундаментальные ценности (мир, свобода, демократия, права человека, верховенство права, равенство, солидарность, устойчивое развитие и эффективное управление) закреплены в основополагающих документах ЕС⁴. Брюссель развивает отношения с остальным миром, видя себя в качестве «образцовой державы», демонстрируя свою сущность как идеальную и создавая мировые стандарты⁵. Правда, на практике эти стандарты зача-

¹ Общее видение, единый подход: сильная Европа. С. 28.

² Beijing's Sister Cities [Electronic resource] // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/beijing/2012-12/08/content_15998570.htm (date of access: 30.03.2017).

³ Цит. по: Михайленко В. И., Табаринцева-Романова К. М. Итоги председательства Италии в ЕС: второй семестр 2014 г. // Современная Европа. 2015. № 5 (65). С. 15.

⁴ Игумнова Л. О. Имперская идентичность Европейского союза и России // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 48.

⁵ Игумнова Л. О. Метод моделирования и имитации во внешней политике ЕС // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–2 (63). С. 186.

стью бывают двойными: европейские государства в полной мере демонстрировали это западным странам, начиная с колониального периода.

В отношениях с Китаем европейская сторона тоже пытается играть в «цивилизаторскую» игру. Представители самых разных европейских стран, от Франции до Чехии, выступают в защиту прав человека в КНР. Особую озабоченность этой проблемой демонстрирует Германия, постоянно критикуя китайские власти. В 1999 г. Берлину удалось добиться создания формата постоянного диалога Китай – ЕС по правам человека¹. Но китайская сторона ведет обмен мнениями по столь болезненному вопросу исключительно поверхностно и с большими ограничениями. На европейские выпады Пекин реагирует жестко, смешивая проблему прав человека с различными сферами межгосударственного взаимодействия, требуя официальных извинений, не желая что-либо менять в своей внутренней политике и не признавая ценности прав человека в том понимании, в котором эта ценность закрепились в Европе. Как следствие, имеется огромное расхождение в обеспечении прав и свобод в КНР и европейских обществах.

Еще одно ключевое ценностное различие основано на том, что Китай обладает огромным опытом долгосрочного стратегического планирования, использования стратагем, хитрости и самого настоящего обмана в политике, бизнесе, военном деле, ведении переговоров. Эта практика идет из древности и закреплена в философских канонах, она не только не порицается, но поощряется и развивается, что также отличает китайское видение мира и внешнюю политику Пекина от европейской внешнеполитической стратегии.

Важнейший узел противоречий, разделяющий ЕС и Китай, – их стратегические интересы на международной арене. В условиях растущей конкуренции в мире две державы конкурируют не только в экономическом плане на мировых рынках, но и в политическом – за влияние в различных регионах и государствах, богатых природными ресурсами. Даже во взаимоотношениях с бывшими европейскими колониями ЕС и Китай «стоят» друг друга. Действия последнего и его политическая линия в беднейших странах мира практически подпадают под понятие неокOLONИализма.

¹ Цвык А. В. Проблема прав человека и германо-китайские отношения // Современная Европа. 2017. № 1 (73). С. 65.

В силу экстенсивности развития своей экономики и постоянной конкуренции с другими игроками на мировой арене, КНР заинтересована не в социальном и технологическом развитии своих партнеров, а в природных ресурсах, плацдармах для военных баз и реализации (с помощью связанных кредитов и инфраструктурных проектов) различных финансовых схем.

Применяемые Брюсселем и Пекином, а также отдельными странами ЕС средства в борьбе за влияние могут быть разными – бизнес-преференции, инвестиции, кредиты, распространение языка, стимулирование образовательной миграции. ЕС во взаимодействии с остальным миром, как отмечают западные эксперты, взял курс на выстраивание сетевого взаимодействия – «внешних связей» (что отчасти выглядит даже важнее «внешней политики») как «широкой сети» различных типов сотрудничества практически со всеми странами и регионами с целью укрепления своего влияния¹. Но во всех регионах мира такая линия теперь неизбежно сталкивается с аналогичной активностью Китая. Наиболее активная конкуренция между двумя акторами идет в Океании² и Африке³. Так, например, Франция в Африке уже вынуждена искать пути сотрудничества с Китаем. Страны разрабатывают совместные инвестиционные проекты⁴. Португалия участвует в регулярных форумах торгово-экономического сотрудничества КНР с португалоязычными странами⁵. Кроме того, Китай ведет достаточно активную политику на Ближнем Востоке, где его интересы также сталкиваются с европейскими⁶.

Иногда конкуренция крупных держав, как и конкуренция в бизнесе, может становиться недобросовестной. Будучи соперниками на международной арене, ЕС и Китай не упускают случая ослабить эко-

¹ Истомин И. А. Евросоюз в мировой политике // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 18. С. 128.

² Пале С. Е. Китай и Франция в Южнотихоокеанском регионе: борьба за Таити // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 22. С. 17–26.

³ France Struggles to Retain Colonial Ties in Africa [Electronic resource] // Stratfor. 2013. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/france-struggles-retain-colonial-ties-africa> (date of access: 17.04.2017).

⁴ 法国欲联手中国打非洲牌 [Electronic resource] // Caixin.com. URL: <http://international.caixin.com/2014-11-28/100756585.html> (date of access: 17.04.2017).

⁵ В Аомэне открылся Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и португалоязычных стран [Электронный ресурс] // CCTV. 2016. 11 октября. URL: <http://russian.cctv.com/2016/10/11/VIDEXgoqwt7BkajAJbUc7ckU161011.shtml> (дата обращения: 19.03.2017).

⁶ См.: Пахомова М. А. Политика КНР в отношении государств Арабского Востока (1978–2012). М., 2016.

номические или политические позиции друг друга, главным образом с помощью попыток вмешаться во внутренние дела партнера-соперника. Так, например, европейская сторона регулярно критикует Пекин за его политику в отношении Тибетского (ТАР) и Синьцзян-Уйгурского (СУАР) автономных районов. В странах ЕС проходят демонстрации в защиту прав человека в КНР¹, снимаются документальные фильмы и проводятся журналистские расследования². Кроме того, в Европе проживают и ведут активную деятельность многие уйгурские активисты, в том числе представители запрещенной в КНР организации «Всемирный уйгурский конгресс»³. В ТАР европейские государства также пытаются реализовывать инвестиционные проекты⁴. ЕС развивает торговые связи и с непризнанной Китайской Республикой на Тайване. Она является седьмым по объему товарооборота торговым партнером ЕС в Азии, а ЕС занимает в списке торговых партнеров Тайваня четвертую строчку после материкового Китая, США и Японии⁵. Европейские политические деятели посещают Тайвань с визитами и высказывают в его адрес слова поддержки⁶. Наконец, Европа заняла крайне критичную позицию в отношении претензий Китая в территориальном споре вокруг Южно-Китайского моря⁷.

¹ Tibet Protesters Disrupt Olympic Flame Ceremony [Electronic resource] // The Guardian. 2008. 24 March. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/24/tibetolympicgames2008> (date of access: 17.04.2017); Prague: Confrontations and Protests by Pro-Tibet Groups During Xi Jinping's Visit [Electronic resource] // AsiaNews.it. 2016. 29 March. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Prague:-confrontations-and-protests-by-pro-Tibet-groups-during-Xi-Jinping%E2%80%99s-visit-37064.html> (date of access: 17.04.2017).

² Seven Days in Tibet [Electronic resource] // France 24. 2013. 21 May. URL: <http://www.france24.com/en/20130520-china-tibet-demonstrations-buddhism-beijing-dalai-lama-human-rights> (date of access: 17.04.2017).

³ Hutt D. Chinese Muslim Dissidents Remain Protected In EU, But For How Long? [Electronic resource] // Forbes. 2017. 16 August. URL: <https://www.forbes.com/sites/davidhutt/2017/08/16/uyghur-chinese-muslim-dissidents-remain-protected-in-eu/#6146be2c58e6> (date of access: 19.08.2017).

⁴ Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. С. 307.

⁵ Countries and Regions: Taiwan [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/taiwan/> (date of access: 19.08.2017).

⁶ Кузнецов В. С. Тайвань добивается большего признания // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2005. С. 199.

⁷ Johnson K., De Luce D. Europeans Push Back Against Beijing in the South China Sea [Electronic resource] // Foreign Policy.com. 2016. 6 June. URL: http://foreignpolicy.com/2016/06/06/europeans-push-back-against-beijing-in-the-south-china-sea/?utm_content=buffer0b06d&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (date of access: 03.04.2017).

Китай действует схожим образом. Один из его приемов – так или иначе побуждать членов ЕС действовать по отдельности в обход европейских институтов. Например, в конце 2014 г. Пекин достиг сепаратной договоренности с Венгрией и стремящейся в ЕС Сербией о строительстве скоростной железнодорожной магистрали Белград – Будапешт, которая послужит звеном между Центральной Европой и дорогой к греческому порту Пирей, фактически купленному КНР. Эта договоренность вызвала большой резонанс и спровоцировала конфликт в отношениях Венгрии и руководства ЕС. Руководящие органы Евросоюза начали расследование¹. Другой пример связан с Великобританией. Еще до Брекзита КНР проводила переговоры с Соединенным Королевством сначала на межгосударственном уровне, а затем отдельно с Шотландией и Уэльсом. Агентством «Синьхуа» отмечалось расширение обменов, делового и гуманитарного сотрудничества между Китаем и Уэльсом, их «взаимодополняемость» в сфере автостроения, новых видов энергии, информационных и коммуникационных технологий². В Шотландии действует «Шотландско-Китайская Ассоциация»³. КНР изъявляет желание осуществлять в Шотландии крупные инвестиционные проекты, причем содержание двусторонних переговоров может не разглашаться до тех пор, пока не происходит утечка информации в СМИ⁴. К Брекзиту в Китае отнеслись в целом положительно⁵.

Еще одной методикой КНР является приглашение в Пекин представителей европейских политических партий для межпартийных консультаций. Главная особенность такого формата – полное отсутствие идеологической пропасти, которая, казалось бы, должна быть между Компартией Китая и имеющими самую

¹ EU Sets Collision Course With China Over ‘Silk Road’ Rail Project [Electronic resource] // The Financial Times. 2017. 20 February. URL: <https://www.ft.com/content/003bad14-f52f-11e6-95ee-f14e55513608> (date of access: 22.02.2017).

² Китай намерен содействовать сотрудничеству с Уэльсом [Электронный ресурс] // Синьхуа. 2015. 19 сентября. URL: http://russian.news.cn/2015-09/19/c_134640162.htm (дата обращения: 19.03.2017).

³ The Scotland-China Association: Official Website. [Electronic resource]. URL: <http://www.scotchina.org/> (date of access: 19.03.2017).

⁴ China ‘Will Still Invest in Scotland’ [Electronic resource] // BBC. 2016. 15 November. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-37993124> (date of access: 19.03.2017).

⁵ 李晓鹏: 英国脱欧中国才是最大赢家 [Electronic resource] // China Elections and Governance. URL: <http://www.chinaelections.org/article/910/242774.html> (date of access: 05.07.2017).

разную политическую направленность партиями ЕС¹. Одна из последних инициатив – встреча в Пекине председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей со спикерами парламентов стран Северной Европы и Балтики².

Среди причин противоречий ЕС и Китая стоит особо отметить проблему миграции. В Европе сформировалась мощная китайская диаспора. По данным China Europe Research and Advice Network на 2013 г., общее число мигрантов из Китая в ЕС составляло более 2,3 млн человек³. Евростат приводит информацию по отдельным странам, и можно проследить, что особенно большая концентрация иммигрантов из Китая – в Италии (271,3 тыс. человек)⁴. Инциденты между мигрантами из Китая и полицией сопровождаются жесткими комментариями китайского МИДа, предъявлением различных требований к европейским странам и агрессивными кампаниями в Интернете. Подобные случаи происходили в Италии⁵ и Франции⁶. Кроме того, у Китая свой взгляд на миграционный кризис в Европе: в китайском сегменте Интернета высказывается мнение, что страны ЕС обязаны принять всех прибывающих туда беженцев, несмотря на сложности⁷. Учитывая полный контроль государства над

¹ Габуев А. Китай приручает европейские партии // Коммерсантъ. 2010. 26 мая.

² Китай намерен укреплять межпарламентские связи со странами Балтики и Северной Европы – МИД // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2018. 5 янв.

³ Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. L., 2013. P. 26.

⁴ Main countries of citizenship and birth of the foreign-born population [Electronic resource] // Eurostat. 2016. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/a/a0/Main_countries_of_citizenship_and_birth_of_the_foreign_foreign-born_population%2C_1_January_2016_%28%C2%B9%29_%28in_absolute_numbers_and_as_a_percentage_of_the_total_foreign_foreign-born_population%29.png (date of access: 18.02.2018).

⁵ В июле 2016 г. после отказа одной из китайских фабрик во Флоренции пустить на свою территорию санитарных инспекторов и появления представителей китайской мафии на место прибыли специальные части итальянской полиции, которых представители китайской диаспоры стали забрасывать камнями. В результате столкновений были ранены 7 человек (В Италии прошли столкновения между полицией и китайской диаспорой [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2016. 2 июля. URL: <https://www.south-insight.com/node/218312> (дата обращения: 19.03.2017).

⁶ В марте 2017 г. этнический китаец при задержании полицией попытался оказать сопротивление и ранил одного из полицейских, те применили силу и застрелили его. После этого в стране прошли масштабные протесты китайской диаспоры и столкновения с органами правопорядка (China Urges France to Protect Chinese Citizens After Man's Death [Electronic resource] // Global Times. 2017. 29 March. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1040032.shtml> (date of access: 29.03.2017).

⁷ Chinese Views on Europe's Migrant Crisis: "The Road to Ruin" [Electronic resource] // What's on Weibo. 2015. 8 September. URL: <http://www.whatsonweibo.com/chinese-views-on-europes-migrant-crisis-the-road-to-ruin/> (date of access: 03.04.2017).

Интернетом в КНР, можно считать такую позицию официальной. Готовности оказать какую-либо значимую помощь в этой сфере или самому принять часть беженцев Пекин не высказывает.

Многие представители китайской диаспоры в Европе, от студентов и торговцев до врачей и владельцев ночных клубов, работают на китайскую разведку. Основной целью этой крупнейшей разведывательной сети является промышленный шпионаж во всех отраслях производства. При этом европейские службы контрразведки, по словам специалистов в данной области, находятся под колоссальным давлением представителей власти и бизнеса, не желающих портить торговые отношения с КНР даже в ущерб интересам своей страны и основной части ее народа¹.

Таким образом, причин для противоречий в отношениях ЕС с Китаем – достаточно много. В одних случаях эти противоречия создает европейская сторона, в других – она отвечает на действия Китая и его представителей. Все это формирует атмосферу определенного недоверия, но при этом не мешает двум партнерам решать свои экономические задачи, о чем пойдет речь в следующем разделе.

«Ничего личного, просто бизнес»

Что же в условиях наличия стольких проблем во взаимоотношениях объединяет ЕС и Китай и стимулирует их к дальнейшему, все более тесному сотрудничеству? Это главным образом экономические факторы – заинтересованность в увеличении товарооборота, инвестициях и кредитах. Брюссель и Пекин уже успели стать друг для друга крупнейшими импортерами, а товарооборот между ними составил, по данным Еврокомиссии, более 1 млрд евро в день, причем с отрицательным для ЕС сальдо². В 2011 г. годовой товарооборот ЕС и КНР впервые превысил 460 млрд евро³. В то же время в иерархии партнеров Китая ЕС уступает главному – Соединенным-Штатам Америки⁴. Все, что Евросоюз ввозит из КНР, он мог бы

¹ Глазунов О. Н. Китайская разведка. М., 2008. С. 90–100.

² Countries and Regions: China [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (date of access: 03.04.2017).

³ Виноградов А. О. КНР – страны ЕС // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М., 2013. С. 329.

⁴ Виноградов А. О. Китай и страны Европейского союза во втором двадцатилетии XXI века // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М., 2014. С. 233.

производить сам (но производит уже в меньшем объеме и премиальном ценовом сегменте, что вызывает недоумение и недовольство простых граждан, теряющих работу) – машины и оборудование, одежду, обувь, мебель, игрушки. Вся разница – в прибылях, получаемых транснациональными корпорациями при размещении своих производств в Китае и изготовлении товаров с меньшей себестоимостью, несмотря на большое количество рисков и нарушений, в том числе в технологическом процессе, негативно сказывающихся на качестве товаров¹.

Для поддержки своего экспорта ЕС поддержал заявку Китая на вступление в ВТО в 2001 г., добившись предварительно подписания соглашения об условиях взаимодействия. Тогда КНР, заинтересованная в партнере, согласилась на увеличение доли иностранного участия на рынке телекоммуникационных услуг, доступ европейских компаний на национальный рынок страховых услуг, снижение импортных пошлин на европейские товары (от спиртных напитков до стройматериалов, от обуви до изделий из стекла и керамики), недискриминационный режим для европейской стороны в госзакупках и другие уступки². При малейшем подозрении на демпинг или недобросовестную конкуренцию ЕС инициирует в ВТО споры против Китая. С 2001 по 2017 гг. было инициировано 8 таких споров³. Еще более внушителен список собственных торговых расследований ЕС против КНР: по продукции химической промышленности, кухонной керамике, солнечным батареям, стальным тросам, изделиям из чугуна и многим другим наименованиям⁴.

После мирового финансового кризиса 2008 г., значительно затронувшего еврозону⁵, европейские страны обращались к Пекину с просьбами о финансовой помощи. Китайские чиновники, намекая на чересчур большое количество таких просьб и сомнения в возвратности кредитов, пренебрежительно заявляли: «Вы, европейцы,

¹ Подробнее на эту тему см.: Мидлер П. Плохо сделано в Китае. СПб., 2012.

² The Sino-EU Agreement on China's Accession to the WTO [Electronic resource] // European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/april/tradoc_111851.pdf (date of access: 20.05.2017).

³ Disputes by Complainant [Electronic resource] // WTO Official Website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm#complainant (date of access: 20.08.2017).

⁴ Investigations [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://trade.ec.europa.eu/tidi/> (date of access: 21.04.2017).

⁵ Лицарева Е. Ю. Позиции стран ЕС в отношении выхода из экономического кризиса 2008 г. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 69–76.

думаете, что Евросоюз – это большая Швейцария. А на самом деле это одна большая Греция»¹. Оставим за скобками знание китайскими комментаторами политической карты мира (Швейцария не входит в ЕС), обратим внимание лишь на презрительный тон китайской стороны. Случай же Греции действительно показателен. В 2008 г. президент этой страны нанес в КНР визит, в ходе которого состоялись переговоры об «активизации сотрудничества в сфере торговли, культуры, образования и туризма», а также о «взаимодополняемости в области судостроения»². В конечном итоге китайская компания «COSCO» купила контрольный пакет акций стратегически важного греческого порта Пирей³, невзирая на протесты сотрудников порта и части политических сил Греции⁴.

Следующим фактором, обеспечивающим заинтересованность политиков и бизнесменов ЕС в Китае как стратегическом партнере, можно считать разнообразные финансовые операции. Европейская сторона заинтересована главным образом в получении контрактов для крупного бизнеса (например, для ТНК наподобие «Airbus») и средств от продажи КНР еврооблигаций⁵ и акций компаний при слияниях и поглощениях. Последнее происходит довольно часто. С одной стороны, тот, кто продает акции, получает моментальную финансовую выгоду, и иногда значительную. С другой – эта выгода краткосрочна, а то, как распорядятся новые китайские владельцы попавшей под их контроль компанией и работающими в ней гражданами ЕС – неизвестно. Тем не менее в погоне за выгодой (иначе это объяснить трудно) европейские страны продают Китаю все новые и новые активы («Energias

¹ Виноградов А. О. КНР – страны ЕС. С. 330.

² «Жэньминь жибао» приписывает эти слова греческому президенту, однако «взаимодополняемость» – это чисто китайский термин, подразумевающий простую схему: вы нам – территорию и ресурсы для освоения, мы вам – финансовые средства, рабочую силу и китайские товары из вашего сырья (Президент Греции посетил Шанхай и Цзянсу [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. 2008. 27 июня. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6438066.html> (дата обращения: 13.08.2017).

³ China's Cosco Acquires 51 Pct Stake in Greece's Piraeus Port [Electronic resource] // Reuters. 2016. 10 August. URL: <http://www.reuters.com/article/greece-privatisation-port-idUSL8N1AR252> (date of access: 13.08.2017).

⁴ Workers Protest as Greece Sells Piraeus Port to China COSCO [Electronic resource] // Reuters. 2016. 8 April. URL: <http://www.reuters.com/article/us-eurozone-greece-privatisation-china-c-idUSKCN0X50ZE> (date of access: 13.08.2017).

⁵ Interview: Professor Shi Zhiqin [Electronic resource] // The Diplomat. 2015. 27 July. URL: <http://thediplomat.com/2015/07/interview-professor-shi-zhiqin/> (date of access: 15.01.2017).

de Portugal», «CDP Reti», «Volvo», «Pizza Express», «Weetabix», «Sunseeker Yachts»¹, порт Пирей, аэропорт французской Тулузы²).

Простые европейцы, судя по результатам опросов, проведенных Pew Research Center в Великобритании, Испании, Польше, Италии, Греции, Германии и Франции в 2014 г., воспринимают такую тенденцию достаточно критично. Они выражают озабоченность в связи с «негативными последствиями китайских инвестиций для согласованности действий внутри Евросоюза», «получением КНР контроля над стратегическими отраслями промышленности», «проблемами, связанными с особенностями китайского управления и китайских бизнес-практик», и «недостаточной прозрачностью» инвестиций и сделок. Отмечается стратегический характер инвестиционной политики Китая, выявляются его скоординированные шаги, предпринятые с целью получения контроля над компаниями, как было, например, с приобретением сначала большого количества акций французской сети отелей «Ассог», а потом – попытками завладеть контрольным пакетом акций корпорации³.

«Слияния и поглощения» продолжают, скорее всего, потому, что в зарабатывании быстрых (хотя и социально бесполезных) денег заинтересован крупный европейский бизнес. В тех же случаях, когда дело касается престижа страны, руководству приходится включать административный ресурс. Так произошло с корпорацией «Ассог»: неизбежной, казалось бы, победе китайского капитала помешал президент Франции Ф. Олланд, взявший дело под личный контроль и заявивший, что не допустит перехода компании в руки одного иностранного инвестора⁴. Любопытно, что европейские инвестиции в китайскую промышленность, несмотря на свои стабильные объемы, не имеют столь большого размаха, что связано с сохраняющимися ограничениями для иностранных инвесторов в КНР⁵.

¹ Портякова Н. Триллион за десять лет: как Китай завоевывает мир своими инвестициями [Электронный ресурс] // РБК. 2015. 23 октября. URL: <http://www.rbc.ru/economics/23/10/2015/562a33c59a7947579c0d9740> (дата обращения: 15.01.2017).

² Interview: Professor Shi Zhiqin.

³ Hellström J. China's Acquisitions in Europe. European Perceptions of Chinese Investments and Their Strategic Implications. Swedish Defense Research Academy Report. December 2016. № FOI-R--4384--SE. P. 23–25.

⁴ Ibid. P. 25.

⁵ Countries and Regions: China [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (date of access: 03.04.2017).

Получение контроля над активами Китая во многих случаях ставит условием своих инвестиций в бизнес-проекты. Для более крупных форм финансовой помощи условия еще более жесткие, а именно – требование к ЕС признать китайскую экономику рыночной (в целях снятия ограничений в ВТО и приобретения там равного с западными странами статуса) и снять эмбарго на поставки вооружений из Европы. На такие шаги ЕС идти не готов, и это принципиальная позиция европейской стороны, хотя время от времени те или иные европейские политические деятели предлагают пойти на уступки¹.

В результате такого развития экономического сотрудничества с КНР ЕС получает в первую очередь финансовые средства на счета конкретных корпораций или их руководителей, приток китайских мигрантов и увеличение влияния КНР. Китай же приобретает существенно больше: технологии, контроль над прибылью от новых активов, расширение своего лобби, получение новой сбытовой базы для своих товаров. Решает Пекин и другие важные для него задачи. К примеру, вполне определенную цель преследуют китайские инвестиции в Данию: это лоббизм в такой организации, как Арктический совет, и доступ в Гренландию с ее запасами нефти, урана, редкоземельных металлов, железной руды, свинца, цинка и драгоценных камней². Как следствие, Дания оказала самую активную поддержку принятию КНР в число наблюдателей Арктического совета³. Китайский экспорт в Данию составляет почти 7 млрд долл., датский экспорт в Китай – всего 2,6 млрд долл.⁴

Наиболее актуальная задача Китая в отношениях с ЕС на современном этапе – добиться подписания на выгодных ему условиях всеобъемлющего соглашения о свободной торговле⁵. Пекин заинтересован в том, чтобы «сбрасывать» на мировые рынки производимую в огромных количествах продукцию, особенно ширпотреб и бытовую электронику, тем самым поддерживая набранные темпы роста и обеспечивая занятость населения без структурной перестройки экономики и смены модели развития.

¹ Виноградов А. О. КНР – страны ЕС. С. 334.

² Erickson A., Collins G. China's New Strategic Target: Arctic Minerals [Electronic resource] // The Wall Street Journal. 2012. 18 January. URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/01/18/china%E2%80%99s-new-strategic-target-arctic-minerals/> (date of access: 19.03.2017).

³ Blank S. China's Arctic Strategy [Electronic resource] // The Diplomat. 2013. June 20. URL: <http://thediplomat.com/2013/06/20/chinas-arctic-strategy/> (date of access: 03.07.2013).

⁴ Erickson A., Collins G. Op. cit.

⁵ 中欧合作的三大战略效应 // Жэньминь жибао. 2014. 2 апр.

В целях максимальной реализации своих интересов Китай пригласил страны ЕС к участию в проекте «Один пояс, один путь» (ОПОП). Этот вопрос многократно обсуждался на форумах различного уровня, но и здесь возникли принципиальные расхождения. По итогам первого международного форума, посвященного «Поясу и пути», в Пекине в мае 2017 г. было принято совместное коммюнике, которое отказались подписывать лидеры целого ряда стран ЕС. Причиной стало отклонение КНР их предложений по социальным и экологическим стандартам, а также по прозрачности в предоставлении госзаказов при реализации проекта¹.

Недавние исследования показали, что в случае полного открытия рынка для китайских товаров Европа рискует потерять 3,5 млн рабочих мест². Возможно, именно поэтому страны ЕС осторожно относятся к документам, связанным с ОПОП. Даже мало к чему обязывающий меморандум о намерениях по сотрудничеству в этом проекте пока подписала только Венгрия³. Достаточно четкое видение ОПОП европейской стороной отражено в докладе, выпущенном одним из крупнейших в Европе «мозговых центров» – Стокгольмским институтом исследований проблем мира (СИПРИ). Авторы доклада рассматривают «Пояс и путь» как китайский взгляд на инфраструктурное развитие Евразии, ее транспортных связей и экономического сотрудничества. С одной стороны, по их мнению, инициатива может восполнить имеющуюся нехватку инфраструктуры и систем многостороннего финансирования проектов. С другой стороны, она не является подлинно многосторонней, а работает на расширение стратегического политического и экономического влияния КНР. Руководству Евросоюза СИПРИ рекомендует использовать любые возможности для «калибровки» инициатив ОПОП в своих интересах, выстраивать стратегическое планирование политики ЕС в Евразии и вкладывать ресурсы в изучение китайского проекта с научной точки зрения⁴.

¹ Саммит по новому «Шелковому пути» начался со скандала [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 2017. 14 мая. URL: <http://www.dw.com/ru/саммит-по-новому-шелковому-пути-начался-со-скандала/a-38832719> (дата обращения: 03.06.2017).

² Европа откроет свой рынок Китаю ценой потери 3,5 млн рабочих мест [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2016. 11 января. URL: <http://south-insight.com/node/217894> (дата обращения: 15.01.2017).

³ Tiezzi Sh. China's Silk Road in Europe: Not Just Hungary [Electronic resource] // The Diplomat. 2015. 9 June. URL: <http://thediplomat.com/2015/06/chinas-silk-road-in-europe-not-just-hungary/> (date of access: 10.01.2016).

⁴ Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt. Stockholm, 2017.

Последнее, впрочем, уже и так осуществляется европейской стороной. В странах ЕС существует множество китаеведческих центров, которые занимаются как широкой, так и очень узкой, специализированной проблематикой. Работает Европейская ассоциация китаеведения, широко изучается китайский язык, экономическое и социальное развитие Китая, регулярно проводятся научные конференции и семинары. Одним из следствий этого является осознание европейскими политиками серьезности и продуманности внешнеполитической стратегии Китая, а также необходимости защиты своих интересов, часто в противовес его действиям, несмотря на сложность этой задачи¹.

В феврале 2018 г. вышел доклад немецкого Института изучения Китая имени Г. Меркатора (MERICS), в котором эксперты прямо обвиняют Пекин в попытках «вмешаться в европейскую политику» и «расколоть единство Европы». Более того, выделяются и «агенты влияния» Китая в Евросоюзе: Венгрия, Чехия, Греция, а также «любители Пекина» в Германии, Франции и в других странах. КНР, по мнению авторов доклада, привязывает к себе членов ЕС своими инвестициями и созданием сетей «друзей» среди местных политиков, которые начинают отстаивать китайскую позицию по всем важнейшим международным вопросам и экономическому сотрудничеству. В докладе перечислены «открытые» и «тайные» инструменты влияния Пекина на политику стран ЕС. Основными названы организация совместных мероприятий с участием экспертов и политиков, промоакции в соцсетях и прессе, инвестиции в ключевых секторах экономики. В итоге, как делают вывод немецкие эксперты, Китай представляет интересам Европы «долгосрочную угрозу»².

¹ Глава МИД ФРГ призвал Европу увереннее продвигать собственные интересы // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2018. 5 янв.

² Коростиков М. Китай для Европы страшнее России. Немецкие эксперты обвинили Пекин в попытках расколоть ЕС // Коммерсантъ. 2018. 13 февр.

Заключение

ЕС и Китай подходят к двусторонним взаимоотношениям стратегически и с четким пониманием своих целей и задач. Основная проблема взаимодействия состоит в том, что задачи Брюсселя и Пекина – разные. ЕС на современном этапе заинтересован в КНР как источнике финансовой помощи, рынке сбыта и партнере по крупным контрактам. Китайская же сторона предлагает европейцам связанные кредиты, инвестиции в обмен на продажу акций, контракты в обмен на преференции в ВТО, а также большую номенклатуру товаров, не всегда отвечающих европейским стандартам качества. Главным объединяющим звеном для двух акторов является финансовая составляющая. Разделяющих стороны узлов противоречий гораздо больше: это разница в ценностях, интересах на международной арене, стремление ослабить своего партнера. Тактика ослабления вполне удастся Китаю: страны ЕС во взаимодействии с ним действуют не консолидировано, а преимущественно по отдельности. При этом они, как и Евросоюз в целом, могут воспринимать сотрудничество с КНР как иллюзию баланса в отношениях с США и Россией.

Взаимодействие ЕС и КНР трудно назвать равноценным. Европейская сторона осознает это и прилагает усилия к тому, чтобы не допустить окончательного смещения баланса в сторону Пекина. В Европе на подъеме находится китаеведение, а значит, имеется высококвалифицированная экспертиза по Китаю, в том числе занимающаяся анализом конфликтных сфер – промышленного шпионажа, торговых споров и др. Маловероятно, что ЕС готов кардинально усовершенствовать свою китайскую стратегию в ближайшее время в силу внутренних проблем и противоречий, но только в этом случае сотрудничество может приобрести действительно взаимовыгодный характер.

Глава 3. Европейский Союз и Монголия: метаморфозы политики «третьего соседа»

Введение

Сотрудничество Европейского Союза и Монголии ведет отсчет с момента образования ЕС. Оно фиксируется по целому ряду направлений, начиная с гуманитарной помощи и сотрудничества в области экспорта европейских ценностей в страны Азии и заканчивая инвестиционными проектами в горнодобывающей сфере. Двустороннее взаимодействие отличается стабильностью и насыщенностью. Установлены контакты между Улан-Батором и европейскими институтами – Европарламентом и Еврокомиссией, что и позволяет говорить о наличии отношений Монголии с ЕС как единым субъектом международных отношений. Тесное долговременное партнерство сложилось у Улан-Батора и с отдельными странами-членами Евросоюза, в первую очередь с Германией, Францией, Польшей и Великобританией. Отношения с некоторыми из этих стран Монголия строила еще в рамках Совета экономической взаимопомощи и Организации стран Варшавского договора.

К началу 2000-х гг. в Улан-Баторе функционировали посольства шести стран ЕС. Посольства Монголии были открыты в 11 государствах Евросоюза¹. Кроме того, Нидерланды и Польша имеют своих представителей-резидентов в Улан-Баторе. Ежегодно, начиная с 2009 г., в Монголии проводятся встречи с послами ЕС в странах Азии. В них принимают участие аккредитованные в Монголии дипломаты, преимущественно работающие в Пекине. Как заявили в ходе одной из таких встреч президент Монголии Ц. Элбэгдорж, премьер-министр С. Батболд и спикер парламента Д. Дэмбэрэл: «Расширение сотрудничества с Евросоюзом будет способствовать укреплению суверенитета Монголии, ее демократическому и экономическому развитию»².

В 2017 г. состоялось открытие представительства Евросоюза в Монголии, которое стало 140-м для ЕС. Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике

¹ Жаргалсайхан М. Монголия: в поисках «третьего соседа». Почему Европейский союз? [Электронный ресурс] // EUCAM Брифинг. 2012. № 25. С. 1–4. URL: http://www.fride.org/download/PB_25_Ru.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

² Там же.

безопасности Федерика Могерини от имени ЕС обратилась к политическому руководству страны и отметила важную роль Монголии в сложном и уникальном с геостратегической точки зрения регионе. Открытие Представительства ЕС в стране она расценила как европейскую инвестицию в укрепление отношений с Монголией и как показатель приверженности Евросоюза народу страны. Демонстрируя важность усиления двусторонних связей, Ф. Могерини напомнила о намерении ЕС подписать новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Монголией¹.

В данном разделе монографии рассматривается взаимодействие Брюсселя и Улан-Батора в политической и экономической областях в рамках монгольской концепции «третьего соседа».

Почему ЕС «третий сосед»?

Об амбициях Монголии статью центральноазиатской Швейцарией писал еще в начале XX в. один из идеологов монгольского национального движения Ц. Жамцарано². Эта идея к началу XXI в. трансформировалась в политику «третьего соседа», ставшую почти основополагающей для страны (Монголия граничит только с РФ и КНР). В разное время понимание «третьего соседа» в Монголии несколько раз менялось. Иногда под ним подразумевались США, иногда Япония и ЕС. В итоге сформировалась идея коллективного третьего соседа. Коллективный третий сосед (США, страны Евросоюза, Япония и Южная Корея) рассматривается официальным Улан-Батором как гарант ее суверенитета, безопасности, экономической поддержки из-за рубежа. Не удивительно, поэтому, что данная концепция влияет и на внутривнутриполитическое развитие Монголии.

Основным тезисом политики «третьего соседа» является то, что он должен обеспечивать суверенитет Монголии в условиях ее геополитической замкнутости между Россией и Китаем. С точки зрения Улан-Батора, тесные партнерские отношения с третьей, помимо ее географических соседей, стороной, основанные на признании независимости страны, гарантируют ее суверенитет.

¹ Сосорбарам М. ЕС открыл свое представительство в Монголии [Электронный ресурс] // ARD. URL: <http://asiarussia.ru/news/17114/> (дата обращения: 12.02.2017).

² Жамсраны Ц. Түүвэр зохиолууд. Улаанбаатар, 1997. Боть 1.

Такая стратегия снижает риск политического сговора между РФ и КНР по вопросу ограничения независимости Монголии.

Как отмечает известный монгольский политик Б. Э. Бабаяр (Баабар): «Что такое «третий сосед»? Точного определения этому понятию нет, но мы подразумеваем под ним все страны мира, отношения с которыми создают баланс интересов Монголии. Его обеспечение зависит не только от двух сопредельных с нами стран, но и от многих других. Под понятием «третий сосед» мы фактически подразумеваем три группы государств – это Северная Америка, Европа и Дальний Восток (Южная Корея и Япония). Кроме того, имеется необходимость соблюдать равновесие и в отношениях с нашими вечными соседями»¹.

В условиях коллективного «третьего соседа» ЕС выступает в качестве достаточно удаленного, влиятельного и наиболее привлекательного для определенной части монгольской элиты партнера. С точки зрения основного инвестора в Монголию – КНР, Евросоюз также выглядит наиболее нейтральным партнером, в отличие от США, Южной Кореи или Японии. Для Улан-Батора существует угроза негативной реакции со стороны Пекина или Москвы на слишком масштабное присутствие США или Японии.

Монгольский премьер-министр Н. Алтанхуяг в 2013 г. заявил, что «в рамках своей внешней политики «третьего соседа» Монголия стремится интенсифицировать отношения и сотрудничество с ЕС и его членами во всех сферах»². Подписание соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом воспринималось им в качестве одной из важных форм работы его правительства, направленной на выведение отношений с Брюсселем на новый уровень. В свою очередь, монгольский аналитик М. Жаргалсайхан считает Европейский Союз идеальным «третьим соседом» для Улан-Батора. «В отличие от партнерства Монголии с Индией, Японией или США, – утверждает он, – сотрудничество с Евросоюзом не должно вызывать озабоченность России и Китая. Культурные и торговые связи Монголии с некоторыми европейскими державами сопоставимы по объемам с уровнем ее сотрудничества с Японией

¹ Место России и Монголии в современной региональной конфигурации: сб. докл. / ред. А. В. Глазова. М., 2012. С. 79.

² Халиунаа Н. О встрече премьера с председателем еврокомиссии Баррозу [Электронный ресурс] // Монцамэ новости. URL: <http://www.montsame.gov.mn/ru/index.php/politics/item/2735-2013-11-18-08-38-39/> (дата обращения: 12.02.2017).

или Южной Кореей. Из более 100 тысяч монголов, проживающих за пределами Монголии, 21 % живет в европейских странах»¹.

Привлекательность образа Европейского Союза в среде монгольской политической элиты связана также с тем, что значительная часть монгольских мигрантов (из наиболее обеспеченных слоев населения) оседает в странах ЕС. На наш взгляд, эта традиция берет начало еще с эпохи «строительства социализма»: в то время в Монголии наиболее престижным считалось образование, полученное либо в Москве, либо в странах Восточной Европы. Европейское образование имеет большое значение для наиболее либеральной части монгольской интеллигенции. В период демократической революции в Монголии зимы 1989–1990 гг. обучавшаяся в Восточной Европе группа монгольских интеллектуалов стала ядром сторонников политических реформ.

Можно выделить спектр критериев, на основе которых Европейский Союз выгоден Монголии как союзник. В первую очередь он географически удален и не несет непосредственную угрозу границам этой страны. Во-вторых, он обладает возможностью оказывать политическое и экономическое влияние на Россию и Китай. В-третьих, Брюссель привносит некую идеологическую модель, которую можно противопоставить традиционалистским ценностям, транслируемым как Россией, так и Китаем.

Выстраивая эту модель отношений с внешним миром, Монголии, однако, не удастся быть абсолютно нейтральной страной. Сказывается не только ее географическое положение, но и особенности сотрудничества с «третьим соседом», которые требуют военно-политического взаимодействия по целому ряду направлений внешнеполитической повестки. Участие Монголии в операциях в Афганистане, Ираке или в Сьерра-Леоне является наглядным свидетельством того, что ей с трудом удастся быть абсолютно нейтральной и приходится занимать сторону того или иного военно-политического блока. Это, в свою очередь, вынуждает, наряду с сотрудничеством с Брюсселем, развивать военное партнерство с Россией. Подобная политика представляет собой балансирование между различными центрами силы². При этом на уровне политического дискурса возникает потребность в исторической легитимации «новых» и «старых» партнерских отношений. В итоге различные

¹ Жаргалсайхан М. Указ. соч.

² Хайсандай Л. Между великими соседями // Стратегия России. 2006. № 4. С.36–38.

представители монгольского истеблишмента выступают в обществе в качестве проводников тех или иных систем ценностей (европейских, корейских, японских).

Сотрудничество Европейского Союза и Монголии в области демократизации

Начиная с 1990 г. Монголия активно декларирует курс на построение демократического общества. Если, по оценке европейских экспертов, внедрение рыночной экономики в Монголии является вопросом дискуссионным, то необходимость демократизации сомнениям не подвергается. Идея демократии почти механически сменила социалистическую идеологию, обеспечивавшую поддержку от стран СЭВ. В XXI в. на смену социализму в Улан-Баторе пришли принципы свободы совести, прав и свобод человека, свободы СМИ и ряд других базовых демократических ценностей. В редакции «Концепции национальной безопасности Монголии», принятой парламентом страны в 2010 г., подтверждается приверженность Улан-Батора демократии и декларируется: «Во главу угла (национальной безопасности. – А. М.) ставится парламентское правление, построенное на уважении прав и свобод человека, верховенстве закона, а также на демократическом государственном устройстве, опирающемся на социальную стабильность»¹. Данный документ является определяющим и для внутренней политики Монголии, и для выстраивания продуктивных отношений с ЕС и США.

В процессе постсоциалистического реформирования государственных и общественных институтов в этой стране активное участие принимали как США, так и Европейский Союз. Одновременно и сам Улан-Батор привязывал демократические ценности, идеи защиты прав и свобод человека к условиям, диктуемым из США и ЕС. Демократизация стала для Монголии важным политическим ресурсом, на основе которого формируется политика «третьего соседа». Выстраивая отношения с Брюсселем как с опре-

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Монголии: [Постановление Великого государственного хурала Монголии 15 июля 2010 г. № 48] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsc.gov.mn/sites/default/files/images/National%20Security%20Concept%20of%20Mongolia%20RU.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

деленным гарантом суверенитета, Улан-Батор стремится адаптировать и приблизить свои экономические и политические нормы и стандарты к европейским. Монгольские аналитики указывают на сходство в понимании базовых ценностей в Европе и Монголии. В современной Монголии заимствование европейских ценностей должно демонстрировать внешнеполитическую самостоятельность страны. Демократия и либеральная модель рыночной экономики необходимы монголам для акцентирования различий с историческими соседями. М. Жаргалсайхан считает, что включение Монголии в Стратегию Евросоюза в Центральной Азии «могло бы стать примером консолидации демократии, стимулирования участия небольших государств в решении деликатных вопросов экономического и геополитического характера и социализации новых поколений за рамками политического и экономического влияния, оказываемого крупными региональными державами»¹. Данная цитата хорошо иллюстрирует реальную потребность Монголии во внешнеполитическом партнерстве с ЕС.

Монголия заинтересована во внедрении европейских норм и стандартов, поскольку Евросоюз обладает ценным опытом по оказанию помощи странам, сталкивающимся со схожими политическими и социально-экономическими проблемами. В связи с этим она стала активным участником европейских программ в области развития демократических институтов, защиты прав и свобод человека и получателем помощи ЕС. В 1994 г. Монголия приняла участие в программе TESIS и начала получать финансовую помощь для осуществления реформ. Кроме того, Монголия является партнером Европейского Союза в рамках целого ряда образовательных программ (Erasmus Mundus и др.), в том числе в сфере подготовки кадров для проведения экономических реформ. По официальному запросу Монголии Евросоюз разработал многолетний «индикативный план сотрудничества, направленный на оказание содействия Монголии по внедрению европейских норм и стандартов»². В 2015 г. Монголия совместно с ЕС начала программу «усовершенствования монгольских стандартов». К 2016 г. было приведено в соответствие с требованиями Евросоюза 5872 стандарта. Сегодня речь идет о реформировании стандартов правоохранительной системы, сферы прав человека, экономических

¹ Жаргалсайхан М. Указ. соч.

² Там же.

свобод, области метрологии и сертификации. Брюссель оказывает большую консультативную поддержку Монголии в этих вопросах.

Как и Евросоюз, Монголия занимается продвижением норм гуманитарной безопасности, напрямую связанных с обеспечением прав человека. В обновленной версии концепции национальной безопасности гуманитарная безопасность фигурирует как одно из приоритетных направлений политики наряду с внешней, экономической, внутренней, экологической и информационной безопасностью. В документе отмечаются и приоритетные направления работы в этой области: здравоохранение, продовольственная безопасность, безопасность среды обитания и защита от трансграничных преступлений¹.

Зарубежные оценки состояния демократии в Монголии все же остаются противоречивыми. С одной стороны, западное научное и политическое сообщества приветствовали тот факт, что Монголия избрала путь демократии². Они всячески поддерживали репутацию страны в качестве «оплота» и «эталона» демократии» в регионе³. В 2011–2013 гг. Монголия успешно председательствовала в Сообществе демократий (Community of Democracies). Вице-президент США Джо Байден заявил во время своего визита в Улан-Батор, что «Монголия – это не просто блистательный пример для других стран на переходном этапе, это формирующийся лидер всемирного демократического движения, ответственный участник событий на мировой арене»⁴. Признание демократии Монголии на международном уровне состоялось в ходе V Международной конференции стран новой и возрожденной демократии, которая состоялась в Улан-Баторе в 2003 г. под эгидой ООН. Конференция прошла под девизом «Демократия, разумная власть и гражданское общество». В ней приняли участие делегации от международных и неправительственных организаций из 119 стран. Руководство ООН высоко оценило успешное проведение Монголией этой конференции.

¹ Жаргалсайхан М. Указ. соч.

² Гольман М. Монголия и США: от знакомства к стратегическому сотрудничеству [Электронный ресурс] // Новое восточное обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/05/31/mongoliya-i-ssha-ot-znakomstva-k-strategicheskomu-sotrudnichestvu/> (дата обращения: 12.02.2017).

³ Campi A. Mongolia's Integrating with Asia's Heartland. Finding a Future and Rediscovering the Past // Материалы VIII Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор, 2002. С. 3–9.

⁴ Демократия: почему у Монголии получилось [Электронный ресурс] // Голос Америки. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mongolia-democracy-2011-10-17-131993988/247261.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Одновременно, при более подробном рассмотрении, становится очевидным, что в этой части Азии демократические ценности остаются декларативными. По уровню коррупции и прозрачности в государственных делах, а также в области прав и свобод граждан демократия в Монголии остается несовершенной. В сфере соблюдения прав человека (как политических, так и социально-экономических) ситуация в Монголии имеет негативную динамику. Начиная с 1990 г. улучшений практически не фиксируется. Страна остается одной из беднейших в мире. В Монголии сохраняется крайне низкий уровень ВВП на душу населения. До 2000 г. размер ВВП составлял 500 долларов США на душу населения. Сегодня этот показатель несколько увеличился до 600 долларов. Однако 35 % населения, по данным Мирового банка, продолжает жить за чертой бедности¹. В условиях бедности и политической нестабильности растет количество нарушений прав человека. Все это отрицательно сказывается на образе Монголии как страны, стремящейся к тесному политическому и экономическому сотрудничеству с Европейским Союзом и США. Согласно британскому «The democracy index», Монголия, наряду с Македонией, Черногорией и Филиппинами, является «несовершенной демократией». В системе «Status Index» в рамках модели Бертельсманна Монголия занимает 36-е место по продвижению к демократии и рыночной экономике. Снижение показателей в рейтингах демократии, таких как Economist Intelligence Unit и Democracy Ranking Association, влечет для Монголии снижение объемов финансовой и политической поддержки ЕС.

Итак, в политическом плане Европейский Союз является одним из эталонов, на который ориентируется Монголия. Не имея возможности в силу объективных обстоятельств войти в состав Евросоюза, официальный Улан-Батор стремится максимально расширить с ним политическое сотрудничество. С одной стороны, это сотрудничество обеспечивает поступления материальной помощи, а с другой, что гораздо более важно, выступает гарантом суверенитета.

¹ Yusuf Sh., Burki Sh. J. Developing Mongolia [Electronic recourse] // World Bank Discussion Paper, Washington DC: The World Bank, 1992. URL: http://www.oefse.at/fileadmin/content/Downloads/tradeconference/Jargalsaikhan_Investment_Treaties_Between_Mongolia_and_EU_states_-_Implications_for_Mongolias_Development_Prospects.pdf (date of access: 12.02.2017).

Экономическое сотрудничество ЕС и Монголии

Экономическое сотрудничество Брюсселя и Улан-Батора берет свое начало в 1993 г., когда в условиях начавшихся экономических реформ Монголия начала выстраивать новую систему экономических отношений. Евросоюз, по мнению М. Жаргалсайхана, является одной из моделей развития для Монголии наряду с Австралией, Канадой и Сингапуром¹. У Брюсселя и Улан-Батора большой спектр направлений сотрудничества, особенно в области торговли и инвестиций в горнодобывающую отрасль. С 1997 г. Монголия – член ВТО. Немаловажно, что со времен распада Совета экономической взаимопомощи Монголия сохранила устойчивые экономические связи со странами Восточной Европы, в частности с Польшей, Германией, Чехией. Отношения с этими государствами позволили в дальнейшем достаточно успешно развивать внешнеэкономическое взаимодействие с ЕС.

Европейский Союз оказывал значительную экономическую поддержку Монголии. За период с 1991 по 2008 гг. ЕС выделил в качестве финансовой помощи этой стране 455 млн долл.² А в 2006 г. Монголия официально присоединилась к списку стран-участниц программ Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). В связи с этим, 18 июля делегация ЕБРР во главе с директором бизнес группы Оливье Декампом прибыла в Улан-Батор на встречу с премьер-министром Монголии и другими официальными лицами. В рамках визита проводилась оценка бизнес возможностей страны³. В апреле 2008 г. Монголия провела в Лондоне инвестиционный форум «Монголия: европейские инвесторы». Во время этого мероприятия были организованы «круглые столы» для пропаганды инвестиционной среды Монголии среди европейских инвесторов, установления связей между монгольскими и европейскими бизнесменами и расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Помимо оказания помощи и инвестиционного сотрудничества, большое значение приобретают отношения в области торговли. В 1993 г. Евросоюз и Монголия подписали соглашение о торговле и сотрудничестве. В 2001 г. был принят первый стратегический документ Евросоюза для Монголии, где были обозначены приори-

¹ Жаргалсайхан М. Указ. соч.

² Там же.

³ Деловая Монголия. Т. VI. Экономика и связи с Россией в 2004–08 гг. М., 2008. С. 22.

тетные задачи ЕС в сфере торговли. Три года спустя на Монголию стала распространяться Всеобщая система преференций Европейского Союза. В рамках соглашения 1993 г. Улан-Батор получил право беспошлинного экспорта 7200 наименований продукции в 27 стран ЕС, однако, монгольская сторона по сей день так и не смогла воспользоваться своими льготами. Согласно статистическим данным, на конец 2013 г. Монголия поставила свою продукцию на сумму в 71 млн евро в страны-члены Евросоюза, а импорт составил 510 млн евро¹.

Вопросы развития торговли, связи, горной промышленности и туризма Монголии продолжали обсуждаться на совместных встречах представителей Монголии и ЕС (например, в сентябре 2008 г. в Улан-Баторе состоялось заседание совместного комитета Монголии и Евросоюза), что позволяло сторонам решать некоторые насущные проблемы в этих областях. Постепенно рос объем товарооборота. Если в 2007 г. общий товарооборот между Монголией и ЕС достиг 337 млн долларов США², то в 2015 г. – 403 млн евро, из которых экспорт Монголии в ЕС составил 84 млн евро, а экспорт из ЕС в Монголию 319 млн евро³. Основу экспорта из Монголии в Евросоюз составили сырье и текстильные изделия (особенно козий пух, необходимый для изготовления кашемира). Экспорт из ЕС в Монголию состоял в основном из машин, химических веществ и продуктов питания. По итогам 2015 г. Европейский Союз стал третьим по величине торговым партнером Монголии с 9 % оборота от общего объема торговли. Монголия заняла 137 строчку в рейтинге торговых партнеров ЕС. Брюссель поддерживает усилия Монголии по созданию благоприятных условий для бизнеса, политики, направленной на диверсификацию продукции, а также улучшение качества продукции⁴, что должно увеличить добавленную стоимость монгольских товаров и сделать их более конкурентоспособными.

Интенсивно развивается сотрудничество между центральными банками Монголии и Люксембурга. Только за период с 2002 по

¹ Jargalsaikhan S. Investment Treaties Between Mongolia and EU States: Implications for Mongolia's Development Prospects [Electronic recourse] // Sustainable Development. Strategy Institute Paper. 2016. January. P. 19. URL: http://www.oefse.at/fileadmin/content/Downloads/tradeconference/Jargalsaikhan_Investment_Treaties_Between_Mongolia_and_EU_states_-_Implications_for_Mongolias_Development_Prospects.pdf (date of access: 12.02.2017).

² Деловая Монголия. С. 22.

³ Jargalsaikhan S. Op. cit. P. 5.

⁴ Ibid.

2008 г. было организовано 30 совместных обучающих семинаров, в которых приняли участие 600 человек. Десять мероприятий были организованы с целью ознакомить работников Монголбанка с банковско-финансовым сектором стран Европы. На встрече представители центральных банков Монголии и Люксембурга разработали модель расширения дальнейшего взаимодействия двух организаций, в особенности повторного обучения и обмена информацией. Правительство Люксембурга выделило 4 млн евро в качестве технической помощи¹, которые были потрачены на создание учебного центра, повышение потенциала небанковских финансовых организаций и внедрение микрострахования в Монголии. Данные меры были отражены в меморандуме, подписанном Монголбанком, финансово-координационным комитетом и министерством финансов.

Важным аспектом сотрудничества Брюсселя и Улан-Батора являются мероприятия по преодолению феномена «ресурсного проклятья». Монголия богата цветными металлами, углем и нефтью, и при этом большая часть населения живет за чертой бедности. К 2016 г. основным направлением монголо-европейского сотрудничества стало развитие горнодобывающего сектора. Объем инвестиций в эту отрасль из стран ЕС вышел на 2-е место после КНР², что свидетельствует о заинтересованности Евросоюза в добыче минеральных ископаемых в Монголии. Многообразие природных ресурсов в стране открывает самые широкие возможности для технологического и финансового сотрудничества с Европой. Более того, в Улан-Баторе и Пекине неоднократно заявляли о необходимости поставок монгольских ресурсов на европейские рынки.

Очередным этапом в развитии двусторонних отношений стало присоединение Монголии к Форуму Азия – Европа (ASEM) в 2006 г. Участие Монголии в ASEM открывает возможности для политического и экономического сотрудничества с Европой. В 2016 г. форум ASEM состоялся в Улан-Баторе³. По итогам этого мероприятия Монголии удалось получить ряд кредитов от стран ЕС для горнорудного сектора Монголии.

¹ Деловая Монголия. С. 23.

² Jargalsaikhan S. Op. cit. P. 5.

³ The Official Information Platform of the Asia-Europe Meeting (ASEM) [Electronic recourse]. URL: <http://www.aseminfoboard.org/members/mongolia> (date of access: 12.02.2017).

Заключение

Удаленность Монголии от границ Европейского Союза обуславливает специфику отношений между этими субъектами международных отношений. Значение ЕС для Монголии наиболее велико в политической сфере и области гуманитарного сотрудничества. Демократические свободы и либеральные ценности представляют собой основу двусторонних партнерских отношений Брюсселя и Улан-Батора. ЕС, наряду с Южной Кореей, является привлекательной территорией для монгольских иммигрантов, что свидетельствует о высокой популярности европейских ценностей и образа жизни в данной азиатской стране. Мы отмечаем стремление Монголии заимствовать европейские нормы и стандарты, но при этом фиксируем сравнительно низкий уровень их соблюдения в стране. Декларации Улан-Батора в этой области сегодня выглядят лишь как один из способов заявить о своем суверенитете России или Китаю.

Идея «третьего соседа» необходима для поддержания суверенитета Монголии, в том числе в форме международного признания. В этой связи ЕС представляет для небольшого азиатского государства уникальную возможность сотрудничества одновременно с целым рядом государств – признанных экономических лидеров Старого света. Многообразие этого сотрудничества обеспечивает все большие гарантии суверенитета Монголии и демонстрирует ее независимую позицию по отношению к РФ и КНР. На данный момент сущность этого сотрудничества заключается именно в демонстративном партнерстве с ЕС при зависимости от российской энергетики и китайских инвестиций.

Экономические отношения Монголии и ЕС могут получить дальнейшее более плодотворное развитие при условии сохранения достаточно высоких темпов экономического роста Монголии и благоприятного инвестиционного климата в стране. В последние годы частое изменение «правил игры» в горнодобывающей сфере существенно снизило интерес к вложению средств ЕС в монгольские проекты. Пока наиболее стабильным инвестором для Монголии по-прежнему остается Китай.

Глава 4. Отношения Европейского Союза и Австралии

Введение

Отношения Европы и Австралии во многом основаны на исторической памяти, родственных узах и общей культурной составляющей англоязычного населения. Около 70 % жителей Австралии имеют европейские корни¹, вследствие чего исторические и культурные связи, миграционные и туристические потоки прочно объединяют два географически удаленных друг от друга континента. Поскольку политика и экономика Австралии традиционно ориентировались на Великобританию, интеграция в Европе привела к кардинальным переменам внешнеполитического курса Канберры и трансформации ее роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Становление внешней политики Австралии шло параллельно с развитием интеграционных процессов на европейском континенте во второй половине прошлого века. Собственно создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1957 г. не стало катализатором изменений, однако ситуация изменилась после того как Лондон в 1960-е гг. начал переговоры о вступлении в сообщество.

Наибольшее беспокойство Канберры вызывала проблема экспорта сельскохозяйственной продукции. Великобритания являлась основным потребителем австралийской шерсти, мяса и других сельхозпродуктов, а также крупнейшим торговым партнером страны, на которого приходилось более 30 % австралийского экспорта и импорта. В случае вступления Англии в ЕЭС Австралия опасалась не только потерять преференции при доступе к английскому рынку, но и попасть под действие принятой ЕЭС в 1962 г.

¹ Barroso J. M. Shared Futures: Europe and Australia in the 21st Century. Keynote Address at Australia National University, Canberra, 6 September 2011. [Electronic resource] // ISRIA, Global Intelligence and Information Analysis Company. URL: http://www.isria.com/free/6_September_2011_x8.php (date of access: 31.11.2017).

Единой европейской сельскохозяйственной политики (ЕСХП). Согласно ЕСХП, с одной стороны, устанавливались высокие тарифы на ввоз сельхозпродукции в сообщество, а с другой, предоставлялись субсидии для собственных производителей¹. Именно эти события привели к сокращению торговой зависимости Австралии от Великобритании, диверсификации рынков, переориентации торговли на США и страны Азии. При этом взаимодействие Канберры с Брюсселем постепенно расширялось, сделав ЕС и Австралию партнерами в различных сферах международной деятельности в XXI в.

В 1990–2000-е гг. между ЕС и Австралией был заключен ряд двусторонних соглашений. В 1997 г. подписывается Совместная декларация, предполагавшая проведение консультаций и диалогов по вопросам политики, экономики и безопасности, проблемам сотрудничества в научно-технической области, сфере образования, охраны окружающей среды². Это рамочное соглашение не стоит рассматривать в качестве практического инструмента в силу его «лаконичности». Декларация была риторической, поскольку на практике не имела следствием ни создание каких-либо органов на высшем уровне, отслеживающих ее реализацию, ни проведение министерских встреч или консультаций. Тем не менее для ЕС этот документ стал шагом на пути формирования общей внешней политики по отношению к Австралии.

В 2003 г. был подписан новый документ – «Австралия и Европейский Союз: программа по сотрудничеству». Он охватывал вопросы безопасности, торговли, образования, науки, технологий, транспорта, окружающей среды, сотрудничества в области развития, регулирования миграционных вопросов и проблемы беженцев³. В 2008 г. все ранее заключенные Австралией и ЕС соглашения были поглощены рамочной программой партнерства, основываясь на которой Брюссель и Канберра осуществляют многоплановое сотрудничество.

¹ Носов М. Г. ЕС – Австралия // Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М., 2015. С. 544.

² Joint Declaration on Relations between European Union and Australia, June 1997 [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: http://www.foreignminister.gov.au/releases/2007/Joint_Statement.pdf (date of access: 20.02.2017).

³ Australia and the European Union: an Agenda for Cooperation, 2003. [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: http://www.dfat.gov.au/geo/european_union/au_eu_agenda_coop_0303.pdf (date of access: 10.12.2016).

Чем же привлекательна для Европейского Союза Австралия, сохраняющая позицию средней державы на мировой арене, имеющая экономику среднего размера и обладающая ограниченными военно-стратегическими возможностями? Каковы основные причины интенсификации двусторонних отношений и есть ли у них значительный потенциал? Каким образом сотрудничество ЕС и Австралии может повлиять на международные отношения в АТР в целом? На эти вопросы мы попробуем ответить в данной главе.

Торгово-экономические отношения Европейского Союза и Австралии

Европейский Союз является второй крупнейшей экономикой мира, уступая лишь Соединенным Штатам. Несмотря на то, что реальный рост ВВП Австралии от года к году в 2015–2016 гг. составлял 2,5 %¹, диспропорция экономик ЕС и Австралии очевидна. Типичной для отношений между крупной и средней экономиками стала проблема торгового дефицита. Австралийский Союз в списке экспортных направлений ЕС занимает 15-е место (1,8 %), а в списке основных ресурсов импортирования – 26-е место (0,8 %)² (здесь и далее приводятся данные за 2016 г.). ЕС не основной, но один из крупнейших экспортеров для Канберры. Торговля со странами-членами Евросоюза составляет 13,1 % от общего объема торговли товарами Австралии. По экспорту и импорту услуг объемы торговли – 14,8 % и 24,6 % соответственно³.

Основные направления австралийского товарного экспорта в страны ЕС – это уголь, золото, семена масличных культур и маслосодержащие плоды, алкогольные напитки. В экспортных направлениях превалирует торговля сырьем и сельскохозяйственной продукцией. Евросоюз является вторым по величине рынком Австралии для экспорта основных видов плодоовощной продукции. Основная шестерка импортеров стран-членов ЕС ежегодно

¹ Australia. Fact Sheet. 2016 [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://dfat.gov.au/trade/resources/Documents/aust.pdf> (date of access: 20.02.2017).

² European Union. Fact Sheet. 2016 [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <http://dfat.gov.au/geo/europe/european-union/Pages/european-union.aspx> (date of access: 20.02.2017).

³ Ibid.

потребляет австралийской сельскохозяйственной продукции почти на 3 млрд американских долларов¹. Импортирует же Австралия преимущественно готовые товары, в частности, медикаменты (включая ветеринарные препараты), автомобили для пассажирских перевозок, оборудование для гражданского строительства, воздушные суда.

Асимметрия торгово-экономических отношений осложняется европейской политикой протекционизма и нечестной конкуренцией ЕС в области экспорта с/х продукции в третьи страны. Для Австралии, которая экспортирует сырье и сельскохозяйственную продукцию, вопросы честной конкуренции на рынках третьих стран чрезвычайно актуальны. Препятствием для Австралии всегда служила Единая сельскохозяйственная политика Европейского Союза. Борьба с европейской практикой осуществлялась Австралией через Кернскую группу, Всемирную торговую организацию (ВТО), публичную критику торговой политики ЕС в рамках дискуссий на экономическом форуме в Давосе.

Среди частных случаев ограничения торговой практики ЕС можно выделить вопрос о торговле сахаром, относительно положительно решившийся в пользу Австралии. Система квот на сахар была введена Евросоюзом в 1968 г. наряду с поддержанием цен на приемлемом для производителей уровне, который значительно превышал мировую рыночную цену. С точки зрения «честных торговцев» сахаром – Австралии, Бразилии и Таиланда, экспортная схема ЕС по торговле сахаром шла в разрез с обещаниями уменьшить поддержку местных производителей, а продажа произведенного сахара по демпинговым ценам на мировом рынке противоречила Уругвайскому соглашению стран-участниц ВТО. В середине 2001 г. Бразилия обратилась в секретариат ВТО с иском о признании незаконной государственную поддержку, которую оказывали страны ЕС своим производителям сахара. У Евросоюза появилась необходимость сократить объемы производства сахара и начать реформы в этой сфере. Реформирование отрасли имело большое значение не только с точки зрения улаживания противоречий

¹ Raffin L. Indivisible Partners or Enduring Combatants? Divisions and Triumphs in the EU-Australian Relationships // Journal of Contemporary European Research. 2007. Vol. 3(2). P.143. URL: <http://www.jcer.net/index.php/jcer/article/view/38> (date of access: 01.11.2016).

с развивающимися странами, но и с точки зрения интересов сахарной отрасли ЕС. Система квот, регулирующих производство сахара в ЕС, была отменена 30 сентября 2017 г.

Помимо реформы сахарных субсидий ЕС предпринимал и другие шаги, направленные на сглаживание противоречий, возникших в сфере торговли с/х продукцией. В рамках соглашения Керина/Андриссена 1985 г. между Австралией и ЕС уменьшались барьеры на торговлю говядиной, а в рамках ГАТТ и по условиям Соглашения ТРИПС 1994 г. предусматривалась многосторонняя защита географических интересов в рамках ВТО¹. Однако эти меры свидетельствовали скорее о стремлении ЕС укрепить свое положение в ВТО и нейтрализовать нападки со стороны Австралии, успешно использующей механизмы ГАТТ, Кернской группы, а затем и ВТО для минимизации ущерба экспорту своей с/х продукции на мировом рынке.

Приоритеты и основные принципы торгово-экономического взаимодействия Европейского Союза и Австралии рассматриваются в 17 статьях IV раздела рамочной программы партнерства 2008 г. Они предусматривают сотрудничество в рамках многосторонней системы торговли, торговлю услугами, облегчение торговли промышленными товарами за счет снижения технических барьеров, в том числе процедур оценки соответствия, регулирование инвестиционных вопросов. Одним из первых договоров, заключенных в рамках программы, стало соглашение о торговле вином, подписанное в Брюсселе в 2008 г.²

В ноябре 2015 г. руководители ЕС и Австралии начали работу над Соглашением о свободной торговле (АЕСФТА). В совместном заявлении 2015 г. Брюссель и Канберра обозначили свою заинтересованность в данном соглашении и отметили, что ФТА (англ. FTA – Free Trade Agreement) откроет новые коммерческие возможности, будет способствовать либерализации торговли, поддерживать устойчивый рост и инвестиции, способствовать внедрению инноваций и обеспечению занятости в Австралии и ЕС, а также расширит нормативно-правовую базу для бизнеса³. С точки зрения Европейского Союза

¹ Raffin L. Op. cit. P. 144.

² Agreement between Australia and the European Community on Trade in Wine. Brussels, 1 December 2008. Australian Treaty Series [2010] ATS 19. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2010/19.html> (date of access: 01.11.2016).

³ Statement of the President of the European Commission Jean-Claude Juncker, the President of the European Council Donald Tusk and the Prime Minister of Australia Malcolm Turnbull.

очевидно, что соглашение должно включать положения о торговле товарами и услугами, инвестировании, правах интеллектуальной собственности, государственных закупках, условиях конкурентирования, регулировании споров между государствами, нормативно-правовом взаимодействии, устойчивом развитии и экологии.

По словам Стивена Сиобо, австралийского министра торговли, европейские компании рассматривают Австралию как «врата в Азию»¹. О том, что торговое соглашение с Австралией обеспечит упрочение экономических позиций Евросоюза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заявил и Генеральный директор европейской Ассоциации внешней торговли Кристиан Эверт. Он отметил, что соглашение гарантирует сохранение статуса ЕС в качестве важного экономического игрока в АТР, где Европа ясно видит будущий рост².

Заинтересованность Евросоюза в глубоких экономических связях с регионом обозначена в одном из документов, адресованном консервативному крылу Европарламента. Документ под названием «Увеличение объемов торговли с Юго-Восточной Азией» был подготовлен доктором Матиасом Бауэром, главным экономистом Европейского центра международной политэкономии в Брюсселе. В нем отмечается, что Океания имеет большое значение для ЕС, а Австралия и Новая Зеландия могут стать трамплином Евросоюза в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Конечной целью, с точки зрения автора документа, должен стать рынок, охватывающий ЕС, АСЕАН, Австралию и Новую Зеландию³.

Ожидания Австралии от АЕСФТА состоят в снижении торговых барьеров, разрешении споров о стандартах сельскохозяйственной продукции, прямых инвестициях в австралийскую экономику и прямых инвестициях австралийского бизнеса за рубеж, предоставлении безвизового режима для граждан Австралии в страны-члены ЕС и более широком доступе к вакансиям на территории Евросоюза. Опасения связаны с возможным усилением неконтролируемых

Brussels, 15 November 2015. [Electronic resource] // European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-15-6088_en.htm (date of access: 01.11.2016).

¹ Is Australia Getting Closer to EU Than Ever Before? EU-Australia Free Trade Agreement [Electronic resource] // EUREPORTER, October 18, 2016. URL: <https://www.eureporter.co/frontpage/2016/10/18/is-australia-getting-closer-to-the-eu-than-ever-before-eu-australia-free-trade-agreement/> (date of access: 01.11.2016).

² Ibid.

³ Bauer M. Boosting EU Trade with South East Asia. Eurozone, Finance and Economy. Belgium, 2016. [Electronic resource] // New Direction. The Foundation for European Reform. URL: <http://europeanreform.org/index.php/site/publications-article/boosting-eu-trade-with-south-east-asia> (date of access: 01.11.2016).

миграционных потоков в страну. Предложения по АЕСФТА поступали в Министерство иностранных дел и торговли Австралии от ведущих компаний, различных организаций и объединений. Среди них – группа ANCA (ведущий производитель оборудования), Accord Australasia Ltd. (национальная отраслевая ассоциация производителей и маркетологов гигиенических, косметических и специальных продуктов, поставщиков сырья и услуг), ANZ (банковская группа Австралии и Новой Зеландии), Австралийский совет профсоюзов, Совет производителей молочной продукции Австралии, Австралийская неправительственная организация AFTINET, Австралийский институт стали, Австралийский совет по экспорту, Национальная федерация фермеров и многие другие¹.

На сегодняшний день Австралия и ЕС продолжают дискуссии по ряду вопросов относительно ФТА, анализируют возможные преимущества и недостатки соглашения. Очевидный обоюдный интерес к увеличению инвестиционных потоков, созданию новых рабочих мест и укреплению экономических позиций в АТР сопровождается повышенным вниманием к сфере услуг. По мнению экспертов Австралийского института международных отношений, без расширения возможностей в этой сфере заключать АЕСФТА не имеет смысла.

Подсчеты объемов международной торговли в единицах добавленной стоимости валового экспорта (the Trade in Value Added – TiVA), проведенные Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирной торговой организацией, четко показывают: экспорт услуг Австралии составляет 46,1 % от экспорта страны в целом. 45,9 % экспорта Австралии в ЕС также приходится не на торговлю сельскохозяйственной продукцией, а на сферу услуг, что в целом не вписывается в традиционные графики и отчеты о мировом экспорте, по которым 82 % остается за товарами широкого потребления, с/х и промышленными товарами и лишь 18 % составляет торговля услугами². В соответствии с материалами, предоставленными ОЭСР и ВТО, 36,3 % экспорта австралийских

¹ Australia EU Free Trade Agreement [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <http://dfat.gov.au/trade/agreements/aeufta/submissions/Pages/submissions.aspx> (date of access: 29.07.2017).

² Kerneis P. EU-Australia FTA Talks: Services Essential [Electronic resource] // Australian Outlook, Australian Institute of International Affairs, January 25, 2017. URL: http://www.internationalaffairs.org.au/australian_outlook/eu-australia-fta-talks-services-essential/ (date of access: 29.07.2017).

товаров – это услуги, встроенные в экспорт товаров¹. Применяв ту же систему калькуляции к ЕС, мы увидим, что экспорт услуг составляет 60,5 % от экспорта в целом, а 39,1 % торговли услугами является частью торговли товарами². Эти факты невозможно не брать в расчет при переговорах. Более того, и Австралия, и ЕС являются сторонниками переговоров по Соглашению о торговле услугами (Trade in Services Agreement – TiSA).

Необходимо учитывать возможное негативное воздействие Брекзита на торговую политику ЕС и позицию Австралии в отношении АЕСФТА. Действительно, многие австралийские экспортеры и инвесторы в ЕС осуществляют торговые операции через Объединенное Королевство. Значительная доля экспорта услуг ЕС в Австралию также поступает из Великобритании. Эта ситуация скорее всего останется неизменной, так как Великобритания является крупным игроком в сфере международной торговли услугами, занимая второе место после США, что составляет 6,8 % мировой торговли услугами и 15,6 % экспорта ЕС в 2014 г. (337 млрд американских долл.)³.

В целом, согласно торгово-экономической стратегии ЕС «Торговля для всех» 2015 г.⁴, Австралия является ценным партнером Евросоюза в АТР, так как разделяет европейские ценности, играет важную роль в регионе и в рамках многосторонних региональных соглашений. Брюссель ожидает, что более прочные связи с Канберрой обеспечат ЕС крепкую платформу для более глубокой интеграции с большим количеством акторов в АТР⁵. Именно поэтому усиление двусторонних торгово-экономических отношений стало важным для ЕС в последние годы.

¹ Kerneis P. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Trade for All: Towards a More Responsible Trade and Investment Policy, 2015. [Electronic resource] // European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153846.pdf (date of access: 20.02.2017).

⁵ Ibid. P. 32.

Сотрудничество ЕС и Австралии в области безопасности

В связи с изменившейся международной средой после окончания холодной войны и началом нового этапа европейской интеграции, наступившего в результате подписания Маастрихтского договора в 1992 г., ЕС необходимо было решать проблемы, связанные с выработкой единой внешнеполитической стратегии и обеспечением безопасности в области ближайшего соседства. В 1990-е гг. между ЕС и Австралией не было официальных соглашений по вопросам безопасности. Более того, при Лейбористском правительстве Пола Киттинга (1991–1996 гг.) заинтересованность австралийцев в Европе и даже в США критически снижалась. Усиление интеграционных процессов в Азии не могло не повлиять на внешнеполитические приоритеты государства, окруженного азиатскими соседями. Поворот в сторону Азии во внешней политике Австралии был достаточно долгим процессом, занявшим почти два десятилетия. Сотрудничество ЕС и Австралии в сфере безопасности активизировали внешние факторы, усилившие угрозы национальной безопасности в условиях глобализации. Кардинальные изменения произошли после событий 11 сентября 2001 г. Стало очевидно, что с современными угрозами можно справиться только на региональном и глобальном уровнях.

Глобальная террористическая угроза побудила Брюссель стать внутренне более сплоченным в вопросах обеспечения правопорядка, безопасности и разведки. В Евросоюзе совершенствуется процесс трансграничного обмена информацией между странами-членами, усиливается сотрудничество правоохранительных органов. Институты ЕС занялись укреплением правовой базы для борьбы с террористической угрозой и ее последствиями. В 2003 г. в ЕС был разработан наиболее всеобъемлющий стратегический и внешнеполитический документ – Европейская стратегия безопасности (ЕСБ). Кроме этого, Брюссель принимает «План действий по борьбе с терроризмом» 2001 г., рамочное решение по борьбе с терроризмом 2002 г. и Контртеррористическую стратегию 2005 г. ЕС начинает рассматривать вопрос о «доморощенном» терроризме, о чем свидетельствует принятие Стратегии Европейского Союза 2005 г. по борьбе с радикализацией и вербовкой в террористические организации. В 2007 г. был одобрен новый пакет предложений Европейской комиссии по борьбе с терроризмом.

Первые шаги ЕС и Австралии навстречу друг другу были сделаны в области сотрудничества правоохранительных органов, в частности, между Федеральной полицией Австралии (АФП) и правоохранительной организацией Европейского Союза (Европол), которая занимается борьбой с международной организованной преступностью. В марте 2002 г. ЕС и Австралия провели стратегический диалог по вопросам безопасности на высшем уровне. Это была первая встреча ЕС с представителями страны, не являющейся членом НАТО. В апреле 2002 г. Брюссель и Канберра подписали Повестку дня по сотрудничеству в области борьбы с терроризмом, нераспространением ядерного оружия и мерам экспортного контроля на 2003–2008 гг. Повестка обеспечила основу для более тесного взаимодействия АФП с Европолом¹. В 2007 г. сфера сотрудничества правоохранительных органов была расширена соглашением по оперативному и стратегическому взаимодействию между Австралией и Европолом².

Теракты в странах ЕС (Мадрид, 2004 г.; Лондон, 2005 г.) и теракты, направленные против граждан Австралии (Бали, 2002 и 2005 гг.; Джакарта, 2004 г.), несомненно, способствовали развитию двустороннего сотрудничества в области обеспечения безопасности. И Европейский Союз, и Австралия начали оказывать содействие урегулированию конфликтов так называемых «ненадежных» или «несостоявшихся» государств, поскольку именно такие государства подвержены риску стать легкой добычей террористов. Так, они приняли участие в проведении регионального мирного процесса в Ачехе (Индонезия) и программах, направленных на сдерживание радикализации в Индонезии. В дополнение к коллективным усилиям ЕС отдельные европейские страны (Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Дания, Нидерланды и Испания) предоставили финансирование Джакартскому центру по сотрудничеству правоохранительных органов в Семаранге. Австралия и страны-члены ЕС, в частности Португалия, работали

¹ Markovic N. Courted by Europe? Advancing Australia's Relations with the European Union in the New Security Environment. Research Paper no. 1 2009–10, the Australian Parliament, 2009. [Electronic resource] // Parliament of Australia. URL: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp0910/10rp01 (date of access: 20.02.2017).

² Agreement on Operational and Strategic Cooperation between Australia and the European Police Office. The Hague, 20 February 2007. Australian Treaty Series [2007] ATS 34. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2007/34.html> (date of access: 20.02.2017).

бок о бок, чтобы восстановить безопасность в Восточном Тиморе в ходе операций ООН, последовательно проводившихся с 1999 г.

Лиссабонский договор ЕС 2007 г. создал платформу для реализации внешнеполитических решений Союза посредством Европейской внешнеполитической службы (ЕВПС), выполняющей функции Министерства иностранных дел Евросоюза. Новая структура упрощает процесс принятия решений и является более удобной для реализации политики ЕС в АТР. Прежде Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия находились под юрисдикцией одного из отделов Генерального директората Еврокомиссии по вопросам внешних сношений, отвечающего за политику развитых стран, таких как США, Канада и др. В новой структуре отдел стран Азии (Managing Directorate Asia) занят внешнеполитическими вопросами, связанными с Японией, Китаем, Южной и Северной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и островными государствами Тихого океана.

Расширение сотрудничества Брюсселя и Канберры по вопросам безопасности произошло в 2008 г. после принятия рамочной программы партнерства. Политическому диалогу, сотрудничеству по международным вопросам и проблемам безопасности посвящены II и III разделы программы. Кроме того, в рамках программы партнерства был принят целый ряд официальных соглашений между Австралией и Евросоюзом и его отдельными странами-членами. Среди них – соглашения ЕС с Австралией 2010 г.¹ и Испании с Австралией 2011 г.² о взаимной защите секретной информации по вопросам обороны. В 2011 г. в целях предотвращения терактов и международных преступлений Брюсселем и Канберрой был заключен договор по вопросам обработки и передачи авиаперевозчиками австралийской таможне и службе охраны государственной границы записей с именами пассажиров³. В этом же году в области воздушно-космической обороны было подписано соглашение между правительством Австралии и

¹ Agreement between Australia and the European Union on the Security of Classified Information. Brussels, 13 January 2010. Australian Treaty Series [2011] ATS 20. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2011/20.html> (date of access: 20.02.2017).

² Agreement between the Government of Australia and the Kingdom of Spain for the Mutual Protection of Classified Information of Defence Interest. Madrid, 17 November 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 36. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/36.html> (date of access: 20.02.2017).

³ Agreement between the European Union and Australia on the Processing and Transfer of Passenger Name Record (PNR) Data by Air Carriers to the Australian Customs and Border Protection Service. Brussels, 29 September 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 19.

Европейским космическим агентством для осуществления совместной программы слежения за космическими аппаратами¹, анализ маневров которых позволяет с высокой точностью спрогнозировать время начала первого массированного ракетно-авиационного удара воздушно-наступательной операции. В целях обеспечения ядерной и радиационной безопасности был заключен договор о мирном использовании ядерной энергии 2012 г.²

Особое внимание следует уделить двустороннему рамочному соглашению об участии Австралии в операциях Европейского Союза по управлению кризисами 2015 г.³ Данное соглашение, по словам австралийского министра иностранных дел Джулии Бишоп, является «выражением решимости совместно реагировать на разрешение международных кризисов»⁴. Оно устанавливает рамки для участия Австралии в операциях ЕС по урегулированию кризисов. Канберра уже участвует в миссии EUCAP Nestor, направленной на расширение морских возможностей стран на Африканском Роге и в западной части Индийского океана. Согласно договоренности, Австралия будет рассматривать вопросы дальнейшей поддержки миссий, в которых ее интересы совпадают с интересами ЕС⁵.

Вопрос о том, в каких именно сферах обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут совпадать интересы Австралии и Европейского Союза, представляет особый интерес.

[Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/19.html> (date of access: 20.02.2017).

¹ Agreement between the Government of Australia and the European Space Agency for a Co-operative Space Vehicle Tracking Program. Cape Town, 5 October 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 29. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/29.html> (date of access: 20.02.2017).

² Agreement between the Government of Australia and The European Atomic Energy Community (Euratom) for Co-operation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Canberra, 5 September 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 3. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/3.html> (date of access: 20.02.2017).

³ Agreement between Australia and the European Union Establishing a Framework for the Participation of Australia in European Union Crisis Management Operations. Brussels, 22 April 2015. Australian Treaty Series [2015] ATS 8. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2015/8.html> (date of access: 20.02.2017).

⁴ Towards a Closer Australia-EU Partnership: Joint Declaration of the Australian Foreign Minister and the EU's High Representative for Foreign and Security Policy/Vice President of the Commission, 22 April 2015. [Electronic resource] // Australian Government. Minister for Foreign Affairs. URL: http://foreignminister.gov.au/releases/Pages/2015/jb_mr_150422.aspx (date of access: 20.02.2017).

⁵ Ibid.

Крупнейшие торгово-экономические и стратегические партнеры Брюсселя и Канберры в АТР – США, Китай, Россию, Японию, Южную Корею, страны АСЕАН, Индию – разъединяют большие противоречия. Так, безопасность Австралии зависит от США, а ее ведущим торгово-экономическим партнером является КНР. Канберра уже более десяти лет пытается найти конструктивное решение этой проблемы. В АТР имеются потенциальные горячие точки (Корейский полуостров, Тайваньский пролив, Южно-Китайское море, граница между Индией и КНР, Малаккский пролив и пролегающий в Индийском океане маршрут транспортировки углеводородов), в которых могут возникнуть конфликты с участием ведущих мировых держав. При этом, ввиду географического положения ЕС, прямая угроза удалена от его границ.

Специфична структура безопасности АТР, отличающаяся от европейской институциональной слабостью. Несмотря на то, что на регион распространяется действие решений ООН, в нем нет механизмов или институтов реализации данных решений. В период холодной войны США в силу многих причин не смогли объединить своих союзников по АТР единым многосторонним договором или организацией по типу НАТО. Тем не менее, являясь гарантом безопасности для многих стран региона, США нашли выход в иерархичной системе, построенной преимущественно на основе двусторонних договоров. Военно-политические союзы в АТР заключены Соединенными Штатами с Японией, Южной Кореей и Австралией (и формально с Новой Зеландией). Данные двусторонние договоры безопасности успешно функционируют и, в соответствии с теорией зависимости от предшествующего пути развития (“path dependence”), переход к другим, более эффективным институциональным структурам или одному многостороннему договору блокируется. Подобная зависимость, созданная США, по мнению многих аналитиков и ученых, по сей день тормозит развитие региональных институтов в области безопасности.

Европейский Союз, в отличие от национальных акторов, имеет уникальный институциональный и организационный опыт, сложившуюся практику многостороннего взаимодействия в рамках Союза и на более широком международном уровне. Брюссель с большим или меньшим успехом ведет деятельность, направленную на «структурирование» и трансформацию международной среды в нужном для себя направлении и с помощью «мягких» ин-

струментов. Европейский Союз, в отличие от Австралии, не имеет возможности напрямую влиять на принятие военно-политических решений в АТР, однако он заинтересован в создании институтов, нацеленных на решение вопросов безопасности в регионе. Брюссель принимает посильное участие в построении новой архитектуры безопасности АТР через региональные организации и различные саммиты, в которых активно участвует Австралийский Союз. Опыт ЕС может оказаться более чем полезным для Канберры и для АТР в целом.

Одной из таких структур является Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ). Форум объединяет 26 стран, в число которых входят Австралия и Евро-союз. Основные направления деятельности АРФ – противодействие терроризму и транснациональной преступности, чрезвычайное реагирование, нераспространение ядерного оружия и разоружение, морская безопасность. Эта организация не является военно-политической структурой; ее задача – поддержание многостороннего диалога «мягкого» типа и мониторинг военно-стратегической ситуации в регионе. Форум дает возможность обсуждать вопросы, связанные с поддержанием стабильности и предотвращением конфликтов, что полностью отвечает приоритетам ЕСБ. Деятельность АРФ осложняется из-за расхождения внешнеполитических интересов азиатских и неазиатских стран-участниц. В частности, руководство большинства стран-членов АСЕАН считает необходимым сохранение принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств и не согласно рассматривать АРФ как структуру, имеющую право принимать решения, обязательные для всех ее участников.

Еще одна привлекательная для Европейского Союза региональная структура – саммит Восточноазиатского сообщества (ВАС). Учредительный саммит ВАС состоялся 14 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия). Его участниками стали 16 стран – 10 членов АСЕАН, а также Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Они поставили перед собой следующие задачи: выработка согласованной политической линии, укрепление торгово-экономических отношений, поддержание финансовой стабильности и энергетической безопасности, развитие социально-культурных и гуманитарных связей. В числе ключевых приоритетов саммита – противодействие новым вызовам и угрозам (таким как международный терроризм, пиратство,

незаконный оборот наркотиков, нелегальная иммиграция, распространение инфекционных заболеваний), достижение урегулирования на Корейском полуострове и др.

ЕС является участником форума «Азия – Европа» (АСЕМ), который был основан на учредительном саммите в Бангкоке в марте 1996 г. В настоящее время в АСЕМ входит 51 член, включая Австралию и 28 членов от европейской группы (27 государств ЕС и Еврокомиссия). ЕС наряду с Австралией участвует в таких региональных форумах, как «Сеульский диалог по вопросам обороны» и ежегодный Азиатский саммит по безопасности Международного Института Стратегических Исследований «Шангри-Ла Диалог».

Таким образом, Европейский Союз, укрепляя двусторонние отношения и сотрудничество с Австралией, одновременно создает платформу для выработки общих решений в сфере региональной безопасности, тем самым обеспечивая себе более прочные позиции в регионе и создавая возможность влиять на ход событий в АТР через Австралию. Эта выгодная для ЕС платформа подкреплена инструментами дипломатического и политического сотрудничества. Например, в декабре 2014 г. было подписано двустороннее соглашение, устанавливающее порядок обмена дипломатическим персоналом в рамках специальных программ, позволяющих улучшить взаимопонимание сторон и усилить сотрудничество по основным стратегическим направлениям.

Особого внимания заслуживает инициатива под названием «Форум лидеров ЕС и Австралии» (EU-Australia Leadership Forum – EUALF), официально стартовавшая 8 сентября 2016 г. в Брюсселе. Инициатива включает форум старших и начинающих лидеров и будет проходить ежегодно поочередно в Австралии и Европе в течение трех лет. Форум должен стать платформой для сотрудничества представителей сферы бизнеса, средств массовой информации, неправительственных организаций, гражданского общества, аналитических центров, политических и академических кругов обеих сторон¹. Проект финансируется Европейским Союзом через Инструмент партнерства. Сумма финансирования составляет 2 млн евро².

¹ Joint Press Release on the Launch of the EU-Australia Leadership Forum. Bruxelles, 08.09.2016 [Electronic resource] // European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/9541/joint-press-release-launch-eu-australia-leadership-forum_en (date of access: 20.02.2017).

² What is the EU Australia Leadership Forum? [Electronic resource] // EU-Australia Leadership Forum. URL: <https://www.europeaustraliaforum.eu/files/what-eu-australia-leadership-forum-april17pdf> (date of access: 20.02.2017).

В рамках форума планируется проводить регулярные двусторонние семинары по проблемам безопасности, терроризма, торговли, образования, инноваций, миграции и политики развития. Первый семинар «Цифровое развитие» состоялся в марте 2017 г. в Канберре, в его рамках которого участники уделили особое внимание цифровым технологиям¹. Выбор темы мероприятия свидетельствует о серьезной обеспокоенности Брюсселя и Канберры проблемами информационной безопасности во всех сферах международного сотрудничества, как торгово-экономической, так и военной.

Плотное взаимодействие Европейского Союза и Австралии в политической, дипломатической сферах и в области региональной безопасности, несомненно, будет способствовать выработке совместных обоюдовыгодных решений, к тому же позволит максимально задействовать мультикультурный управленческий опыт ЕС и успешный опыт сотрудничества Австралийского Союза со странами Азии и южной части Тихого океана.

Другие виды сотрудничества Брюсселя и Канберры

Европейский Союз и Австралия плодотворно взаимодействуют в сфере науки, образования, защиты окружающей среды, помощи развитию и гуманитарной помощи. Тенденцию к сближению двух акторов можно проследить в области науки и образования. В 1994 г. между ЕС и Австралией было заключено Соглашение о науке и технике, на базе которого развивалось динамичное сотрудничество в рамках более 160 совместных проектов с общим объемом инвестиций более 1,6 млрд евро². В 1997 г. сотрудничество в данной области было подтверждено Совместной декларацией. На сегодняшний день ЕС является крупнейшим партнером Австралии в сфере науки и технологий. Участие австралийцев в исследовательских программах Европейского Союза увеличилось с 18 проектов в 1994 г. до 171 проекта в 2017 г.³ Регулярно проводятся заседания Объединенного

¹ The EU and Australia Shared Opportunities and Common Challenges. The Australian Institute of International Affairs and the EU-Australia Leadership forum. Canberra, 2017. P. 40.

² EU – Australia Relations Factsheet [Electronic resource] // European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/9544/EU%20-%20Australia%20Relations%20factsheet (date of access: 20.02.2017).

³ The EU and Australia Shared Opportunities and Common Challenges. The Australian Institute of International Affairs and the EU-Australia Leadership forum. Canberra, 2017. P. 73.

научно-технического координационного комитета. ЕС разрабатывает «научную дорожную карту», определяющую европейские приоритеты в отношениях с Австралией в области науки.

В 2007 г. была подписана Совместная декларация по сотрудничеству ЕС и Австралии в сфере образования и повышения квалификации. В результате с 2008 по 2014 гг. более 1000 студентов посетили Европу или Австралию по программам обмена. В течение многих лет Канберра была активным участником программы ЕС Erasmus, в которую были вовлечены более 128 студентов и ученых страны¹. Участие Австралии в новой программе Erasmus+ является не менее существенным и имеет тенденцию к росту.

В настоящее время в Австралии действуют пять центров ЕС: два в Мельбурне, два в Аделаиде и один в Канберре. Работа этих центров охватывает разные сферы исследований. Например, самый первый центр ЕС при Австралийском национальном университете, открытый в 2001 г. в Канберре (the ANU Centre for European Studies), успешно проводит исследовательскую работу по изучению межправительственных отношений и вопросам политического развития. Центр при Университете Мельбурна (the EU Centre on Shared Complex Challenges) нацелен на усиление сотрудничества ЕС и Австралии по вопросам изменения климата, регионального управления и бизнес инноваций. Приоритетными направлениями исследований центра при Королевском Мельбурнском технологическом институте (The EU Centre at RMIT) являются проблемы управления, единого рынка, технологий, сотрудничества бизнеса и государства, региональной политики. В центре Университета Южной Австралии (the Hawke EU Centre for Mobilities, Migrations and Cultural Transformations) изучают глобальные проблемы, вызванные перемещением людей и сообществ в XXI в. Исследователи центра при Университете Аделаиды (the EU Centre for Global Affairs) занимаются изучением роста международной торговли, регионального сотрудничества в АТР, продвижения многосторонней торговой системы, инвестиций и двусторонних торгово-экономических отношений между ЕС, Австралией и странами Азии. Центры финансируются ЕС и принимающими университетами, являясь инструментами общественной дипломатии Евросоюза и его государств-членов. Со своей стороны, в 2013 г. Австралийское правительство учредило исследовательский офис в Брюсселе.

¹ Ibid. P. 82.

Для более успешного сотрудничества Брюсселя и Канберры в сфере науки, образования, технологий и производства запущена совместная экспериментальная программа по процедуре выдачи патентов (Patent Prosecution Highway (PPH)) 2016–2019 гг., нацеленная на ускорение процедуры экспертизы патентов. Ожидается, что программа приведет к более быстрому и эффективному получению патентов. Благодаря этому пилотному проекту Ведомство промышленной собственности IP Australia и Европейская патентная организация смогут взаимно использовать наработки и документацию друг друга.

ЕС и Австралия руководствуются принципом устойчивого развития и поддерживают прочные отношения в вопросах охраны окружающей среды. Они сотрудничают в рамках широкого круга многосторонних природоохранных соглашений: Конвенции о биологическом разнообразии; Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения; Международной Конвенции по регуляции китобойного промысла; Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой; Парижского соглашения по климату. Проводится регулярный диалог по экологическим вопросам на двусторонней основе. Обе стороны активно взаимодействуют в борьбе с незаконной вырубкой лесов. Брюссель и Канберра привержены осуществлению первоочередных мер по защите коралловых рифов, согласованных в рамках Конвенции о биологическом разнообразии.

Австралия и Европейский Союз сотрудничают в рамках многосторонних институтов, занимающихся рыболовством и управлением океанами, на уровне Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и в региональных организациях по управлению рыболовством (RFMO). Взаимодействие осуществляется в Южно-тихоокеанской региональной организации по управлению рыбным промыслом и Комиссиях по сохранению Антарктических морских живых ресурсов, по рыболовству в Западной и Центральной частях Тихого океана, Комиссиях по тунцу в Индийском океане и по сохранению южного голубого тунца. Первый диалог на высшем уровне по вопросам рыболовства и морским делам был проведен в 2014 г.

Австралийцы признают, что принцип устойчивого развития должен быть основополагающим аспектом бизнеса, а Европейский Союз лидирует в этой области. Европейская практика встраивания принципа устойчивого развития в бизнес-модель предприятий чрезвычайно

интересна для пятого континента. Австралия заимствует европейский опыт в сфере экологически чистых видов энергии. По данным австралийского государственного «Зеленого банка» (Clean Energy Finance Corporation), несколько масштабных проектов по возобновляемым видам энергии были успешно реализованы именно благодаря европейским технологиям и опыту разработчиков и финансистов, в число которых входят Fotowatio Renewable Ventures (Испания); ENGIE, Neoen, and Bouygues Construction (Франция); Norddeutsche Landesbank Girozentrale (NORD/LB (Германия); EKF (Дания)¹.

Брюссель и Канберра достаточно плотно взаимодействуют в области развития. Европейский Союз является вторым после Австралии региональным донором в южной части АТР. Европейская программа помощи, направленная на развитие сотрудничества в Азии, была профинансирована примерно 5187 млн евро (2007–2013 гг.). Наиболее масштабным было финансирование в 2012 г., составившее 749 млн евро. В этом же году помощь, оказанная при стихийных бедствиях, составила почти 3 млрд евро². В 2014 г. министром иностранных дел Австралии Джулией Бишоп и бывшим комиссаром ЕС по вопросам развития Андрисом Пиебалгсом была подписана Декларация о «делегированном сотрудничестве в целях развития», в рамках которой реализуются проекты на Фиджи, в Южном Судане и Лаосе, предусматривающие совместное финансирование ЕС и Австралии. В июне 2015 г. между Брюсселем и Канберрой был начат диалог по вопросам развития и гуманитарной помощи на высоком уровне.

¹ The EU and Australia Shared Opportunities... P. 77.

² EU-Asia Security. Factsheet [Electronic resource] // European Union External Action. URL: http://eeas.europa.eu/asia/docs/eu_in_asia_factsheet_en.pdf (date of access: 20.02.2017).

Заключение

С момента создания Европейского Союза произошло заметное укрепление сотрудничества Брюсселя и Канберры, а также диверсификация двусторонних отношений в политической сфере, области обороны и безопасности, торговли и экономики, гуманитарных вопросах. Удалось сгладить «постоянную сельскохозяйственную проблему», заключить рамочное соглашение, начать переговоры по соглашению о свободной торговле и т. д. Потенциал партнерства ЕС и Австралии достаточно велик. Брюссель и Канберра разделяют общие взгляды и ценности и обладают большим политическим, экономическим и культурным влиянием в АТР. Экономические возможности двух акторов, их роль в рамках многосторонних региональных соглашений, инструменты мягкой силы Брюсселя и Канберры и программы помощи, которые они реализуют, в совокупности с платформой для принятия согласованных стратегических решений, несомненно, создают благоприятные условия для успешного двустороннего сотрудничества и расширения влияния в регионе.

Проводимая Евросоюзом политика способствует продвижению интересов ЕС в Азии и формированию новой архитектуры безопасности в АТР, в рамках которой, опыт Австралии по совместному регулированию кризисов играет значимую роль. Открытыми остаются два вопроса: возможно ли сотрудничество в области обороны и безопасности без традиционного американского зонтика в рамках НАТО и АНЗЮС и насколько независимым будет союз ЕС и Австралии от США и Китая. На сегодняшний день взаимная поддержка ЕС и Австралии является страховкой на случай изменения приоритетов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

РАЗДЕЛ V. НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Глава 1. Публичная дипломатия ЕС*

Введение

В широком понимании публичная дипломатия включает в себя все многообразие процессов коммуникации государств или международных организаций с иностранной аудиторией. Сам термин *public diplomacy* был введен в оборот в США в середине 1960-х гг., по некоторым версиям – как эвфемизм для нового обозначения традиционной правительственной пропаганды. Слово «пропаганда» в английском языке имеет выраженную негативную коннотацию, поэтому, как посчитали в Госдепартаменте США, оно не должно использоваться для обозначения деятельности собственного правительства и союзных государств.

С течением времени публичная дипломатия превратилась в многомерный и противоречивый политический феномен, который может быть определен как система прямого взаимодействия государств с обществами зарубежных стран¹. В расширенном варианте, публичная дипломатия – это способ коммуникативного (ком-

* Работа выполнена при поддержке программы Европейского Союза Erasmus+ «Жан Монне» (номер проекта 574894-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CoE). Содержание публикации отражает только точку зрения автора. Европейская Комиссия не несет ответственности за любое использование информации, содержащейся в этой публикации.

This work was supported by the Erasmus+ Jean Monnet program of the European Union (proposal number 574894-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CoE). The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the author, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

¹ Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/008.htm> (дата обращения: 28.04.2014).

муникационного) влияния государства на зарубежное общественное мнение с целью реализации определенных политических, дипломатических, военных и экономических задач. Государственной правительством разрабатываются информационное наполнение и обеспечивают финансовую поддержку публичной дипломатии¹.

Следует отметить, что в литературе на русском языке наряду с термином «публичная дипломатия» (калька с англоязычного клише) широко употребляются и переводные варианты («общественная», «народная дипломатия»), которые порой наделяются собственной смысловой нагрузкой и подразумевают международное взаимодействие общественных организаций и частных лиц. Также для обозначения публичной дипломатии в России употребляется бюрократический оборот «международное гуманитарное сотрудничество». Как отмечает Т. В. Зюнова, на рабочих языках Евросоюза определение «гуманитарное» используется, прежде всего, в контексте противодействия нарушению прав человека и насилию, оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. В России же понятие «гуманитарное сотрудничество» трактуется более широко, «охватывая область культурных связей, межкультурного диалога и диалога гражданских обществ, а также отношения с соотечественниками за рубежом»².

Дискуссии о публичной дипломатии почти всегда затрагивают тему «мягкой силы». Эти два понятия тесно взаимосвязаны, но не тождественны. «Мягкая сила» в одном из определений Джозефа С. Ная, гарвардского политолога, который изобрел этот термин, – это «способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание, насилие, принуждение), что характерно для «жесткой силы». «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения»³.

¹ Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1 (54). С. 186–189.

² Зюнова Т. В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» // Российский Совет по международным делам. 23 мая 2014 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1859#top-content (дата обращения: 14.12.2016).

³ Nye J., Owen W. America's Information Edge // Foreign Affairs. 1996. March / April. P. 21. Цит. по: Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории между-

Резюмируя Дж. С. Ная, российский исследователь П. Б. Паршин определяет «мягкую силу» как «притягательную силу различных ценностей, устойчиво ассоциируемых с некоторой страной. К их числу относятся культурные ценности данной страны, организация и уровень жизни в ней, качество образования и т. д.»¹ Таким образом, «мягкая сила» – это *ресурс*, для целей обретения которого могут использоваться различные *коммуникативные технологии*, в том числе публичная дипломатия, пропаганда, информационная война, страновой брендинг².

Международное влияние Европейского Союза неизменно ассоциируется именно с элементами «мягкой силы», основанной на возведенных в абсолют принципах демократии, сотрудничества, компромисса, верховенства гражданских свобод и совместно вырабатываемых правовых норм. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и «жесткую силу» европейских государств, прежде всего их значительный совокупный военный потенциал и способность эту силу оперативно проецировать. Однако следует признать, что почти все свои функции, относящиеся к «жесткой силе», большинство государств-членов Евросоюза делегировали Организации Североатлантического договора. В тех же случаях, когда ЕС проводит собственные (без участия НАТО) военные операции, они имеют миротворческий или гуманитарный характер – то есть снова оказываются связанными с «мягкими» принципами политики Союза.

Снижение международной напряженности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вызвало изменения в подходах к способам и содержанию коммуникации с иностранной аудиторией. В Соединенных Штатах и единой Европе традиционная публичная дипломатия, основанная на пропагандистских клише времен холодной войны, в новых условиях представлялась малоэффективной и даже контрпродуктивной. Публичная дипломатия Европейского Союза в 2000-х гг. часто определяется как «новая» (*new public diplomacy*) или «публичная дипломатия 21 века». Ее основные отличия от

народных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1. URL: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (дата обращения: 14.12.2016).

¹ Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / Аналитические доклады: Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2013. Вып. 1 (36). С. 17.

² Там же. С. 21.

«традиционной» публичной дипломатии времен конфронтации Запада и Востока проанализировал Д. Сонди (см. табл. 1)¹.

По мнению Яна Мелиссена, одной из важнейших черт, отличающих «новую» публичную дипломатию от «старой», и тем более от пропаганды, является принципиально иной формат общения, а именно ориентация на *диалог* с зарубежной аудиторией. «Современная публичная дипломатия – это улица с двусторонним движением, – отмечает Я. Мелиссен. – Это убеждение посредством диалога. Другими словами, публичная дипломатия схожа с пропагандой в том смысле, что она пытается внушить людям, о чем им следует думать. Но при этом они фундаментально отличаются друг от друга, потому что публичная дипломатия еще и прислушивается к тому, что люди хотят сказать»².

С «новой публичной дипломатией» тесно связана концепция странового брендинга (*nation branding*), корни которой находятся в сфере маркетинга и «общей» теории связей с общественностью. Суть брендинга государств, по словам Я. Мелиссена, состоит в артикуляции и проецировании конструируемой идентичности той или иной страны. Обе концепции взаимно дополняют друг друга; различия заключаются в подходах к объекту воздействия и применяемом инструментарии. Традиционная публичная дипломатия инициируется и реализуется практиками (карьерными дипломатами), в то время как брендинг мобилизует все доступные ресурсы, способные повлиять на продвижение позитивного имиджа государства за рубежом. В отличие от кадрового дипломата, специалист по брендингу представляет мир как рынок, а образ страны – как продукт, который необходимо выгодно подать (или продать)³.

¹ Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences / The Hague: Netherlands Institute of International Relation “Clingendael”. October 2008. P. 11.

² Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age (Studies in Diplomacy and International Relations). Basingstoke, 2007. P. 18.

³ Ibid. P. 20–21.

Таблица 1. Сравнение традиционной публичной дипломатии и публичной дипломатии XXI в.

	Традиционная публичная дипломатия	Публичная дипломатия XXI в.
Внешние условия	Конфликт, напряженность в отношениях	Мир
Цели	Достижение политических изменений в странах целевой группы	Формирование позитивной репутации, побуждение интереса к политическому и экономическому сотрудничеству
Стратегии	Убеждение Манипуляции общественным мнением	Построение долгосрочных отношений, вовлечение иностранной общественности
Направленность коммуникации	Односторонняя (монолог)	Двусторонняя (диалог)
Научная основа	Незначительна, либо отсутствует	Тщательно проработана, особое внимание уделяется исследованиям обратной связи
Содержание	Идеология Интересы Информация	Идеи Ценности Сотрудничество
Целевая аудитория	«Широкие слои» населения зарубежных стран Отправитель и адресат сообщения («меседжа»)	Сегментированные, четко определенные целевые группы иностранной и собственной аудитории Индивидуальные участники
Каналы	Традиционные СМИ	Традиционные и новые СМИ, в том числе персонализированные
Финансирование	Из средств госбюджета	На основе частно-государственного партнерства

Однако со временем и «новая публичная дипломатия» стала устаревать. В 2014–2015 гг. в ответ на новые внешние и внутрен-

ние вызовы Евросоюз вслед за Соединенными Штатами внедряет в своей публичной дипломатии подходы, описываемые концепцией «стратегических коммуникаций». Этот формат информационного взаимодействия во многом является шагом назад – к временам конфронтации и односторонне направленной пропаганды, но предусматривает обязательное получение обратной связи от целевой аудитории и гибкое оперирование разнообразными каналами доведения информации, в том числе персонифицированными социальными сетями. Отсюда одно из определений стратегической коммуникации – «диалоговая пропаганда».

«Арабская весна», беспрецедентный поток беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, всплеск террористической активности, «Брекзит», поставивший под вопрос существование ЕС в прежнем виде, конфликт на востоке Украины и санкционное противостояние с Россией – все эти события и явления вынудили Брюссель пересмотреть приоритеты своей дипломатии и информационной политики. В 2014–2015 гг. Евросоюз спешно адаптирует некоторые американские практики наступательной публичной дипломатии и внедряет их в инструментарий Европейской внешнеполитической службы (ЕВПС). По состоянию на конец 2016 – начало 2017 гг. основная повестка публичной дипломатии Евросоюза на «критических» направлениях (отношения с Россией и странами «Восточного партнерства», противостояние угрозам международного терроризма) определялась именно в ключе «стратегических коммуникаций»; за это направление работы отвечало специально выделенное управление ЕСВС (The Strategic Communications Division – “StratComms”)¹.

Таким образом, эволюция в терминологии и практических подходах к осуществлению публичной дипломатии ЕС диктовалась переосмыслением глобальных и региональных вызовов, с которыми сталкивался европейский интеграционный проект. Но при этом набор основных идей и ценностей, с которыми Европейский Союз обращается к миру, остается неизменным.

¹ Strategic Communications / European Union External Action. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/100/strategic-communications_en (date of access: 22.12.2016).

Основные сюжеты и образы

Восприятие единой Европы во внешнем мире – сложный вопрос, являющийся предметом острых дебатов. Все они, в сущности, сводятся к определениям *европейской идентичности*, с которой сопрягается и образ современного Европейского Союза. ЕС подается многими авторами как «правовая держава» или олицетворение «нормативной мощи», вобравшей в себя принципы демократии, верховенства закона, безусловного приоритета прав человека и гражданских свобод, равенства полов, толерантности к меньшинствам – этническим, сексуальным и любым иным. Евросоюз справедливо считается мировым лидером борьбы за сохранение окружающей среды и противостояния негативным изменениям климата. ЕС – это еще и глобальный экономический игрок, средоточие крупнейших производственных и финансовых корпораций. Наконец, представления о «коллективной Европе» складываются, подобно мозаике, из образов отдельных государств-членов, многие из которых обладают выраженной культурной самобытностью, по праву гордятся своим вкладом в мировую цивилизацию и привлекают миллионы туристов.

Концептуализация Европы и европейской идентичности стала самостоятельной областью научного знания. Проецирование этой идентичности во внешний – «неевропейский» – мир происходит по-разному, множеством способов и через бесчисленное количество каналов: «Это может быть телевизионное выступление европейского политика, трансляция исполнения оперы Моцарта или показ европейского фильма, маленький флажок ЕС на номерном знаке автомобиля или выставка живописи Пикассо или да Винчи. Это развевающийся флаг Евросоюза и рев трибун на играх кубка УЕФА, рукопожатия европейских бизнесменов и грохот проезжающей техники миротворческих сил ЕС. Это вкус французского сыра, итальянской пасты или испанских оливок, голоса дикторов Би-Би-Си или Deutsche Welle. Стремление к совершенству в сфере коммуникаций требует игры воображения, в том числе и от европейских политиков и дипломатов»¹.

В то же время образ Европейского Союза как международной организации далеко не всегда отождествляется в массовом созна-

¹ Fiske de Gouveia P., Plumridge H. *European Infopolitik: Developing EU Public Diplomacy Strategy*. London, 2005. P. 2.

нии с Европой как цивилизационно-культурной общностью. Реалии интеграционного процесса, особенно тонкости совместного обсуждения правовых и организационных вопросов наднациональными органами сообщества, все еще сложны для понимания большинства граждан даже в странах-членах ЕС, не говоря о мире за пределами Европы. Путаницу вносит и схожесть названий общеевропейских организаций (например, Европейский Совет и образованный в 1949 г. Совет Европы), которые к тому же имеют общие визуальные символы. Пресловутая «брюссельская бюрократия», затягивание решения важнейших социально-экономических вопросов, порожденное необходимостью достижения компромисса между возросшим числом номинально равноправных участников, – все эти явления становятся объектами острой критики и активно используются для компрометации Европейского проекта – силами как внутри ЕС, так и вовне.

Как показал «Брекзит», пропагандистские усилия евроскептиков могут иметь успех. При этом не останавливается процесс расширения Евросоюза на континенте – перманентно в очереди на вступление стоят несколько стран-кандидатов, населению которых необходимо разъяснять «правила совместного проживания». Поэтому для коммуникационной политики Европейского Союза наличие «внутреннего измерения» представляется неизбежным. Это обстоятельство, безусловно, усложняет практическую реализацию внешних коммуникаций, но вместе с тем и обогащает их содержание. Мир должен быть осведомлен о происходящих в Европе политических, социокультурных и экономических процессах, но также и граждане ЕС имеют право знать, почему Союз принимает те или иные внешнеполитические решения¹. Такая тесная связь с европейским гражданским обществом, стремление к прозрачности, демократичности составляют отличительную особенность публичной дипломатии ЕС.

Таким образом, продвижение европейских ценностей и позитивного образа единой Европы приходится осуществлять одновременно из расчета на несколько целевых групп:

1) государства-члены ЕС, в особенности те, где традиционно силен евроскептицизм или присутствует разочарование по поводу не оправдавшихся ожиданий от вступления;

¹ См. напр.: Huijgh E. Changing Tunes for Public Diplomacy: Exploring the Domestic Dimension // Exchange: the Journal of Public Diplomacy. 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 62–73.

2) страны-кандидаты на вхождение в Евросоюз и ассоциированные партнеры, власти которых заявили о своей проевропейской ориентации;

3) «проблемные» партнеры – государства Северной Африки, Ближнего Востока, Турция, с территории которых исходит значительное количество угроз безопасности ЕС. К этой группе может быть отнесена и Россия, чьи действия в Крыму и на востоке Украины вызвали резкое неприятие Запада;

4) весь остальной мир, в основном поддерживающий с Евросоюзом стабильные политические и торговые отношения.

Становление и развитие публичной дипломатии ЕС

Непосредственное влияние на развитие публичной дипломатии ЕС – путь от «инфополитики» к «стратегическим коммуникациям» – оказывал исторический контекст развития европейской интеграции. Следует отметить, что в 1990–2000-х гг. основные ресурсы при осуществлении коммуникационной политики ЕС направлялись на разъяснительную работу среди населения государств-членов и стран-кандидатов на вступление. Причины такого внимания очевидны: Евросоюз последовательно проходил несколько стадий расширения, готовился к созданию Экономического и валютного союза (ЭВС) и введению евро, пытался осуществить институциональные реформы, в том числе через принятие Конституции. Кроме того, налицо был кризис доверия к европейским институтам, что отразилось в провале ряда задуманных Брюсселем инициатив, когда они выносились на национальные референдумы.

Европейская Комиссия нуждалась в организационной и финансовой поддержке своих усилий по информированию граждан Союза о различных аспектах интеграции. В этой связи с 1995 г. по инициативе Европарламента была принята программа PRINCE (Programme prioritaire d'information au citoyen europeen), в рамках которой ЕС получил возможность финансирования информационных кампаний в поддержку своих действий. Первым ярким проектом PRINCE стала массивная пиар-кампания в поддержку единой европейской валюты, которая, с учетом значимости евро для глобальных финансовых рынков, в итоге вышла за пределы

Европы и стала общемировой. Бюджет акций в поддержку ЭВС в 1998–2002 гг. составил более 200 млн евро¹. Второй по затратам (до 35 млн евро²), но не по значимости была кампания по подготовке расширения ЕС в 2000–2004 гг. Однако ее эффективность была признана более низкой. Как отмечает О. Ю. Потемкина, отношение населения Евросоюза к расширению было в целом более скептическим, чем к введению единой валюты, а готовность национальных правительств сотрудничать в рамках кампании оставила желать лучшего³.

Другой характерной чертой политики коммуникаций Евросоюза с внешней аудиторией в период «между Маастрихтом и Лиссабоном» (с 1992 по 2009 гг.) была ее фрагментация в соответствии с принципами «трех опор» (*pillars*). Таким образом, в рамках каждого из фундаментальных направлений совместной деятельности – формирования общего правового поля Сообществ (*acquis communautaire*, или «первой опоры»), общей внешней политики и политики безопасности («второй опоры»), сотрудничества по обеспечению правопорядка и судопроизводства («третьей опоры») – осуществлялась своя собственная информационная повестка. За координацию этих усилий также отвечали различные структуры: Генеральный директорат по коммуникациям, информационной политике и протоколу, Генеральный директорат по внешним связям, аппарат высокого представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности, секретариат Совета ЕС и др.

Согласование основных информационных тезисов, призванных отражать единую политику Европейской Комиссии по ключевым вопросам интеграции, происходило на ежемесячных совещаниях с участием уполномоченных представителей Генерального директората по внешним связям (Relex), директоратов по развитию, торговле, гуманитарной помощи, расширению, вопросам печати, экономическим и финансовым вопросам. Всего в сфере информационной политики было занято около 70 чиновников во всех указанных Генеральных директоратах в Брюсселе; совокупный годовой бюджет этого направления составлял порядка 30–40 млн евро⁴.

¹ Потемкина О. Ю. Имиджевая политика ЕС: цели, базовые принципы, перспективы развития // Вся Европа. 2007. № 5 (11). URL: <http://alleuropalux.org/?number=11> (дата обращения: 12.01.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy / The Hague: Netherlands Institute of International Relation “Clingendael”. September 2013. P. 7–8.

Отраслевая фрагментация и институциональная раздробленность, вынужденное смешение внутренней и международной повестки негативно сказывались на эффективности информационной политики Евросоюза. Низкая явка избирателей на выборы в Европарламент, а также результаты социологических опросов, проведенных службой «Евробарометр», свидетельствовали о падении общественного интереса к «европейскому проекту» в начале XXI в. Определенным шагом вперед стала «Стратегия коммуникаций» Европейской Комиссии (2006–2009 гг.), но и она в основном предполагала по сути простое распространение информации, а не публичную дипломатию. Из трех «опор» ЕС приоритет отдавался освещению *acquis communautaire*. Соответственно, в разъяснительной работе с населением и средствами массовой информации этому направлению уделялось основное внимание – в ущерб популяризации общей внешней политики и политики безопасности, а также «третьей опоры».

Важнейшие органы Союза, включая Европарламент, оказывались вне сложившейся бюрократической системы по выработке информационной политики и не могли влиять на ее содержание и характер. В противоречивой ситуации оказывались Представительства Европейской Комиссии в зарубежных странах. С одной стороны, они на практике занимались связями с зарубежной общественностью, с другой стороны, до Лиссабонского договора (2009 г.) они не считались полноценными дипломатическими миссиями. Наконец, отсутствовало стратегическое видение общей направленности публичной дипломатии ЕС – «инфополитика» воспринималась как вспомогательная, обслуживающая деятельность по обеспечению реализации 134 отдельных стратегий по отношению с зарубежными странами и «мегарегionsами» (Азией, Африкой, Арктикой), а также многочисленных отраслевых доктрин и концепций (по борьбе с терроризмом, устойчивому развитию и др.)¹.

С точки зрения практического осуществления публичной дипломатии, в период до 2009 г. Европейский Союз придерживался достаточно традиционных решений, не особенно увлекаясь внедрением инноваций. Согласно доминировавшим тогда подходам, внешние коммуникации Сообществ в основном сводились к пассивному «предоставлению информации» заинтересованной аудитории в государствах-членах ЕС и странах за пределами европей-

¹ Duke S. Op. cit. P. 9.

ских интеграционных процессов. С этой целью еще в 1960-х гг. начала создаваться сеть Европейских информационных центров (EUI), или «Центров Европейской документации», поскольку одной из задач этих структур было предоставление свободного доступа к правовым документам Сообществ (например, публикуемым в «Официальном журнале» ЕС).

Деятельность EUI входила в компетенцию Генерального директората по внешним связям; в странах-партнерах Евросоюза делами информационных центров занимались, как правило, отделы прессы и информации при Представительствах Европейской Комиссии. Со временем число центров EUI по всему миру превысило 500; в основном они открывались при университетах, исследовательских институтах и библиотеках, и представляли собой хранилища медиаресурсов, куда на регулярной основе поступали публикации ЕС – сначала на бумажных носителях, затем на CD-ROM. Широкое внедрение Интернет в начале – середине 2000-х гг. вынудило Евросоюз пересмотреть формат работы центров. Малопосещаемые и потому неэффективные библиотеки должны были превратиться в интерактивные центры образования и проектной деятельности в области европейских исследований. Однако осуществить такой переход удалось не везде.

В то же время, в середине 2000-х гг., произошло важное для европейской политики осознание огромного потенциала публичной дипломатии. Были предприняты первые попытки осмысления содержания и методов информационной работы с аудиторией как внутри Евросоюза, так и за его пределами. С населением более 450 млн человек, производя до четверти мирового ВВП и являясь донором до 40 % бюджета ООН, присутствие Европейского Союза в мировых политических коммуникациях представлялось явно недостаточным. В этой связи стали предприниматься шаги по переоформлению пассивной «инфополитики» в полноценную активную публичную дипломатию, построенную на принципах координации усилий всех причастных институтов Евросоюза (прежде всего Комиссии и Совета) и отдельных государств-членов, обратной связи с гражданами, и артикуляции европейского присутствия (по крайней мере, визуальными средствами) за пределами ЕС¹.

¹ Fiske de Gouveia P., Plumridge H. Op. cit.

Некоторые элементы «диалоговой» коммуникации, призванные способствовать вовлечению граждан ЕС в интеграционный процесс, появились в «Белой книге по коммуникационной политике ЕС» (2006 г.). Документ, работу над которым возглавила заместитель председателя Европейской Комиссии Марго Вальдстрем, изначально задумывался как анализ причин провала референдумов по европейской конституции во Франции и Нидерландах летом 2005 г. На выходе получился свод рекомендаций, каким образом и в каких областях Евросоюзу следует учитывать мнение граждан¹. Однако содержащиеся в «Белой книге» положения касались внутривосточных процессов и практически не затрагивали общественное мнение в странах, составляющих внешнее окружение Евросоюза.

В то же время, в период после Маастрихта, ЕС выступил с рядом успешных международных инициатив – формально не связанных с коммуникационной политикой, но сыгравших важную роль в продвижении позитивного образа единой Европы и привлекательности интеграционного проекта. Для посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, а также «новых независимых государств», образовавшихся после распада СССР, большое значение в переходный период имели европейские программы содействия структурным реформам, такие как Phare, CARDS или Tacis².

В Брюсселе оказание технического содействия странам с переходной экономикой справедливо считалось задачей политического уровня. Приоритетными областями действия Tacis были реформа системы государственного управления, реорганизация госпредприятий и развитие частного сектора, инфраструктура транспорта и связи, энергетика, ядерная безопасность и окружающая среда, социальная защита. Для стран-кандидатов, включая прибалтийские республики бывшего СССР – Латвию, Литву и Эстонию,

¹ Потемкина О. Ю. Указ. соч.

² Программа Phare (первоначально PHARE – Poland and Hungary: Assistance for Restructuring their Economies) была открыта в 1989 г. сначала только для двух стран-кандидатов – Польши и Венгрии (отсюда название), со временем была распространена на 10 государств Центральной и Восточной Европы. CARDS – Community Assistance for Reconstruction, Development and Stabilisation – открытая в 2000 г. европейская программа технического содействия для региона Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония, Сербия, Хорватия, Черногория). Tacis (первоначально TACIS – Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States) – программа технического содействия ЕС странам СНГ, а также Монголии, действовала в 1991–2006 гг.

участие в программах технического содействия стало важнейшим этапом на пути к последующей интеграции в Евросоюз.

Особое место уделялось структурной перестройке высшего образования, для чего сначала в рамках Phare, а затем и Tacis была открыта специализированная подпрограмма Tempus¹. Не будучи включенными в «официальный» аппарат внешних коммуникаций ЕС, проекты Tempus тем не менее сыграли важнейшую роль в развитии новой, приближенной к европейским стандартам академической культуры в России и других странах постсоциализма. Выделение грантов на проекты академического сотрудничества подразумевало следование приоритетам программы, в которых неизменно подчеркивалась связь с политическими и экономическими преобразованиями в странах-партнерах. Университетам-участникам в этих процессах отводилась роль «агентов общественных перемен». Как отмечал руководитель Генерального директората Европейской Комиссии по образованию и культуре Отто Дибелиус, «университеты являются ключом к реформе в области образования, а образование – ключом к всеобъемлющей реформе»². На пике активности (1994–1998 гг.) программа Tempus охватывала 1700 университетов, в которых обучалось более 5 млн студентов³. Проекты Tempus способствовали открытию канала массовой академической мобильности между университетами в государствах-членах Евросоюза и странах-партнерах. Основным принципом совместных европейских проектов Tempus была опора на инициативу «снизу» (*bottom-up approach*), что способствовало установлению прямых международных контактов между профессорами и университетскими администраторами, выработке «привычки к сотрудничеству».

Для Российской Федерации одним из наиболее очевидных достижений программ технического содействия ЕС в образовательной сфере стало присоединение страны 19 сентября 2003 г. к Болонскому процессу, направленному на формирование Единого Европейского пространства высшего образования. Этот шаг кардинальным образом изменил российскую университетскую среду

¹ Trans-European Mobility Programme for University Studies.

² Перспективы сотрудничества в области высшего образования на 2000–2006 годы при содействии Европейского Союза / Темпус: мат. конф.; Киев, 23–24 апреля 1999 г. – Люксембург: Служба официальных публикаций Европейских сообществ. 1999. С. 173. URL: http://eacea.ec.europa.eu/tempus/doc/kyev_ru.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

³ Tempus Tacis Compendium '96/97 (Part I), Draft 21/03/'97 / Working Document. 63 p.

и, как любая радикальная реформа, расколол академическое сообщество. Однако в тот момент Россия продемонстрировала, что придерживается именно европейского вектора в реформировании системы высшего образования и отказывается от части локальных традиций в пользу вовлечения в европейское и глобальное пространство науки и образования.

По сути, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в России сформировалась самостоятельная академическая традиция исследований европейской цивилизации и европейской интеграции. Во многом это произошло благодаря работе Института Европы Российской академии наук и Ассоциации европейских исследований (АЕ-ВИС), которая поддерживалась Евросоюзом. Популяризация изучения вопросов устройства и деятельности ЕС происходила в формате студенческих Европейских школ, лекторами на которых выступали ведущие российские и европейские эксперты в области международных отношений, экономики, истории, права. Первые Европейские школы были организованы в конце 1990-х гг. по инициативе молодежной секции АЕВИС, в дальнейшем их формат неоднократно менялся. Так, получили известность учебные семинары и школы EU Study Weeks, организацией которых занимались российские некоммерческие организации («Немецко-русский обмен» и др.) по контрактам с Представительством ЕС в Российской Федерации¹. В 2006 г. при МГИМО открылся Европейский учебный институт (ЕУИ), ставший одним из центров академических исследований отношений ЕС и России. Одним из флагманов негосударственного высшего образования в России стал Европейский университет в Санкт-Петербурге (основан в 1994 г.), также получивший развитие при помощи грантов ЕС. С Представительством Евросоюза в Москве тесно сотрудничает российский Национальный офис программы Tempus (с 2016 г. – Erasmus+), занимающийся координацией проектов образовательного сотрудничества европейских и российских вузов и продвижением стипендиальных программ ЕС.

¹ Европейские школы: Проект Представительства Европейского Союза в России. URL: <http://www.eu-studyweeks.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).

После Лиссабона: «новая публичная дипломатия» ЕС

Реформы, привнесенные Лиссабонским договором, отразились не только на институциональной реорганизации, но и на содержании коммуникационной политики ЕС. Договор предусматривал создание Европейской внешнеполитической службы. Тем самым открывалась новая страница в развитии публичной дипломатии ЕС. Собственно, именно тогда термин *public diplomacy* впервые появляется в официальных документах Евросоюза при перечислении основных направлений работы ЕСВС. Внутри новой службы предусматривалось создание подразделения по «стратегическим коммуникациям, публичной дипломатии и вовлечению заинтересованных сторон» (*Strategic communications, public diplomacy and stakeholder engagement*). Оно должно было обеспечивать эффективное взаимодействие с гражданским обществом, средствами массовой информации, неправительственными организациями, стимулируя общественный интерес и дискуссии по актуальным вопросам внешней политики ЕС. Впервые была подчеркнута ориентация на новые инструменты – социальные медиа и круглосуточные новостные потоки. Как и ранее, эта деятельность разворачивалась в двух параллельных «измерениях» – внутреннем и внешнем, причем основная задача по осуществлению коммуникаций с аудиторией за пределами ЕС возлагалась на зарубежные Представительства Европейского Союза¹.

Свою работу в обновленном формате внешнеполитическая служба ЕС начала в 2011 г. Одним из наиболее очевидных нововведений стала возросшая публичная роль самого Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности. Только в первый год пребывания в новой должности первый Верховный представитель баронесса Кэтрин Эштон сделала 593 официальных заявления, и примерно столько же – в 2012 г. В то же время такая активность и отвлечение на незначительные информационные поводы может свидетельствовать не столько о политическом весе ЕСВС и фигуры Верховного представителя, сколько

¹ The European External Action Service: A Step Change in External Policy for the Union: Delivering on the Promise of the Lisbon Treaty. URL: <https://m.contexte.com/medias-documents/2012/03/46c74c4e-4819-4024-9e69-81ee92767029.pdf> (date of access: 18.01.2017).

о неопределенности внешнеполитического курса Союза, вызванного отсутствием долгосрочной стратегии развития¹.

Брюссель действительно начал претендовать на участие в делах мировой политики, которое бы адекватно соответствовало удельному весу Евросоюза в мировой экономике. Произошел отказ от системы ротации государств-председателей ЕС в пользу введения должности Президента Совета, а Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности был наделен полномочиями заместителя председателя Европейской Комиссии. Эти изменения должны были повлиять на выработку более согласованной общей внешнеполитической линии. Если ранее страны-члены могли включать в информационную повестку ЕС собственные тезисы исходя из своих локальных интересов на период полугодового председательства, то теперь стало возможным формирование централизованной, подлинно общеевропейской публичной дипломатии.

Эти изменения должны были получить соответствующее финансовое обеспечение. Хотя в статьях расходов бюджета ЕС довольно сложно четко выделить категории, относящиеся к публичной дипломатии, в 2010–2012 гг. порядка 12,5 млн евро ежегодно выделялось на «информационные программы для стран за пределами ЕС» и 2 млн евро на направление «ЕС в мире». Однако эти суммы выглядели весьма скромно по сравнению с объемами, выделяемыми на информирование собственных граждан ЕС (например, до 105 млн евро в 2010 г.)².

Структурные преобразования в европейской публичной дипломатии удачно совпали по времени с технологическими новациями. Массовое распространение социальных сетей Интернет привело к революционным изменениям в политических коммуникациях, учитывая скорость распространения информации, степень охвата аудитории и возможность фильтрации содержания информационных потоков индивидуальными пользователями. Наступала эпоха «цифровой дипломатии», и Евросоюз активно внедрял ее достижения в повседневную деятельность своей внешнеполитической службы и зарубежных представительств. Европейская внешнеполитическая служба, Представительства ЕС в мире, а также многие публичные политики Евросоюза начали активно использовать ресурсы социальных сетей Facebook и Twitter, а также фотохостинг Flickr.

¹ Duke S. Op.cit. P. 14–15.

² Ibid. P. 21.

В декабре 2012 г. совместными усилиями ЕСВС и Генерального директората по международному сотрудничеству и развитию (DG DEVCO) было издано руководство для Представительств ЕС в третьих странах и при международных организациях, излагающее основные принципы ведения публичной дипломатии³. В работе с гражданами стран ЕС важнейшей задачей в период финансового кризиса было обозначено разъяснение налоговой и бюджетной политики Евросоюза. Представительствам ЕС за пределами объединенной Европы предстояло донести до иностранной общественности свод основных ценностей Союза – принципы демократии, защиты прав и свобод человека, а также подчеркнуть значимость ЕС как международного политического актора, ответственного за урегулирование проблем международной безопасности. Европейский Союз подавался как крупнейший мировой донор гуманитарной помощи и содействия развитию беднейших стран, оплот защиты прав и свобод человека. Пособие достаточно четко прописывало сценарии организации взаимодействия с различными целевыми группами в третьих странах, включая гражданское общество, государственных служащих и парламентариев, культурную общественность, экспертное сообщество, СМИ, университеты и бизнес. Таким образом, на работавший в зарубежных Представительствах ЕС персонал (отделы прессы и информации, по связям с общественностью) легла серьезная нагрузка по организации разнообразных программ и мероприятий. При этом аналогичные подразделения при посольствах и консульствах отдельных стран-членов ЕС зачастую располагали гораздо большими человеческими и финансовыми ресурсами.

Представительство Европейского Союза (до 2009 г. – Европейской Комиссии) в Москве выстраивало свои контакты с целевыми группами российской аудитории, опираясь на установки Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (вступило в силу в 1997 г.) и «Коллективной стратегии ЕС по отношению к России» (1999 г.). С 2005 г. диалог ЕС – Россия протекал в рамках «четырех пространств»: экономики, внутренней безопасности и правосудия, внешней безопасности, науки и образования. Наиболее проблемной зоной оставались отношения в области защиты прав человека, где стороны регулярно обменивались взаимными упреками и обвинениями.

³ Information and Communication: Handbook for EU Delegations in Third Countries and to International Organisations. December 2012. Ref: Ares (2013)32604. 11 January 2013. 26 p.

Более продуктивно происходило общение представителей деловых кругов, правоохранительных органов, и, особенно, в сфере образования, науки и культуры. С появлением новых грантов Евросоюза на развитие европейских исследований в дополнение к действующим информационным центрам ЕС стали открываться научно-образовательные Центры ЕС (в Калининграде, Санкт-Петербурге, Томске, Петрозаводске, Казани, Ростове-на-Дону), а также Центры совершенства им. Жана Монне и профильные кафедры, ориентированные на углубленное преподавание дисциплин, связанные с Европой¹. Представительство Евросоюза являлось инициатором многочисленных культурных мероприятий, включая художественные выставки, культурные фестивали «Дни Европы». Широкую известность получил проводящийся с 2005 г. в Калининграде Фестиваль кино стран Европейского Союза. Благодаря этим и другим акциям сама фигура посла Европейского Союза приобрела узнаваемый публичный характер в российском медиапространстве.

При этом, несмотря на определенные успехи в проецировании позитивного имиджа ЕС во внешнем мире, европейская публичная дипломатия после Лиссабона сталкивалась с множеством трудностей. Вопреки ожиданиям, внешняя политика не стала более централизованной. Напротив, ее институциональная структура стала еще более запутанной. Так, после согласования в Европарламенте функциями осуществления публичной дипломатии была наделена служба Инструментов внешней политики (Foreign Policy Instruments, FPI), созданная на правах Генерального директората в составе Европейской Комиссии. Хотя основной специализацией FPI было осуществление наблюдений в ходе выборов кампаний, эта структура занималась еще и продвижением европейской информационной продукции в масс-медиа, в том числе за рубежом – то есть фактически дублировала ЕСВС. Кроме того, некоторыми аспектами публичной дипломатии в рамках своей компетенции занимался аппарат Европейской Инициативы в области Демократии и Прав Человека (ЕИДПЧ), а также 11 Специальных представителей Европейского Союза в кризисных и конфликтных регионах мира.

Сохранялся основной (и неизбежный) изъян коммуникационной политики ЕС: Брюсселю по-прежнему приходилось работать на два «фронта», причем информационная работа с гражданами

¹ Центры ЕС в России и мире / Центр Европейского Союза в Сибири. URL: <http://eucses.tsu.ru/ru/o-центре/центры-ес-в-россии-и-мире.html> (дата обращения: 19.01.2017).

Евросоюза требовала, пожалуй, большей гибкости и усилий, чем продвижение позитивного имиджа ЕС за рубежом. Первым тревожным сигналом для обновленного Союза стал европейский долговой кризис в 2009–2010 гг. Убеждение европейцев в прочности основ ЭВС, поддержание стабильных отношений с ведущими внешнеторговыми партнерами ЕС в условиях падения доверия к евро и регулирующим финансовым институтам было крайне непростой задачей. Еще сильнее по репутации интеграционного проекта ударил миграционный кризис, ставший следствием «Арабской весны» (2011 г.). Референдум о выходе Великобритании из ЕС (2016 г.), рост популярности «новых правых» и других евроскептиков только подтвердили недостаточность и неэффективность принимаемых Евросоюзом мер в области массовых коммуникаций и публичной дипломатии. На этом неблагоприятном фоне неожиданностью для многих стало награждение Европейского Союза Нобелевской премией мира в 2012 г. – за «60 лет деятельности по утверждению мира и согласия, демократии и прав человека»¹. В условиях усугубляющегося финансового и гуманитарного кризиса это решение Нобелевского комитета многие общественные деятели и простые граждане в странах ЕС сочли спорным и политически ангажированным².

Немало трудностей вызывает необходимость координации единой публичной дипломатии Евросоюза с политическими коммуникациями государств-членов. Особенно болезненным был и остается процесс согласования общей линии в отношении наиболее проблемных регионов – таких, как Ближний Восток и Северная Африка, ставших после «Арабской весны» основным источником исхода беженцев в страны ЕС. Однако для разворота ЕС к «стратегическим коммуникациям» потребовались более серьезные внешние потрясения.

В отношениях единой Европы с Российской Федерацией долго накапливались противоречия во взглядах на вектор будущего развития постсоветских государств, вовлеченных в политику «Восточного партнерства» ЕС. Политика Брюсселя по выстраиванию

¹ Нобелевская премия мира присуждена Европейскому Союзу // BBC: Русская Служба. 12 октября 2012 г. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121012_nobel_peace_prize_eu (дата обращения: 18.01.2017).

² Koranyi B., Klesty V. European Union Wins Nobel Peace Prize // Reuters World News. October 12, 2012. URL: <http://www.reuters.com/article/us-nobel-peace-idUSBRE89A1N820121012> (date of access: 18.01.2017).

отношений с Грузией, Молдавией, Арменией и Украиной на основе соглашений об ассоциации с ЕС рассматривалась Москвой как экспансия Запада в пространстве традиционного влияния России. Наибольшую остроту кризис в отношениях РФ и ЕС приобрел после событий на Украине в ноябре 2013 – феврале 2014 г. Отказ украинского руководства от подписания соглашения об ассоциации с Евросоюзом спровоцировал массовые уличные протесты («Евромайдан»), за которыми последовало свержение президента В. Ф. Януковича и приход к власти в Киеве прозападных сил. Европейский Союз вполне ожидаемо не признал правомочности референдума о статусе Крыма (16 марта 2014 г.) и, вслед за США, ввел санкции против России, обвинив Москву в нарушении территориальной целостности Украины. Вооруженный конфликт в Донбассе еще более усугубил политическое, экономическое и информационное противостояние сторон.

На «внутреннем фронте» Евросоюза в то же время резко возросла активность исламистского подполья – сторонников «Аль-Каиды» и «Исламского государства»¹. В 2015–2016 г. Европу сотрясла серия жестоких терактов в Париже, Ницце, Брюсселе, Копенгагене. В числе причин явной неготовности населения, властей и спецслужб государств ЕС к борьбе с терроризмом называлась и неэффективная информационная работа, в том числе в странах Северной Африки и Ближнего Востока и в среде мигрантов из мусульманских стран.

Столкнувшись с возросшим информационным влиянием Российской Федерации и подрывной деятельностью исламистов, Евросоюз все больше насыщает свою коммуникационную повестку контрпропагандой, уже не стесняясь этого термина. Происходит переход к «стратегическим коммуникациям».

¹ «Исламское государство Ирака и Леванта» – террористическая группировка, запрещена на территории Российской Федерации.

От публичной дипломатии – к «стратегическим коммуникациям»

Первенство практического внедрения идей «стратегических коммуникаций» («СтратКом») принадлежит американцам. Как указывает Н. А. Цветкова, в экспертном сообществе США широкую популярность приобрел тезис о том, что в период кризисов и войн, когда противники активно используют традиционную пропаганду, нет смысла заниматься долгосрочными вопросами привития зарубежной публике своих ценностей¹. Во втором десятилетии XXI в. Запад столкнулся с новыми вызовами, причем многие из них оказались для Старого Света гораздо более серьезным испытанием, чем для Америки.

В разгар осложнений с Россией из-за конфликта на Украине, ситуации вокруг Сирии и миграционного кризиса в Евросоюзе Брюссель начинает активно перенимать американский опыт «стратегических коммуникаций». Во многом это происходит благодаря Организации Североатлантического договора, в которой состоит большинство стран-членов ЕС². Именно НАТО основными источниками угроз европейской безопасности в 2015–2016 гг. называла (в равной степени!) Россию, наращивающую свой военный потенциал и ведущую «гибридную войну» на Украине, и исламский терроризм. Данная концепция в скором времени нашла отражение и в официальных документах ЕС.

В европейском изложении «СтратКом» предполагалось осуществлять на трех основных направлениях (*east, south and inside*): на юге – противостоять волнам агрессивной исламистской пропаганды ИГИЛ, на востоке – сдерживать амбиции России, наконец, внутри самого ЕС пытаться сохранить европейское единство после «Брекзита». «Диалоговая» публичная дипломатия, действующая через традиционные каналы распространения информации, теперь признается малоэффективной, поскольку она уже не способна активно противодействовать информационным потокам, «подрывающим европейские ценности». В предложениях Генерального директората по внешней политике ЕС по развитию «стратегических коммуникаций» (2016 г.) широко используется наступательная

¹ Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. 2015. Т. 3. № 3 (42). С. 121, 126.

² Lété B. How Ukraine Can Open its Doors to NATO. The German Marshall Fund of the United States. Strengthening Transatlantic Cooperation. June 2016. 10 p.

риторика: угрозы, исходящие от враждебно настроенной стороны, необходимо «идентифицировать и дезактивировать»¹. На практике это означало применение методов, более свойственных пропаганде и контрпропаганде, то есть допускающих намеренное искажение действительности, усиление определенных сюжетных линий с целью дискредитации соперника, или умолчание фактов, способных выставить в невыгодном свете собственную позицию. При этом, однако, Евросоюз практически не использует по отношению к такого рода деятельности термин «информационная война», ставший привычным в российских медиа.

Информационное противостояние России с Евросоюзом, имеет давние корни, но его последний по времени виток прослеживается с серии т. н. «цветных революций» в странах постсоветского пространства (2003–2005 гг.), которые Москва восприняла как прямую угрозу национальной безопасности и суверенитету России. С этих позиций антизападный нарратив российских политических текстов выглядит как оборонительный (или контрнаступательный). Кремль продолжал критиковать политику «Восточного партнерства» ЕС, ориентированную на поэтапное вовлечение шести постсоветских стран (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины) в европейские интеграционные процессы, в то время как Российская Федерация пыталась играть ведущую роль в альтернативном – Евразийском – интеграционном проекте. Последующие события, включая скоротечный, но жесткий конфликт РФ и Грузии в августе 2008 г., лишь усугубили конфронтацию России и Запада, что позволило многим обозревателям говорить о начале новой холодной войны. Таким образом, обострение в отношениях ЕС и России из-за событий на Украине не стало неожиданным – оно было подготовлено всем ходом исторических событий на протяжении предыдущего десятилетия.

Российская Федерация в 2000-х гг. существенно нарастила свой потенциал в сфере публичной дипломатии и пропаганды. К наиболее значимым явлениям можно отнести создание популярного международного телеканала Russia Today (впоследствии RT, 2005 г.), фонда «Русский мир» (2007 г.), Россотрудничества (2008 г.), фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова (2010 г.), новостного агентства Sputnik (2014 г.). В сравнительно

¹ Directorate-General for External Policies. Policy Department. EU Strategic Communications with a View to Counteracting Propaganda. EP/EXPO/B/FWC/AFET/2015-01/02. May 2016. 34 p.

короткие сроки Россия воссоздала советские практики привлечения иностранных студентов на обучение в свои университеты. Российские правительственные институты активно осваивали «цифровую дипломатию», превратив Интернет в эффективное средство доведения внешнеполитической позиции Кремля.

С точки зрения ЕС, весь этот инструментарий оценивается как источник угроз для европейской безопасности. По европейским оценкам, российское руководство, пытаясь возложить вину за кризисное состояние внутри страны на внешние силы, генерирует поток негативных новостей о ЕС, ориентируясь на определенные (и довольно многочисленные) социальные группы внутри Евросоюза, недовольные экономической и политической политикой Брюсселя¹. Причем география проявления российского информационного влияния разнообразна. Это и страны «Восточного партнерства», где традиционно используется русский язык и пока еще сильны культурно-языковые связи с Россией, и Балканские страны-кандидаты, но также и государства-основатели ЕС, включая Францию, Германию или Италию.

Европейские эксперты по «СтратКом» обвиняют Россию в том, что она компрометирует саму идею общности интересов европейских народов, пытается внести раскол в единую внешнюю политику ЕС, избирательно запугивая или подкупая целевые группы, в том числе политическую элиту некоторых стран. Это осуществляется посредством сетевых вещательных каналов наподобие RT или Sputnik, зарубежных организаций российских соотечественников, Русской православной церкви, различных политических течений как правого, так и левого толка. Отдельное внимание уделяется российским аналитическим центрам – т. н. «фабрикам мысли» (*think tanks*). Так, в докладе Центра Европейских Исследований Вильфреда Мертенса, связанного с Европейской Народной партией (фракцией Европарламента) российские неправительственные организации причисляются к наиболее опасным агентам влияния Кремля. Более того, авторы доклада постоянно указывают на правительственную ангажированность российских НПО, причисляя их к т. н. GONGO (Government-Organized Non-Governmental Organizations) – то есть фактически к лоббистским структурам².

¹ Directorate-General for External Policies... P. 5–6.

² The Bear in Sheep's Clothing. Russia's Government-Funded Organisations in the EU. Wilfried Martens Centre for European Studies. Brussels, 2016. 85 p. См. также: Стецко Е. В.

Опыт НАТО был заимствован и в пересмотре операционной организации «стратегических коммуникаций» ЕС (о чем открыто говорится в концептуальных документах). Так, в 2015 г. по поручению главы Европейского Совета Дональда Туска внутри ЕСВС была сформирована «оперативная группа по стратегическим коммуникациям на восточном направлении» (East StratCom Task Force). На первых порах эта структура включала всего 9 сотрудников (для сравнения: в аналогичном подразделении НАТО состоит 25 чел.). Опергруппа, названная журналистами «информационным спецназом», занимается продвижением европейского контента на русском языке – в основном, сайта ЕСВС, для чего в ее состав были включены русскоязычные эксперты. Одновременно в задачи группы вменялась «борьба с российской дезинформацией», учитывая накопленный к тому времени опыт контрпропаганды в украинском конфликте. С этой целью с февраля 2016 г. на русскоязычной версии сайта ЕСВС стал ежемесячно публиковаться соответствующий дайджест¹. Группа сотрудничает с более чем 400 экспертами, а также журналистами, которые помогают с мониторингом русскоязычной прессы. Так, в центре многих публикаций было расследование гибели лайнера Boeing рейса МН17 в небе над Донбассом.

Одновременно та же опергруппа должна заниматься «южным направлением» – джихадистскими группировками, связанными с ИГИЛ, которые воздействуют на европейских мусульман с целью склонить их к террористической деятельности. Одним из способов создать альтернативный джихадистскому нарратив называется «поддержка мейнстримных исламских теологов», которые имеют достаточно влияния и узнаваемости, чтобы предложить альтернативную радикальным идеям повестку. В связи с этим планируется увеличить штат и финансирование организации, выделять дополнительные ресурсы на помощь независимым СМИ и европейским НКО, поддерживать программы профессиональной подготовки журналистов².

В октябре 2016 г. Комитет по иностранным делам Европарламента принял резолюцию «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон», в которой

Медведь в овечьей шкуре / Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. 1 августа 2016. URL: <http://gorchakovfund.ru/news/19199/> (дата обращения 08.02.2017)

¹ EU vs Desinformation: official website. URL: <https://euvsdisinfo.eu/ru/> (date of access: 08.02.2017).

² Макаренко Г. Лекарство от пропаганды. Как Европа будет противостоять российским СМИ // РБК Газета. 2016. № 189 (2445) (1310). 12 октября. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/10/13/57fe258f9a79476b5722edd9> (дата обращения 08.02.2017).

«восточное» (российское) и «южное» (антитеррористическое) направления информационной активности фигурировали как равнозначные. Это ожидаемо вызвало резкую критику со стороны Москвы. Так, Президент России Владимир Путин саркастично поблагодарил журналистов телеканала RT и агентства Sputnik за результативную работу, а главный редактор RT Маргарита Симоньян заверила, что телеканал и дальше будет «давать европейцам альтернативную точку зрения», а «Европа в итоге посмотрит на себя и придет в ужас от того, что творит»¹.

Заключение

Таким образом, в развитии публичной дипломатии ЕС отразилась эволюция европейского интеграционного проекта последних десятилетий – со всеми ее успехами и поражениями, достижениями и кризисами. От фрагментарной, ориентированной на самих европейцев разъяснительной «инфополитики» Евросоюз постепенно перешел к выстраиванию диалога с широкой зарубежной аудиторией. При этом (особенно в период после Лиссабонского договора 2009 г.) ЕС действовал, скорее, как сверхдержава, а не международная организация. В том, что касается инструментов и тактических приемов ведения глобального диалога, Брюссель следовал общемировым трендам – гибко комбинируя традиционные и относительно новые технологии (культурные и образовательные обменные программы, «цифровую дипломатию»).

Курс единой Европы на выработку общей внешней политики и политики безопасности, а также расширение Союза и «Восточное партнерство» ожидаемо вызывали разногласия внутри ЕС и противодействие со стороны России. Украинский «Евромайдан» и последовавшие за ним события выявили резкое несоответствие ценностных и политических установок сторон. Это особенно проявилось во взаимном критическом восприятии публичной дипломатии Европейского Союза и Российской Федерации. Происходит обоюдная *секьюритизация* публичной дипломатии, то есть причисление деятельности, связанной с распространением информации и прямыми контактами

¹ Кондрашова Н. Путин поздравил журналистов RT после резолюции о российской пропаганде // РБК Политика. 2016. 23 ноября. URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/11/2016/583598d79a7947258ce2da6f?from=main> (дата обращения: 08.02.2017).

с зарубежной аудиторией, к числу угроз безопасности. При этом обе стороны склонны усматривать подрывную деятельность даже в таких сложившихся десятилетиями практиках, как образовательные, культурные и научные обмены. Появились опасения, что такое алармистское взаимное восприятие публичной дипломатии может закрепиться в практике двусторонних отношений надолго.

Вместе с тем и в Брюсселе, и в Москве осознают важность поддержания контактов на уровне гражданского общества, особенно в высшем образовании – области, наименее затронутой кризисом в двусторонних отношениях, а также в журналистике, экологии, культуре, социальной сфере. Помимо приобретающих все большую популярность проектов и стипендиальных программ Erasmus+, для участия россиян открыта официальная программа обменов ЕС – European Union Visitors Programme (EUVP)¹. В феврале 2017 г. московское представительство германского Института им. Гёте открыло масштабный проект «Общественная дипломатия. ЕС и Россия», финансируемый из бюджета ЕСВС. Проект «намерен поддерживать прежние связи, не давать им разрушиться на отдельные непримиримые позиции, учиться новым способам общения в силовых полях конца 2010-х гг., налаживать обмен интеллектуальной энергией между Россией и Европой»². Первыми мероприятиями в рамках новой инициативы публичной дипломатии ЕС стали стажировки российских региональных журналистов во Франции, а также обмены экспертами в области экологии и конференция по проблемам изменений климата. То, что российская сторона не препятствует реализации подобных программ, само по себе может расцениваться как свидетельство относительной нормализации отношений.

¹ The European Union Visitors Programme. URL: <http://europa.eu/euvs/en/content/welcome-euvs-nice-meet-eu> (date of access: 05.06.2017).

² Что такое «Мосты»? Colta начинает новый проект. О чем он? // Colta. 2017. 5 мая. URL: <http://www.colta.ru/articles/mosty/14634> (дата обращения: 05.06.2017).

Глава 2. Политика ЕС в области ядерного нераспространения

Введение

Тематика нераспространения ядерного оружия играет весьма важную роль в поддержании глобальной и региональной безопасности и стабильности. Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях экономически развитых регионов с высоким уровнем интегрированности, к которым относится Европа. Кроме того, геополитическое положение Европы и наличие в регионе государств с полным набором технологий ядерного топливного цикла (в том числе и военных) объясняет релевантность «ядерного фактора» для повестки дня ЕС на современном этапе¹. Неудивительно, что на различных этапах формирования евроинтеграционных структур их руководство уделяло немалое внимание проблемам, связанным с ядерным нераспространением и мирным использованием энергии атома.

В данном разделе монографии рассматриваются особенности политики Европейского Союза и европейских организаций в целом в отношении различных аспектов ядерного фактора. Затрагиваются как военно-политический компонент, так и составляющая, сопряженная с мирным использованием ядерной энергии. Кроме того, акцент делается на проекты международного сотрудничества в ядерной сфере с участием ЕС.

Для более четкого понимания контекста выстраивания и имплементации политики ЕС в отношении ядерного нераспространения необходимо учитывать общий контекст, связанный с эволюцией регионального режима нераспространения ядерного оружия на европейском пространстве. При этом, проанализировав особенности генезиса этого режима в исторической ретроспективе, стоит остановиться на его развитии с начала 1990-х гг., с объединения Германии, распада ряда восточноевропейских государств (СССР, СФРЮ, Чехословакия), подписания и вступления в силу Маастрихтского договора.

¹ Есин В. И. Проблема распространения ядерного оружия в Европе в начале XXI века (аналитический доклад). М., 2003.

Формирование ядерной политики Европейских сообществ в условиях регионального режима ядерного нераспространения в Европе

Теория международных режимов, разработанная в 1970-е и 1980-е гг., помогает объяснить структуру и эволюцию совокупности норм и принципов в сфере ядерного нераспространения не только на глобальном, но и на региональном уровне. Одним из наиболее четко оформившихся региональных режимов нераспространения ядерного оружия в мире является европейский режим. Наряду с глобальными договорами и организациями (Договор о нераспространении ядерного оружия, Международное агентство по атомной энергии и т. п.), положения и акты которых являются императивными для всех стран, в Европе сложились собственные институты, регулирующие деятельность в ядерной сфере.

Важно обратить внимание на историческую составляющую вопроса: во многом именно европейские ученые (в частности, немецкие: Отто Ган, Фриц Штрассман) внесли решающий вклад в становление ядерной физики как научной дисциплины. В 1940-е гг. разработка ядерных технологий сыграла весьма важную роль в становлении послевоенного миропорядка и архитектуры европейской безопасности. Широко известны попытки Третьего Рейха заполучить ядерное оружие (1939–1945 гг.) и параллельные действия в этом направлении британской компании “Tube Alloys”. Впоследствии Великобритания объединила усилия с Канадой и США в рамках Манхэттенского проекта, обеспечив свое обладание ядерными вооружениями уже в 1950-е гг.

Наличие в составе Европейского Союза двух официальных ядерных государств, а именно Великобритании и Франции, несомненно, оказало влияние на формирование регионального режима нераспространения ядерного оружия в Европе, равно как и на выстраивание политической линии ЕС в этом направлении. Эти две страны произвели свои ядерные испытания до 1 января 1967 г. (Великобритания 3 октября 1952 г. на о-вах Монте-Белло, Западная Австралия; Франция 13 февраля 1960 г. в пустыне Сахара, Алжир), следовательно, согласно п. 3 ст. IX Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), признаются госу-

дарствами, обладающими ядерным оружием¹. Интересно, что Великобритания стала одним из трех депозитариев Договора, подписав и ратифицировав его в 1968 г., а Франция в течение более двух десятилетий придерживалась принципов Договора de facto, ратифицировав документ лишь в 1992 г.

Следует отметить, что становление регионального режима ядерного нераспространения на европейском пространстве происходило в непосредственной взаимосвязи со становлением европейских организаций. Символично, что история европейской интеграции во многом связана с учреждением и дальнейшим развитием Европейского сообщества по атомной энергии, или Евратома. Его создание, наряду с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС), было предопределено Римскими соглашениями, подписанными 25 марта 1957 г. Изначально в организацию входили шесть государств-основателей, а именно Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Федеративная Республика Германия и Франция². Впоследствии членами Евратома также стали Болгария, Чехия, Дания, Эстония, Ирландия, Греция, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Венгрия, Мальта, Австрия, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Словакия, Финляндия, Швеция, Великобритания. С 2014 г. в его программах участвует и Швейцария, в качестве ассоциированного члена. В числе основных задач Евратома были названы содействие исследованиям и распространение технической информации, выработка унифицированных стандартов безопасности для работников атомной промышленности и населения, обеспечение инвестирования в ядерную индустрию и доступа членов организации к ядерным установкам, урановым рудам и ядерному топливу³. В 1967 г., в соответствии с Договором слияния 1965 г., Комиссия и Совет Евратома вошли в структуры ЕЭС, а в 1993 г. – в Европейское Сообщество, после вступления в силу Маастрихтского договора 1992 г. Впрочем, Евратом продолжает

¹ The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) [Electronic resource] // United Nations. URL: <http://www.un.org/en/conf/npt/2005/npttreaty.html> (date of access: 30.12.2016).

² The Euratom Treaty Consolidated Version [Electronic resource] // European Union Website. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/consolidated_version_of_the_treaty_establishing_the_european_atomic_energy_community_en.pdf (date of access: 30.12.2016).

³ Treaty Establishing the European Atomic Energy Community (Euratom) [Electronic resource] // EUR-Lex – Europa. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=URISERV:xy0024&from=EN> (date of access: 30.12.2016).

оставаться самостоятельной (даже автономной)¹ юридической единицей, включая в себя на данном этапе все государства-члены ЕС.

Если выносить за скобки Евратом, до 1980-х гг. у Европейских сообществ фактически не существовало единой политики в отношении нераспространения ядерного оружия. Причиной тому во многом послужили расхождения различных европейских держав во взглядах на необходимость укрепления режима нераспространения. Так, Испания долгое время оставалась вне ДНЯО, при этом на территории страны находилось немалое количество расщепляющегося материала². По свидетельству французского исследователя и политика Камиля Грана, возглавлявшего до 2016 г. Фонд стратегических исследований (фр. *Fondation pour la recherche stratégique*), между европейскими странами существовал раскол по вопросу об экспортном контроле³. Великобритания, Ирландия и Нидерланды выступали за введение полноценных гарантий контроля, в то время как Бельгия, Франция и Германия придерживались более гибкого подхода. Расхождения касались и других важных компонентов режима ядерного нераспространения (гарантий безопасности со стороны сверхдержав, возможности проведения ядерных испытаний и т. п.) Однако их удалось обойти в результате успешной координации национальных политик. Испания, Франция и ряд других стран вступили в ДНЯО на рубеже 1980–1990-х гг. Ниже приведена таблица, в которой указаны даты подписания и ратификации ДНЯО странами-членами ЕС⁴:

¹ The Seventh Framework Programme of the European Atomic Energy Community (Euratom) for Nuclear Research and Training Activities (2007 to 2011) [Electronic resource] // EUROPA – CORDIS: Community Research and Development Information Service. URL: http://cordis.europa.eu/fp7/euratom/home_en.html (date of access: 30.12.2016).

² España y el Tratado de No Proliferación Nuclear [Electronic resource] // El País. 29 May 1985. URL: http://elpais.com/diario/1985/05/29/espana/486165602_850215.html (date of access: 30.12.2016).

³ Grand C. The European Union and the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. P. 6. [Electronic resource] // Institute for Security Studies. Western European Union. Paris, 2000. URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp037e.pdf> (date of access: 30.12.2016).

⁴ Signatories and Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource] // Federation of American Scientists. URL: <http://fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm> (date of access: 30.12.2016).

**Таблица. Даты подписания и ратификации ДНЯО
странами-членами ЕС**

Страна	Дата подписания	Дата ратификации	Дата сдачи на хранение документа о присоединении или правопреемстве
Австрия	1 июля 1968 г.	27 июня 1969 г.	
Бельгия	20 августа 1968 г.	2 мая 1975 г.	
Болгария	1 июля 1968 г.	5 сентября 1969 г.	
Великобритания	1 июля 1968 г.	27 ноября 1968 г.	
Венгрия	1 июля 1968 г.	27 мая 1969 г.	
Германия	28 ноября 1969 г. (ФРГ) 1 июля 1968 г. (ГДР)	2 мая 1975 г. (ФРГ)	31 октября 1969 г. (ГДР)
Греция	1 июля 1968 г.	11 марта 1970 г.	
Дания	1 июля 1968 г.	3 января 1968 г.	
Ирландия	1 июля 1968 г.	1 июля 1968 г.	
Испания			5 ноября 1987 г.
Италия	28 января 1969 г.	2 мая 1975 г.	
Кипр	1 июля 1968 г.		
Латвия			31 января 1992 г.
Литва			23 сентября 1991 г.
Люксембург	14 августа 1968 г.	2 мая 1975 г.	
Мальта	17 апреля 1969 г.	6 февраля 1970 г.	
Нидерланды	20 августа 1968 г.	2 мая 1975 г.	
Польша	1 июля 1968 г.	12 июня 1969 г.	
Португалия			15 декабря 1977 г.
Румыния	1 июля 1968 г.	4 февраля 1970 г.	
Словакия			1 января 1993 г.
Словения			7 апреля 1992 г.
Финляндия	1 июля 1968 г.	5 февраля 1969 г.	
Франция			3 августа 1992 г.
Хорватия			29 июня 1992 г.
Чехия			1 января 1993 г.
Швеция	19 августа 1968 г.	9 января 1970 г.	
Эстония			7 января 1992 г.

«Золотой век» ядерного нераспространения: ядерная политика ЕС в 1990-е гг. – начале XXI в.

В 1990-е гг., с распадом СССР и ряда восточноевропейских государств, запуском демонтажа Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, ярко проявили себя центристские тенденции на европейском пространстве. Замена концепции Европейского политического сотрудничества понятием Общей внешней политики и политики безопасности, согласно Маастрихтскому договору, означала коренной сдвиг в понимании государствами ЕС проблематики ядерного нераспространения. Теперь обеспечение нераспространения стало сферой ответственности не только отдельных государств, но и интеграционного блока в целом.

Развитие регионального режима ядерного нераспространения и формирование внешней политики ЕС в отношении «ядерного фактора» в 1990-е гг. происходило и в связи с необходимостью решать проблему «советского атомного наследия». В непосредственной географической близости от восточных границ Европейского Союза в результате распада СССР образовались новые суверенные государства, некоторые из которых (Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина) сохраняли на своей территории ядерное вооружение. Вопрос о ядерной безопасности стран Восточной Европы и СНГ упоминается в документах Европейского Совета уже в 1992 г.¹ Положение дел усугубилось тем, что Верховная Рада отказалась ратифицировать Лиссабонский протокол к Договору СНВ-I, предусматривающий вывод ядерного оружия с территории Украины². Среди конкретных шагов по урегулированию ситуации следует назвать подписание соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС, исполнение положений которого зависело от отказа Украины от притязаний на ядерное оружие. Результатом стал вывод ядерных вооружений из Украины, зафиксированный в Будапештском меморандуме 1994 г. Помимо этого Беларусь в одностороннем порядке объявила себя

¹ The European Council. Lisbon. 26–27 June 1992 [Electronic resource] // Archive of European Integration – University of Pittsburgh. URL: http://aei.pitt.edu/1420/1/Lisbon_june_1992.pdf (date of access: 30.12.2016).

² Portela C. The Role of the EU in the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: The Way to Thessaloniki and Beyond [Electronic resource] // PRIF Reports No. 65. URL: https://www.hsflk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_downloads/prif65.pdf (date of access: 30.12.2016).

неядерным государством. Таким образом, непосредственное участие Евросоюза помогло предотвратить распространение технологий и материалов двойного назначения на европейском пространстве.

Единство позиций стран ЕС было одним из факторов, обеспечивших бессрочное продление ДНЯО на Обзорной конференции 1995 г. Разногласия, существовавшие между европейскими партнерами по вопросу о необходимости продления ДНЯО, удалось преодолеть в ходе интенсивных дискуссий в многостороннем формате¹. Это эпохальное достижение дало некоторым исследователям возможность называть 1990-е гг. «золотым веком» ядерного нераспространения². Интересно, что на последующих Обзорных конференциях, которые проводятся с интервалом в 5 лет, консолидированная позиция ЕС и Европейской Комиссии также была представлена в рабочих документах, общее содержание которых сводилось к рекомендациям по упрочнению глобального и региональных режимов ядерного нераспространения³.

Начиная с момента образования Европейский Союз открыто выражал свою позицию по актуальным проблемам ядерного нераспространения. К примеру, ЕС осудил ядерные взрывы, проведенные Индией и Пакистаном в 1998 г.⁴, подтвердив свою приверженность ДНЯО и Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Решение проблемы «советского ядерного наследия» не означало прекращения сотрудничества между Россией и ЕС в ядерной сфере. В 1990-е гг. выполнялись программы TACIS (Техническая помощь Содружеству Независимых Государств, англ. Technical Assistance to the Commonwealth of Independent States), в том числе и направленные на поддержание безопасности российских атомных реакторов. Также в 2001 г. были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве ЕС и РФ в области ядерной безопасности и управляемого тер-

¹ Grand C. Op. cit. P. 17–18.

² Lodgaard S. Nuclear Disarmament and Non-Proliferation: Towards a Nuclear-Weapon-Free World? London & New York, 2011. P. 3.

³ См., напр.: Council Common Position of 13 April 2000 Relating to the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource] // EUR-Lex – Europa. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000E0297&from=EN> (date of access: 30.12.2016).

⁴ Declaration by the Presidency on Behalf of the European Union on Pakistan Nuclear Tests [Electronic resource] // European Union Website. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PESC-98-47_en.htm (date of access: 30.12.2016).

моядерного синтеза¹. Несмотря на такую активизацию, эксперты (С. А. Караганов в частности) отмечали недостаточность подобных мер и желательность дальнейшего укрепления российско-европейской кооперации в ядерной отрасли². Об актуальности проблем ядерного нераспространения в рамках российского измерения внешней политики ЕС свидетельствует включение в дорожную карту 2005 г. пункта о необходимости гармонизации подходов в ядерной области. Впрочем, впоследствии подобная совместная деятельность проводилась не слишком активно, что вписывалось в общий контекст охлаждения двусторонних отношений. Такое развитие событий не могло сказаться позитивно на судьбе регионального режима ядерного нераспространения в Европе, при том, что его укрепление соответствует долгосрочным интересам ЕС и его партнеров (в том числе и России).

В 2003 г. впервые была принята Европейская стратегия безопасности (ЕСБ), определяющая распространение оружия массового уничтожения в качестве одной из ключевых угроз³. Из конкретных вызовов режиму нераспространения выделялись северокорейская ядерная программа, риски, связанные с ядерным фактором, в Южной Азии, а также проблема распространения на Ближнем Востоке. Также после событий 11 сентября 2001 г. в документах европейских организаций все чаще стала выделяться проблема терроризма, в том числе и ядерного. В 2003 г. увидела свет и Стратегия против распространения оружия массового уничтожения⁴, в которой подробно излагались основы противодействия распространению ядерного, химического и биологического оружия. К таковым, в частности, относятся многосторонний подход, поддержка стабильной международной и региональной среды, нацеленность на сотрудничество с партнерами (в первую очередь, выделяются США).

Можно сделать вывод, что десятилетний период с 1993 г. (дата вступления Маастрихтского договора в силу) до 2003 г. (год при-

¹ The Russian Federation and the European Union (EU) [Electronic resource] // European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/720/russian-federation-and-european-union-eu_en (date of access: 30.12.2016).

² Караганов С. А. Нераспространение ядерного оружия и ядерные вооружения в новом веке // Современная Европа. 2001. № 2. С. 28–36.

³ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy [Electronic resource] // Consilium. URL: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (date of access: 30.12.2016).

⁴ EU's Strategy Against Proliferation of Weapons of Mass Destruction [Electronic resource] // Consilium. URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2015708%202003%20INIT> (date of access: 30.12.2016).

нения ЕСБ) ознаменовал собой выработку общих положений политики ЕС в области ядерного нераспространения. Тенденции, характеризующие ядерную политику Евросоюза, – активная роль в переговорном процессе по актуальным проблемам ядерного нераспространения, вовлеченность в систему ядерного нераспространения не только на региональном, но и на глобальном уровне, законодательное закрепление норм ядерной безопасности, выделение финансовых средств и персонала для других государств – укрепились в дальнейшем, как будет показано далее. В то же время, политика ЕС в ядерной сфере приспособлялась и к новым международным реалиям, сообразно с появлением новых вызовов режиму нераспространения.

ЕС и политика ядерного нераспространения на современном этапе

На официальном уровне Европейский Союз в своей внешней политике и по сей день остается приверженным положениям Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.¹, а также соответствующим Резолюциям Совета Безопасности ООН. ЕС поддерживает в своей деятельности режим ДНЯО в различных его проявлениях. В мае 2015 г., в рамках последней на данный момент Обзорной конференции по ДНЯО, ЕС представил три рабочих документа: «Поддержка Европейским Союзом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и режима контроля за его соблюдением»², «Вклад системы гарантий Европейского Союза в укрепление глобального режима ядерного нераспространения. Осуществление гарантий в Европейском Союзе»³ и «Деятельность Европейского Союза по обеспечению высочайших уровней ядерной безопасности – пересмотренная директива по ядерной

¹ Disarmament, Non-Proliferation, and Arms Export Control [Electronic resource] // European External Action Service. URL: http://www.eeas.europa.eu/non-proliferation-and-disarmament/wmd/nuclear_weapons/index_en.htm (date of access: 30.12.2016).

² European Union Support for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and its Verification Regime [Electronic resource] // United Nations. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.50_E.pdf (date of access: 30.12.2016).

³ European Union Safeguards Contribution to the Global Nuclear Non-proliferation Regime: Safeguards Implementation in the European Union [Electronic resource] // United Nations. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.55 (date of access: 30.12.2016).

безопасности»¹. В них постулировалась активная позиция ЕС по наиболее острым вопросам ядерного нераспространения (среди которых вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г., обеспечение физической ядерной безопасности) и конкретные шаги по решению этих проблем. В качестве положительных примеров приводилась деятельность Службы по осуществлению гарантий Европейской Комиссии, а также Европейской группы по надзору в сфере ядерной безопасности.

Высокая степень институционализации европейских структур и кодифицированности права нашла свое отражение и в политике ЕС в области ядерного нераспространения. В то же время механизмы принятия решений, установившиеся в ЕС, не всегда позволяют достичь максимальной эффективности.

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. неоднократно происходил пересмотр базовых документов ЕС в области безопасности и нераспространения, сообразно с развитием ситуации в регионе и мире. Обновленная редакция Европейской стратегии в области внешней политики и безопасности «Общее видение, совместные действия: сильная Европа»² вышла в свет в июне 2016 г. Из проблем, связанных с ядерным нераспространением, в этой версии в первую очередь упоминается вклад ЕС в достижение соглашения по иранской ядерной программе, равно как и поддержание высочайших стандартов ядерной безопасности в третьих странах.

Стратегия ЕС против распространения ОМУ была дополнена в 2008 г., с целью улучшить координацию действий ЕС в рамках нераспространения. Среди необходимых мер, помимо прочего, назывались противодействие финансовым потокам, связанным с распространением ОМУ, предотвращение незаконной передачи соответствующих знаний, а также взаимодействие с другими организациями³.

¹ Promotion by the European Union of the Highest Levels of Nuclear Safety: Revised Nuclear Safety Directive [Electronic resource] // United Nations. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.56 (date of access: 30.12.2016).

² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy [Electronic resource] // European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (date of access: 06.02.2016).

³ Council Conclusions on Ensuring the Continued Pursuit of an Effective EU Policy on the New Challenges Presented by the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (WMD) and their Delivery Systems [Electronic resource] // Consilium. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/139067.pdf (date of access: 06.02.2016).

В 2010 г.¹ и 2013 г.² Стратегия ЕС против распространения ОМУ вновь была адаптирована к меняющимся реалиям. В 2010 г. был сделан акцент на желательности проявления инициатив со стороны компетентных органов, также поощрялось сотрудничество в этом направлении с третьими странами. В 2013 г. уже были выделены новые вызовы, в частности, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, облегчающих распространение ОМУ.

Что касается перспектив последующего пересмотра и модернизации Стратегий ЕС, нужно учитывать изменение обстановки в мире, связанной с ядерной проблематикой. Так, на рубеже 2000–2010-х гг. на первый план вышла иранская ядерная программа³, переговоры по которой увенчались подписанием Совместного всеобъемлющего плана действий в июле 2015 г. Нельзя не отметить значительную роль ЕС в процессе подготовки и принятия этого документа: сам переговорный формат носит в научной и публицистической литературе название EU3+3 (либо E3+3)⁴. Три европейских участника – Великобритания, Франция и Германия – инициировали переговоры в 2003 г. (что привело к подписанию промежуточного Парижского соглашения), а в 2006 г. к ним присоединились КНР, РФ и США. Также из современных вызовов глобальному режиму нужно назвать военную ядерную программу КНДР, которая провела на конец 2016 г. уже пять ядерных испытаний. В ответ на эти действия ЕС присоединился к режиму санкций, установленному резолюциями СБ ООН, параллельно применив и ряд дополнительных мер⁵. Это не отменяет важности

¹ New Lines for Action by the European Union in Combating the Proliferation of Weapons of Mass Destruction and their Delivery Systems – Council Conclusions [Electronic resource] // Consilium. URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2017078%202010%20INIT> (date of access: 06.02.2016).

² Council Conclusions on Ensuring the Continued Pursuit of an Effective EU Policy on the New Challenges Presented by the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (WMD) and their Delivery Systems.

³ Towards a New European Security Strategy? Assessing the Impact of Changes in the Global Security Environment P. 9. [Electronic resource] // European Parliament. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU\(2015\)534989_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU(2015)534989_EN.pdf) (date of access: 30.12.2016).

⁴ Nuclear Talks Between Iran and E3+3 to Continue in November [Electronic resource] // Gov.uk. URL: <https://www.gov.uk/government/news/nuclear-talks-between-iran-and-e33-to-continue-in-november> (date of access: 30.12.2016).

⁵ North Korea: EU Adopts New Restrictions on Trade, Financial Services, Investment and Transport [Electronic resource] // Consilium. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/05/27-dprk-new-restrictions/> (date of access: 30.12.2016).

диалога между северокорейским руководством и ЕС, в том числе по вопросам нераспространения.

Кроме описанных выше механизмов, содержащихся в Стратегиях 2003 г., у ЕС имеется ряд инструментов для претворения в жизнь принципов ядерной политики. К таковым можно отнести ежегодные Конференции по нераспространению и разоружению под эгидой ЕС (англ. EU Non-Proliferation and Disarmament Conferences), проводимые с 2012 г. Международным институтом стратегических исследований¹. Не только представители экспертной среды, но и действующие политики принимают участие в этих мероприятиях. По решению Совета ЕС, в 2010 г. был организован Консорциум ЕС по нераспространению (англ. EU Non-Proliferation Consortium), объединивший четыре научно-исследовательских института и «фабрики мысли» (англ. “think tanks”), базирующиеся в Париже, Франкфурте, Лондоне и Стокгольме². В 2016 г. к нему присоединились еще две организации (из Женевы и Парижа). Нельзя обойти вниманием и тот факт, что штаб-квартиры важнейших международных организаций (МАГАТЭ, Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний) в сфере ядерного нераспространения находятся на территории ЕС, а именно в Вене, Австрия. Данные аргументы еще раз указывают на большую роль сообщества аналитиков в выработке решений по укреплению европейского режима нераспространения ядерного оружия.

Что касается узлов противоречий, в качестве, пожалуй, наиболее характерного из них может быть назван сюжет, связанный с размещением тактического ядерного оружия США в пяти европейских странах, входящих в НАТО. При этом четыре из них, кроме Турции, являются членами ЕС: Бельгия, Германия, Италия и Нидерланды. Еще со времен «холодной войны» на территории этих государств расположены тактические ядерные бомбы (в настоящее время, по разным данным, их до 240³, однако усредненной цифрой принято

¹ EU Non Proliferation and Disarmament Conference [Electronic resource] // International Institute for Strategic Studies. URL: <http://www.iiss.org/en/events/eu-conference/sections> (date of access: 30.12.2016).

² About us [Electronic resource] // The EU Non-Proliferation Consortium. URL: <https://www.nonproliferation.eu/about/> (date of access: 30.12.2016).

³ Wo in Europa Noch Atomwaffen Gelagert Werden [Electronic resource] // Düsseldorf Nachrichten Aktuell – RP Online. URL: <http://www.rp-online.de/politik/ausland/wo-in-europa-noch-atomwaffen-gelagert-werden-bid-1.2117345> (date of access: 30.12.2016).

считать 200)¹ и средства их доставки. Интересно отметить, что советское ядерное оружие было выведено с территории бывшей ГДР в начале 1990-х гг. Важно и то, что описанные страны, будучи неядерными державами, согласно ДНЯО, имеют доступ к ядерным вооружениям в рамках концепции совместного управления ядерным оружием (англ. “nuclear sharing”). Оценки такого положения дел могут быть самыми разнообразными: в 2013 г. заместитель министра обороны РФ заявил о том, что Североатлантический альянс нарушает таким образом ст. I и II ДНЯО². Координация по столь чувствительному вопросу в рамках ЕС пока не была достигнута, вероятнее всего, в силу того, что подобные проблемы остаются внутри национальной юрисдикции государств.

Мирный атом и международные проекты в ядерной области: вклад ЕС

Прежде всего, следует иметь в виду, что ядерная энергетика была выделена в качестве одной из возможных опций в стратегии энергетической безопасности ЕС³. Более того, атомная энергетика является альтернативой углеводородному топливу⁴, что имеет немалое значение для ЕС с точки зрения снижения зависимости от нефти и газа и диверсификации набора источников энергетического сырья. Подобная ситуация требует особой ответственности от стран организации по предотвращению рисков распространения. В связи с этим первостепенным фактором является добровольное принятие на себя участниками ЕС гарантий МАГАТЭ. Наиболее современный набор таких гарантий описан в так называемом Дополнительном протоколе МАГАТЭ типа INFCIRC/540. Помимо соглашений с отдельными государствами, ЕС и МАГАТЭ договорились в 2010 г. о существовании «интегрированных

¹ Торочин Г. В. Концепция совместного управления ядерным оружием в рамках НАТО (на примере ФРГ) // Вестник науки и образования. Саратов. 2014. № 5. С. 4–7.

² Размещение США тактического ядерного оружия на территории неядерных стран не укладывается в рамки ДНЯО – замминистра обороны РФ [Электронный ресурс] // ТАСС. 14 августа 2013. URL: <http://tass.ru/politika/660149> (дата обращения: 30.12.2016)

³ Energy Security Strategy [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy/energy-security-strategy> (date of access: 30.12.2016).

⁴ Каныгин П. С. Энергетическая стратегия ЕС и российский экспорт энергоносителей // Современная Европа. 2007. № 1. С. 37–48.

гарантий»¹, обеспечивающих индивидуальный подход к неядерным странам-членам Евросоюза. Кроме того, миссию по контролю за исполнением гарантий по-прежнему выполняет Евратом через Европейскую группу по надзору в сфере ядерной безопасности (англ. European Nuclear Safety Regulator Group), комплементарно по отношению к МАГАТЭ, но не дублируя функции агентства².

Наличие развитой системы организационных структур стало характерной чертой и для этого направления политики ЕС. В 2007 г. был учрежден Европейский ядерный энергетический форум (англ. European Nuclear Energy Forum), который по роду своей деятельности не только способствует продвижению использования мирного атома, но и следит за имплементацией норм ядерного нераспространения на европейском пространстве. Достижению максимальной эффективности функционирования рынка ядерного сырья и технологий в Европе посвящена работа Европейского ядерного форума (англ. European Atomic Forum, Foratom).

В последнее время среди государств-членов ЕС наметились противоборствующие тенденции в отношении мирного атома. Это ярко иллюстрируют примеры Франции (75 % общего энергетического баланса которой составляет ядерная энергетика) и Германии, решившей постепенно отказаться от мирного атома после аварии 2011 г. на японской АЭС «Фукусима-1». В целом в начале XXI в. строительство новых энергоблоков было запланировано лишь в единичных случаях, например, в Финляндии³. При этом ядерная энергетика на 30 % обеспечивает страны ЕС электроэнергией⁴.

Большое внимание ЕС традиционно уделяет образовательным программам в рассматриваемой сфере, включая ядерную физику и проектирование ядерных установок. В Европе расположены одни из ведущих институтов в мире, поддерживающие традиционно высокий уровень преподавания и исследований (к примеру, это германские вузы в Аахене и Гейдельберге). ЦЕРН, или Ев-

¹ Agreement Reached on Integrated Safeguards in European Union [Electronic resource] // IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/agreement-reached-integrated-safeguards-european-union> (date of access: 30.12.2016).

² Raffaelli S. Lo Stato di Attuazione del Trattato di Non Proliferazione Nucleare. Problematiche e Prospettive. P. 11. [Electronic resource] // IAI – Istituto Affari Internazionali. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai0925.pdf> (date of access: 30.12.2016).

³ Сергеев П. А. Энергетика Евросоюза в начале столетия // Современная Европа. 2004. № 3. С. 79–89.

⁴ Nuclear Energy [Electronic resource] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/nuclear-energy> (date of access: 30.12.2016).

ропейская организация по ядерным исследованиям (фр. Conseil Européen pour la Recherche Nucléaire) проводит научно-исследовательские работы в теоретических и прикладных дисциплинах, связанных с энергией атома, физикой элементарных частиц и другими смежными отраслями. ЕС продолжает участвовать в финансировании международных проектов в ядерной отрасли за счет вовлечения в многосторонние инициативы в области ядерного топливного цикла. В качестве свежего примера можно привести выделение около 25 млн евро на создание банка НОУ (низкообогащенного урана) в Усть-Каменогорске, Казахстан¹.

Заключение

Политика Европейского Союза в области нераспространения ядерного оружия составляет важную часть регионального режима ядерного нераспространения в Европе. Предпосылки к созданию общей политики европейских сообществ в ядерной сфере оформились еще во время холодной войны. Тем не менее, несмотря на меняющиеся внешние условия, равно как и определенные внутренние разногласия по некоторым проблемам, ЕС удастся сохранять четкую единую позицию по большинству вопросов, связанных с нераспространением ядерного оружия. Но это не означает ограничения свободы суверенных стран-членов ЕС расширять использование атомной энергии или отказываться от нее.

Реализуя принципы, указанные в Европейской стратегии безопасности и Стратегии ЕС против распространения ОМУ, на международной арене Европейский Союз действует как медиатор, что может быть показано на примере переговоров по иранской ядерной программе, исход которых мировое сообщество расценило позитивно. Говоря о перспективах дальнейшего расширения политики ЕС в ядерной сфере, следует затронуть такие тренды, как повышение внимания к экологическим аспектам функционирования предприятий ядерного топливного цикла, развитие культуры ядерной безопасности, просвещение широких слоев населения.

¹ Ряд стран выделил \$150 миллионов на создание банка НОУ в Казахстане [Электронный ресурс] // РИА Новости. 15.06.2015. URL: <https://ria.ru/world/20150615/1070025449.html> (дата обращения: 30.12.2016).

На примере ЕС мы наблюдаем органичное переплетение глобальных норм нераспространения ядерного оружия, прописанных в универсальных договорах, и региональных установок, наиболее характерное для системы гарантий нераспространения: стоит обратить внимание на взаимодополняющий характер деятельности МАГАТЭ и Евратома. В экспертной среде уже обсуждается возможность перенять опыт строительства организаций в сфере ядерной безопасности (Евратома в частности) в других регионах, а именно в Азиатско-Тихоокеанском¹. Это может свидетельствовать об относительной успешности функционирования регионального режима нераспространения в Европе, несмотря на отдельные трудности.

¹ Ефимова Л. М. Проблемы национальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Восток. 2000. № 4. С. 159–163.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большое значение для оценки Европейского Союза как международного игрока имеет его способность достигать результатов и добиваться поставленных целей. Специфика акторности ЕС должна отражаться на этих результатах и характере его влияния на международную систему. Взгляды авторов данной монографии на эффективность внешней политики Брюсселя различаются. Несомненно, однако, что Союз более активен в международных отношениях, чем могли себе представить его основатели. Маастрихтский, Амстердамский, Лиссабонский договоры внесли большой вклад в становление ЕС в качестве значимого международного актора. Евросоюз, бесспорно, стал глобальным экономическим игроком, достиг успехов в политике расширения, в трансформации стран ЦВЕ и Балкан, приближении государств региона к европейским нормам и ценностям, развитии межрегионального сотрудничества, основанного на демократических ценностях, уважении прав человека, мирном урегулировании конфликтов. Внешняя политика ЕС приобрела широкий географический ареал, хотя периферия по-прежнему имеет для Союза приоритетное значение. К внешнеполитическим достижениям Евросоюза можно отнести создание Международного уголовного суда, подписание Киотского протокола 1997 г. и Парижского соглашения по климату 2015 г. Многие успехи были достигнуты ЕС, несмотря на противостояние великих держав.

Временами все же национальные столицы пытаются вернуть себе контроль над внешней политикой, и ЕС не может выработать общий взгляд на тут или иную международную проблему, либо проявить твердость в ее решении. Аналитики также спорят о способности ЕС оказывать политическое воздействие и проецировать свою силу за рубежом. Необходимо учитывать, что в последнее время существенно изменилась среда, в которой развивается ОВПБ; появились новые вызовы. Несмотря на реформы Лиссабонского договора, международное влияние ЕС ослабло

за последнее десятилетие, и его способность трансформировать другие государства существенно снизилась. Брюссель стал менее успешен в политике распространения своих ценностей и норм и обратил более пристальное внимание на проблемы безопасности, стабильности и устойчивости. Будущее внешней политики ЕС будет определяться многими факторами – способностью преодолеть внутренний кризис и поддерживать привлекательность европейского проекта, умением проецировать свою мягкую мощь и инвестировать в военную силу. Нам представляется, что Евросоюз не остановится в своих попытках стать более эффективным и последовательным игроком. К тому же ЕС действует, исходя из долгосрочных перспектив, не ожидая немедленного эффекта. Стимулы для ЕС говорить в один голос на международной арене становятся все сильнее, и неумение достигнуть единства имеет крайне негативные последствия для стран-членов. Исследователи указывают на идеальное сочетание взаимозависимой природы ЕС и современной международной системы в целом¹, что позволяет говорить о большом лидерском потенциале ЕС.

¹ McCormick J. The European Superpower. London, 2006.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

В Аомэне открылся Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и португалоязычных стран [Электронный ресурс] // CCTV. 2016. – 11 октября. – URL: <http://russian.cctv.com/2016/10/11/VIDEXgoqwt7BkajAJbUc7ckU161011.shtml> (дата обращения: 19.03.2017).

В Италии прошли столкновения между полицией и китайской диаспорой [Электронный ресурс] // Южный Китай. – 2016. – 2 июля. – URL: <https://www.south-insight.com/node/218312> (дата обращения: 19.03.2017).

Варшавское заявление СМВД ГУАМ о перспективах сотрудничества и европейской интеграции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. – URL: <http://guam-organization.org/node/1215> (дата обращения: 10.08.2017).

Глава МИД ФРГ призвал Европу увереннее продвигать собственные интересы // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. – 2018. – 5 января.

Главные положения доклада ЕС о войне России с Грузией. Тезисы доклада международной комиссии по расследованию обстоятельств войны на Южном Кавказе в августе 2008 года [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2009/09/090930_eu_findings_summary.shtml?print=1 (дата обращения: 10.08.2017).

Декларация Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации, Московская область, замок Майендорф, 2 ноября 2008 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/az/-/asset_publisher/0TeVwfjLGJmg/content/id/318338 (дата обращения: 10.07.2017).

Европа откроет свой рынок Китаю ценой потери 3,5 млн рабочих мест [Электронный ресурс] // Южный Китай. – 2016. – 11 января. – URL: <http://south-insight.com/node/217894> (дата обращения: 15.01.2017).

Европейские школы: Проект Представительства Европейского Союза в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eu-studyweeks.ru/> (дата обращения: 01.02.2017).

Закон об оккупированных территориях [Электронный ресурс] // Грузия для всех. – URL: <http://travelgeorgia.ru/147/> (дата обращения: 10.07.2017).

Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе 4–5 сентября 2014 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 15.01.2016).

Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12 августа 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1072> (дата обращения: 10.07.2017).

История ГУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. – URL: <http://guam-organization.org/node/242> (дата обращения: 10.07.2017).

История ТРАСЕКА [Электронный ресурс] // Официальный сайт программы ТРАСЕКА. – URL: <http://www.traseca-org.org/ru/traseka/istorija-traseka/> (дата обращения: 10.07.2017).

Камынин М. Л. Сложившаяся ситуация с самого начала планировалась как политическая акция по экономическому удушению Приднестровья [Электронный ресурс] / М. Л. Камынин. – URL: <http://www.olvia.id-knet.com/ol130-03-06.htm> (дата обращения: 07.11.2015).

Китай намерен содействовать сотрудничеству с Уэльсом [Электронный ресурс] // Синьхуа. 2015. – 19 сентября. – URL: http://russian.news.cn/2015-09/19/c_134640162.htm (дата обращения: 19.03.2017).

Китай намерен укреплять межпарламентские связи со странами Балтики и Северной Европы – МИД // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. – 2018. – 5 января.

Кондрашова Н. Путин поздравил журналистов RT после резолюции о российской пропаганде [Электронный ресурс] / Н. Кондрашова // РБК Политика. – 2016. – 23 ноября. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/23/11/2016/583598d79a7947258ce2da6f?from=main> (дата обращения: 08.02.2017).

Копышев Е. И. Заявление Президенту Европейского Союза гражданину Херману ван Ромпению. Главе представительства Европейской комиссии в Российской Федерации гражданину Марко Франко. Верховно-

му Комиссару Совета Европы гражданину Томасу Хаммарбергу [Электронный ресурс] / Е. И. Копышев // Южная Осетия. Республиканская общественно-политическая газета. – 20.01.2010. – URL: http://ugo-osetia.ru/10_4/10_4-4.html (дата обращения: 10.07.2017).

Лавров С. В. Выступление и ответы на вопросы в ходе открытия российско-германской Летней школы, Екатеринбург, 15 августа 2016 г. [Электронный ресурс] / С. В. Лавров. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2392315 (дата обращения: 07.12.2016).

Макаренко Г. Лекарство от пропаганды. Как Европа будет противостоять российским СМИ [Электронный ресурс] / Г. Макаренко // РБК Газета. – 2016. – № 189 (2445) (1310). 12 октября. – URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/10/13/57fe258f9a79476b5722edd9> (дата обращения 08.02.2017).

Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем от 8 мая 1997 г. [Электронный ресурс] – URL: http://customs.gospmr.org/wp-content/uploads/2015/03/moscow_memorandum_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2015).

Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и Федерального канцлера Германии А. Меркель 4–5 июня 2010 г., г. Мезеберг [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/575> (дата обращения: 07.11.2015).

Нобелевская премия мира присуждена Европейскому Союзу [Электронный ресурс] // BBC: Русская Служба. 12 октября 2012 г. – URL: http://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121012_nobel_peace_prize_eu (дата обращения: 18.01.2017).

Об утверждении Концепции национальной безопасности Монголии: [Постановление Великого государственного хурала Монголии 15 июля 2010 г. № 48] [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nsc.gov.mn/sites/default/files/images/National%20Security%20Concept%20of%20Mongolia%20EN.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf (дата обращения: 12.10.2017).

Президент Греции посетил Шанхай и Цзянсу [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. – 2008. – 27 июня. – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6438066.html> (дата обращения: 13.08.2017).

Размещение США тактического ядерного оружия на территории неядерных стран не укладывается в рамки ДНЯО – замминистра обороны

РФ [Электронный ресурс] // ТАСС. – 14 августа 2013. – URL: <http://tass.ru/politika/660149> (дата обращения: 30.12.2016).

Ряд стран выделил \$150 миллионов на создание банка НОУ в Казахстане [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 15.06.2015. – URL: <https://ria.ru/world/20150615/1070025449.html> (дата обращения: 30.12.2016).

Саммит по новому «Шелковому пути» начался со скандала [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – 2017. – 14 мая. – URL: <http://www.dw.com/ru/саммит-по-новому-шелковому-пути-начался-со-скандала/a-38832719> (дата обращения: 03.06.2017).

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Грузией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны от 22 апреля 1996 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Право.ru. – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17355566> (дата обращения: 10.07.2017).

Стратегическая концепция Североатлантического союза. Одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_27433.htm (дата обращения: 17.01.2016).

Укрепление взаимного доверия, расширение сотрудничества – глава МИД КНР об итогах визита Ху Цзиньтао во Францию и Португалию [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – 2010. – 9 ноября. – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7192375.html> (дата обращения: 10.11.2010).

Устав Организации за демократию и экономическое развитие [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. – URL: <http://guam-organization.org/node/449> (дата обращения: 10.07.2017).

Халиунаа Н. О встрече премьера с председателем Еврокомиссии Баррозу [Электронный ресурс] / Н. Халиунаа // Монцамэ новости. – URL: <http://www.montsame.gov.mn/ru/index.php/politics/item/2735-2013-11-18-08-38-39> (дата обращения: 12.02.2017).

Центры ЕС в России и мире / Центр Европейского Союза в Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://euces.tsu.ru/ru/o-центре/центры-ес-в-россии-и-мире.html> (дата обращения: 19.01.2017).

Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. / Э. А. Шеварднадзе. – М.: Европа, 2009. – 428 с.

Ялтинская хартия ГУУАМ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. – URL: <http://guam-organization.org/node/306> (дата обращения: 10.07.2017).

10th ASEM Summit (ASEM10). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/10th-asem-summit-asem10> (date of access: 05.03.2016).

11th ASEM Summit (ASEM11). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/11th-asem-summit-asem11> (date of access: 19.11.2016).

4th Connecting Civil Societies of Asia and Europe [Electronic resource]. – URL: <http://www.asef.org/projects/themes/economy/2272-4th-connecting-civil-societies-of-asia-and-europe> (date of access: 05.03.2016).

5th ASEM Summit (ASEM5). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/5th-asem-summit-asem5> (date of access: 05.03.2016).

8th ASEM Summit (ASEM8). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/8th-asem-summit-asem8> (date of access: 05.03.2016).

9th ASEM Summit (ASEM9). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/events/9th-asem-summit-asem9> (date of access: 05.03.2016).

A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy, December 2003 [Electronic resource] // Consilium. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (date of access: 20.02.2016).

About us [Electronic resource] // The EU Non-Proliferation Consortium. – URL: <https://www.nonproliferation.eu/about/> (date of access: 30.12.2016).

Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept of the North Atlantic Treaty Organization Adopted in Lisbon, 20 November 2010 [Electronic resource] – URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (date of access: 15.01.2016).

Agreement between Australia and the European Community on Trade in Wine. Brussels, 1 December 2008. Australian Treaty Series [2010] ATS 19. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2010/19.html> (date of access: 01.11.2016).

Agreement between Australia and the European Union Establishing a Framework for the Participation of Australia in European Union Crisis Management Operations. Brussels, 22 April 2015. Australian Treaty Series [2015] ATS 8. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2015/8.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement between Australia and the European Union on the Security of Classified Information. Brussels, 13 January 2010. Australian Treaty Series

[2011] ATS 20. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2011/20.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement between the European Union and Australia on the Processing and Transfer of Passenger Name Record (PNR) Data by Air Carriers to the Australian Customs and Border Protection Service. Brussels, 29 September 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 19. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/19.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement between the Government of Australia and the European Atomic Energy Community (Euratom) for Co-operation in the Peaceful Uses of Nuclear Energy. Canberra, 5 September 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 3. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/3.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement between the Government of Australia and the European Space Agency for a Co-operative Space Vehicle Tracking Program. Cape Town, 5 October 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 29. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/29.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement between the Government of Australia and the Kingdom of Spain for the Mutual Protection of Classified Information of Defence Interest. Madrid, 17 November 2011. Australian Treaty Series [2012] ATS 36. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2012/36.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement on Operational and Strategic Cooperation between Australia and the European Police Office. The Hague, 20 February 2007. Australian Treaty Series [2007] ATS 34. [Electronic resource] // Australasian Legal Information Institute. – URL: <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/2007/34.html> (date of access: 20.02.2017).

Agreement Reached on Integrated Safeguards in European Union [Electronic resource] // IAEA. – URL: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/agreement-reached-integrated-safeguards-european-union> (date of access: 30.12.2016).

ASEAN and Germany – Natural Partners. Address by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations, before the Deutsches Forum Jakarta. Jakarta. 30 April 2002 [Electronic resource] // ASEAN Economic Bulletin. 2002. Vol. 19, № 2. P. 207–210. – URL: https://www.jstor.org/stable/25773723?seq=1#page_scan_tab_contents (date of access: 07.08.2017).

ASEAN as a Partner for Europe. Address of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the ASEAN-EU Conference. Brussels. 28 June 2001 [Electronic resource] – URL: <http://bookshop.iseas.edu.sg/account/downloads/get/2817> (date of access: 07.08.2017).

ASEAN in APEC at a Time of Adversity and Hope. Statement of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the APEC Ministerial Meeting. Shanghai. 18 October 2001 [Electronic resource] // ASEAN Economic Bulletin. 2001. Vol. 18, № 3. P. 334–336. – URL: http://www.jstor.org/stable/25773691?seq=1#page_scan_tab_contents (date of access: 07.08.2017)

ASEM6 Declaration on Climate Change. Helsinki, 10-11 September 2006 [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_ClimateChange.pdf (date of access: 05.03.2016).

Asia-Europe Cooperation Framework (AECF) 2000. 23 October, 2000. Seoul, Korea. [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/2000%20-%20Asia-Europe%20Cooperation%20Framework%20AECF2000.pdf> (date of access: 15.03.2016).

Asia-Europe Meeting (ASEM4) was held in Copenhagen on 23-24 September 2002. Chairman's Statement. [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/2002_-_ASEM4_-_Chairmans_Statement_1.pdf (date of access: 05.03.2016).

Australia and the European Union: an Agenda for Cooperation, 2003. [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – URL: http://www.dfat.gov.au/geo/european_union/au_eu_agenda_coop_0303.pdf (date of access: 10.12.2016).

Australia EU Free Trade Agreement [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – URL: <http://dfat.gov.au/trade/agreements/aeufta/submissions/Pages/submissions.aspx> (date of access: 29.07.2017).

Australia. Fact Sheet. 2016. [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – URL: <https://dfat.gov.au/trade/resources/Documents/aust.pdf> (date of access: 20.02.2017).

Barroso J. M. Shared Futures: Europe and Australia in the 21st Century. Keynote Address at Australia National University. Canberra, 6 September 2011. [Electronic resource] / J. M. Barroso // ISRIA, Global Intelligence and Information Analysis Company. – URL: http://www.isria.com/free/6_September_2011_x8.php (date of access: 31.11.2017).

Beijing's Sister Cities [Electronic resource] // China Daily. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/beijing/2012-12/08/content_15998570.htm (date of access: 30.03.2017).

Chairman's Statement of the Sixth Asia-Europe Meeting. Helsinki, 10–11 September 2006. [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_ChairmanStatement.pdf (date of access: 05.03.2016).

China 'Will Still Invest in Scotland' [Electronic resource] // BBC. – 2016. – 15 November. – URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-37993124> (date of access: 19.03.2017).

China Urges France to Protect Chinese Citizens After Man's Death [Electronic resource] // Global Times. – 2017. – 29 March. – URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1040032.shtml> (date of access: 29.03.2017).

China, EU Hold Strategic Dialogue [Electronic resource] // Xinhua. – 2017. – April 20. – URL: http://www.china.org.cn/world/2017-04/20/content_40655263.htm (date of access: 20.05.2017).

China's Cosco Acquires 51 Pct Stake in Greece's Piraeus Port [Electronic resource] // Reuters. – 2016. – 10 August. – URL: <http://www.reuters.com/article/greece-privatisation-port-idUSL8N1AR252> (date of access: 13.08.2017).

China's Investment in Influence: the Future of 16+1 Cooperation [Electronic resource] // European Council on Foreign Relations. – 2016. – 14 December. – URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/chinas_investment_in_influence_the_future_of_161_cooperation7204 (date of access: 05.07.2017).

Chinese Views on Europe's Migrant Crisis: "The Road to Ruin" [Electronic resource] // What's on Weibo. – 2015. – 8 September. – URL: <http://www.whatsonweibo.com/chinese-views-on-europes-migrant-crisis-the-road-to-ruin/> (date of access: 03.04.2017).

Clarifying the Definitions of EC Economic Co-operation with Third Countries. Final Report. August. 2002.

Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2007. Progress report Georgia, 2008. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec08_393_en.pdf (date of access: 31.12.2016).

Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2008. Progress Report Republic of Moldova, 2009. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec09_514_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

Commission of the European Communities. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2008. Progress Report Ukraine, 2009. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec09_515_en.pdf (date of access: 20.04.2016).

Commission of the European Communities. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours, 2003. [Electronic resource]. – URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

Communication de la Commission au Conseil et au Parlement Européen sur “Les Relations Avec les Républiques Transcaucasiennes – Stratégie de l’Union Européenne”. COM (95) 205. – Bruxelles, 31.05.1995.

Communication from the Commission to the Council. Towards a New Asia Strategy [Electronic resource]. – URL: <http://aei.pitt.edu/2949/1/2949.pdf> (date of access: 07.08. 2017).

Council Common Position of 13 April 2000 Relating to the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource] // EUR-Lex – Europa. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000E0297&-from=EN> (date of access: 30.12.2016).

Council Conclusions on Ensuring the Continued Pursuit of an Effective EU Policy on the New Challenges Presented by the Proliferation of Weapons of Mass Destruction (WMD) and their Delivery Systems [Electronic resource] // Consilium. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/139067.pdf (date of access: 06.02.2016).

Council of the European Union. Council Joint Action 2005/265/CFSP of 23 March 2005 Appointing a Special Representative of the European Union for Moldova [Electronic resource]. – URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2005.081.01.0050.01.ENG (date of access: 07.11.2015).

Countries and Regions: China [Electronic resource] // European Commission. – URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (date of access: 03.04.2017).

Countries and Regions: Taiwan [Electronic resource] // European Commission. – URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/taiwan/> (date of access: 19.08.2017).

Declaration by the High Representative Catherine Ashton on Behalf of the European Union on Violence Against Journalists in the Russian Federation. Brussels, 17.11.2010 [Electronic resource]. – URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/117735.pdf (date of access: 08.05.2017).

Declaration by the High Representative on Behalf of the European Union on the Situation of Human Rights Defenders in the North Caucasus. Brussels, 16.07.2010 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/cfsp/115805.pdf (date of access: 08.05.2017).

Declaration by the Presidency on Behalf of the European Union on Pakistan Nuclear Tests [Electronic resource] // European Union Website. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PESC-98-47_en.htm (date of access: 30.12.2016).

Declaration on Cooperation against International Terrorism [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/Declaration_on_Cooperation_against_International_Terrorism.pdf (date of access: 05.03.2016).

Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973) [Electronic resource]. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (date of access: 10.11.2017).

Directorate-General for External Policies. Policy Department. EU Strategic Communications with a View to Counteracting Propaganda. EP/EXPO/B/FWC/AFET/2015-01/02. May 2016. – 34 p.

Disarmament, Non-Proliferation, and Arms Export Control [Electronic resource] // European External Action Service. – URL: http://www.eas.europa.eu/non-proliferation-and-disarmament/wmd/nuclear_weapons/index_en.htm (date of access: 30.12.2016).

Disputes by Complainant [Electronic resource] // WTO Official Website. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm#complainant (date of access: 20.08.2017).

Energy Security Strategy [Electronic resource] // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/energy-strategy/energy-security-strategy> (date of access: 30.12.2016).

España y el Tratado de No Proliferación Nuclear [Electronic resource] // El País. – 29 May 1985. – URL: http://elpais.com/diario/1985/05/29/espana/486165602_850215.html (date of access: 30.12.2016).

EU – Asia Security. Factsheet. [Electronic resource] // European Union External Action. – URL: http://eas.europa.eu/asia/docs/eu_in_asia_factsheet_en.pdf (date of access: 20.02.2017).

EU – Australia Relations Factsheet [Electronic resource] // European Union External Action. – URL: https://eas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/9544/EU%20-%20Australia%20Relations%20factsheet (date of access: 20.02.2017).

EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy and Vice President of the European Commission. Speech on Preparations for the Russian State Duma Elections. Strasbourg, 06.07.2011 [Electronic resource]. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-507_en.htm (date of access: 09.09.2017).

EU Non Proliferation and Disarmament Conference [Electronic resource] // International Institute for Strategic Studies. – URL: <http://www.iiss.org/en/events/eu-conference/sections> (date of access: 30.12.2016).

EU Sets Collision Course With China Over ‘Silk Road’ Rail Project [Electronic resource] // The Financial Times. – 2017. – 20 February. – URL: <https://www.ft.com/content/003bad14-f52f-11e6-95ee-f14e55513608> (date of access: 22.02.2017).

EU vs Desinformation: official website [Electronic resource]. – URL: <https://euvsdisinfo.eu/ru/> (date of access: 08.02.2017).

EU, China Summit Ends With No Climate Statement [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – 2017. – 2 June. – URL: <https://www.wsj.com/articles/eu-china-summit-ends-with-no-agreement-on-trade-1496418386> (date of access: 27.07.2017).

EU’s Strategy Against Proliferation of Weapons of Mass Destruction [Electronic resource] // Consilium. – URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2015708%202003%20INIT> (date of access: 30.12.2016).

EU-China Summit, 01-02/06/2017 [Electronic resource] // The European Council. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2017/06/01-02/> (date of access: 27.07.2017).

EU-NATO Declaration on ESDP, 16 December 2002 [Electronic resource]. – URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2002/p02-142e.htm> (date of access: 17.01.2016).

European Commission. 2002–2006 Country Strategy Paper for Moldova [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/moldova/csp/02_06_en.pdf (date of access: 06.11.2015).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in the Republic of Moldova. Progress in 2014 and Recommendations for Action. [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2015/republic-of-moldova-enp-report-2015_en.pdf (date of access: 07.11.2015).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2009. Progress Report Georgia, 2010. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec10_518_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2010. Country report: Republic of Moldova, 2010. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/sec_11_643_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2011 Statistical Annex, 2012. [Electronic resource]. – URL: <http://>

eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/strategy/statistical_annex_enp_implementation_2012_en.pdf (date of access: 06.08.2017).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy Statistical Annex. 2014. [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/2014/stats/statistical_annex_2014.pdf (date of access: 06.08.2017).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Georgia. Progress in 2013 and Recommendations for Action, 2014. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/georgia_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

European Commission. Implementation of the European Neighbourhood Policy in Ukraine. Progress in 2012 and Recommendations for Action, 2013. [Electronic resource]. – URL: http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/2013_progress_report_ukraine_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

European Commission. National Indicative Program 2007–2010. Georgia, 2007. [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/enpi_csp_nip_georgia_en.pdf (date of access: 10.04.2016).

European Commission. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (date of access: 06.11.2015).

European Neighborhood Policy. European Union – Georgia Action Plan (since 14 November 2006) [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/booklet_a4_2_en.pdf (date of access: 10.07.2017).

European Union Safeguards Contribution to the Global Nuclear Non-proliferation Regime: Safeguards Implementation in the European Union [Electronic resource] // United Nations. – URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.55 (date of access: 30.12.2016).

European Union Support for the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty and its Verification Regime [Electronic resource] // United Nations. – URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/pdf/NPT%20CONF2015%20WP.50_E.pdf (date of access: 30.12.2016).

European Union. Fact Sheet. 2016. [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – URL: <http://dfat.gov.au/geo/europe/european-union/Pages/european-union.aspx> (date of access: 20.02.2017).

France Struggles to Retain Colonial Ties in Africa [Electronic resource] // Stratfor. 2013. – URL: <https://worldview.stratfor.com/article/france-struggles-retain-colonial-ties-africa> (date of access: 17.04.2017).

From St. Malo to Nice. European Defence: Core Documents. Compiled by Maartje Rutten. May 2001 [Electronic resource]. – URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp047e.pdf> (date of access: 19.01.2016).

Helsinki Declaration on the Future of ASEM. Helsinki, 10–11 September 2006. [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/060911_FutureAsem.pdf (date of access: 05.03.2016).

Information and Communication: Handbook for EU Delegations in Third Countries and to International Organisations. December 2012. Ref: Ares (2013)32604. 11 January 2013. – 26 p.

Investigations [Electronic resource] // European Commission. – URL: <http://trade.ec.europa.eu/tdi/> (date of access: 21.04.2017).

Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, 8 July 2016 [Electronic resource]. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm (date of access: 10.12.2016).

Joint Declaration on Relations between European Union and Australia, June 1997 [Electronic resource] // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. – URL: http://www.foreignminister.gov.au/releases/2007/Joint_Statement.pdf (date of access: 20.02.2017).

Joint Press Release on the Launch of the EU-Australia Leadership Forum. Bruxelles, 08.09.2016. [Electronic resource] // European Union External Action. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/9541/joint-press-release-launch-eu-australia-leadership-forum_en (date of access: 20.02.2017).

Laeken Declaration on the Future of the Union, European Council, 14–15 December 2001 [Electronic resource]. – URL: http://www.ena.lu/laeken_declaration_future_european_union_15_december_2001-020003970.html (date of access: 10.11.2017).

Mahony H. Barroso Says EU is an ‘Empire’ / H. Mahony // Euobserver. 11. 07. 2007. [Electronic resource]. – URL: <http://euobserver.com/institutional/24458> (date of access: 10.09.2014).

Main Countries of Citizenship and Birth of the Foreign-born Population [Electronic resource] // Eurostat. 2016. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/a/a0/Main_countries_of_citizenship_and_birth_of_the_foreign_foreign-born_population%2C_1_January_2016_%28%C2%B9%29_%28in_absolute_numbers_and_as_a_percent

age_of_the_total_foreign_foreign-born_population%29.png (date of access: 18.02.2018).

Ministry of Foreign Affairs of PMR. Steinmeier Will Take Control of the “Railway Issue”. [Electronic resource]. – URL: <http://mfa-pmr.org/en/khP> (date of access: 07.12.2016).

Monnet J. *Memoirs / J. Monnet*. – London: Collins, 1978. – 544 p.

MTR Document. Regional Strategy for Asia 2007-2013. Multi-Annual Programme for Asia (MIP) 2011-2013. Adopted by Commission decision C(2010) 7863 of 17 Nov. 2010. [Electronic resource]. – URL: http://eas.europa.eu/archives/docs/asia/docs/rsp/07_13_mtr_annex_en.pdf (date of access: 05.03.2016).

NATO Council Final Communiqué, 2 December 1993 [Electronic resource]. – URL: http://nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24131.htm?selectedLocale=en (date of access: 25.01.2016).

New Comprehensive Asia-Europe Partnership for Greater Growth. 1st ASEM Summit (ASEM1). Final Chair Statement. 1-2 March 1996. Bangkok, Thailand. P. 1-7. [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1996%20-%20ASEM1%20-%20Chair%20Statement.pdf> (date of access: 05.03.2016).

New Lines for Action by the European Union in Combating the Proliferation of Weapons of Mass Destruction and their Delivery Systems – Council Conclusions [Electronic resource] // Consilium. – URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2017078%202010%20INIT> (date of access: 06.02.2016).

North Korea: EU Adopts New Restrictions on Trade, Financial Services, Investment and Transport [Electronic resource] // Consilium. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/05/27-dprk-new-restrictions/> (date of access: 30.12.2016).

Nuclear Energy [Electronic resource] // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/nuclear-energy> (date of access: 30.12.2016).

Nuclear Talks Between Iran and E3+3 to Continue in November [Electronic resource] // Gov.uk. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/nuclear-talks-between-iran-and-e33-to-continue-in-november> (date of access: 30.12.2016).

Prague Summit Declaration, 21 November 2002 [Electronic resource]. – URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm?selected-Locale=en (date of access: 25.03.2016).

Prague: Confrontations and Protests by Pro-Tibet Groups During Xi Jinping’s Visit [Electronic resource] // AsiaNews.it. – 2016. – 29 March. – URL:

<http://www.asianews.it/news-en/Prague:-confrontations-and-protests-by-pro-Tibet-groups-during-Xi-Jinping%E2%80%99s-visit-37064.html> (date of access: 17.04.2017).

Promotion by the European Union of the Highest Levels of Nuclear Safety: Revised Nuclear Safety Directive [Electronic resource] // United Nations. – URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2015/WP.56 (date of access: 30.12.2016).

Public Papers of the Presidents. William J. Clinton. 1994. Book 1. – Washington DC: US Government Printing Office, 1995. – 910 p.

Radio Free Europe / Radio Liberty (RFERL). Transdnierster Leader Slams Ukraine over New Customs Rules, 06.03.2006 [Electronic resource]. – URL: <http://www.rferl.org/content/article/1143587.html> (date of access: 07.11.2015).

Rehn O. Values Define Europe, not Borders [Electronic resource] / O. Rehn. – URL: <http://www.delmkd.ec.europa.eu/en/whatsnew/2005/03%20Olli%20Rehn%20article%20Values%20define%20Europe.htm> (date of access: 22.12.2010).

Reinforcing the Partnership between Europe and Asia. 2nd ASEM Summit (ASEM2). Final Chair Statement. P. 3–4. [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1998%20-%20ASEM2%20-%20Chair%20Statement.pdf> (date of access: 05.03.2016).

Remarks by President Donald Tusk After the EU-China Summit in Brussels [Electronic resource] // The European Council. – URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/06/02-tusk-remarks-eu-china-summit/> (date of access: 27.07.2017).

Seoul Declaration for Peace on the Korean Peninsula [Electronic resource]. – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/Seoul_Declaration_for_Peace_on_the_Korean_Peninsula.pdf (date of access: 05.03.2016).

Seven Days in Tibet [Electronic resource] // France 24. – 2013. – 21 May. – URL: <http://www.france24.com/en/20130520-china-tibet-demonstrations-buddhism-beijing-dalai-lama-human-rights> (date of accessed: 17.04.2017).

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, June 2016 [Electronic resource] // European External Action Service. – URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (date of access: 11.05.2017).

Snyder F. The European Union and China, 1949–2008: Basic Documents and Commentary / F. Snyder. – Oxford: Hart Publishing, 2009. 1103 p.

Solana J. EU High Representative for the CFSP Welcomes Implementation by Moldova and Ukraine of Joint Declaration on Customs, 06.03.2006. [Electronic resource] / J. Solana. – URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/031006solanadeclaration_/031006solanadeclaration_en.pdf (date of access: 07.11.2015).

Solana J. Identity and Foreign policy [Electronic resource] / J. Solana // ESDP Newsletter. European Security and Defence Policy. Council of the European Union. – 2007. – № 3. – P. 9. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/ESDP_newsletter_003_0.pdf (date of access: 17.12.2017).

Speech of High Representative Catherine Ashton on the EU-Russia Summit. Strasbourg, 13.12.2011 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/126907.pdf (date of access: 09.09.2017).

Statement by EU High Representative Catherine Ashton in the European Parliament on the Political Use of Justice in Russia. Strasbourg, 11.09.2012 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/132370.pdf (date of access: 08.09.2017).

Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the Khodorkovskii/Lebedev Case. Brussels, 30.12.2010 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/118699.pdf (date of access: 10.09.2017).

Statement by EU High Representative Catherine Ashton on the Sentencing of “Pussy Riot” Punk Band Members in Russia. Brussels, 17.08.2012 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/132192.pdf (date of access: 10.09.2017).

Statement by High Representative Catherine Ashton on Mikhail Khodorkovsky and Platon Lebedev case. Brussels, 24.05.2011 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/122199.pdf (date of access: 09.09.2017).

Statement by High Representative/Vice-President Mogherini on the Sentencing by a Russian Court of Ukrainian Citizens O. Sentsov and O. Kolchenko. Brussels, 25.08.2015 [Electronic resource]. – URL: http://www.eeas.europa.eu/statements-eeas/2015/150825_01_en.htm (date of access: 08.01.2017).

Statement by the Spokesperson of EU High Representative Catherine Ashton on the Sentencing of Demonstrators Involved in the Bolotnaya Square Events. Brussels, 24.02.2014 [Electronic resource]. – URL: http://www.eeas.europa.eu/statements/docs/2014/140224_01_en.pdf (date of access: 09.01.2017).

Statement by the Spokesperson of High Representative Catherine Ashton on LGBTI Rights in Russia. Brussels, 20.06.2013 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/137541.pdf (date of access: 08.09.2017).

Statement by the Spokesperson of High Representative on the New Law on Treason in Russia. Brussels, 25.10.2012 [Electronic resource]. – URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/foraff/133204.pdf (date of access: 09.01.2017).

Statement by the Spokesperson on a New Russian Law on “Undesirable” Non-governmental Organisations. Brussels, 24.05.2015. [Electronic resource]. URL: http://www.eeas.europa.eu/statements-eeas/2015/150524_02_en.htm (date of access: 08.01.2017).

Statement by the Spokesperson on the Anti-corruption Demonstrations Across the Russian Federation. Brussels, 27.03.2017 [Electronic resource]. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/23477/Statement%20by%20the%20Spokesperson%20on%20the%20anti-corruption%20demonstrations%20across%20the%20Russian%20Federation (date of access: 08.09.2017).

Statement by the Spokesperson on Today’s Decision of the “Supreme Court” of Crimea to Ban Mejlis Activities. Brussels, 26.04.2016 [Electronic resource]. – URL: https://eeas.europa.eu/delegations/ethiopia/2864/statement-by-the-spokesperson-on-todays-decision-of-the-supreme-court-of-crimea-to-ban-mejlis-activities_en (date of access: 08.09.2017).

Statement of the President of the European Commission Jean-Claude Juncker, the President of the European Council Donald Tusk and the Prime Minister of Australia Malcolm Turnbull. Brussels, 15 November 2015 [Electronic resource] // European Commission. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-15-6088_en.htm (date of access: 01.11.2016).

Statement of the Seventh Asia-Europe Meeting on the International Financial Situation. Beijing, 24 October 2008. [Electronic resource] – URL: http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/ASEM7_Statement-International-Financial-Situation.pdf (date of access: 07.08.2017).

Strategic Communications / European Union External Action [Electronic resource] – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/100/strategic-communications_en (date of access: 22.12.2016).

Tempus Tacis Compendium’96/97 (Part I), Draft 21/03/’97 / Working Document. – 63 p.

The ASEAN Free Trade Area: Moving Ahead on Regional Integration. Statement of Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations, at the AFTA Roundtable Discussion. Bangkok. 21 November 2000 [Electronic resource]. – URL: http://asean.org/?static_

post=the-asean-free-trade-area-moving-ahead-on-regional-integration (date of access: 07.08.2017).

The Euratom Treaty Consolidated Version [Electronic resource] // European Union Website. – URL: https://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/consolidated_version_of_the_treaty_establishing_the_european_atomic_energy_community_en.pdf (date of access: 30.12.2016).

The European Council. Lisbon. 26-27 June 1992 [Electronic resource] // Archive of European Integration – University of Pittsburgh. – URL: http://aei.pitt.edu/1420/1/Lisbon_june_1992.pdf (date of access: 30.12.2016).

The European Union Visitors Programme [Electronic resource]. – URL: <http://europa.eu/euwp/en/content/welcome-euwp-nice-meet-eu> (date of access: 05.06.2017).

The Financial and Economic Situation in Asia. 2nd. ASEM Summit (ASEM2). [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/sites/default/files/documents/1998%20-%20ASEM2%20-%20Financial%20and%20Economic%20Situation%20in%20Asia.pdf> (date of access: 15.03.2016).

The National Security Strategy of the United States of America, May 2010 [Electronic resource]. – URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (date of access: 19.01.2016).

The National Security Strategy of the United States of America, September 2002 [Electronic resource]. – URL: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (date of access: 25.01.2016).

The New Transatlantic Agenda, 1995 [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/new_transatlantic_agenda_en.pdf (date of access: 25.03.2016).

The Official Information Platform of the Asia-Europe Meeting (ASEM) [Electronic resource]. – URL: <http://www.aseminfoboard.org/members/mongolia> (date of access: 12.02.2017).

The Russian Federation and the European Union (EU) [Electronic resource] // European External Action Service. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/720/russian-federation-and-european-union-eu_en (date of access: 30.12.2016).

The Scotland-China Association: Official Website. [Electronic resource]. – URL: <http://www.scotchchina.org/> (date of access: 19.03.2017).

The Sino-EU Agreement on China's Accession to the WTO [Electronic resource] // European Commission. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/april/tradoc_111851.pdf (date of access: 20.05.2017).

The Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) – State of Play. European Commission, 27 April 2016 [Electronic resource]. – URL:

http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/april/tradoc_154477.pdf (date of access: 28.02.2016).

The Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) [Electronic resource] // United Nations. – URL: <http://www.un.org/en/conf/npt/2005/npttreaty.html> (date of access: 30.12.2016).

The World Factbook [Electronic resource]. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/> (date of access: 17.02.2016)

Tibet Protesters Disrupt Olympic Flame Ceremony [Electronic resource] // The Guardian. – 2008. – 24 March. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/24/tibet.olympicgames2008> (date of access: 17.04.2017).

Towards a Closer Australia-EU Partnership: Joint Declaration of the Australian Foreign Minister and the EU's High Representative for Foreign and Security Policy/Vice President of the Commission, 22 April 2015. [Electronic resource] // Australian Government, Minister for Foreign Affairs – URL: http://foreignminister.gov.au/releases/Pages/2015/jb_mr_150422.aspx (date of access: 20.02.2017).

Towards a New European Security Strategy? Assessing the Impact of Changes in the Global Security Environment [Electronic resource] // European Parliament. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU\(2015\)534989_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/534989/EXPO_STU(2015)534989_EN.pdf) (date of access: 30.12.2016).

Trade for All: Towards a More Responsible Trade and Investment Policy, 2015. [Electronic resource] // European Commission. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153846.pdf (date of access: 20.02.2017).

Transatlantic Declaration on EC-US Relations, 1990 [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_declaration_90_en.pdf (date of access: 17.02.2016).

Transatlantic Economic Partnership, 1998 [Electronic resource]. – URL: http://eeas.europa.eu/us/docs/trans_econ_partner_11_98_en.pdf (date of access: 20.02.2016).

Treaty Establishing the European Atomic Energy Community (Euratom) [Electronic resource] // EUR-Lex – Europa. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=URISERV:xy0024&from=EN> (date of access: 30.12.2016).

Treaty on European Union (Maastricht, 7 February 1992) [Electronic resource]. – URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2002/4/9/2c2f2b85-14bb-4488-9ded-13f3cd04de05/publishable_en.pdf (date of access: 15.12.2017).

Washington Summit Communiqué, 24 April 1999 [Electronic resource] – URL: http://nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27440.htm?selectedLocale=en (date of access: 28.03.2016).

What is the EU Australia Leadership Forum? [Electronic resource] // EU-Australia Leadership Forum. – URL: <https://www.europeaustraliaforum.eu/files/what-eu-australia-leadership-forum-april17.pdf> (date of access: 20.02.2017).

Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by Rodolfo C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Brussels. 23 March 2001.

Workers Protest as Greece Sells Piraeus Port to China COSCO [Electronic resource] // Reuters. – 2016. – 8 April. – URL: <http://www.reuters.com/article/us-eurozone-greece-privatisation-china-c-idUSKCN0X50ZE> (date of access: 13.08.2017).

法国欲联手中国打非洲牌 [Electronic resource] // Caixin.com. – URL: <http://international.caixin.com/2014-11-28/100756585.html> (date of access: 17.04.2017).

李晓鹏：英国脱欧中国才是最大赢家 [Electronic resource] // China Elections and Governance. – URL: <http://www.chinaelections.org/article/910/242774.html> (date of access: 05.07.2017).

中欧合作的三大战略效应 // Жэньминь жибао. – 2014. – 2 апреля.

Литература

Абрамова Н. А. Геостратегические инструменты внешней регионализации КНР на оси: Китай – Центральная Азия – Европа / Н. А. Абрамова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2015. – № 16-1. – С. 6–10.

Агафонов Ю. Г. Влияние Европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства / Ю. Г. Агафонов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 10. – С. 40–49.

Аникеева Н. Е. Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя / Н. Е. Аникеева // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 112–116.

АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Е. В. Кобелев [и др.]. – М.: ИД «ФОРУМ», 2010. – 368 с.

Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А. Д. Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 353 с.

Богатырева О. Н., Перевалова А. А. Деятельность евروهгионов с участием Италии в начале XX века // Известия Уральского федерально-

го университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 75. – № 2. – С. 188-198.

Болгова И. В. Политика Европейского Союза на Южном Кавказе / И. В. Болгова // Кавказский сборник. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – Т. 5 (37). – С. 338-350.

Буракова Л. Почему у Грузии получилось / Л. Буракова. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 272 с.

Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски / И. М. Бусыгина, М. Г. Филиппов. Москва: Фонд «Либеральная миссия, 2012. – 224 с.

Виноградов А. О. Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая / А. О. Виноградов // Китай в мировой и региональной политике. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 132–142.

Виноградов А. О. Китай и страны Европейского союза во втором десятилетии XXI века / А. О. Виноградов // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – С. 231–239.

Виноградов А. О. КНР – страны ЕС / А. О. Виноградов // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012-2013. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013. – С. 329-339.

Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г. И. Чуфрин – М.: Наука, 2004. – 282 с.

Габуев А. Китай приручает европейские партии / А. Габуев // Коммерсантъ. – 2010. – 26 мая.

Гельман В. Я. Из огня да в полымя? Динамики изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе / В. Я. Гельман // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. – 2006. – № 4. – С. 119–150.

Германский план урегулирования конфликта: мнения политиков и наши комментарии [Электронный ресурс] // abhazy.com. – URL: <http://abhazy.com/news/konflikt64.html> (дата обращения: 10.08.2017).

Гилев А. В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Do Revolutions Matter? / А. В. Гилев // Пути модернизации: траектории, развилки, тупики. – Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 352–381.

Глазунов О. Н. Китайская разведка / О. Н. Глазунов. – М.: Алгоритм, 2008. – 256 с.

Годенов И. С. Теоретические подходы в исследовании общей политики безопасности и обороны Европейского Союза / И. С. Годенов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 73.

Гольман М. Монголия и США: от знакомства к стратегическому сотрудничеству [Электронный ресурс] / М. Гольман // Новое восточное обозрение. – URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/05/31/mongoliya-i-sshaot-znakomstva-k-strategicheskomu-sotrudnichestvu/> (дата обращения: 12.02.2017).

Громько А. Европа – затухающий центр силы? / А. Громько // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний. – М., 2012. – С. 549-569.

Громько А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) / А. Громько // Современная Европа. – 2017. – № 2(74). – С. 6–17.

Грузия и Молдавия подписали соглашение об ассоциации с ЕС [Электронный ресурс] // РИА новости. 27.06.2014. – URL: <https://ria.ru/world/20140627/1013800599.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Гудалов Н. Н. Идентичность Европейского Союза как международного актора и его роль в разрешении конфликтов (на примере палестинско-израильского конфликта) / Н. Н. Гудалов // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2014. – Вып. 2. – С. 159–165.

Гусейнов В., Демиденко С. Югоосетинский разлом: размышления о причинах и последствиях / В. Гусейнов, С. Демиденко // Вооруженный конфликт в Южной Осетии и его последствия. – М. 2009. – С. 58–67.

Давыдов Ю. П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений [Электронный ресурс] / Ю.П. Давыдов // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. № 1. – URL: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (дата обращения: 14.12.2016).

Деловая Монголия. Т. VI. Экономика и связи с Россией в 2004–08 гг. – М.: Полпред справочники, 2008. – 60 с.

Демократия: почему у Монголии получилось [Электронный ресурс] // Голос Америки. – URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/mongolia-democrasy-2011-10-17-131993988/247261.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру / И. Джадан. – М.: Европа, 2008. – 184 с.

Дзугаев К. Грузино-осетинский конфликт до и после «революции роз» / К. Дзугаев // Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, 2005. – С. 47–66.

Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии / А.В. Долинский [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. № 1

(25). – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/008.htm> (дата обращения: 28.04.2014).

Драганов А. А. Иран и Кавказ в структуре современных региональных геополитических процессов на Ближнем Востоке / А. А. Драганов // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. – Т. 1. / ред. В. А. Захарова. – М.: ИПСИЧКР, «Русская панорама», 2011. С. 258–265.

Европейская интеграция: учебник / ред. О. В. Буторина. – М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. – 720 с.

Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / ред. О. Ю. Потемкина (отв. ред.), Н. Ю. Кавешников, Н. Б. Кондратьева. – М.: Издательство «Весь Мир», 2012. – 656 с.

Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / ред. О. Ю. Потемкина. – М.: Весь мир, 2012. – 652 с.

Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / [Л. О. Бабынина и др.]; общ. ред. Ал. А. Громыко, М. Г. Носов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – 592 с.

Европейский Союз и региональные конфликты / ред. Н. К. Арбатова и А. М. Кокеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 143 с.

ЕС требует пересмотра закона «Об оккупированных территориях» Грузии [Электронный ресурс] // South Caucasus Region. 02.04.2015. – URL: <http://www.nregion.com/news.php?i=52590#.WIDe8vmLTIU> (дата обращения: 10.07.2017).

Есин В. И. Проблема распространения ядерного оружия в Европе в начале XXI века (аналитический доклад) / В. И. Есин. – М.: Институт США и Канады, 2003. – 97 с.

Ефимова Л. М. Проблемы национальной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Л. М. Ефимова // Восток. – 2000. – № 4. – С. 159–163.

Жамсраны Ц. Түүвэр зохиолууд / Ц. Жамсраны. Улаанбаатар: Арвай хэвэр, 1997. – Боть 1. – 214 с.

Жаргалсайхан М. Монголия: в поисках «третьего соседа» Почему Европейский союз? [Электронный ресурс] / М. Жаргалсайхан // EUCAM Брифинг. – 2012. – № 25. – С. 1–4. – URL: http://www.fride.org/download/PB_25_Ru.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

Зонова Т. В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Т.В. Зонова // Российский Совет по международным делам. 23 мая 2014 г. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1859#top-content (дата обращения: 14.12.2016).

Игумнова Л. О. Имперская идентичность Европейского союза и России / Л. О. Игумнова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 6 (32). – С. 45–55.

Игумнова Л. О. Метод моделирования и имитации во внешней политике ЕС / Л. О. Игумнова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3–2 (63). – С. 184–189.

Истомин И. А. Евросоюз в мировой политике / И. А. Истомин // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – № 18. – С. 127–131.

Казимиров В. Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта / В. Н. Казимиров. – М.: Международные отношения, 2009. – 456 с.

Калатошивили Г. Олег Бичиашивили: «Железная дорога «Баку-Тбилиси-Карс» открывает огромные возможности» [Электронный ресурс] / Г. Калатошивили // Вестник Кавказа. – URL: <http://vestikavkaza.ru/interview/Oleg-Bichiasvili-ZHeleznaya-doroga-Baku-Tbilisi-Kars-otkrivaet-ogromnye-vozmozhnosti%E2%80%B3.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Каныгин П. С. Энергетическая стратегия ЕС и российский экспорт энергоносителей / П. С. Каныгин // Современная Европа. – 2007. – № 1. – С. 37–48.

Караганов С. А. Нераспространение ядерного оружия и ядерные вооружения в новом веке / С. А. Караганов // Современная Европа. – 2001. – № 2. – С. 28–36.

Коростиков М. Китай для Европы страшнее России. Немецкие эксперты обвинили Пекин в попытках расколоть ЕС / М. Коростиков // Коммерсантъ. – 2018. – 13 февраля.

Криворотов А. К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии / А. К. Криворотов // Китай в мировой и региональной политике. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 158–190.

Кузнецов В. С. Тайвань добивается большего признания / В. С. Кузнецов // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). – М.: ИДВ РАН, 2005. – С. 190–202.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. – М.: Вост. лит., 2005. – 351 с.

Лавров: уточнение Саакашвили по «шестому пункту» не отменяет необходимость дискуссии по статусу непризнанных республик [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. 13.09.2008. – URL: <http://www.newsru.com/russia/13aug2008/status.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Лицарева Е. Ю. Позиции стран ЕС в отношении выхода из экономического кризиса 2008 г. / Е. Ю. Лицарева // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 69–76.

Лузянин С. Г. Внешнеполитическая модель КНР 2013 года. К вопросу об отношениях Китая с ЕС, АСЕАН и Индией / С. Г. Лузянин // Китай в мировой и региональной политике. – М.: ИДВ РАН, 2013. – С. 16–27.

Макаренко Г. Грузия стала ассоциированным членом ЕС [Электронный ресурс] / Г. Макаренко // РБК. – 01.07.2016. – URL: <http://www.rbc.ru/economics/01/07/2016/57763fcf9a7947b4266bec82> (дата обращения: 10.07.2017).

Матвеева Е. А. Типология международного регионализма в исторической перспективе / Е. А. Матвеева // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4–2 (76). – С. 163–167.

Медведев и Саркози проговорили несколько часов: к их плану добавились пункты, вступающие в силу немедленно [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. – URL: <http://www.newsru.com/russia/08sep2008/peredgovory.html> (дата обращения: 23.04.2017).

Место России и Монголии в современной региональной конфигурации: сб. докл. / ред. А. В. Глазова. – М.: РИСИ, 2012. – 80 с.

Мидлер П. Плохо сделано в Китае / П. Мидлер. – СПб: БХВ-Петербург, 2012. – 304 с.

Михаил Саакашвили в целом принимает условия и подписывается под заявлением президентов РФ Франции [Электронный ресурс] // NEWSru.com в России. 13.09.2008. URL: <http://www.newsru.com/world/13aug2008/soglasen.html> (дата обращения: 10.07.2017).

Михайленко В. И., Табаринцева-Романова К. М. Итоги председательства Италии в ЕС: второй семестр 2014 г. / В. И. Михайленко, К. М. Табаринцева-Романова // Современная Европа. – 2015. – № 5 (65). – С. 14–20.

Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс / Е. Б. Михайленко. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2014. – 116 с.

Мовчан А. Между Брюсселем и Москвой: «неопределившиеся» страны в зоне влияния Евросоюза и ТС [Электронный ресурс] / А. Мовчан // Московский центр Карнеги. – URL: <http://carnegie.ru/2017/03/09/rupub-68201> (дата обращения: 10.07.2017).

Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе / В. Морозов // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. № 1 (10). – С. 82–94.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М.: Новое издательство, 2004. – 335 с.

Носов М. Г. Отношения ЕС – США: политика, экономика, безопасность / М. Г. Носов // Современная Европа. – 2014. – № 4. – С. 8–22.

Павлова Е. Б., Романова Т. А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е. Б. Павлова, Т. А. Романова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 162–176.

Пале С. Е. Взаимоотношения Франции с ключевыми игроками в ЮТР в первые десятилетия XXI в. / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – № 21. – С. 201–214.

Пале С. Е. Китай и Франция в Южнотихоокеанском регионе: борьба за Таити / С. Е. Пале // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2014. – № 22. – С. 17–26.

Пановкин Д. Миссия Штанмайера невыполнима [Электронный ресурс] / Д. Пановкин // Информационно-Аналитический центр. – URL: <http://ia-centr.ru/expert/1755/> (дата обращения: 10.07.2017).

Паршин П. Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России / П. Б. Паршин / Аналитические доклады: Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. – 2013. – Вып. 1 (36). – 37 с.

Пахомова М. А. Политика КНР в отношении государств Арабского Востока (1978-2012) / М. А. Пахомова. – М.: Изд. дом «Граница», 2016. – 368 с.

Перспективы сотрудничества в области высшего образования на 2000–2006 годы при содействии Европейского Союза / Темпус: мат. конф.; Киев, 23–24 апреля 1999 г. – Люксембург: Служба официальных публикаций Европейских сообществ. 1999. – 224 р.

Портякова Н. Триллион за десять лет: как Китай завоевывает мир своими инвестициями / Н. Портякова [Электронный ресурс] // РБК. – 2015. – 23 октября. – URL: <http://www.rbc.ru/economics/23/10/2015/562a33c59a7947579c0d9740> (дата обращения: 15.01.2017).

Потемкина О. Ю. Имиджевая политика ЕС: цели, базовые принципы, перспективы развития [Электронный ресурс] / О.Ю. Потемкина // Вся Европа. – 2007. – № 5 (11). – URL: <http://alleuropalux.org/?number=11> (дата обращения: 12.01.2017).

Приходько О. В. США и Европа: в поисках ответа на новые вызовы / О. В. Приходько // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2017. – № 5. – С. 5–22.

Сергеев П. А. Энергетика Евросоюза в начале столетия / П. А. Сергеев // Современная Европа. – 2004. – № 3. – С. 79–89.

Сосорбарам М. ЕС открыло свое представительство в Монголии [Электронный ресурс] / М. Сосорбарам // ARD. – URL: <http://asiarussia.ru/news/17114/> (дата обращения: 12.02.2017).

Стецко Е. В. Медведь в овечьей шкуре [Электронный ресурс] / Е.В. Стецко // Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова. 1 августа 2016. – URL: <http://gorchakovfund.ru/news/19199/> (дата обращения 08.02.2017).

Стрежнева М. В. Теории европейской интеграции / М. В. Стрежнева // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2009. – № 1. – С. 28–45.

Стрежнева М. В., Руденкова Д. Э. Европейский союз: архитектура внешней политики / М. В. Стрежнева, Д. Э. Руденкова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

Торопчин Г. В. Концепция совместного управления ядерным оружием в рамках НАТО (на примере ФРГ) / Г. В. Торопчин // Вестник науки и образования. – Саратов – 2014. – № 5. – С. 4–7.

Троицкий М. А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004 / М. А. Троицкий. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. – 252 с.

Хайсандай Л. Между великими соседями / Л. Хайсандай // Стратегия России. – 2006. – № 4. – С. 36–38.

Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» / Н. А. Цветкова // Международные процессы. – 2015. – Т.3. № 3 (42). – С. 121–133.

Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США: теории и концепции / Н.А. Цветкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4–1 (54). – С. 186–189.

Цвижба Л. Зона миротворцев в Южной Осетии (сегодня и вчера) [Электронный ресурс] / Л. Цвижба // Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. – URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2619/> (дата обращения: 10.07.2017).

Цвык А. В. Проблема прав человека и германо-китайские отношения / А. В. Цвык // Современная Европа. – 2017. – № 1 (73). – С. 64–71.

Цвык А. В. Формирование и развитие отношений между КНР и ФРГ во второй половине XX – начале XXI века / А. В. Цвык. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. – 194 с.

Чирикба В. Признание Абхазии со стороны Грузии будет выгодно всему региону в целом / В. Чирикба // Новый день. – 2015. – № 23 (504). – С. 1.

Что такое «Мосты»? Colta начинает новый проект. О чем он? [Электронный ресурс] // Colta. – 2017. – 5 мая. – URL: <http://www.colta.ru/articles/mosty/14634> (дата обращения: 05.06.2017).

Шемятенков В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М.: Международные отношения, 2003. – 398 с.

Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков – М.: НП «III тысячелетие», 2001. – 479 с.

Элбакидзе М., Птрцхалава Э. Восприятие роли ЕС в трансформации конфликта в Грузии. Аналитический доклад, 2012 [Электронный ресурс] / М. Элбакидзе, Э. Птрцхалава // Conciliation Resources. – URL: http://www.c-r.org/downloads/PPP_2012analysis2_RUS.pdf (дата обращения: 10.08.2017).

A Future Vision of Asia and Europe // Business Korea. Seoul. – 2000. – Vol. 17. – № 10. – P. 19–20.

Aggestam L. Introduction: Ethical Power Europe / L. Aggestam // International Affairs. – 2008. – Vol. 84:3. – P. 1–11.

Archick K. U.S. – EU Cooperation Against Terrorism. CRS Report, 1 December 2014 / K. Archick [Electronic resource]. – URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS22030.pdf> (date of access: 15.02.2016).

Art R. J. Correspondence: Striking the Balance / R. J. Art // International Security. – 2005–2006. – Vol. 30:3. – P. 177–196.

Art R. J. Europe Hedges Its Security Bets / R. J. Art // Balance of Power Revisited: Theory and Practice in the 21st Century. – Stanford, 2004. – P. 179–213.

Asia and Europe meet in Seoul // Business Korea. Seoul. – 2000. – Vol. 17. – № 10. – P. 16–17.

Bauer M. Boosting EU Trade with South East Asia. Eurozone, Finance and Economy. Belgium, 2016. [Electronic resource] / M. Bauer // New Direction. The Foundation for European Reform. – URL: <http://europeanreform.org/index.php/site/publications-article/boosting-eu-trade-with-south-east-asia> (date of access: 01.11.2016).

Beck U., Grande E. Cosmopolitan Europe / U. Beck, E. Grande. – Cambridge: Polity, 2007. – 328 p.

Blank S. China's Arctic Strategy / S. Blank [Electronic resource] // The Diplomat. – 2013. – June 20. – URL: <http://thediplomat.com/2013/06/20/chinas-arctic-strategy/> (date of access: 03.07.2013).

Börzel T. A., Risse T. Conceptualizing the Domestic Impact of Europe / T. A. Börzel, T. Risse // The Politics of Europeanization. Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 57–80.

Börzel T. A., van Hüllen V. One Voice, One Message, but Conflicting Goals: Cohesiveness and Consistency in the European Neighbourhood Policy / T. A. Börzel, V. Hüllen van // *Journal of European Public Policy*. – 2014. – № 21. – P. 1033–1049.

Brzezinski Zb. Living with a New Europe / Zb. Brzezinski // *The National Interest*. – 2000. – № 60. – P. 17–32.

Campi A. Mongolia's Integrating with Asia's Heartland. Finding a Future and Rediscovering the Past / A. Campi // *Материалы VIII Международного конгресса монголоведов*. – Улан-Батор, 2002. – С. 3–9.

Camroux D. The Rise and Decline of the Asia-Europe Meeting (ASEM): Asymmetric Bilateralism and the Limitations of Interregionalism [Electronic resource] // *Cahiers européens*. 2006. № 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/48854048_The_Rise_and_Decline_of_the_Asia-Europe-Meeting_ASEM_Asymmetric_Bilateralism_and_the_Limitations_of_Interregionalism (date of access: 07.08.2017).

Checkel J. International Institutions and Socialization in Europe: Introduction and Framework / J. Checkel // *International Organization*. – 2005. – Vol. 59:4. – P. 801–826.

Chitadze N. European Integration as One of the Foreign Policy and National Security Priorities of Georgia / N. Chitadze // *Journal of Social Sciences*. – 2014. – Vol. 3(2). – P. 29–38.

Cooper R. The Post-Modern State and the World Order / R. Cooper. – London: Demos, 1996. – 50 p.

Cooper W. H. EU-U.S. Economic Ties: Framework, Scope, and Magnitude. CRS Report, 21 February, 2014 / W. H. Cooper [Electronic resource]. – URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL30608.pdf> (date of access: 15.02.2016).

Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy / ed. by J. Howorth and J. Keeler. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. – 247 p.

Diez T. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering “Normative Power” / T. Diez // *Millenium*. – 2005. – Vol. 33:3. – P. 613–636.

Dimitrova A., Dragneva R. Shaping Convergence with the EU in Foreign Policy and State Aid in Post-Orange Ukraine: Weak External Incentives, Powerful Veto Players / A. Dimitrova, R. Dragneva // *Europe-Asia Studies*. – 2013. – № 65. – P. 658–681.

Domisiewicz R., Gross E. Breaking New Ground: EU-US Cooperation in Crisis Management / R. Domisiewicz, E. Gross [Electronic resource]. – URL: <http://www.iss.europa.eu/publications/detail/article/breaking-new-ground-eu-us-cooperation-in-crisis-management/> (date of access: 16.02.2016).

Duke S. The European External Action Service and Public Diplomacy / S. Duke / The Hague: Netherlands Institute of International Relation "Clingendael". September 2013. – 38 p.

Eliasson L. J. Problems, Progress and Prognosis in Trade and Investment Negotiations: The Transatlantic Free Trade and Investment Partnership / L. J. Eliasson // Journal of Transatlantic Studies. – 2014. – Vol. 12, № 2. – P. 119–139.

Erickson A., Collins G. China's New Strategic Target: Arctic Minerals / A. Erickson, G. Collins [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – 2012. – 18 January. – URL: <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/01/18/china%E2%80%99s-new-strategic-target-arctic-minerals/> (date of access: 19.03.2017).

Eriksen E. O. The EU – A Cosmopolitan Polity? / E. O. Eriksen // Journal of European Public Policy. – 2006. – Vol. 13:2. – P. 252–269.

EU Foreign Relations Law: Constitutional Fundamentals / ed. by M. Cremona and B. de Witte. – Portland Ore.: Hart Publishing, 2008. – 324 p.

Europe, America, Bush: Transatlantic Relations in the Twenty-first Century / ed. by J. Peterson and M. A. Pollack. – London, New York: Routledge, 2003. – 158 p.

European Foreign Policy in an Evolving International System. The Road Towards Convergence / ed. by N. Casarini and C. Musu. – New York, 2007. – 260 p.

Ever Closer Partnership: Policy-Making in US-EU Relations / ed. by E. Philippart and P. Winand. – Brussels: P.I.E. – Peter Lang, 2001. – 477 p.

Fescharek N. Forward Procrastination? Afghanistan's Lessons about Europe's Role as a Security Provider / N. Fescharek // The International Spectator. – 2015. – № 3. – P. 43–59.

Fischer S. The EU's non-Recognition and Engagement Policy Towards Abkhazia and South Ossetia [Electronic resource] / S. Fischer // European Union Institute for Security Studies. – URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/NREP_report.pdf (date of access: 10.07.2017).

Fiske de Gouveia P., Plumridge H. European Infopolitik: Developing EU Public Diplomacy Strategy / P. Fiske de Gouveia, H. Plumridge. – London: Foreign Policy Centre, 2005. – 60 p.

Flockhart T. Europeanization or EU-ization? The Transfer of European Norms across Time and Space / T. Flockhart // Journal of Common Market Studies. – 2010. – № 48. – P. 787–810.

Frohlich S. The New Geopolitics of Transatlantic Relations. Coordinated Responses to Common Dangers / S. Frohlich. – Washington DC: WWICS, 2012. – 324 p.

Gardner A. L. A New Era in US-EU Relations?: The Clinton Administration and the New Transatlantic Agenda / A. L. Gardner. – Aldershot: Avebury, 1997. – 167 p.

Geddes B. Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? / B. Geddes // Annual Meeting of the American Political Science Association, 2005. – P. 456–471.

Ghiassy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt / R. Ghiassy, J. Zhou. Stockholm : SIPRI, 2017. – 76 p.

Golosov G. The Effective Number of Parties: A New Approach / G. Golosov // Party Politics. – 2010. – № 16(2). – P. 171–192.

Gotev G. Azerbaijan's Rejection of EU Association Was an Eye-Opener for Brussels [Electronic resource] / G. Gotev // Euractiv.com. – URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/azerbaijan-s-rejection-of-eu-association-was-an-eye-opener-for-brussels/> (date of access: 10.07.2017).

Grand C. The European Union and the Non-Proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource] / C. Grand // Institute for Security Studies. Western European Union. – Paris, 2000. – URL: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp037e.pdf> (date of access: 30.12.2016).

Gross E. The Europeanization of National Foreign Policy. Continuity and Change in European Crisis Management / E. Gross. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 194 p.

Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957 / E. B. Haas – London: Stevens & Sons, 1958. – 552 p.

Hallams E., Schreer B. Towards a “Post-America” Alliance? NATO Burden-sharing after Libya / E. Hallams, B. Schreer // International Affairs. – 2012. – № 2. – P. 313–327.

Hammarberg Th. Report on Human Rights in the Transnistrian Region of the Republic of Moldova [Electronic resource] / Th. Hammarberg. – URL: http://www.md.undp.org/content/dam/moldova/docs/Publications/UN_MD_Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights.pdf (date of access: 07.11.2015).

Hassan M. J. Trust-Building in Southeast Asia: What Made it Possible? / M. J. Hassan. P. 52–56. [Electronic resource]. – URL: http://www.isis.org.my/attachments/1575_MJH_Global_Asia_V8N3_Fall_2013.pdf (date of access: 07.08.2017).

Heinrich J., Konan D. E. Prospects for FDI in AFTA / Heinrich J., Konan D. E. // ASEAN Economic Bulletin. – 2001. – Vol. 18. – № 2. – P. 140–160.

Hellman J. Winners Take All / J. Hellman // World Politics. – 1998. – № 50. – P. 203–234.

Hellström J. China's Acquisitions in Europe. European Perceptions of Chinese Investments and Their Strategic Implications / J. Hellström. Swedish Defense Research Academy Report. – December 2016. – № FOI-R--4384--SE. – 60 p.

Hettne B., Soderbaum F. Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and the Role of Interregionalism / B. Hettne, F. Soderbaum // European Foreign Affairs Review. – 2005. – Vol. 10:4. – P. 535–552.

Hoffman S. The European Sisyphus: Essays on Europe, 1964–1994 / S. Hoffman. – Boulder: Westview Press, 1995. – 326 p.

Howorth J. “Operation Harmattan” in Libya: a Paradigm Shift in French, European and Transatlantic Arrangements? / J. Howorth // Journal of Transatlantic Studies. – 2014. – № 4. – P. 405–417.

Howorth J. Security and Defence Policy in the European Union / J. Howorth. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 315 p.

Huijgh E. Changing Tunes for Public Diplomacy: Exploring the Domestic Dimension / E. Huijgh // Exchange: the Journal of Public Diplomacy. – 2011. – Vol. 2. Issue 1. – P. 62–73.

Hunter R. E. The European Security and Defense Policy: NATO's Companion – or Competitor? / R. E. Hunter. – Santa Monica, CA: RAND, 2002. – 179 p.

Hunter R. E. U.S. – European Relations in the “Greater” Middle East / R. E. Hunter // American Foreign Policy Interests. – 2012. – № 3. – P. 125–133.

Hutt D. Chinese Muslim Dissidents Remain Protected In EU, But For How Long? / D. Hutt [Electronic resource] // Forbes. – 2017. – 16 August. – URL: <https://www.forbes.com/sites/davidhutt/2017/08/16/uyghur-chinese-muslim-dissidents-remain-protected-in-eu/#6146be2c58e6> (date of access: 19.08.2017).

Hyde-Price A. “Normative” Power Europe: a Realist Critique / A. Hyde-Price // Journal of European Public Policy. – 2006. – Vol. 13: 2. – P. 217–234.

Hyde-Price A. A ‘Tragic Actor’? A Realist Perspective on ‘Ethical Power Europe’ / A. Hyde-Price // International Affairs. – 2008. – Vol. 84:1. – P. 33.

Ibragimova G. Armenian Experts' Debate: “Membership in the EEU in Exchange for Security” [Electronic resource] / G. Ibragimova // European Dialogue. – URL: <http://www.eurodialogue.eu/Armenian%20Experts%E2%80%99%20Debate%3A%20%E2%80%9CMembership%20in%20the%20EEU%20in%20Exchange%20for%20Security%E2%80%9D> (date of access: 10.07.2017).

Interview: Professor Shi Zhiqin [Electronic resource] // The Diplomat. – 2015. – 27 July. – URL: <http://thediplomat.com/2015/07/interview-professor-shi-zhiqin/> (accessed: 15.01.2017).

Is AFTA Dead? // *Business Asia*. – New York. – 2000. – Vol. 32. № 21 (October 16). – P. 12.

Is Australia Getting Closer to EU Than Ever Before? EU-Australia Free Trade Agreement [Electronic resource] // *EUREPORTER*, October 18, 2016. – URL: <https://www.eureporter.co/frontpage/2016/10/18/is-australia-getting-closer-to-the-eu-than-ever-before-eu-australia-free-trade-agreement/> (date of access: 01.11.2016).

Jargalsaikhan S. Investment Treaties Between Mongolia and EU States: Implications for Mongolia's Development Prospects [Electronic resource] / S. Jargalsaikhan // *Sustainable Development. Strategy Institute Paper*. – 2016. – January. – C. 1–28. – URL: http://www.oefse.at/fileadmin/content/Downloads/tradeconference/Jargalsaikhan_Investment_Treaties_Between_Mongolia_and_EU_states_-_Implications_for_Mongolias_Development_Prospects.pdf (date of access: 12.02.2017).

Johnson K., De Luce D. Europeans Push Back Against Beijing in the South China Sea / K. Johnson, D. De Luce [Electronic resource] // *Foreign Policy.com*. – 2016. – 6 June. – URL: http://foreignpolicy.com/2016/06/06/europeans-push-back-against-beijing-in-the-south-china-sea/?utm_content=buffer0b06d&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (date of access: 03.04.2017).

Jones S. G. *The Rise of European Security Cooperation* / S. G. Jones. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 301 p.

Kagan R. *Power and Weakness* / R. Kagan // *Policy Review*. – 2002. – № 113. – P. 3–28.

Kelley J. *New Wine in Old Wine Skins: Policy Adaptation in the European Neighbourhood Policy* / J. Kelley // *Journal of Common Market Studies*. – 2006. – № 44. – P. 29–55.

Kerneis P. *EU-Australia FTA Talks: Services Essential* // *Australian Outlook*, Australian Institute of International Affairs, January 25, 2017. [Electronic resource] / P. Kerneis // *Australian Institute of International Affairs*. – URL: http://www.internationalaffairs.org.au/australian_outlook/eu-australia-fta-talks-services-essential/ (date of access: 29.07.2017).

Keukeleire S., MacNaughtan J. *The Foreign Policy of the European Union* / S. Keukeleire, J. MacNaughtan. – Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 374 p.

Khintba I. *The EU and the Conflicts in the Eastern Neighborhood: The Case of Abkhazia*. [Electronic resource] / I. Khintba // *Heinrich Böll Stiftung*. – URL: <https://www.boell.de/en/navigation/europe-transatlantic-eu-conflicts-abkhazia-10215.html> (date of access: 10.07.2017).

King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture / Ch. King. – Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2000. – 304 p.

Koops J. A. The European Union as an Integrative Power? Assessing the EU's 'Effective Multilateralism' Towards NATO and United Nations / J. A. Koops. – Brussels: VUBPress, 2011. – 493 p.

Koranyi B., Klesty V. European Union Wins Nobel Peace Prize / B. Koranyi, V. Klesty // Reuters World News. October 12, 2012. – URL: <http://www.reuters.com/article/us-nobel-peace-idUSBRE89A1N820121012> (date of access: 18.01.2017).

Krotz U., Maher R. International Relations Theory and the Rise of European Foreign and Security Policy / U. Krotz // World Politics. – 2011. – Vol. 63:3. – P. 548–579.

Laidi Z. The Normative Empire: The Unintended Consequences of European Power / Z. Laidi // Carnet Policy Brief. – 2008. – Vol. 6 (February). Paris: CERJ.

Langbein J. Unpacking the Russian and EU Impact on Policy Change in the Eastern Neighbourhood: The Case of Ukraine's Telecommunications and Food Safety / J. Langbein // Europe-Asia Studies. – 2013. – № 65. – P. 631–657.

Langbein J., Börzel T. A. Introduction: Explaining Policy Change in the European Union's Eastern Neighbourhood / J. Langbein, T. A. Börzel // Europe-Asia Studies. – 2013. – № 65. – P. 571–580.

Latham K., Wu B. Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. L.: Europe China Research and Advice Network, 2013. 66 p.

Lebanidze B. What Makes Authoritarian Regimes Sweat? Linkage, Leverage and Democratization in post-Soviet South Caucasus / B. Lebanidze // Southeast European and Black Sea Studies. – 2014. – № 14. – P. 199–218.

Leonard M. Why Europe will Run the 21st Century / M. Leonard. – London: Fourth Estate, 2005. – 176 p.

Lété B. How Ukraine Can Open its Doors to NATO / B. Lété. The German Marshall Fund of the United States. Strengthening Transatlantic Cooperation. June 2016. – 10 p.

Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War / S. Levitsky, L. Way. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 536 p.

Lodgaard S. Nuclear Disarmament and Non-Proliferation: Towards a Nuclear-Weapon-Free World? / S. Lodgaard. – London & New York: Routledge Global Security Studies, 2011. – 288 p.

Loewenhardt J. The OSCE, Moldova and Russian Diplomacy in 2003 [Electronic resource] / J. Loewenhardt. – URL: <http://www.ceeol.com> (date of access: 06.11.2015).

Magen A. Shadow of Enlargement: Can the European Neighbourhood Policy Achieve Compliance? / A. Magen // *Columbia Journal of European Law*. – 2005 – № 12. – P. 383–827.

Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? / I. Manners // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – № 40:2. – P. 235–258.

Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? / I. Manners // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – № 40:2. – P. 235–258.

Markovic N. Courted by Europe? Advancing Australia's Relations with the European Union in the New Security Environment. Research Paper no. 1 2009–10, the Australian Parliament, 2009 [Electronic resource] / N. Markovic // *Parliamentary Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp0910/10rp01* (date of access: 20.02.2017).

McDonagh E. Is Democracy Promotion Effective in Moldova? The Impact of European Institutions on Development of Civil and Political Rights in Moldova / E. McDonagh // *Democratisation*. – 2008. – № 15. – P. 142–161.

Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // *The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age (Studies in Diplomacy and International Relations)* / ed. by J. Melissen, D. Lee, P. Sharp. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 221 p.

Meyer C. O. The Quest for a European Strategic Culture: Changing Norms on Security and Defence in the European Union / C. O. Meyer. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 211 p.

Minasyan S. Armenia Keeps on Balancing: Between the European Union and the Eurasian Economic Union [Electronic resource] / S. Minasyan // *Ponars Eurasia*. – URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/armenia-keeps-balancing-between-european-union-and-eurasian-economic-union> (date of access: 10.07.2017).

Moravcsik A. Europe is Still a Superpower and it's Going to Remain One for Decades to Come. April 13, 2017 / A. Moravcsik // *FP, Foreign Policy* [Electronic resource]. – URL: <http://foreignpolicy.com/2017/04/13/europe-is-still-a-superpower/> (date of access: 15.12.2017).

Moravcsik A. Europe: the Quiet Superpower / A. Moravcsik // *French Politics*. – 2009. – Vol. 7:3/4. – P. 403–422.

Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: a Liberal Intergovernmentalist Approach / A. Moravcsik // *Journal of Common Market Studies*. – 1993. – Vol. 31/4. – P. 473–524.

Nielsen K. L. Continued Drift, but Without the Acrimony: US – European Relations under Barack Obama / K. L. Nielsen // *Journal of Transatlantic Studies*. – 2013. – № 1. – P. 83–108.

Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. S. Nye. – New York: Public Affairs. 2004.

Nye J., Owen W. America's Information Edge / J. Nye, W. Owen // *Foreign Affairs*. – 1996. – March / April. – P. 21.

Opinion on the Law on Occupied Territories of Georgia. 17.03.2009. [Electronic resource] // Council of Europe. Venice Commission. – URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2009\)015-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)015-e) (date of access: 10.07.2017).

Paquin J., Beauregard P. US Transatlantic Leadership after Iraq / J. Paquin, P. Beauregard // *Cooperation and Conflict*. – 2015. – № 4. – P. 510–530.

Pelkmans J., Weinian H. Does ASEM Work? [Electronic resource] / J. Pelkmans, H. Weinian // *CEPS Policy Briefs*. 2014. № 321, October 14. P. 2–3. – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2510298 (date of access: 05.03.2016).

Peterson J. The EU as a Global Actor / J. Peterson // *The European Union. How does it Work?* – Oxford, 2012. – P. 203–223.

Popescu N., Litra L. Transnistria: A Bottom-Up Solution [Electronic resource] / N. Popescu, L. Litra. – URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (date of access: 07.11.2015).

Portela C. The Role of the EU in the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: The Way to Thessaloniki and Beyond [Electronic resource] / C. Portela // *PRIF Reports No. 65*. – URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_downloads/prif65.pdf (date of access: 30.12.2016).

Posen B. R. European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity? / B. R. Posen // *Security Studies*. – 2006. – Vol. 15:2. – P. 149–86.

Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America* / A. Przeworski. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 228 p.

Raffaelli S. Lo Stato di Attuazione del Trattato di Non Proliferazione Nucleare. Problematiche e Prospettive [Electronic resource] / S. Raffaelli // IAI – Istituto Affari Internazionali. – URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iai0925.pdf> (date of access: 30.12.2016).

Raffin L. Indivisible Partners or Enduring Combatants? Divisions and Triumphs in the EU-Australian Relationships / L. Raffin // *Journal of*

Contemporary European Research. – 2007. – Vol. 3(2). – P. 143. – URL: <http://www.jcer.net/index.php/jcer/article/view/38> (date of access: 01.11.2016).

Risse T. Social Constructivism and European Integration / T. Risse // *European Integration Theory*. – Oxford, 2009. – P. 144–160.

Roper S. D. From semi-Presidentialism to Parliamentarism: Regime Change and Presidential Power in Moldova / S. D. Roper // *Europe-Asia Studies*. – 2008. – № 60. – P. 113–126.

Roper St. Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia / St. Roper // *Regional and Federal Studies*. – 2001. – № 3. – P. 101–122.

Roter P., Sabic Z. “New” and “Old Europe” in the Context of the Iraq War and its Implications for European Security / P. Roter, Z. Sabic // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2004. – № 3. – P. 517–542.

Signatories and Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons [Electronic resource] // Federation of American Scientists. – URL: <http://fas.org/nuke/control/npt/text/npt3.htm> (date of access: 30.12.2016).

Silander D., Nilsson M. Protecting and Promoting Europe: The ENP and the Security-Democracy Nexus in Partner States / D. Silander, M. Nilsson // *Journal of Applied Security Research*. – 2014. – № 9. P. 460–477.

Smith K. European Union Foreign Policy in a Changing World / K. Smith. – Cambridge: Polity press, 2008. – 288 p.

Smith M. E. Institutionalization, Policy Adaptation, and European Foreign Policy Cooperation / M. E. Smith // *European Journal of International Relations*. – 2004. – Vol. 10:1. – P. 95–136.

Soft, Normative or Transformative Power: What Do the EU’s Communications with Eastern Partners Reveal About its Influence? / A. Dimitrova [and others] [Electronic resource] // EU-STRAT Working Paper. – 2016. – № 1 (October). – URL: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2017/04/EU-STRAT-Working-Paper-No.-1-1.pdf> (date of access: 04.04.2018).

Spiegel Staff. Putin’s Reach: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans [Electronic resource]. – URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html> (date of access: 07.11.2015).

Szondi G. Public Diplomacy and Nation Branding: Conceptual Similarities and Differences / G. Szondi // *The Hague: Netherlands Institute of International Relation “Clingendael”*. October 2008. – 46 p.

The Bear in Sheep’s Clothing. Russia’s Government-Funded Organisations in the EU. Wilfried Martens Centre for European Studies. – Brussels, 2016. – 85 p.

The EU and Australia Shared Opportunities and Common Challenges. The Australian Institute of International Affairs and the EU-Australia Leadership forum. Canberra, 2017. – 96 p.

The European External Action Service: A Step Change in External Policy for the Union: Delivering on the Promise of the Lisbon Treaty [Electronic resource] – URL: <https://m.contexte.com/medias-documents/2012/03/46c74c4e-4819-4024-9e69-81ee92767029.pdf> (date of access: 18.01.2017).

The European Union, Russia and the Shared Neighbourhood / ed. by J. Gower, G. Timmins. – New York: Routledge, 2013. – 168 p.

The Seventh Framework Programme of the European Atomic Energy Community (Euratom) for Nuclear Research and Training Activities (2007 to 2011) [Electronic resource] // EUROPA – CORDIS: Community Research and Development Information Service. – URL: http://cordis.europa.eu/fp7/euratom/home_en.html (date of access: 30.12.2016).

The State of the European Union. Vol. 7. With US or Against US? European Trends in American Perspective / ed. by N. Jabko and C. Parsons. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 488 p.

The United States and Europe in the Global Arena / ed. by F. G. Burwell and I. H. Daalder. – N.Y.: St. Martin's Press, Inc., 1999. – 308 p.

Tiezzi Sh. China's Silk Road in Europe: Not Just Hungary / Sh. Tiezzi [Electronic resource] // The Diplomat. – 2015. – 9 June. – URL: <http://thediplomat.com/2015/06/chinas-silk-road-in-europe-not-just-hungary/> (date of access: 10.01.2016).

Tocci N. Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and its Global Partners / N. Tocci // Who Is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners. – Brussels: Centre for European Policy Studies, 2008. – P. 1–23.

Transatlantic Governance in the Global Economy / ed. by M. A. Pollack and G. C. Shaffer. – N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001. – 354 p.

Vinod K., Min G. The Evolution of APEC and ASEM: Implications of the New East Asian Bilateralism, University of California. Berkeley. APEC Study Center, 2005. [Electronic resource] – URL: <http://baso.berkeley.edu/pdf/articles/Evolution%20of%20APEC%20and%20ASEM.pdf> (date of access: 15.03.2016).

Walz K. Structural Realism After the Cold War / K. Walz // International Security. – 2000. – Vol. 25:1. – P. 5–41.

Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

Wo in Europa Noch Atomwaffen Gelagert Werden [Electronic resource] // Düsseldorf Nachrichten Aktuell – RP Online. – URL: <http://www.rp-online.de/politik/ausland/wo-in-europa-noch-atomwaffen-gelagert-werden-bid-1.2117345> (date of access: 30.12.2016).

Wolfers A. *Discord and Collaboration. Essays on International Politics* / A. Wolfers. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

Yagland Th. *Bring Moldova Back From the Brink* [Electronic resource] / Th. Yagland – URL: http://www.nytimes.com/2015/08/11/opinion/bring-moldova-back-from-the-brink.html?_r=0 (date of access: 07.11.2015).

Youngs R. *Normative Dynamics and Strategic Interests in the EU's External Identity* / R. Youngs // *Journal of Common Market Studies*. – 2004. – Vol. 42:2. – P. 415–435.

Youngs R. *The EU's Role in World Politics. A Retreat from Liberal Internationalism* / R. Youngs. – London, New York: Routledge, 2010. – 208 p.

Yusuf Sh., Burki Sh. J. *Developing Mongolia* [Electronic resource] / Sh. Yusuf, Sh. J. Burki // *World Bank Discussion Paper*, Washington DC: The World Bank, 1992. – URL: http://www.oefse.at/fileadmin/content/Downloads/tradeconference/Jargalsaikhan_Investment_Treaties_Between_Mongolia_and_EU_states_-_Implications_for_Mongolias_Development_Prospets.pdf (date of access: 12.02.2017).

Zielonka J. *America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires?* / J. Zielonka // *Journal of Political Power*. – 2011. – Vol. 4:3. – P. 337–354.

Zielonka J. *Empires and the Modern International System* / J. Zielonka. – *Geopolitics*. – 2012. – Vol. 17:3. – P. 502–525.

Zielonka J. *Europe as a Global Actor: Empire by Example?* / J. Zielonka // *International Affairs*. – 2008. – Vol. 84:3. – P. 471–484.

Zielonka J. *The EU as International Actor: Unique or Ordinary?* / J. Zielonka // *European Foreign Affairs Review*. – 2011. – Vol. 16:3. – P. 281–301.

Zimmermann H. *Realist Power Europe? The EU in the Negotiations about China's and Russia's WTO Accession* / H. Zimmermann // *Journal of Common Market Studies*. – 2007. – Vol. 45:4. – P. 813–832.

ОБ АВТОРАХ

Агафонов Юрий Геннадьевич, старший преподаватель факультета сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС, г. Санкт-Петербург. Сфера научных интересов: внешняя политика Европейского Союза, авторитарные режимы, процессы демократизации в постсоветских странах, Европейская политика соседства. E-mail: agafonov-yug@sziu.ranepa.ru

Буденкова Анна Валентиновна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика Австралии, отношения ЕС и Австралии, политика средних держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проблемы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. E-mail: anna_budenkova@mail.ru

Игумнова Людмила Олеговна, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета, руководитель проекта «Кафедра им. Жана Монне». Сфера научных интересов: внешняя политика Европейского Союза, нормативная сила Европы, отношения России и ЕС. E-mail: lyudmila.o.igumnova@gmail.com

Лекаренко Оксана Геннадьевна, д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. Сфера научных интересов: трансатлантические отношения, история европейской интеграции, внешняя политика США. E-mail: olekarenko@gmail.com

Лицарева Елена Юрьевна, д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. Сфера научных интересов: история международных экономических отношений, экономическая интеграция стран Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона, общие закономерности и особенности экономических интеграционных процессов.

Михалев Алексей Викторович, д-р полит. наук, директор Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного

университета. Сфера научных интересов: политические процессы во Внутренней Азии. E-mail: mihalew80@mail.ru

Муратшина Ксения Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, доцент кафедры Жана Монне Уральского федерального университета. Сфера научных интересов: внешняя политика КНР, внешняя политика Японии, региональная безопасность в Восточной Азии. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Самутина Ольга Сергеевна, соискатель кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. Сфера научных интересов: внешняя политика Европейского Союза, международные отношения на Южном Кавказе, внешняя политика Грузии. E-mail: olga_samutina@mail.ru

Торопчин Глеб Вячеславович, канд. ист. наук, доцент кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета. Сфера научных интересов: международные отношения, ядерное нераспространение, региональная безопасность, интеграционные процессы. E-mail: glebtoropchin@mail.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич, д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета, руководитель проекта «Кафедра им. Жана Монне». Сфера научных интересов: международные отношения на постсоветском пространстве, политика сплочения Европейского Союза. E-mail: eft@dir.tsu.ru

Фоминых Алексей Евгеньевич, канд. полит. наук, начальник отдела международных программ и проектов, научный сотрудник Центра совершенства им. Жана Монне – SUFEX Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола). Сфера научных интересов: публичная и культурная дипломатия, международное образование, отношения ЕС и России. E-mail: alexfom@volgatech.net

Юматов Константин Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, руководитель Центра европейских исследований КемГУ. Сфера научных интересов: внешняя политика Европейского Союза, международные отношения на Южном Кавказе, внешняя политика Армении и Азербайджана. E-mail: yumatov@list.ru

**Внешняя политика
и международные связи Европейского Союза:
осмысливая роль ЕС в мире**

Коллективная монография

Издательство «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 30.07.2018 г.
Формат 60x84 1/16.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Гарнитура Тип Таймс.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,4. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 0029.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru